

ISSN 0042—8779

ИВЛ

**ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ**

10/95

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

10/95

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИЧЕСКИЙ АРХИВ XX ВЕКА

Материалы февральско-мартовского пленума ЦК
ВКП(б) 1937 года 3

СТАТЬИ

Е. Б. Черняк — История и логика (структура исторических категорий) 29

Н. Лемэтр — Католики и протестанты: религиозный раскол XVI века в новом освещении 44

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

А. И. Козлов — Антон Иванович Деникин 54

В ПОМОЩЬ ПРЕПОДАВАТЕЛЯМ И СТУДЕНТАМ

История и культура народов Азии, Африки и Латинской Америки (с древнейших времен до наших дней). Глава XI (автор — **А. А. Искендеров**); глава XII (автор — **В. П. Титов**) . . . 74

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

В. И. Воронков — События 1980—1981 гг. в Польше. Взгляд со Старой площади 92

Выходит
с 1926 года

ТОО
РЕДАКЦИЯ
ЖУРНАЛА
«ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ»
МОСКВА

ВОСПОМИНАНИЯ

В. К. Иков — Листопад 122

ИСТОРИКИ О ВРЕМЕНИ И О СЕБЕ

Дневник Николая Михайловича Дружинина 137

ИСТОРИОГРАФИЯ

С. И. Жук — Заметки о современной американской историографии 162

В. В. Фарсобин — Готовил ли Сталин наступательную войну против Гитлера? Незапланированная дискуссия 167

Е. С. Яковцев — В. Е. Владыкин. Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов 168

П. И. Пучков — Ю. И. Семенов. Экономическая этнология. Первобытное и раннее предклассовое общество. Части I—III 169

О. Р. Айрапетов — В. Х. Завадский. Человек чести. Адам Чарторыский как государственный деятель России и Польши 1795—1831 гг. 172

С. И. Лучицкая — П. Ю. Уваров. Французы XVI века: взгляд из Латинского квартала 174

Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 года

5 марта 1937 года. Утреннее заседание

А н д р е е в (председательствующий.) Слово имеет т. Маленков, следующий Любченко.

М а л е н к о в. Товарищи, в проекте резолюции по докладу т. Сталина сказано, что «некоторые наши партийные руководители страдают отсутствием должного внимания к людям, членам партии... что они либо хвалят их огульно без меры, либо также огульно, без меры исключают из членов партии тысячами и десятками тысяч».

И это действительно так. Посмотрим, например, с этой критической позиции на работу партийных организаций по проверке и обмену партдокументов. Приведу два факта. Факт первый: при проверке и обмене партдокументов только по мотивам так называемой пассивности было исключено из ВКП(б) 56 тыс. коммунистов. Я тут, кстати, на полминуты отвлекусь и отвечу на замечание, сделанное вчера т. Яковлевым. Он не совсем разобрался в цифрах, которые здесь привел, и неправильно указал на то, что местные организации стали скрывать данные о пассивных. «В статистике, — говорит, — даже исчезла графа о пассивных». Тут явное недоразумение. В действительности дело обстоит наоборот. Здесь присутствуют все активные участники проверки и обмена партийных документов и все могут подтвердить, что именно после выступления т. Сталина на пленуме ЦК об ошибках с исключением из партии местные организации начали по-настоящему учитывать пассивных. (Г о л о с а с м е с т. Правильно!) Можно обвинять местные партийные организации в плохой работе по исправлению ошибок, но отнюдь не в том, что они стали скрывать пассивных. Графа о пассивных не исчезла, наоборот, она по-настоящему появилась после того, как т. Сталин вытащил на свет божий ошибки местных организаций по исключению из партии по мотивам пассивности и сказал тогда же, что на очередном съезде партии он — т. Сталин — имеет предложить внести поправку в устав партии.

Тут я, кстати, скажу, чтобы не возвращаться, что и со второй цифрой вышло недоразумение, когда Яковлев сказал, что сначала была цифра свыше 300 тыс., а потом 266. Тут опять-таки получилось недоразумение, которое связано с тем, что одна цифра была до учета рассмотрения апелляций, а другая — после учета. (К о с и о р. То есть окончательная?) Да, окончательная. Итак, я возвращаюсь к тому, о чем начал говорить, о 56 тыс. коммунистов. Потребовалось вмешательство ЦК ВКП(б), лично

т. Сталина, чтобы партийные организации начали изживать ошибки. Сейчас восстановлено из исключенных по мотивам пассивности 13 тыс. человек. Эта работа, несомненно, не закончена, ее надо продолжать, и исправление ошибок довести до конца.

Ошибки с исключением по мотивам пассивности являются тем более недопустимыми, что многие партийные организации далеко не так скоро, как с пассивными, добрались до действительных врагов партии. Приведу ряд примеров. Начну с Киевской организации. В Киевской партийной организации 450 троцкистов сумели обойти доверчивых руководителей и благополучно прошли и проверку, и обмен партийных документов. Разоблачили их позже, уже после того, как они получили партийные документы. В то же время в киевской организации было исключено по мотивам пассивности 1100 коммунистов.

В Азово-Черноморской организации 500 троцкистов и зиновьевцев получили новые партийные билеты и после этого только были разоблачены как враги партии. В то же время по мотивам пассивности было исключено 2 тыс. коммунистов. В Западной области 177 троцкистов и зиновьевцев получили партийные билеты и после этого были исключены как враги партии. В то же время по мотивам пассивности было исключено 1500 коммунистов. В Днепропетровской организации 169 троцкистов и зиновьевцев получили новые партбилеты и только после этого были исключены как враги партии. В то же время по мотивам пассивности было исключено 1250 коммунистов. Это, товарищи, относится не только к названным организациям, но и многим другим, и даже таким передовым организациям, как Московская и Ленинградская.

В Московской организации 820 троцкистов и зиновьевцев получили новые билеты и после этого были исключены как враги партии. В то же время по мотивам пассивности было исключено 6400 коммунистов. В Ленинградской организации 400 троцкистов и зиновьевцев получили новые билеты и после этого были исключены как враги партии. В то же время по мотивам пассивности было исключено 4600 коммунистов. Как видим, партийные организации с большой легкостью подходили к делу исключения из партии по мотивам пассивности, не умея в то же время своевременно разоблачить подлинных врагов партии.

Факт второй. Многие организации настолько легко подходили к делу исключения из рядов партии, что в порядке исправления ошибок местных партийных организаций, допущенных ими при проверке и обмене партийных документов, обязаны были восстановить в партии 56 тыс. коммунистов как исключенных без всяких оснований. Тут случайное совпадение с цифрой 56 тыс. пассивных.

Вот два факта, которые свидетельствуют о неправильном отношении партийных работников, организаций к членам партии. Как видите, эти факты относятся не к малой группе коммунистов. Если взять исключенных по мотивам пассивности, а также коммунистов, восстановленных как неправильно исключенных, кроме этой группы, то это составит более чем 100 тыс. коммунистов. Как видите, здесь проявилось недопустимо легкомысленное отношение к делу исключения из партии. К каким результатам это приводит, я хочу особенно подчеркнуть на примере некоторых отдельных партийных организаций.

Начну с Донецкой партийной организации. Я беру весь период руководства т. Саркисова с октября 1933 г. по настоящее время. За это время партийная организация Донбасса уменьшилась с 130 тыс. до 78 тыс., то есть на 52 тысячи. За это время исключено из партии в Донецкой организации 35 тыс. и механически выбыло 16 тыс. человек. Сюда входят не снявшиеся с учета и уехавшие, частью оставившие документы, частью не оставившие документов. Как видите, урон для организации весьма значительный.

Задумался ли когда-либо Донецкий обком и т. Саркисов над такими результатами своей работы? Я утверждаю, что нет. А разве не ясно в конце концов, что не большой заслугой партийного руководства является такая громадная, почти на 40%, убыль партийной организации. В то же время

важно отметить, что и при проверке и при обмене партийных документов Донецкий обком не сумел своевременно разоблачить злейших врагов партии, в результате чего 300 троцкистов-зиновьевцев и их пособников получили партийные билеты, сумели обмануть доверчивых руководителей, и, уже после обмена, они были разоблачены как враги.

Вторая организация — Киргизская, за весь период руководства т. Белоцкого, с октября 1935 г. по настоящее время, уменьшилось в своем составе с 14 тыс. членов и кандидатов партии до 6 тыс., то есть убyla на 7,5 тыс. — больше чем на половину. Из них было исключено членов и кандидатов партии 5400, механически выбыло около 1 тысячи. Задумывался ли Киргизский обком и т. Белоцкий над такими результатами своего руководства? Я утверждаю, что нет. (Э й х е. На счет механически выбывших надо крепко нас поправлять.) Возьмем Одесскую организацию. За время руководства т. Вегера с апреля 1933 г. по настоящее время Одесская организация уменьшилась с 61 тыс. до 33,5 тыс. человек, то есть на 27,5 тыс. человек меньше. Исключено за это время из партии 23 тыс. членов и кандидатов партии и механически выбыло 7,5 тыс. членов и кандидатов партии.

В Таджикской организации, сравнительно небольшой организации, за время руководства т. Шадунца, с января 1935 г. по 1937 г., в этой небольшой сравнительно таджикской организации — всего в количестве 5700 человек членов и кандидатов партии — за это время было исключено 2500 членов и кандидатов партии, механически выбыло 400 членов и кандидатов партии. Тут надо подчеркнуть, что наряду с этим большим, огульным исключением из партии т. Шадунц не только не сумел разоблачить троцкистов и зиновьевцев, но, как мы располагаем теперь точными фактами, в ряде случаев оказывал сопротивление этому разоблачению.

Возьмем Казахстанскую партийную организацию. За время руководства т. Мирзояна, с апреля 1933 г. по настоящее время, Казахская партийная организация с 82 тыс. членов и кандидатов партии уменьшилась до 51 тыс., то есть на 31 тысячу. (Реплика Мирзояна не уловлена.) Я убежден, что вы в этих цифрах не разбирались, и поэтому не советую вам оспаривать их. Может быть, они кое-где неточны, может быть, они кое-в-чем не точны, но, во всяком случае, они недостаточно точны для того, чтобы оперировать этими большими цифрами и ставить этот большой вопрос. За это время в Казахстанской партийной организации исключено было 25 тыс. человек и механически выбыло 13 тыс. человек.

В Винницкой партийной организации за время руководства т. Чернявского, с октября 1933 г. по настоящее время, партийная организация уменьшилась с 34 тыс. до 21 тыс., то есть на 13 тысяч. Разбирались ли во всех этих фактах руководители партийных организаций? Я утверждаю, что нет, не разбирались. Как же можно говорить о ликвидации запущенности партийной работы, о воспитательной работе среди членов и кандидатов партии, когда обком проходит мимо таких явлений, когда из партийной организации выходят сотни и тысячи коммунистов, когда из партийной организации исключается четверть, треть и больше всего состава этой партийной организации? Эти факты говорят о невнимательном, нечутком отношении к членам партии, больше того, эти факты говорят о большой запущенности партийной работы. Эти факты полностью подтверждают то, что со всей резкостью подчеркивалось в решениях Центрального Комитета и что говорил и подчеркивал т. Сталин, когда говорил против огульного и валового отношения к коммунистам.

Пора покончить с этими недостатками. Речь идет не только о нечутком, невнимательном, неправильном отношении к членам партии, речь идет не только об отсутствии такого отношения к члену партии, какого требует Центральный Комитет. Речь идет о том, что надо прислушиваться к членам партии, не только учить их, но и учиться у них, у членов партии. Вы помните, как т. Сталин заявил на совещании стахановцев: «Ленин учил, — говорит т. Сталин, — что настоящими руководителями-большевиками могут быть только такие руководители...» (читает). Этот их опыт надо использовать в повседневной практике партийного руководства, как этому учил Ленин и учит т. Сталин.

Это особенно важно теперь, когда политический, культурный уровень, активность, революционный опыт, опыт социалистического строительства членов партии чрезвычайно возросли. Об этом с большой яркостью говорят следующие, например, данные. Я приведу здесь некоторые цифры. За последние 10 лет у нас значительно вырос общеобразовательный и культурный уровень коммунистов. Если в 1927 г. коммунистов с высшим образованием было в партии 9600 человек, то сейчас, в 1937 г., коммунистов с высшим образованием у нас имеется в партии 105 тыс. человек. Если со средним и незаконченным высшим образованием у нас в партии в 1927 г., было 23 тыс. человек, то сейчас, в 1937 г., у нас в партии имеется 267 тыс. человек коммунистов со средним и незаконченным высшим образованием.

Я приведу такие данные. В соответствии с лозунгом партии об овладении техникой мы имеем за последние 10 лет огромное увеличение коммунистов с высшим техническим образованием. В 1927 г. в партии было всего 751 коммунист с высшим техническим образованием. Сейчас, в 1937 г., мы имеем 47 тыс. коммунистов с высшим техническим образованием. Мы имеем в партии, кроме того, 41 тыс. техников, имеющих среднее техническое образование, мы имеем 5 тыс. агрономов с высшим техническим образованием, 4 тыс. агротехников со средним техническим образованием и т. д., и т. д.

Все эти члены партии, значительно поднявшие свой культурный уровень за время выполнения первой и второй пятилеток, овладевшие техническими знаниями, приобрели огромный опыт на конкретных участках борьбы за строительство социализма. И руководителям местных организаций не только в порядке заботы о членах партии, но и в целях использования этого громадного опыта и знаний в повседневной практике своего руководства необходимо уметь внимательно относиться к членам партии, к людям, к работникам. Надо, как этого требует Центральный Комитет, изучать работников, знать, чем они живут и на чем растут. Надо индивидуально подходить, как это записано в резолюции пленума, к членам партии. «Индивидуальный подход составляет главное дело в нашей организационной работе», — так говорит т. Сталин.

Второй вопрос, на котором я хочу остановиться, — это недостатки в практике подбора кадров. Вы помните, как в проекте резолюции по докладу т. Сталина сказано об этом: «В ряде случаев деловой подход к работникам...» (читает). Я думаю, что каждый из присутствующих здесь может восстановить много примеров, иллюстрирующих это совершенно правильное положение. Я хочу иллюстрировать это положение двумя примерами, с оговоркой, что в указываемых мною организациях если не создалась семейка близких людей, то методы их работы создают условия и возможности для этого.

Вот пример первый. Возьмите Татарскую партийную организацию. Известно, что т. Лепа в 1930—33 гг. работал в Узбекистане. В 1933 г. начал работать в Татарской партийной организации, и вот из Узбекистана за ним перекочевали в различное время, но, главным образом, в первый же период руководства его, следующие товарищи, теперь работающие в Татарии: заведующий отделом руководящих парторганов, заведующий промышленно-транспортным отделом, заведующий отделом школ и науки, заместитель заведующего отделом партийной пропаганды, кстати сказать, снятый в Узбекистане с поста заведующего отделом Самаркандского горкома за сращивание с контрреволюционными, троцкистскими, кулацко-байскими элементами, некий Лушников... (читает, кончая словами: «заместитель заведующего торговым отделом Артамонов, ныне арестованный за контрреволюционную вредительскую деятельность».) Больше того, в Татарию из Узбекистана приехали и такие «незаменимые» работники, как комендант дома правительства, который в Самарканде в каких-то там в неблагоприятных поступках был замешан, — Хазин, заведующий гаражом и др.

Я не утверждаю, что в Татарии сложилась артель, но разве не ясно, что такие методы подбора работников, когда многие руководящие посты в аппарате обкома партии заняты работниками, прибывшими вместе с ним из

Узбекистана, из других организаций, эти методы не способствуют укреплению связи и руководства с местным активом Татарской партийной организации и не способствуют выращиванию новых кадров партийных работников. Больше того, они препятствуют разрыванию самокритики в организации.

Возьмем пример второй — Восточно-Сибирскую партийную организацию. Известно, что т. Разумов работал до Восточной Сибири в Татарии, и вот с переходом т. Разумова на работу в Восточную Сибирь, — случайно так вышло, что и Татария и Восточная Сибирь, — за ним постепенно перекочевали многие работники из Татарии. (К а м и н с к и й. Новая Татарская республика.) Паперный — заведующий промышленно-транспортным отделом Восточно-Сибирского обкома, — я не буду перечислять по фамилиям, — заведующий сельскохозяйственным отделом обкома, секретарь Иркутского горкома. Вы заметьте: там секретарь Казанского горкома, а тут секретарь Иркутского горкома, — и вообще перевозящие за собой людей, как правило, сажают секретарем горкома обязательно своего человека, — заместитель председателя крайисполкома, сейчас арестованный, кстати сказать, как участник деникинской контрразведки и член троцкистской контрреволюционной организации, секретарь одного из крупнейших пограничных районов — Ворзинского, сейчас арестован и исключен из партии, выходец из враждебного класса, секретарь Заваринского райкома, секретарь Усольского райкома, инструктор Восточно-Сибирского крайкома, секретарь парткома завода им. Куйбышева. Лерман — я не знаю, он из Татарии или нет, боюсь утверждать, но он в Восточную Сибирь перекочевал вместе с Разумовым и работал здесь до последнего времени представителем Восточной Сибири в Москве, — сейчас арестован как участник контрреволюционной организации. (Г о л о с с м е с т а. Он из Иркутска.) Про Лермана я боюсь утверждать. В Восточной Сибири краевой прокурор — из Татарии, кандидат в члены бюро снят с работы за связь с троцкистами. (Г о л о с с м е с т а. Он работал не в Татарии.) Он работал не в Татарии, а в Орле с вами, в Восточной Сибири работает заведующий отделом пропаганды и агитации, работал с вами в Орле, а из Орла не особенно рекомендовалось брать работников. В Восточной Сибири работает заместителем председателя крайисполкома Марецкий — кандидат в члены бюро, есть сведения, что он принадлежал к троцкистской организации.

Я не хочу опять-таки, товарищи, сказать, что в Восточной Сибири сложилась артель, что все названные товарищи — негодные работники, но, как видите, методы подбора работников не содействуют, как показал печальный опыт Азово-Черноморской и Киевской организации, укреплению связи партийного руководства с партийным активом.

Такие факты мы имеем и по очень многим другим организациям. Вот от таких методов подбора партийных кадров, как я понимаю, следует сейчас решительно отказаться. Надо иметь в виду, что такое массовое перетаскивание людей, раньше совместно работавших в той или иной партийной организации, мешает росту актива данной партийной организации и препятствует выдвижению новых кадров. (Г о л о с с м е с т а. И способствует притуплению бдительности самого руководителя.) Правильно. Так как время у меня, товарищи, мало, я опущу кое-что из намеченного и хочу несколько замечаний сделать о составе наших партийных кадров.

Я беру состав партийных работников, утвержденных ЦК. Их всего 5860 человек. Это так называемая номенклатура ЦК. Наибольшее количество падает на секретарей горкомов и райкомов — 5275 человек, первых и вторых секретарей. Центральный комитет недавно взял кадры секретарей райкомов и горкомов в свою номенклатуру. ЦК ВКП(б) начал утверждение секретарей райкомов и горкомов в январе 1935 года. Утверждая состав секретарей тогда, в январе 1935 г., ЦК признал невозможным оставить в качестве секретарей 770 человек. Дальше, подбор кадров секретарей райкомов и горкомов происходил в ходе проверки партийных документов. Центральный Комитет перед началом обмена партийных документов вместе с обкомами и крайкомами, ЦК

нацкомпартий дополнительно не утвердил еще 630 человек секретарей райкомов и горкомов.

Таким образом, с того времени, когда ЦК ВКП(б) ввел порядок утверждения секретарей районных комитетов, из представленных обкомами, частью вместе с ними, было освобождено от работы 1400 человек секретарей райкомов. И все же после такого значительного отбора секретарских кадров среди секретарей райкомов и горкомов разоблачено 185 врагов партии, в том числе разоблачено троцкистов и зиновьевцев 84 человека, белогвардейцев и кулаков — 18 человек, жуликов — 17 человек, разложившихся — 16 человек и т. д.

Я хочу, товарищи, некоторые данные привести и о других кадрах, не только секретарях райкомов. Вот заведующих отделами областных комитетов партии у нас из 398 учтенных нами было исключено и разоблачено как врагов 35 человек. Тов. Андреев уже сказал, что 23 из них падает на заведующих отделами пропаганды и культурно-просветительными отделами. Я мог бы назвать, по каким краям и областям, но за отсутствием времени не буду называть.

Заместителей заведующих отделами из учтенных 26 человек 13 человек разоблачены как враги партии. Из инструкторов 1620 человек разоблачено как врагов 63 инструктора. Заведующих отделами горкомов из 2031 разоблачено как врагов партии 111 человек. Я хочу назвать, правда, тут не полный учет у нас, но все-таки хочу назвать вам цифру, она, пожалуй, будет полезна, секретарей партийных комитетов и партторгов первичных организаций. Учтено у нас 94145 человек. Это почти все, чем мы располагаем. Тов. Сталин назвал здесь 102 первичных партийных организаций. Разоблачено как врагов 3212 человек, или 3,4% к общему составу партийных организаций. Как видите, товарищи, порядочное количество партийных работников у нас разоблачено. Я не буду приводить данные за недостатком времени по отдельным организациям, хочу только два момента отметить.

Первое — опять-таки по Донецкому обкому. Тут сложилось такое впечатление, вот т. Саркисов выступает второй раз, и на прошлом пленуме и на этом пленуме, и каждый раз подчеркивает, что сам Шаев разоблачен. И складывается такое впечатление, что только один Шаев разоблачен. Это неправильно, там, кроме Шаева, много других разоблачено. Сергеев разоблачен, о котором он почему-то не подчеркнул. Видите, ежели основательно разбираться, то не выйдет так, что вами Сергеев разоблачен. Заместитель Шаева разоблачен, секретарь районного комитета разоблачен, заместитель секретаря райкома, 30 пропагандистов, 49 секретарей райкомов и партторгов первичных организаций, и остальных работников партийного аппарата разоблачено 56 человек.

Я хочу задержать ваше внимание, чтобы остановиться на Вайсберге. Вайсберг был заведующим отделом руководящих парторганов в Донбассе. Потом он был снят с работы, потому что он скрыл свою принадлежность к троцкистской организации. После этого он был перемещен на работу секретарем райкома. Надо сказать, что он пользовался большим доверием у т. Саркисова. Тов. Саркисов помнит, при каких условиях был арестован Вайсберг. Он был арестован в момент выполнения очень ответственного поручения Донецкого обкома. Вайсберг был представителем Донецкого обкома. Они знали, что этот человек имел троцкистское прошлое, и почему-то человеку разоблаченному как скрывшему свое пребывание в троцкистской организации оказывают такое доверие. Вайсберг имел очень крупные политические ошибки. Надо сказать, что вы недооцениваете этого момента. При отчете, когда говорили об итогах обмена партдокументов, вы ни слова об этом не сказали, и на Пленуме вы тоже ничего не говорили, а Вайсберг — это такая гнида, такой отвратительный тип — троцкистский последыш. (Голос с места. Правильно.) Он втерся в доверие партийной организации.

Или взять Харьковскую организацию. Я не знаю, может быть, т. Демченко будет иметь возможность сказать по этому поводу. Я только должен сказать, что там тоже очень много разоблаченных. Об этом здесь

уже говорили. Я хочу только сказать, что когда был Пленум Харьковского обкома, т. Косиор знает об этом пленуме, фактически на Пленуме был поставлен вопрос перед ЦК ВКП(б) и ЦК КП(б)У о привлечении к партийной ответственности Демченко. Демченко до сих пор не понимает, за что он отвечает. Демченко отвечает за Харьковскую партийную организацию, отвечает не в меньшей степени, чем Азово-Черноморский крайком и Киевская организация. (Голос с места. Правильно!) Я не буду останавливаться на теперешнем составе партийных кадров. Порошу мне продлить время на 7 минут. (Голос с места. Продлить!)

А н д р е е в. Продолжайте.

М а л е н к о в. Я упустил вопрос о составе партийных кадров, хотя данные очень интересные. В заключение я хочу обратить ваше внимание на одно обстоятельство, что запущенность партийно-хозяйственной работой сказалась также и в том, что за последние годы обкомы партии не выдвигают перед Центральным Комитетом партии конкретных вопросов партийно-политической работы. Это совершенно ненормальное явление. Секретари — партийные работники, в первую очередь секретари обкомов, концентрируют у себя огромный опыт политической работы и не ставят перед Центральным Комитетом совершенно вопросов партийной работы. Я говорю безо всяких преувеличений. Совершенно не ставят вопросов партийно-политической работы.

Я хочу подчеркнуть следующее обстоятельство, что я говорю не только о каком-нибудь новом вопросе партийно-политической работы, но подчас отсутствуют даже самые основные вопросы о состоянии партийных организаций. Это есть огромный недостаток в партийной работе, и он относится ко всем организациям.

Я хочу привести несколько коллективных примеров. Известно, что совсем недавно прошло утверждение секретарей обкомов партии. Недавно произошла передвижка трех секретарей обкомов: т. Семенова, т. Лаврентьева и Варейкиса. Тов. Варейкис, приехав на ДВК, говорит так: что он не ожидал встретить в ДВК такой запущенности в области партийной работы. Я думаю, что на свежую голову т. Варейкис заметил недостатки, которые не были замечены т. Лаврентьевым. (С м е х.) (Л а в р е н т ь е в. Правильно, я расскажу.)

Вот т. Семенов приехал в Сталинград. (С м е х.) После того, как он познакомился несколько с положением дел, он говорит, что он не ожидал встретить в Сталинграде такой запущенности партийной работы. (С м е х.) Я думаю, что свежему глазу т. Семенова больше заметны такие недостатки, которые не были известны ЦК. Тов. Лаврентьев приехал из Крыма. После того, как он познакомился на месте с положением дел, он говорит: я не ожидал встретить в Крыму такую запущенность партийной работы. (С м е х.) (Я к и р. И главное, все трое говорили правильно.) Я думаю, что т. Лаврентьеву более заметны те недостатки, которые не известны были ЦК. Я рассказал об этом, пользуясь одновременным свиданием и т. Варейкиса, и т. Семенова, и т. Лаврентьева. Имеется ряд фактов, когда руководство крайкомов и обкомов перед ЦК ВКП(б) не ставит всех вопросов о недостатках руководства, такие явления не единичные, наоборот, они многочисленны. Очень важным условием для быстрого устранения недостатков является более критическое отношение к этим недостаткам партийной работы и активная постановка перед ЦК ВКП(б) вопросов о партийно-политической работе.

Вот еще, товарищи, примеры такого не совсем критического отношения к своей работе, фактов, происходящих в организации. Я считаю, что факты, которые я изложу, они неправильно воспитывали кадры. Вот я возьму, например, из Челябинской области. Я не знаю, известно это т. Рындиному. Там есть Шатровский районный комитет партии, там невоспитанное партийное руководство. Известно, что Челябинская обл. получила средства от правительства на приобретение кормов. И вот Шатровский райком партии 5 января 1937 г. в протоколе своем, в решении своем записал об оказании государственной помощи колхозам района

со стороны Челябинского обкома и Кузьмы Васильевича Рындина на приобретение кормов. (Смех, шум в зале.) Я считаю, что это невоспитанная партийная организация. Подумаешь, какая честь — получили от правительства помощь, и вот тебе такая история. (Смех.)

Или вот тот же райком, чтобы показать, что это совсем не случайно. Этот же Шатовский райком в январе месяце записывает в своем решении о выдаче, о вывозе колхозам государственной семенной ссуды, отпущенной обкомом при помощи секретаря обкома т. Рындина. Надо было отменить такого рода решение, нельзя так воспитывать партийные организации, это неправильно. (Косарев. Это не то что неправильно, а отвратительно, антипартийно. Ежов. Это хуже чем неправильно.) Вот я возьму Ярославскую область. Недавно т. Вайнов пришел в отдел руководящих парторганов и заявил претензии о том, что «Правда», орган ЦК партии, неправильно совершенно покритиковала Ярославскую областную конференцию. Мы решили проверить, может быть, думаем, действительно, «Правда» напрасно обидела человека. Послали туда инструкторов проверить. Они привезли такие материалы и документы, которые, когда я показал т. Вайнову, он со стыдом отступил от своего обвинения «Правды». Там было много вещей, телеграмм со всякого рода приветствиями Антону Романовичу, где говорилось: «Антон Романович, приветствую тебя и все проч.» — длинное по своим размерам. (Голос с места. Кто такой Антон Романович?) Антон Романович — это т. Вайнов. (Смех.) Вот такие факты. Я когда рассказал т. Вайнову, он говорит, что это никуда не годится и в связи с этими фактами отступил от обвинения «Правды».

Там есть Красно-Перекопский район. На Красно-Перекопском районном собрании т. Вайнов выступил и в своей речи сказал: «У вас что-то подозрительно тихо». Теперь они собираются на выборы и пишут приветствия т. Вайнову. Они берут это выражение — «У вас что-то подозрительно тихо» — за лозунг. «Это указание т. Вайнова вскрыло...» (читает). А он и сказал только, что у вас что-то подозрительно тихо. (Смех.) Я думаю, что это — результат неправильного воспитания партийной организации.

Вот, товарищи, я хочу привести еще один пример о Казахстане. Тут у меня небольшое, на полсекунды, отступление по поводу Хан Тенгри. Хан Тенгри — это мощный горный массив Восточного Тянь-Шаня на границе Киргизии, Казахстана и Китая. Площадь его 10 тыс. кв. километров. Получил он название по своей вершине — пик Хан Тенгри, что в переводе означает «Царь духов». Это я прочел сегодня в энциклопедии. Это высочайшая точка Тянь-Шаня — 6697 метров. Так теперь нет этого самого Хан Тенгри. Бюро Казахского крайкома 14 сентября 1936 г. переименовал его в пик Мирзояна. (Общий смех.) (Косиор. А как же география? Каганович. Теперь энциклопедию переделывать придется. Жданов. И географические карты все переделаны?) К сожалению, товарищи, это было решено на бюро Казахского крайкома с участием т. Мирзояна. (Смех.) (Гамарник. Это в порядке антирелигиозной пропаганды. Мирзоян. Тов. Маленков, потом это отменили.) Независимо от того, отменили или не отменили. (Ворошилов. В энциклопедии об отмене ничего не сказано?) Нет. (Смех.) Вот, товарищи, я еще хотел один пример привести относительно бакинской организации. (Молотов. Просим, просим. Каганович. Багиров все время напрашивается, а вы не решались.)

Маленков. 27 декабря 1936 г. собирается пленум ЦК, пленум бакинского комитета партии по вопросу об итогах обмена партдокументов. И вот, где, казалось бы, надо развернуть критику итогов работы по обмену и прочее, они на этом пленуме принимают очень большое письмо товарищу Берия в связи с проведением итогов об обмене (Косиор. О недостатках пишут?) Нет, тут сказано о нефти, о том, что — «вторая хлопковая база», что «с твоим именем связан огромный разворот работы по освоению...» и т. д., «...с твоим именем связано создание новых нефтяных промыслов...» (Смех.) «...с твоим именем связана произведенная техническая реконструкция технического хозяйства...» и т. д., очень много сказано. (Антипов. А насчет невыполнения плана по нефти не сказано?) Сказано. Вот я отвечу

на реплику т. Антипова. По этому поводу в письме записано: «Со сталинским мастерством ты привил Закавказью вкус к вопросам хозяйства». (Общий смех.)

Багиров. Тов. Маленков, все же резолюцию мы приняли по итогам обмена?! А это письмо было связано, я сейчас скажу, с чем. Закавказская федерация ликвидируется, мы должны были отметить это дело.

Маленков. Тов. Сталин сказал на 15 съезде партии: «Ежели мы — большевики, которые критикуют весь мир, которые, говоря словами Маркса, штурмуют небо, если мы ради спокойствия тех или иных товарищей откажемся от самокритики, то разве не ясно, что ничего, кроме гибели нашего великого дела, не может из этого получиться?» Я, исходя из этого, все эти факты привожу. (Голоса с места. Правильно!) Тогда я еще один пример приведу, товарищи. В Грузии в августе 1936 г. собирается пленум ЦК Грузии и обсуждает вопрос большой о мероприятиях по дальнейшему укреплению колхозов Грузии. Тов. Берия делает очень обстоятельный, я его читал, обширный и очень интересный доклад. Он помещается, примерно, на семи с лишним полосах газеты, занимает весь номер газеты. Хороший доклад был сделан. Вместо резолюции по докладу принимают следующее предложение: «Доклад т. Берия утвердить. Предложить всем организациям положить его в основу всей дальнейшей работы». Я думаю, это неправильно воспитывает партийную организацию. (Голоса с места. Правильно!)

Маленков. Так вот, товарищи, вопрос об устранении недостатков партийной работы сейчас поставлен как никогда круто. Особенностью постановки вопроса о перестройке партийно-политической работы является то, что она, эта перестройка, ставится под контроль самих партийных масс. В решении предусмотрены такие меры, как выборность, отчетность, закрытое голосование. Все эти меры в сочетании с таким гигантским делом, как намеченная политическая переподготовка кадров, уже в ближайшее время, несомненно, дадут свои огромные положительные результаты.

Андреев. Объявляется перерыв до 6 час. вечера.

5 марта 1937 года. Вечернее заседание

Андреев (председательствующий). Заседание открывается.

Осинский. Прошу слово к порядку.

Андреев. По личному вопросу?

Осинский. Я хочу спросить, когда мне будет предоставлено это слово?

Андреев. В конце заседания. Слово имеет т. Любченко, следующий т. Шверник.

Любченко. Товарищи! В исключительном по своей силе и ясности докладе т. Сталин вскрыл, почему наши руководители партийных и государственных, как он сказал, организаций, не сумели разглядеть контрреволюционных троцкистов и иных двурушников, и развернул перед нами целую программу мероприятий, овладев которыми, мы окажемся достаточно вооруженными для того, чтобы разоблачить подлого, ловко маскирующегося врага и громить его.

В докладе т. Сталин вскрыл наши ошибки и недостатки, связанные с успехами, ошибки и недостатки, рожденные на этапе больших побед и бурного роста социалистического строительства, представляющие, так сказал т. Сталин, теневые стороны наших успехов.

Когда еще и еще раз просматриваешь те девять пунктов, о которых говорил т. Сталин и которых нельзя забывать каждому коммунисту, большевистскому руководителю — в первую очередь, то еще с большей силой ощущаешь, что в руки партийных организаций дана программа борьбы с врагами, за подлинное большевистское руководство социалистическим строительством на значительный период сосуществования двух систем: системы социалистической в нашей стране, победившей пока что на одной шестой части земного шара, и системы капиталистической,

господствующей на пяти шестых частях. Как и следовало ожидать, все вопросы классовой борьбы в современной обстановке стали понятнее, яснее, как понятны и ясны стали задачи для коммунистов Союза Советских Социалистических Республик, и мы с вами оказались более подкованными, более вооруженными.

Товарищи, нужно сказать, что ЦК ВКП(б) в решении от 13 января 1937 г. по вопросу о неудовлетворительном партийном руководстве Киевского обкома и недочетах в работе ЦК КП(б)У ярко вскрыл многие теневые стороны наших успехов, дал нам предметный урок, совершенно правильно взяв для обучения столичную киевскую организацию и ЦК КП(б)У. Я должен на пленуме ЦК ВКП(б) прямо сказать, что вряд ли можно было бы найти другую организацию со столь ярко выраженными ошибками нового типа, как Киевская партийная организация. Позвольте мне на некоторых из этих ошибок остановиться, сделав перед этим краткое замечание по выступлениям Косиора и Постышева.

Тов. Косиор, не желая, очевидно, резко рвать с обанкротившейся вконец линией, делает так, как он говорил, — о том, чтобы не ссориться с т. Постышевым. Он поставил остро ряд вопросов о наиболее грубых ошибках, в частности, в деле подбора кадров, в вопросах зазнайства, хвастовства, саморекламы и подхалимства, и об ошибках, совершенных на одном из самых ответственных и важных участков — на участке идеологическом и культурно-национального строительства. Я бы сказал, что по своей скромности, присущей т. Косиору, он готов принять на себя и свои, и чужие ошибки. Но, к сожалению, такая тактика, как мы убедились в этом на опыте пленума ЦК КП(б)У и, в частности, на опыте пленума ЦК ВКП(б), не позволяет до конца вскрыть механику ошибок и не дает возможности в полной мере извлечь уроки из этих ошибок. На этом пленуме, в частности, эта тактика привела к тому, что т. Постышев произнес речь, соответствующую 10% ошибок, имеющихся в Киевской организации и в ЦК КП(б)У, за который он также отвечает, оставаясь, как правильно сказал т. Кудрявцев, на тех позициях, что страдает он не столько за свои ошибки, сколько в порядке обучения Центральным Комитетом ВКП(б) других партийных организаций. Я прямо скажу: нужно поражаться тому, как мог т. Постышев после Киевского областного актива, проведенного т. Кагановичем, актива, который для нас, членов ЦК КП(б)У, был хорошей школой того, как нужно вскрывать ошибки, как нужно находить корни их, как нужно их разоблачать и как нужно на этом воспитывать партийную организацию... Как мог после такого актива т. Постышев остановиться только на одном Карпове и земельных отделах? Дело не в этом только.

Возьмем такой вопрос, как вопрос кадров. Хотя здесь т. Косиор говорил уже, но я считал бы необходимым перечислить троцкистов, сидевших на ответственной партийной работе, для того, чтобы потом остановиться на том, откуда и каким путем проникли эти троцкисты и как сумели рассеяться и занять наиболее важные участки нашей работы. Я их просто перечислю. Заведующий транспортным отделом обкома — раз, зав. отделом пропаганды марксизма-ленинизма — два, зав. совторготделом — три, зав. отделом руководящих парторганов — четыре, оба зама председателя облисполкома — шесть, областной прокурор, заведующий земельным управлением, заместитель заведующего местпрома и, наконец, до последнего времени работавший редактор газеты. Если к этому прибавить двух помощников т. Постышева Лейбмана и по обкому Фотина, то вы увидите, что букет довольно солидный, чтобы говорить о том, что по существу им принадлежала руководящая роль, а не останавливаться на одном Карпове. Не в этом дело.

К этому букету областного порядка приходится добавить еще букет нашего аппарата ЦК КП(б)У и в особенности руководящих работников культурного фронта. Напомню его, хотя т. Косиор и говорил о нем уже: заведующий отделом пропаганды марксизма-ленинизма Ашрафьян, заведующий отделом науки, зам. заведующего отдела работников руководящих парторганов, а к этому прибавляется еще президент ВУАМЛИН'а, дирек-

тор института Красной профессуры, председатель Союза писателей и т. д. Я не перечислил ряда директоров института: Института историографии, философии и т. д. Как видите, достаточно солидный, компактный букет на основных серьезнейших руководящих постах начиная от отдела партийных органов и кончая идеологическим участком, который для нас на Украине особенно чувствителен, в особенности культурно-национальный участок. Тут я целиком и полностью согласен с т. Берия, который, выясняя значимость этого участка, тут же добавил, что такое значение этот участок имеет для Украины и для других национальных республик.

Действительно, часть этих троцкистов являлась работниками Харьковского обкома еще в прежние годы и была переведена в Киев вместе с другими троцкистами, как Васильковский и др., — для укрепления аппарата Киевской области, как совершенно правильно говорил т. Косиор и другие товарищи. Отчасти из других областей попадали сюда работники в порядке товарообмена. Заместитель председателя Киевского облисполкома был обменян на заместителя председателя Харьковского облисполкома. Тот поехал в Харьков, а этот приехал в Киев, оба оказались троцкистами и в последнее время приехали в Народный Комитет Внутренних Дел.

Если посмотреть на троцкистских контрреволюционных бандитов, если поинтересоваться, как они могли пролезть на эти руководящие посты, расшифровать эту механику, — а мы этой механикой интересовались, т. Косиор подробно разъяснил об этом на пленуме ЦК КП(б)У, — то увидим, что значительная часть этих троцкистов — слушатели института Красной профессуры, советского строительства и права: Дзенис, Ашрафьян, Сараджев, Сазонов. Все они учились в свое время вместе с Постоловской. Экспортировались они начиная с 1934 г. довольно развернутым фронтом и с нарастающей быстротой. А как дело происходило? Это предостережение нам в вопросе о подборе кадров. Сначала пробирается Дзенис, потом он рекомендует Ашрафьяна. (Б е р и я. Выгнанного с партийной работы в Закавказьи.) Выгнанного с партийной работы в Закавказьи. Дзенис рекомендует его, и он довольно быстро без всякой проверки ввозится на Украину и садится на очень ответственный пост. Ашрафьян тянет за собой Сараджева, Сараджев — следующего, и сразу получается десяток троцкистов, рассаженных на самые ответственные посты. Я уже сказал, что они ввозились с такой быстротой и с таким быстрым предоставлением им ответственной работы и немедленного партийного авторитета, что трудно было раскрывать не только партийным работникам, работникам культурного фронта, но и работникам Наркомвнудела, которым пришлось заниматься и в конечном счете их арестовать. Трудно было еще и потому, что Лейбман и Фотин материалы Наркомвнудела читали заблаговременно и, очевидно, информировали о всех перипетиях и о том, как нужно приспособлять свою тактику, приводить ее в соответствие с теми материалами, которые попадают в Наркомвнудел и в другие органы. Вот вам первая группа.

Вторая группа — это друзья Лейбмана. А все вместе они составили такую семейку, о которой хорошо сказано в проекте постановления, что «никакие голоса...» (читает). Я скажу еще больше: все вместе они составили такую семейку, что их голоса не только снизу, но и сверху могли с очень большим трудом прошибить. (Г о л о с с м е с т а. А пробовали?) Не торопите меня, я обо всем расскажу подробно — и о сигналах и о том, пробовали ли. Мы попробовали на примере Лейбмана посмотреть, как шло протаскивание. У меня нет протокола допроса НКВД, но я могу восстановить по памяти; если в чем-нибудь ошибусь, члены Политбюро ЦК КП(б)У меня поправят. Он рассказывает примерно такую простую механику. Я, говорит, как помощник т. Постышева занимался разработкой экономических вопросов и подготовкой черновых набросков речей для выступлений. Для этой работы я привлекал целый ряд своих приближенных ко мне троцкистов, причем приближал их я очень ловко: по окончании работы я всегда представлял их и говорил: вам нравится разработанный раздел о транспорте? Это разработал Раисов, он замечательный работник.

А после этого Раисов выдвигался и получал назначение начальника политотдела Южной железной дороги. Так он рассказал о Брагинском, который пошел заместителем заведующего отделом кадров в Одессе.

Механика, которая еще раз подчеркивает, что ежели подбор кадров передоверишь хотя бы самому тебе доверенному лицу, он тебе наберет такие кадры, которые тебя потом крепко-прекрепко подведут. Так вот я вам скажу, мы — члены Политбюро ЦК КП(б)У, нас все-таки знает не только Украина, а и Союз, почти все мы состоим в составе пленума ЦК ВКП(б), прошли определенную школу. Вы вправе нас спросить: куда это вы смотрели — члены Политбюро? У нас произошло в подборе кадров двойное передоверие. Тут мы, конечно, ответственность несем, и несет ее, в частности, и первый секретарь ЦК КП(б)У т. Косиор, но у нас произошло двойное передоверие в подборе кадров — мы передоверили дело подбора кадров в значительной мере второму секретарю ЦК КП(б)У (я расскажу потом, как мы запутались в нумерации секретарей). (С м е х.) Передоверили второму секретарю ЦК, а т. Постышев передоверил, как это не неприятно, — это дело по очень большой группе т. Постоловской, а с другой стороны, по очень большой группе — Лейбману. (Г о л о с с м е с т а. А где же был третий секретарь?) Вас это особенно интересует? У нас третий секретарь, между прочим, не является решающей силой. Так что он был в составе Политбюро.

Товарищи, можно было, конечно, ошибиться в подборе того или иного работника, его можно проверить, посмотреть, что он из себя представляет, но я должен сказать, что мы допустили сами очень крупную ошибку — эти неправильно подобранные люди у нас возвеличились, приобрели партийный авторитет с неимоверной быстротой, без всякой проверки. Приобрели такой партийный авторитет, который ослеплял не только рядовых коммунистов, а и руководящих, районных и других работников, ибо они рассматривали, что перед ними ортодоксальные носители марксо-ленинской доктрины. Это возвеличивание шло по целому ряду путей. Первый — это кооптация, которая не вызывалась никакими обстоятельствами, и Ашрафьян, Дзенис и Сенченко были кооптированы. Второй — монополия докладов и третий — похвала, неимоверная похвала, кстати и не кстати, совершенно незаслуженная. Тов. Кудрявцев тут говорил, что их называли «большевистской свежей кровью», но их называли и еще больше. Такая похвала была ничем не оправданной и не заслуженной — ни их работой, ни их теоретическими трудами. Вот т. Постышев говорил: если бы Радкова поставить на голосование, парторганизация его бы заголосовала и не избрала, но еще четыре месяца тому назад, когда его попробовали покритиковать, т. Постышев сказал: Радков — это один из крепких большевиков, хороших работников, и у него надо учиться работать.

Конечно, после этих рекомендаций как эти люди выглядят? Они выглядят как особо доверенные, как особо необходимые работники и, конечно, они никем не контролируются, создают то, что они создали при Киевском обкоме, — «скорую помощь по пропаганде», которая состояла из 16 человек, из них 13 человек троцкистов. Вот вам «скорая помощь», только неизвестно, для кого. Вот насчет сигналов.

В проекте резолюции сказано о том, что партийные работники потеряли вкус к идеологической работе. Я вам должен сказать, что это совершенно правильно. И я бы к этому добавил еще одно: что мы иногда недооцениваем, что значит печатное слово. Печатное слово распространяется у нас в колоссальном количестве экземпляров. Ошибка напечатанная не может поправляться канцелярским путем. Если практика, какого-нибудь заведующего коммунхозом можно поправить в кабинете, то того, кто работает на идеологическом фронте, печатает, того надо поправлять, как говорится, всенародно. Иначе эта ошибка будет действовать и дальше. У нас с этим культурно-идеологическим фронтом было следующее. Есть у нас такой журнал, называется «Под знаменем марксизма-ленинизма». Из шести членов редколлегии пятеро оказалось троцкистов, и только одна Постоловская оказалась на свободе. (К о с и о р. Что это значит?) То есть — член партии,

а остальные арестованы. Я об этом говорю. Я только в этом смысле говорю. Пятеро оказалось троцкистов арестованных. Я вам должен сказать прямо, в этом журнале есть груда написанных антиленинских, антисталинских, антипартийных вещей и по крестьянскому вопросу — явно троцкистские установки, и по национальному вопросу. Вот мы этот журнал-то когда-то вытасили. Я сам эти материалы принес т. Косиору, а потом в кабинете т. Постышева мы рассматривали их. Пришли к заключению, что надо их раскритиковать. Условились, что секретариат подберет лиц, которые раскритикуют. Это было в апреле прошлого года. Прошел почти год, что же вы думаете, что-нибудь написано по этому вопросу? Ни одного слова, никакой критики. (С т а л и н. А Попов отказался? К о с и о р. Ему было поручено, а он замахорил.) Я не знаю, кому было поручено. (К о с и о р. Там же условились, что ему поручено.) Нет, условились, что секретариат подберет людей.

Вот второй вопрос. Был такой президент Дзенис. (С м е х.) Ныне арестованный. Собрали ему актив пропагандистов. Делал он инструктивный доклад о Сталинской конституции и разъяснял на этом активе о конституции следующим образом: Вы должны уметь понимать, что такое всеобщее избирательное право по новой конституции, вы должны ее уметь читать. Прежде всего я вам разъясню: попы есть трудящиеся и нетрудящиеся. Трудящиеся — это такие, которые и попы, и работают в советских учреждениях. А второй — в конституции есть такой пункт: кто не работает, тот не ест. Вот по этому пункту мы всех, кого надо, переарестуем, вышлем в Соловки. И вот они получают право голоса. (М е х л и с. Вам полтора года тому назад было сказано, что он ломинадзовец.) Кому вы говорили? Я не помню, мне не говорили. Хотя я не ведаю пропагандой, но я этот факт притащил в ЦК, мы обсуждали его. Когда начали составлять конституционную комиссию, я Постышеву говорил, что Дзениса вводить в комиссию нельзя, потому что введение его в комиссию равнозначит апробации этого антипартийного утверждения. Договорились. Уехал я из Москвы, приезжаю, узнаю, что конституционную комиссию утвердили и Дзениса также. Такие вещи делать нельзя. На них надо поправлять, на них надо учиться. А если по семейственности такие вещи замажешь, тогда на идеологическом фронте и будешь иметь нарастающий прорыв.

Перехожу к основному значению нашего культурно-национального фронта и положению там. Я должен сказать, что культурный фронт — это троцкисты развалили такой системой подхалимства, которая граничит с разложением культурно-национального фронта. Я вам скажу, что этой системой они не только подхалимничали, но и, безусловно, мобилизовали народ против нас и дискредитировали руководство — это для меня совершенно ясно.

Я остановлюсь на некоторых фактах. В моих руках тезисы Академии Наук ВУАМЛИН, разосланные за подписью директора института Академии Наук им. Шевченко, затем там идет подпись Тычина — беспартийный академик. Я прочту эти тезисы. Академия, кстати сказать, находится при СНК. Тезисы рассылались 21 декабря 1936 г., курс истории украинской литературы, том второй: пути развития украинской литературы — по Постышеву. Дальше — восстановительный период, первый этап украинской литературы, тоже по Постышеву. Затем — советская литература, тоже по Постышеву. Период социалистической реконструкции — второй этап украинской литературы — по Постышеву. Второй пленум союза писателей — речь т. Постышева.

Я поинтересовался, позвольте, Академия Наук, такое солидное учреждение, по какой-то схеме может писать развитие украинской литературы. Оказывается, что это Сенченко и Осипчук — два троцкиста составили эти тезисы в порядке подхалимства и приперли в Академию. (С т е ц к и й. Это, чтобы нас дискредитировать.) Академия, конечно, голосует и этим самым дискредитирует нашу партию и т. Постышева. Тов. Молотов говорил, что враг смеется над руководителями, и призывал устыдиться хотя бы этого смеха. Это вызывает не только смех, но иногда мы попадаем в очень глупое положение.

Второй факт. (В о р о ш и л о в. А если бы по существу они не были бы разоблачены, как бы вы проводили эту работу?) Я вам скажу, как проводили. Они проводили, потому что эта банда писала только тезисы. После всего они решили проголосовать, потому что из этого ничего не выйдет. (С т а л и н. Вы обвиняете опять Попова? К о с и о р. До некоторой степени — да.) Вот второй вопрос. Опять-таки я сказал бы — троцкистский бандитизм на культурном фронте. Есть такая писательница Левитина, написала она пьесу, которая называется «Наступ». (Г о л о с с м е с т а. «Наступление».) Вывела она там действующее лицо — руководителя обкома, фамилия которого — Дорош. Представила эту пьесу в Украинский драматический театр. Эту пьесу рассмотрели с точки зрения художественной, она никчемная. Там обратили внимание, что неправильно показана роль Дороша. Что после этого получается? Председатель Союза советских писателей всем вам небезывестный теперь Сенченко присылает записку народному артисту Юра, где пишет, что такое желание Павел Петровича, что в пьесе под ролью Дороша выступает Павел Петрович. Но народный артист несмотря на эту записку ответил ему своей запиской, что он считает, что, очевидно, этот Сенченко клеветает на Постышева, и он не может принять пьесу, так как она антихудожественная, театр ее поставить не может. Я должен сказать, что беда тут состоит в том, что т. Постышев некстати вмешался в художественную литературу, это дало им возможность на этом деле злоупотреблять.

Конечно, устав нашей партии не воспрещает писать художественных, беллетристических вещей ни одному секретарю обкома. Но я, между прочим, в истории не знаю ни одного крупного деятеля, который дополнил бы свою автобиографию художественной литературой. Тов. Постышев написал две вещи. (Я р о с л а в с к и й. Маркс стихи писал. Сталин. В молодости, а потом бросил.) Тов. Постышев написал две вещи — «Горе Марфы» и «Талка». (С т а л и н. У вас Политбюро существует? Что оно смотрело?) Существует, я сейчас скажу. Было произведение «Горе Марфы». Я не берусь давать оценку с точки зрения художественной об этом произведении, а также давать оценку о втором произведении — «Талка». Оба эти произведения занимают ровно один печатный лист. Но что характерно? Это, между прочим, относится и к ведомству Косарева. Вокруг этого произведения устраивается целая свистопляска и комсомола и Союза писателей. Наша комсомольская газета помещает такой материал, посвящает целый номер этому произведению, в частности в одной статье, «Волнующие страницы», пишет... (ч и т а е т). Вслед за тем 30 марта 1936 г. она публикует следующее: «Черниговским областным комсомолом проделана большая работа по проведению литературного дня...» (ч и т а е т.).

Потом публикует постановление бюро ЦК ЛКСМУ, которое подхватывает почин комсомола Черниговщины. Газета расписывает литературные утренники, где главным образом обсуждаются литературные произведения т. Постышева. Потом она помещает заметку «Застрельщики культуры в колхозах»: «Из самых далеких уголков приходят телеграммы и запросы прислать произведения т. Постышева «Горе Марфы» и «Талка», Гоголя «Мертвые души», Шолохова «Тихий Дон» и др.» (С м е х.) Больше того, устраивают чтение по радио. И вот т. Мититенко выступил на активе. Крупнейшие драматурги и писатели делаются чтецами по радио этих произведений Павла Петровича Постышева. И последнее. (Г а м а р н и к. Ты еще о Политбюро должен сказать.) Я одно впечатление хочу привести для того, чтобы сделать вывод.

А н д р е е в. Кончайте, т. Любченко.

Л ю б ч е н к о. Хорошо, если не говорить о песне, с которой получился конфуз, я буду короток. Я говорю, что при такой обстановке трудно говорить о большевистском воспитании литературных кадров, культурных кадров, в частности, молодых украинских кадров. Но я должен сказать, что воспевают же не зря, не впустую, а для того, чтобы самим воспользоваться этим для прикрытия своих же ошибок. Если посмотреть центральный орган «Коммунист», редактором которого является Попов, то мы там увидим,

что сначала пишут о том, что Сенченко отметил выдающуюся роль Поста-ловской, затем отметил выдающуюся роль Дзениса, а потом ловко этот троцкист ставит вопрос о Постышеве для того, чтобы это использовать. Он говорит так: «В этой борьбе руководил нами непосредственно П. П. Постышев, он просто нас за руки водил, посылал, куда нужно направлять удар, где наш самый слабый участок». Одним словом, разverteвает такую картину, что всякий читающий центральный орган поймет, «как мы, дескать, действуем и по чьим указаниям». (Чубарь. А когда это было?) В 1935 году.

Насчет того, где было Политбюро. Я должен сказать такую вещь. Как я уже сказал, у нас произошла некоторая путаница в нумерации секретарей ЦК, это не подлежит никакому сомнению, мы спутали, где первый и где второй секретарь. (Голос с места. А третьего совсем потеряли? Акулов. Как вы могли спутать? Ну когда рядовые члены партии спутали — это понятно, а вы как могли спутать?) Я бы тебя спросил, как ты путал в НКВД. (Смех. Акулов. Ты сейчас на трибуне, ты за себя говори.) Я про себя скажу. (Акулов. Ты сам хвалебные оды пел Постышеву не так давно.) Я тебе так скажу, Иван Алексеевич, насчет моих хвалебных од. Если ты спросишь Постышева, то он от них с удовольствием откажется и хвалебными не признает. (Постышев. Смотря когда, в какой период. Смех. Акулов. Я не защищаю Постышева, но где вы были?) Вот я вам скажу, где мы были, почему мы путали и почему нельзя дальше путать.

Я скажу такую вещь. Ходом вещей, как вы знаете, у нас получилось на Украине такое положение. Вы знаете, что в 1931—1932 гг. ЦК КП(б)У допустил ряд крупнейших ошибок и в сельском хозяйстве, и на культурном фронте. Эти ошибки мы поправили с целой группой присланных из ЦК товарищей на основе указаний ЦК ВКП(б). Не подлежит никакому сомнению, что когда мы поправляли эти ошибки, то мы правильно тогда говорили и о Постышеве, и о других товарищах, и о т. Балицком, и о т. Попове. Мы совершенно правильно в первый период говорили об их роли в исправлении этих ошибок, но это вовсе не значит, что исправлял эти ошибки только Постышев. (Постышев. Правильно.) Мы все работали, не меньше работал т. Косиор и все Политбюро. (Обращаясь к т. Постышеву.) Ты говоришь — правильно, но тут и получилась путаница, связанная уже с таким раздуванием отдельных персон, на которое ЦК КП(б)У и Политбюро не давали никаких санкций, в частности искривление роли отдельных товарищей, хотя бы Павла Петровича, в газетах. Я не буду их демонстрировать.

И вот, в ходе вещей, получилось так, что первый секретарь был безусловно отодвинут... (Багиров. Кем?) И второй секретарь по сути чувствовал себя больше первым секретарем, чем т. Косиор. (Сталин. Да, такое впечатление получалось и у нас в Москве.) Да это же факт. Но кто виноват? Я думаю, что и т. Косиор виноват, и все Политбюро в целом. Но в чем беда заключается? Должен сказать, что я и сейчас боюсь, что т. Косиор тоже еще не совсем чувствует себя первым секретарем, и я скажу, такое у меня впечатление, не знаю, как у других членов пленума, но мне кажется, что и речь т. Косиора на пленуме ЦК ВКП(б), она была очень связана, он сказал, примерно, на 50% меньше, чем ему нужно было бы сказать как вступившему в обязанности первого секретаря ЦК КП(б)У, под руководством которого мы будем работать. (Смех.)

Тов. Косиор говорил в своей речи следующее: случилось так потому, что мы не хотели сориться. Его с места спросили: с кем? Он сказал: с т. Постышевым. А выходит, без ссоры нельзя руководить таким большим делом? Чем это объясняется? Тов. Постышев на пленуме ЦК, на первом, на втором и здесь, на пленуме, все время обращается к историческим экскурсам. Если он говорит о том, как привез Килерога в качестве его помощника, он обязательно начинает с того, что в 1932 г. ЦК КП(б)У допустил ошибки.

Я не против исторических экскурсов. Исторические экскурсии — полезная вещь, если они во-время приводятся для заострения вопроса на ошибках, которые имеют место сейчас. Но если эти экскурсии все время

направлены к тому, чтобы замазать нынешние ошибки, и для того, чтобы продолжать травлю первого секретаря, который, конечно, допустил вместе с нами большие ошибки, но и вместе с нами боролся над их исправлением, это уже неправильно. Такие экскурсии ничего, кроме вреда, не принесут. И нельзя нам, политическим работникам, строить свои отношения немножко, я бы сказал по-обывательски.

Тут должно быть исключительно партийное отношение, а с такими семейными отношениями, с таким гнилым подходом, когда каждое деловое расхождение трактуется как какая-то несработанность и т. д., ничего не выйдет. (Сталин. С точки зрения того, как бы кого не обидеть. Неправильно это.) Конечно, неправильно. С этим нужно покончить и, в частности, в Политбюро ЦК КП(б)У. (Каганович. Тов. Любченко, вы не ответили на вопрос т. Сталина насчет Политбюро ЦК КП(б)У как коллектива. Вы говорите о двух секретарях, но не говорите о Политбюро как о коллективе, в том числе и о себе как члене Политбюро. Вы все это видели. Где вы были, почему не ставили этого вопроса?) Лазарь Моисеевич, я не хочу изображать из себя Вовы королевича, но если вы меня лично тянете... (Каганович. Нет, скажите все-таки о Политбюро как о коллективе. Сталин. Он был молодым членом Политбюро, и ему трудно было размахиваться.) Если уж говорить насчет того, трудно ли было мне размахиваться, то и Косиор, и Постышев подтвердят, что если приходилось спорить, то больше всего приходилось спорить со мной и по вопросам идеологическим, и по вопросам о людях, и по вопросам журнала (Сталин. Были споры?) Да, конечно. Тов. Косиор подтвердит, что мы иногда спорили, хотя и у него в кабинете, но спорили так, что небу было жарковато. Это факт. Но не об этом идет речь.

А если говорить о всем Политбюро, я сказал, Лазарь Моисеевич, что много было добрососедских, семейных отношений вместо организации работы политического коллектива, где взаимоотношения строятся на принципе большевистской критики и самокритики. Вот т. Сталин сказал здесь: Серго наш друг, мы его любим, он нам дорог, но истина нам дороже. Я скажу, что не все члены Политбюро в отношении критики ошибок стояли на этой позиции. Вы задаете вопрос, но я бы мог ответить вам, как говорят в Одессе, на вопрос вопросом: вы присутствовали на первом заседании Политбюро, когда вы занялись раскачкой критики? (Каганович. Когда?) После решения ЦК от 13 января. (Каганович. Да, и, слава богу, немного раскачал.) То есть в тот период, когда ЦК ВКП(б) дал нам в руки все возможности для развертывания критики невзирая на лица. Вы как член Политбюро ЦК и как секретарь ЦК, выступая у нас, констатировали, что большинство членов Политбюро оказались не на высоте, чтобы сразу развернуть эту критику. Правильно? (Каганович. Верно.) Если они не оказались на высоте в вашем присутствии, после решения ЦК ВКП(б)... (Общий смех.) так я думаю, что я ответил по существу на ваш вопрос. (Смех всего зала).

Я сказал, что Украина занимает особое положение и с точки зрения националистов и троцкистов и с точки зрения внимания немецких и польских фашистов, то есть основных наших врагов на западе.

Я вам должен прямо сказать, что, кроме того, что речь т. Сталина дала нам программу, как я уже сказал, на целый период нашего социалистического строительства во взаимоотношениях единственной нашей Страны Советов с капиталистическим миром, для каждого из нас этот Пленум был такой школой, которую вряд ли заменят те шестимесячные курсы, которые мы будем принимать по проекту постановления Пленума ЦК. Мы отсюда уйдем подкованными теоретическим, умудренные опытом и приложим все свои силы, всю свою большевистскую настойчивость, чтобы на этом ответственном фронте нашей Украинской партийной организации выполнить все указания Пленума как в области партийной, хозяйственной и культурной работы.

Андреев. Слово имеет тов. Шверник.

Шверник. Товарищи, несмотря на то, что по докладу т. Сталина

выступают исключительно руководители партийных организаций, я считал необходимым выступить как работник профсоюзов. Думаю, что это не внесет никакого противоречия в обсуждения поднятых в докладе т. Сталина и в проекте резолюции вопросов, во-первых, потому, что анализ состояния партийной работы, данный в докладе т. Сталина, относится к работе каждого коммуниста, где бы он ни работал, и, во-вторых, потому, что критика, развернутая в докладе т. Сталина и в прениях по докладу, еще в большей степени относится к состоянию работы и деятельности руководящих работников-коммунистов в профсоюзах.

Здесь т. Молотов и т. Ежов говорили о том, что в партийных организациях имеются нарушения партустава: кооптация, отсутствие выборности и т. д., то я должен здесь прямо, со всей откровенностью сказать, что профорганизации находятся в еще худшем состоянии. (К о с а р е в. Почему пленума ВЦСПС целый год нет?) Вредители-диверсанты из троцкистской банды, также правые реставраторы капитализма вели работу в профсоюзах; благодаря нашему преступному благодушию и благодаря преступлению нашей бдительности им удалось захватить руководство в важнейших организациях и использовать его в своих преступных целях. (С т а л и н. Кому удалось захватить?) Сейчас скажу. Вот мы имеем такой случай. В Донбассе в ЦК коксохимической промышленности на протяжении ряда лет работал троцкист Вильборг. (С т а л и н. Захватил?) Этот Вильборг ЦК союза держал в своих руках. (С т а л и н. Захватил?) Да. И так как он тесно был связан с Логиновым, получалось то: что бы на заводе не происходило, ко всему тому, что говорили рабочие, относились пренебрежительно, не обращали внимания на указания рабочих о недостатках, эти указания профорганизациями не подхватывались, и Вильборгу удалось проводить разрушительную работу как в низовой профорганизации, так и в ЦК союза. Я, например, должен сказать, что ВЦСПС проверил работу этого Центрального Комитета в начале 1936 г., и там вскрыты были безобразные явления. Рабочие жаловались фабзавкому, жаловались Центральному Комитету, приезжающим работникам из Центрального Комитета о том, обратите внимание, что что-то у нас неблагополучно. Вот не работает, скажем, вентиляция и отравляет здоровье рабочих. Необходимо принять меры к тому, чтобы вентиляция работала. А не хватало для пуска вентиляции пустяков. Однако мимо этого проходили профсоюзные работники и фабзавком, и центральный комитет союза. Или другой возмутительный факт. Там имеется баня, в этой бане имеется 14 рожков душа, семь рожков не работает в течение ряда месяцев. Рабочие ходили в дирекцию, в фабзавком, но никто на это внимания не обратил, хотя никаких затрат на исправление этих рожков не требовалось. Баня там на 35 человек, и имеются всего три тазика для мытья. Ночная смена никогда горячей воды не имела. Женщины тоже жалуются. Обратите внимание, пустяковые затраты требуются, чтобы привести в порядок. Но никто на это не обращал внимания. Когда созвали пленум ЦК союза, обсудили вопрос, вскрыли эти безобразия, и после этого они были устранены. Но все-таки в течение ряда лет Вильберг систематически вел свою разрушительную работу на предприятиях.

Возьмем второй факт, который тоже характеризует ВЦСПС. Я имею в виду Котова. Котов перешел работать в ВЦСПС в связи с ликвидацией Наркомтруда и передачей социального страхования в ВЦСПС. Здесь мы тоже допустили ряд крупнейших политических ошибок. Мы, конечно, знали, что из себя представляет Котов, знали его как человека, который в прошлом был правый. Но мы не сумели расшифровать в практической работе Котова как вредителя, как человека, который разрушал работу по социальному страхованию. Котов в показаниях говорит, что он сорвал отчетность, что он растрачивал сотни миллионов рублей в Соцстрахе. Я должен сказать, что страховые кассы при Наркомтруде находились в хаотическом, ужасном состоянии. (Е ж о в. При ВЦСПС не лучше стало.) Я должен заверить, что в ВЦСПС лучше стало. Если мы прохлопали бандита Котова, то это вовсе не говорит, что у нас хуже стало. Правильно, что здесь Котова мы укоротили. Чем? Он когда к нам пришел, то хотел

чувствовать себя хозяином, каким он был в Наркомтруде. Мы лишили его права подписывать денежные документы. Он нам оказал решительное сопротивление на Секретариате ВЦСПС вплоть до того, что в отставку подавал, потому что это сужало базис его вредительской работы, но мы его заставили работать. (С м е х.) Мы в порядке партийной дисциплины подтвердили свое решение, заставили его делать то, что нам нужно, то есть секретариату и президиуму ВЦСПС, предложили ему работать. Таким образом, несомненно, что здесь мы сделали большую ошибку. В чем эта ошибка выражалась? В том, что мы его не разоблачили как вредителя и смотрели на него как на правого, который себя достаточно в свое время дискредитировал, но не разоблачили его как вредителя.

Теперь вот относительно того, лучше ли стало или хуже. Стало, несомненно, т. Ежов, лучше тем, что мы эти территориальные кассы, которые находились в отрыве от рабочих и которые направо и налево разбазаривали эти средства, теперь мы эти кассы перевели непосредственно на предприятия. Таким образом мы связали социальное страхование с предприятиями. Я считаю, что дело социального страхования в настоящее время лучше поставлено, потому что здесь мы если еще и не достигли того, что нам нужно, но во всяком случае у нас имеются тысячи людей, рабочих контролеров, которые контролируют выдачу пособий. Так что с этой стороны есть достижение, но я не об этом хочу сказать, я хочу сказать о том, как мы промышляли, не разоблачили Котова — вот как вопрос стоит.

К примеру сказать, когда Котов перешел в ВЦСПС, он сразу начал вводить практику, которую он имел в Наркомтруде, — там направо и налево разбазаривались деньги по различным институтам, таким образом растрачивались сотни тысяч рублей. Деньги выдавались ряду институтов, в том числе Институту курортологии Наркомздрава и др. Котов нам предложил, чтобы мы отпустили деньги этому институту, чтобы мы выписали на 1935 г. около 200 тыс. руб. этому институту. Тогда я потребовал от него: позвольте, вы говорите, что давали программное задание Институту курортологии, чтобы он разработал ряд проблем в области строительства санаторий и т. д., и когда начали на секретариате спрашивать, что делал институт, то оказалось, что там Данишевский сидел, получал деньги из территориальных касс, а сам палец о палец не ударил для того, чтобы выполнить этот первый пункт тех заданий, которые ему давались. (К а м и н с к и й. В делах ВЦСПС, в безобразиях ВЦСПС виноват Данишевский.) Я не хочу сказать, что виноват Данишевский, но я хочу сказать, что в работе курортологии он участия не принимал, брал деньги из Наркомтруда и ни черта не делал.

Мы прекратили выдачу этих денег. (Г о л о с а с м е с т. Может быть, вы скажете, сколько денег затратили? О работе профсоюзов расскажите, почему вы плохо работали?) Я для этого и вышел на трибуну, чтобы рассказать о работе профсоюзов, и эта работа социального страхования — это и есть неотъемлемая часть работы профсоюзов. (Г о л о с с м е с т а. Только часть.) Теперь другой вопрос — это вопрос относительно... (з в о н о к п р е с е д а т е л я). (Г о л о с а с м е с т. Он еще не начал. Продлить на пять минут. Придется еще этот вопрос обсуждать особо.) Теперь я бы хотел остановиться и на других вопросах — о работе ряда наших центральных комитетов, которые тоже имели в своей среде троцкистов.

Например, возьму классового врага в Азово-Черноморском крайкоме — ЦК почтовых работников, там сидел Кокуевский, председатель крайкома [?] — это бывший юнкер, участник батальона смерти, защитник Зимнего дворца, активный троцкист, участник контрреволюционной группы на Ростовском телеграфе, Бабуркин — заместитель председателя и целый ряд других людей, которые занимались вредительской контрреволюционной деятельностью. То же можно сказать про дорпрофсоюз Ворошиловской дороги, где из 11 человек президиума допрофсоюза — шесть человек троцкистов сидело. Так что все эти факты свидетельствуют о том, что у профсоюзных организаций не было достаточно бдительности для разоблачения этих контрреволюционных врагов.

Затем следующий вопрос. Были и такие председатели ЦК союзов, которых мы вынуждены были снять, и ЦК партии нам разрешил сделать это. Мы вскрыли такие факты как пример с председателем ЦК союза городских предприятий Скомороховым, который совершенно разложился в бытовом отношении, тратил профсоюзные деньги не на те нужды, на которые они давались, и частично на личные надобности. То же самое Внуков, председатель ЦК союза консервной промышленности.

Но, товарищи, за последнее время по предложению т. Сталина был проведен ряд крупнейших мероприятий, имеющих целью разукрупнить профсоюзные организации. И вот здесь мы совершили большую ошибку. Когда мы провели разукрупнение, у нас было 47 ЦК, а сейчас мы имеем 165 ЦК, казалось бы, сразу после разукрупнения надо было произвести перевыборы, собрать съезды, произвести перевыборы на заводах, на фабриках и таким образом освежить состав работников ЦК союзов. Вместе с тем на основе развертывания самокритики и профсоюзной демократии можно было бы вскрыть те недостатки, о которых я уже говорил. Мы этого не сделали. Мы здесь пошли по такому пути, что соответствующие ЦК, к примеру, скажем, угольщики, разукрупнились на три ЦК — по Донбассу, по угольной промышленности Центрального района и затем по Востоку. И вот мы разукрупнили ЦК и не произвели перевыборов. И это очень пагубно отразилось на работе профсоюзной организации сверху донизу. Не произвели перевыборов и этим самым содействовали тому, что эти контрреволюционные элементы в профсоюзных организациях в целом ряде случаев свили гнездо и развили свою вредительскую работу.

Затем еще другой факт, который имеет большое значение. Я имею ввиду то, что такая массовая организация, как профсоюзы, которая, казалось бы, больше всего должна опираться на работу непосредственно добровольческого актива, мы в этой области не все сделали. Мы имели очень большой, громоздкий платный профсоюзный аппарат, который очень часто был стеной между широкими массами и таким образом отгораживал возможность самокритики профсоюзного аппарата. И это тоже нанесло громадный ущерб работе профсоюзов. Но теперь, после решения ЦК об отмене отчислений на содержание фабрично-заводских комитетов, мы здесь провели работу. Я должен сказать, что мы на 52% сократили платный аппарат. Но как производилось сокращение этого платного аппарата? (К о с а р е в. Вы сокращаете библиотекарей и физкультурников, а свой платный аппарат не сокращаете.) Мы сократили на 52% платный аппарат, профсоюзных работников. Задели, конечно дело, здесь и клубных работников. (К о с а р е в. А ЦК вам давал директиву платный профсоюзный аппарат сокращать, а не библиотекарей.) Тов. Косарев, если ты хочешь слепо встать на защиту тех работников, которые баклуши околачивают в клубах, это неправильно. К примеру — Сталинский клуб. Там свыше 100 человек платных работников. Так прикажете эти 100 человек, которые баклуши околачивают, оставить там? Нет, мы не хотим этого делать. Мы этот платный клубный аппарат свели тоже к минимуму. Но это не значит, что мы ликвидируем библиотечных работников, которые являются непосредственными работниками в клубе. Но, конечно, это большое дело — сократить на 52% платный аппарат, может быть, кое-кого и сократили.

Теперь, товарищи, я, заканчивая, хотел бы сказать следующее: если в резолюции и по докладу т. Жданова и в проекте решений по докладу т. Сталина намечаются перевыборы партийных организаций, то я считаю, что эти перевыборы необходимо провести в профсоюзных организациях. (К а г а н о в и ч. Тайным голосованием?) Насчет тайного голосования я не знаю. (С м е х. Г о л о с с м е с т а. Испугался.) Насчет тайного голосования у нас вносили предложение. Но я не знаю, в свое время нам т. Сталин разъяснял, что вы являетесь профсоюзной организацией. Я считаю, что это было бы неплохо. Можно выборы провести тайным голосованием (С м е х.) Я считаю, что это очистит наши ряды от бюрократических элементов, теснее свяжет нас с широкими массами и даст возможность профсоюзным организациям приблизиться к массам, даст возможность поставить работу профсоюзов так, как этого требует от нас партия.

Жданов. Слово имеет т. Угаров.

Угаров. Товарищи, вопрос извлечения уроков из террористической, шпионской вредительской деятельности троцкистских фашистов и других двурушников занимает главное место в работе настоящего пленума. Постановка и обсуждение этих вопросов на пленуме имеют громадное значение для нашей партии, для всей страны и для международного коммунистического движения, ибо без освоения до конца всех уроков контрреволюционной работы японо-немецких и троцкистских агентов нельзя успешно двигать вперед дело строительства социализма в СССР, дело международной пролетарской революции.

Тов. Сталин в своем докладе на основе глубокого марксистско-ленинского анализа внутренней и международной обстановки нашей борьбы для строительства социализма в данный период развернул с исчерпывающей полнотой уроки, вытекающие из контрреволюционной деятельности троцкистских вредителей, двурушников-диверсантов, раскрыл тактику и приемы их работы, показал пути и способы, как их искоренить. Особенно важное значение имеет предостережение т. Сталина об опасности, связанной с успехами. О том, что атмосфера успехов насаждает самодовольство, самоуспокоенность, беспечность, и эта опасность, о которой не раз предупреждал Центральный Комитет и т. Сталин, все еще плохо усвоена и мало осознана всеми массами и особенно нами — партийными руководителями.

Она рассматривается подчас не столько как реальное существо, имеющее глубокие корни в самой жизни, и это требует большевистского настойчивого упорства для того, чтобы их преодолеть. В нынешних условиях недооценка этой опасности становится гибелью и особенно теперь, так как наши успехи велики. И поэтому сопротивление остатков разгромленных врагов и борьба против этих врагов приобретает исключительное значение. Эта борьба принимает ожесточенный характер. Враги прибегают к различным способам и средствам — к террору, вредительству, шпионажу и диверсии.

А между тем несмотря на злодейское убийство Сергея Мироновича Кирова, несмотря на последующие предостережения ЦК, несмотря на уроки процессов над троцкистско-зиновьевским центром, над объединенным троцкистским центром, нам все еще не хватает ликвидировать собственную близорукость. Я хочу остановиться на некоторых примерах из деятельности ленинградской организации за последние два года, после убийства Сергея Мироновича Кирова, чтобы показать, насколько тут происходит дело беспечно в ущерб политического воспитания и кадров, и всей массы.

Злодейское убийство Сергея Мироновича Кирова вскрыло ослабление революционной бдительности в ряде наших партийных организаций, обязало нас больше, чем какие-либо другие организации партийные, извлечь со всей полнотой уроки, вытекающие из этой злодейской деятельности троцкистско-зиновьевской банды, развернуть самокритику по выявлению недостатков партийно-политической работы. На этот счет мы имеем указания ЦК нашей партии. Под руководством т. Жданова наша партийная организация начала немедленно проводить большую и серьезную работу по извлечению уроков из злодейского убийства Сергея Мироновича Кирова. Мы погромили белогвардейцев, помещичьи охвостья, окопавшиеся у нас в Ленинграде, начали разгром контрреволюционных троцкистских элементов.

Но следует сказать, что не все товарищи осознали необходимость извлечения уроков, они не только не хотели поднять организацию на освоение уроков, вытекающих из злодейского убийства Сергея Мироновича Кирова, но сами стали переходить к текущим вопросам — к заготовке овощей, к заготовке дров, к выполнению промфинплана и т. д. Убийство Сергея Мироновича Кирова некоторые из руководящих товарищей представляли себе как неприятное нарушение спокойной жизни и проходили мимо огромной работы, чтобы воспитать партийную организацию и по настоящему вскрыть все недостатки.

Второй факт. Мы недавно обсуждали недостатки президиума Ленинградского совета. Казалось бы, уроки злодейского убийства Сергея Мироновича Кирова, разоблачение после этого контрреволюционной работы троцкистов и двурушников были вполне достаточными для того, чтобы нанести сокрушительный удар беспечности и благодушию, и, тем не менее, беспечность и благодушие имели место. Отсутствовала острая политическая постановка вопроса, процветала семейственность, отсутствовали принципы большевистской самокритики. Это были самые главные недостатки в работе Ленинградского совета, председателем которого был т. Кадацкий, а также эти недостатки имели место в коллективе, который входил в состав президиума Ленинградского совета.

Мы знаем, что враги народа, они сейчас разворачивают вредительскую деятельность не только в области промышленности, сельского хозяйства и железнодорожного транспорта, они ведут свою подрывную вредительскую работу и в городском хозяйстве. И если мы сегодня имеем в городском хозяйстве такое положение, что там как-будто все благополучно, мы не видим там разоблаченных вредителей, то это объясняется тем, что наша городская работа не развернута на боевой политический лад. И мы не обеспечили благодаря этим качествам Ленинградского совета, о которых я говорил, воспитания кадров и не нашли способов двигать дело городского хозяйства и городского строительства.

Между тем есть сигналы, которые заставляют рассматривать целый ряд крупных недостатков в области городского хозяйства Ленинграда не как с точки зрения недостатков, не устраненных в работе, а как такие факты, которые должны заставлять нас подумать над возможностью проникновения врагов как на вредительские вещи. Например, программа жилищного строительства из года в год не выполняется. А сейчас имеются сигналы по отдельным предприятиям, например, химический комбинат, на котором работал один из подручных Ратайчика. На химическом комбинате была деятельность вредителей по срыву жилищного строительства. Это один факт, но мы можем вскрыть таких фактов много, если будем больше копать эту работу. Возьмем транспорт, там строят 100 вагонов, а по 200 вагонов в год спускают, потому что разложено дело ремонта вагонотрамвайного парка. В такой отрасли нашей работы, как снабжение и торговля. Мы только сейчас принимаемся за то, чтобы всмотреться в недостатки, в которых зачастую может действовать враг, ибо сейчас примеры, которые имеются по другим областям и по нашей области, заставляют смотреть за состоянием работы в области нашей городской жизни.

Партийные аппараты райкомов и обкома были засорены либо контрреволюционными троцкистско-зиновьевскими элементами, либо людьми, которые не способны обеспечить боевое проведение в жизнь линии и директив нашей партии. У нас особенно пораженными в смысле засорения вредительской и контрреволюционной деятельностью оказались два райкома, это — Выборгский райком, в котором секретарем был т. Смородинов, и Василеостровский райком, где секретарем был т. Волчик. В Выборгском райкоме засела группа троцкистско-зиновьевских двурушников, в Василеостровском райкоме на кадрах был в течение ряда лет враг, который был тесно связан с контрреволюционной террористической группой Академии Наук. В аппарате городского комитета, товарищи, мы должны были снять и снять с работы сейчас зав. промотделом. Этот зав. промотделом входил в состав бюро горкома — Светиков. Имеются данные, что он является активным участником контрреволюционной организации правых. В составе инструкторов мы имели врагов, которых мы удалили из аппарата во время обмена, а впоследствии арестовали как активных участников контрреволюционной террористической организации.

Теперь о недостатках, больших и серьезных недостатках в обстановке партийной работы в нашей Ленинградской парторганизации, о тех самых крупных и больших недостатках, которые ослабляют революционную бдительность, снижают политическую прозорливость и у кадров партийных работников, и политическую прозорливость всех членов партии. Этим

недостатков мы имеем немало, и эти недостатки стоят на пути создания организации, организации настоящей, действенной, революционной.

Товарищи, за неимением времени, я кратко остановлюсь на этих самых недостатках. Кооптация. Мы счастливо тут избежали неприятностей, связанных с кооптацией по райкомам, потому что год тому назад провели разукрупнение районов и в связи с этим провели конференции и на них — выборы райкомов. Но кооптация у нас крепко сидит в первичных партийных организациях, и это зло отнюдь не меньшее.

Я назову один особо возмутительный пример того, куда ведет эта кооптация. В ноябре 1936 г. в Электропроме (Фрунзенский район) был назначен новый директор и состоялись перевыборы завкома. Партком решил вывести двух рабочих — Стельмаха и Зайцева — из состава парткома и взамен их кооптировать туда нового директора и председателя завкома с тем, чтобы в составе парткома был представлен треугольник.

Относительно элементов администрирования, чрезвычайно опасных для дела нашей партийной работы. Мы у себя в партийной организации вскрыли, и об этом говорил т. Жданов, треугольники, которые сложились в целом ряде организаций в систему органов руководства. При наличии таких треугольников, где директор, секретарь парткома, председатель завкома тесно связаны между собой, фактически предрешают все вопросы, наперед определяют решения по всем вопросам, конечно, нет возможности развернуть настоящим образом самокритику и нет настоящей постановки и организации партийной работы.

Я уже не говорю о том, что в практике нашей работы имеют место те элементы парадности и шумихи, которые резко осуждает и резолюция, предложенная пленуму, и которые осуждали выступавшие здесь товарищи. Я только должен сказать, что эти элементы парадности, шумихи, хвостовства, возвеличения руководителей, подхалимства, искажающие отношения между руководителями и партийными организациями, а также партийными массами, — такого рода элементы сейчас стали получать распространение не только в отношении руководителей партийных организаций к членам партии, но они получают распространение и в области отношений наших партийных организаций с беспартийными. Приведу только один пример: секретарь парткома на рабочем собрании, где присутствует тысяча рабочих, выступает с докладом по VIII съезду Советов, и вот как редакция газеты изображает это выступление. Она цитирует из доклада: «В условиях нашей артели рабочий класс с большой любовью слушал доклад секретаря парткома т. Черемхина...» (ч и т а е т). Это уже элемент фальши, грубо искажающий отношение нашей партии к рабочему классу, к трудящимся, он, как видите, вторгается и сюда.

И последний вопрос — это вопрос о наших партийных кадрах. Если брать кадры наших хозяйственных, культурных и прочих руководителей, то мы с вами как руководители на местах часто допускаем либерально-примиренческое отношение к известным нам недостаткам, деловым и политическим недостаткам этих хозяйственных руководителей. Мы зачастую успокаиваем себя такого рода рассуждением: конечно, на партийную работу мы бы этого человека ни за что не взяли, а на хозяйстве, на культуре, в научно-исследовательском институте как-нибудь сойдет. Оказывается, не сходит и не сойдет! И здесь, в практике подбора кадров, проверки их работы, нужна очень серьезная и большая поправка.

Еще вопрос о такого рода кадрах, как кадры идеологического фронта. Мне думается, что здесь задачу в известной степени надо ставить несколько иначе, чем задачу, которая стоит перед нами в отношении хозяйственных, партийных и советских кадров. В самом деле, мы имеем в основном преданные делу партии хозяйственные кадры. Тов. Сталин говорит о том, что их надо политически подковать, и это решит все. Если брать идеологический и теоретический фронт, нам нужно наново, как партия создавала свои кадры техников, инженеров для промышленности, наново поставить задачу создания высоко квалифицированных идеологических кадров воинствующих большевиков, которые будут бороться за дело партии на

теоретическом фронте. Засоренность здесь была исключительная. Причем дело складывалось до поры до времени так, что по существу мы успокаивали себя ложным и небольшевистским рассуждением о том, что их нечем заменить. Надо создать свои кадры для идеологического фронта, и это решит задачу.

Несколько слов в отношении наших партийных кадров. За это дело мы беремся по указанию ЦК как следует. Кое-что в Ленинграде начали делать. Создали городскую школу, в которой обучаются секретари парткомов без отрыва от производства. Создали такие же школы в районных организациях. Но крупнейшим недостатком дела подготовки кадров является то, что мы плохо обучаем наши партийные кадры искусству организационного и политического руководства и подчас передоверяем их подготовку пропагандистам, оторванным от живой практики и придающим всему делу подготовки кадров схоластический характер.

Самим руководителям партийных организаций надо взяться за это дело, чтобы оно получило настоящий большевистский размах и настоящее большевистское содержание. Тов. Сталин говорил, что нам все еще не хватает готовности ликвидировать беспечность. Я думаю, товарищи, что воля для того, чтобы скорее устранить крупнейшие недостатки, которые вскрыл т. Сталин в своем докладе, воля у нас есть, и мы приложим все силы, всю настойчивость, чтобы устранить все эти недостатки как можно скорее, выполнив указание т. Сталина, и в области партийной работы, и в области воспитания кадров, и подъема партийной работы, ликвидацию нарушения выборности, создавая действительный демократизм, добьемся всячески выполнения тех указаний о революционной бдительности, которые не раз делал нам Центральный Комитет. (С т а л и н. Правильно.)

А н д р е е в. Слово предоставляется т. Полонскому.

П о л о н с к и й. Товарищи, в выступлениях на пленуме ЦК т. Молотова, т. Ежова, т. Жданова и т. Андреева совершенно правильно указывалось на нетерпимое положение в наших профсоюзных организациях. Выводы, сделанные т. Сталиным в его докладе и в проекте резолюции Пленума, относятся ко всем организациям, в том числе и к профсоюзам. Не раз уже указывалось профсоюзным органам, что они за последние годы извращают директивы партии, остаются как-бы в стороне от большой дороги нашего социалистического строительства — взять хотя бы, например, стахановское движение — и переживают своеобразный кризис начинания от ВЦСПС. Это ведь какое-то провинциальное захолустье и политическая затхлость. (С м е х.)

Я не могу здесь нарушить регламент и остановлюсь коротко на трех существенных моментах. Первое. Когда при помощи ЦК ВКП(б) в 1929 г. руководящие профсоюзные органы были очищены от правых, от Томского и компании, последние сумели в рыхлом и громоздком аппарате ВЦСПС, многих ЦК союзах и местах профорганизациях сохранить своих явных и скрытых приверженцев, что особенно важно при тред-юнионистских методах и навыках работы, которые много лет прививались к профсоюзному аппарату. Томский был настолько хитрым врагом партии, что сумел уничтожить архив ВЦСПС так, что в настоящее время нет возможности установить полный список не только целого ряда работников, которые были связаны с ним и с ним работали, но в список 93-х, которые голосовали на 8 съезде профсоюзов против ввода в президиум ВЦСПС т. Кагановича.

Дальше, когда произошло слияние ВЦСПС и Наркомтруда, предполагалось, что профсоюзы сумеют переварить и исправить отрыв от масс Наркомтруда, всю его тред-юнионистскую практику, не только его, но и его местных органов, а также предполагалось, что ВЦСПС подчинит себе наркомтрудовские кадры. Нельзя забывать, что наркомтрудовские кадры сколачивал ближайший сподвижник Томского Шмидт, а после него Наркомтрудом долгое время руководил троцкист-двурушник Угланов. Эти кадры были чрезвычайно засорены, и практика Наркомтруда ничем не отличалась от тред-юнионистских методов профсоюзов. Однако перед слиянием ВЦСПС и Наркомтруда большевистская бдительность не была

проявлена, и в дальнейшем не профсоюзы подчинили себе Наркомтруд, а получилось, пожалуй, наоборот, и, хотите вы или не хотите, Наркомтруд взял их в плен. (Н и к о л а е в а. И тебя в том числе?) И ВЦСПС. (Н и к о л а е в а. И тебя в том числе?) Не спешите, я скажу об этом.

Тред-юнионистские методы в профсоюзной работе и бюрократические навыки в профсоюзном аппарате усилились и способствовали его дальнейшему отрыву от широких масс, а на руководящих постах долгое время оставался бывший руководитель Соцстраха, ныне арестованный террорист-вредитель Котов, который, видите ли, просил освобождения, но его в порядке партийной дисциплины заставили работать. Зам. директора научно-исследовательского института профдвижения Антошкин — бывший редактор «Рабочей Москвы», правый, ближайший друг Угланова, исключен из партии. Не знаю, арестован ли, а если не арестован, то почему. Заведующий охраной труда ВЦСПС перешел к нам, ныне арестован Цыбульский, редактор журнала по страхованию Милютин и целый ряд других людей. Вот как дело обстояло, да и до сих пор обстоит с аппаратом.

Второе, что я считаю весьма существенным, — это недостаточный политический уровень и отсталость как руководства ВЦСПС, так и ряда ЦК союзов, не говоря уже о низовых органах профсоюзов. Это руководство не отвечает весьма выросшему политическому уровню широких масс, тем более, что многие из руководителей профсоюзов давным-давно засиделись, ко всему привыкли, притерпелись, даже к дворцу труда, средневековому зданию с его темными коридорами, где люди бродят, как мрачные тени, даже в этом дворце люди находят большое удовольствие годами сидеть. (Общий смех всего пленума. Г а м а р н и к. Здание, между прочим, очень хорошее.) Оно большое, но его надо реконструировать.

Президиум ВЦСПС — это же притча во языцех. Это очень странное учреждение. Я объясняю такое состояние этого учреждения тем, что туда никто из руководителей нашей партии последние полтора-два года не заглядывал. По деловой подготовке, по элементарному порядку, по культуре элементарной — у нас имеется ряд колхозов, где дело обстоит только не хуже, а может быть, даже и лучше (Общий смех.) Никакой дисциплины, никакого порядка — никакого уважения такой орган заслужить у масс не может. (Ш в е р н и к. А ты только на охоту ездишь и ни черта не делаешь. Ты хоть об этом расскажи в порядке самокритики.) Я знал, что будет реплика о том, что я лично делаю, на эту реплику у меня есть ответ. (Смех.) Вы не волнуйтесь, т. Шверник, у нас семейственности с вами не должно быть. (Общий продолжительный смех.)

Руководящие работники ВЦСПС и многих профессиональных союзов годами работают на холостом году, оторвались от масс, погрузились в текучку и плывут в бумажно-бюрократическом потоке, потеряв всякий вкус к широкой массовой политической работе, забыв о всякой выборности и отчетности перед массами. Но я думаю, что не все забыли об этом, и если ввести тайное голосование, то, пожалуй, многих из таких руководителей не выберут. (М о л о т о в. Вы нам скажите, в чем заключались ваши личные попытки улучшить дело.) У меня есть на это ответ. (Смех.) Массобоязнь стала хронической болезнью многих профсоюзников. Неудивительно, что многие руководители ВЦСПС и ЦК профсоюзов среди широких масс не имеют уважения, им не помогают не только потому, что не хотят помогать, — некому помогать. Не знаю, будет ли преувеличением сказать, что многие руководящие профсоюзники по сути дела сейчас потеряли в работе большевистскую перспективу и способность воспитывать, воодушевлять на выполнение директив партии свой актив.

В ВЦСПС бесплодные попытки возведены до геркулесовских столбов. Вы возьмите Шверника и Вейнберга — они, как близнецы, ходят по всем представительствам, заседают, или потому, что они неразлучные, или потому, что они друг другу не доверяют (Смех. Ш в е р н и к. Почему ты два года жалованье получаешь и ничего не делаешь?) Нет элементарного порядка в тех вопросах, которые разбираются. Решения по этим вопросам неизменно запаздывают, и в общей каше не дают никакого результата,

зачастую будучи политически выхолащенными, и даже дезориентируют местные организации. Вот, допустим, в январе месяце 145 вопросов рассмотрено на всех этих заседаниях. (Каганович. А вы были на этих заседаниях?) Вы меня извините, Лазарь Моисеевич, но у меня есть порядок, и я по порядку буду говорить. У меня есть ответ на этот вопрос. (Голос с места. Ты заранее знал, что тебе зададут этот вопрос. Вейнберг. Полонский, почему ты два года получаешь жалование и ничего не делаешь?)

Полонский. Я скажу, вы не волнуйтесь, у нас с вами семейственности никакой быть не может. Я приведу два примера из работы ВЦСПС. Первый — по вопросу о знаменитых этих растратах на Украине средств социального страхования. Действительно, многомиллионнейшие растраты. Разбирается этот вопрос в ВЦСПС с большим опозданием, выносятся десятки дележеских резолюций уже даже после процесса, где констатируется все это. (Шверник. Это мы — ВЦСПС — вместе с ЦК КП(б)У вскрыли эту растрату.) Вот это постановление ВЦСПС. О чем оно говорит? Если его прочитать — это действительно курам на смех. По первому вопросу постановления по политическому вопросу ВЦСПС постановляет: «1) Установить не реже одного раза в год документальную ревизию. 2) Установить, что ревизионные комиссии всех профорганизаций должны производить ревизии. 3) Считать необходимым повысить роль главных бухгалтеров (читает).

Ни одного политического момента нет. И не в этом даже дело. Даже это чепуховское, несерьезное постановление, оно совершенно дискредитируется. Чем? Сама-то ревизионная комиссия ВЦСПС пять лет ни разу не собиралась, никаких касс не ревизировала и ничего не делала. (Вейнберг. Что ты за два года делал в ВЦСПС? Голос с места. О себе скажите. Говорят, вы много телеграмм рассылаете.) Я отвечу, есть у меня ответ на это.

Андреев. Ответы на вопросы дайте и кончайте.

Полонский. Я прошу десять минут. В ряде профорганизаций, в первую очередь в ВЦСПС, прочное гнездо свила себе круговая порука, семейственность, самый низкопробный подхалимаж, способствующий потере бдительности, мелкобуржуазному перерождению отдельных членов партии, что также использовали всемерно классовые враги. (Голос с места. Декларация!) Об этом не раз писала «Правда». Я хочу обратить внимание на одно выступление «Правды», которое называлось «Парторганизация ВЦСПС», оно вскрыло всю гниль, которая там имеется. Там говорилось относительно похождения Богоявленского — первого помощника т. Шверника. Здесь уже говорилось, что может делать помощник, — он же был начальником штаба и секретарем партийной организации. (Акулинушкин. Хороший работник.) Я думаю, что никуда негодный работник, и вы зря его держите на партийной работе, т. Акулинушкин.

Очень жаль, что «Правда» не довела до конца это дело, потому что это касалось не только секретаря партийной организации ВЦСПС, но и секретаря райкома — Никиты Сергеевича Водкова, который зажимал самокритику. А вот еще подбор работников. Заведующий ИНО ВЦСПС, тоже помощник Шверника, Жариков, он ездил с ним в Донбасс, помогал Швернику при чистке партии, составлял и редактировал материалы и его выступления, состоял в кружке Богоявленского. При проверке партдокументов Шверник спасал этого Жарикова, а он теперь разоблачен как троцкист и арестован. Помощник секретаря ВЦСПС Аболина тоже троцкист, арестован. Целый ряд бундовцев и меньшевиков сидел в научно-исследовательском институте ВЦСПС. Во главе ВСЦИТ сидят бывшие левые эсеры, они приспособились, чувствуют себя хорошо. В ряде секций при ВЦСПС имелись и до сих пор еще имеются контрреволюционные элементы, которые используют свое положение для контрреволюционной работы.

Здесь т. Шверник говорил относительно платного профсоюзного аппарата. Какой же это профсоюзный аппарат? Все членские взносы составляют в два-три раза меньше того, что стоит один только этот платный аппарат. Это факт, я могу это подтвердить, у меня на этот счет имеются

детальные подсчеты. Я могу привести пример по ЦК бумажников. Вся сумма членских взносов за 1936 г. составляет 1400 тыс. руб., а расходы на содержание платного аппарата — 3336 тыс. руб. И этот платный аппарат будет обеспечивать демократию и внимание к члену профсоюза? Конечно, нет. [...]

Теперь я отвечаю на вопрос относительно себя. Я был послан на работу в ВЦСПС против своего желания и против желания т. Шверника. В первый период я все же старался добиться каких-либо положительных результатов, в частности по физкультуре, которую мне поручили, начал разворачивать как следует быть. (Ворошилов. Вот вы прочитайте эти несколько штук телеграмм. Сталин. Очень интересное дело. Голоса с мест. Читай, читай!) «Горьковский автозавод имени Молотова... (читает)... из Советского Союза». (Голоса с мест. Читай, читай дальше!) Подпись «Секретарь ВЦСПС Полонский». (Голоса с мест. Читай подпись!) Подпись — Полонский. Я много рассылал таких телеграмм. (Голоса с мест. Читай дальше!) «Красное Сормово Горьковского края... (читает)... вам и вашей семье». А что тут плохого? (Голоса с мест. Читай дальше!) Я рассылал такие телеграммы товарищам, с которыми я лично был связан, у которых я был на квартире, когда был в Горьком, Белоруссии и целом ряде мест, только рабочим, ничего от них не требовал. (Сталин. А при чем тут секретарь ВЦСПС, раз это личное дело? Ворошилов. Сколько денег потратили на эти телеграммы? Голос с места. Сколько подарков раздавал за счет ВЦСПС?) Это мои собственные деньги. (Ворошилов. Это исключительно семейные телеграммы. Голос с места. Сколько он подарков раздавал за счет ВЦСПС?) Я раздавал стахановцам книжки и думаю, что это совсем неплохо. Если стахановец придет в ВЦСПС, и я ему дам книжку, то в этом нет ничего плохого, потому что никто никогда хорошего слова не слышал от руководства ВЦСПС. Почему же мне нельзя это сделать?

Относительно физкультуры. Я этим делом занялся, но, видно, ни Шверника, ни Вейнберга физкультурники не встречали, как встречают вождей, не встречали барабанным боем, и поэтому Шверник решил снять с меня это дело и взять на себя руководство. Поручили мне охрану труда. (Шверник. Развалил.) Выгнал оттуда старых наркомтрудовцев, выгнал старые чиновнические тредюнионистские кадры. Как не трудно, при помощи Промотдела ЦК привлек к работе большое количество молодых инженеров. Как только разработал этот вопрос, это не понравилось руководству. Несмотря на то, что комиссия работает в ЦК по перестройке профсоюзной работы, запретил напечатать, напечатал только отдельную книжку. Серго, правда, напечатал в газете «За индустриализацию». (Молотов. Тов. Полонский, правда-ли, что вы уже шесть месяцев не ходите на работу в ВЦСПС? Шверник. Не ходит шесть месяцев на работу. Не подчиняется никакой дисциплине, и просишь, чтобы тебя освободили.) Я и теперь заявляю, что ни на одно заседание не ходил и ходить не буду. Не могу я, товарищи. Добиваюсь того, чтобы меня освободили, чтобы меня сняли, потому что работать так совершенно бесполезно. (Берия. Все же решением ЦК вы не освобождены от этой работы.) Не могу быть формальным человеком, хочу работать по-настоящему, а этой возможности для меня там нет.

Я кончаю. Я несколько не сомневаюсь, что работа настоящего пленума ЦК ВКП(б), его постановления и доклад т. Сталина, имеющий совершенно исключительное значение для жизни нашей партии, быстро дадут свои результаты. (Берия. А решению ЦК не подчиняешься.) Я прошу Центральный Комитет партии, чтобы решение ЦК о новой перестройке, которая разрабатывается, было бы принято ЦК в ближайшее время. Это решение поможет навести настоящий большевистский порядок в профорганизации. (Гамарник. Но пока не снят, надо работать.) Побудьте в таком положении, и вы сами поймете. (Сталин. Мы его не можем считать недисциплинированным человеком. Очевидно, нам очень трудно работать.)

Андреев. Объявляется перерыв.

(Окончание следует)

История и логика (структура исторических категорий)

Е. Б. Черняк

Зададимся вопросом: чем отличается логическая природа математического понятия, допустим, «прямоугольный треугольник», от исторического понятия, например, «латиноамериканская республика», если отвлечься от их несравнимости по своему содержанию и отсутствию общих признаков. Оба понятия отражают предметы внешнего мира, под которыми логика понимает все вещи, их свойства, отношения между ними, процессы и явления природы, общественной жизни, психической деятельности людей, включая и результаты абстрактного мышления. Однако, если следовать формальной логике, то при логических действиях над математическим понятием возможно получить заключения истинные и к тому же являющиеся новым знанием, в то время как достигнуть такого же результата при оперировании понятием «латиноамериканская республика» невозможно. Попытка вывести из него формально правильное заключение, что в этом государстве правит народ, по существу своего содержания — ложно. Легко привести примеры военной или тоталитарной диктатуры в латиноамериканских республиках.

Конечно, можно найти черты сходства многих математических понятий с понятиями общественных наук. В рамках той же истории существуют понятия, близкие по характеру с математическими (например, понятия-термины). И тем не менее, исследователь никогда не решится осуществлять над историческими категориями такие логические действия, которые постоянно практикуются в операциях над различными видами математических понятий. Почему же законы формально-логического мышления могут в действиях над историческим и категориями привести к ложным заключениям? И что нужно сделать, чтобы законы и нормы формальной логики при применении их в историописании приводили не к ложным, а к правильным выводам? Вопрос этот специально не изучался; он лишь бегло затрагивался в связи со спорами о различии исследовательских приемов в истории и естественных науках, индивидуализирующих и генерализирующих методов образования понятий.

Мы намерены в данной статье поставить эту проблему. При этом мы не рассматриваем вопрос о трансформации, претерпеваемой содержанием исторических категорий при переходе их из научного в обыденное сознание.

Черняк Ефим Борисович — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

Мы не можем здесь касаться и концепции постмодернистов (М. Фуко, Ж. Дерриба, и др.), согласно которой содержание слов, означающих определенные понятия («текст»), целиком зависит от «контекста» и эти слова являются лишь кодами, используемыми людьми, принадлежащими к одной культуре и остаются непонятными для представителей других культур.

С точки зрения содержания, историческое понятие, отражающее предмет или явление, делает приблизительным наличествующие в нем две совокупности признаков. Во-первых, это четкие и исчерпывающие признаки, составляющие его определение, а также другие отличительные или неотличительные существенные признаки (совокупность А). Вторую совокупность (В) составляют признаки, считающиеся несущественными; от них абстрагируются признаки совокупности А, а также и те, что отражают не самый предмет или явление, а необходимые условия их существования и функционирования (временные и пространственные ограничения приложимости и взаимоотношения совокупностей А и В и пр.). Именно совокупность В и ее отношения с совокупностью А делают данное историческое понятие приблизительным. Разнородность содержания совокупности В порождает разные направления этой приблизительности.

Множество научных категорий можно расчленить на два подмножества: 1) точных понятий с четко очерченным и исчерпывающе определенным содержанием; 2) приблизительных понятий, имеющих неопределенное содержание, в результате чего они могут быть и неотличимыми или нечетко отличимыми от других понятий. Эта приблизительность является прежде всего результатом неограниченности самой действительности, не могущей вследствие этого быть адекватно отражаемой исключительно в точных понятиях. Приблизительность возрастает по мере возвышения уровня абстракции. Можно даже ввести коэффициент приблизительности, отражающий уровень этой абстракции, чтобы на высшей ступени последней превратиться в собственную противоположность — т. е. в точные понятия, подобно части понятий математики, физики и некоторых других наук.

Приблизительность может порождаться и другими причинами, в особенности воздействием человеческого фактора, отражаемого внешне в идентичных элементах понятия, но оказывающихся на деле совершенно различными. От приблизительных понятий следует отличать неясно сформулированные («расплывчатые») понятия. Нужно упомянуть и понятия, которые обозначают один и тот же предмет, но в понимании разных научных школ имеют различное содержание (их можно назвать «неоднозначными» понятиями — омонимами). Наряду с этим существуют разные словесные обозначения одного и того же понятия или явления «Путешествие Колумба в 1492 г.» и «Открытие Америки»; «Взятие Бастилии» и «Начало в 1789 г. революции во Франции»).

Приведем в качестве примера категорию «локальная цивилизация». Это — приблизительное понятие, поскольку входящие в него элементы, не имеющие точно определенных границ, охватывают в пределах определенной территории всю бесконечную действительность. Вместе с тем это и расплывчатое и неоднозначное понятие, поскольку его границы определены рыхло, неясно (пределы национального государства, ряда государств), как и временные рамки существования, субординация входящих в него слоев исторического процесса и динамика этой субординации, когда эта цивилизация являлась (если являлась!) частью более широкой — континентальной и мировой цивилизации и т. д. и т. п.

Разумеется, центральное значение для установления характера категории имеет ее приблизительность, которая принципиально отличается по своей природе от расплывчатости и неоднозначности. Расплывчатость и неоднозначность в отличие от приблизительности относятся только к эпистемологическому аспекту данной категории, не имеющему прямого прообраза в реальной действительности. Рыхлые (расплывчатые) и неоднозначные понятия могут быть или не быть приблизительными. Путем конкретного исследования их содержания возможно устранить эту расплывчатость и неоднозначность, но они останутся приблизительными, если

такowymi были. Приблизительное понятие принципиально невозможно (по крайней мере, поскольку речь идет о категориях гуманитарных наук) превратить в точное. Любые суждения и умозаключения, включающие приблизительные понятия, становятся по своей логической природе приблизительными.

Нечеткие, рыхлые понятия могут быть таковыми из-за неспособности науки на современном уровне ее развития избавиться от этих качеств. Само определение понятия может с необходимостью включать признак нечеткости, особенно в отношении хронологических рамок его приложимости. Поэтому следует различать приблизительные понятия, являющиеся таковыми по своей природе, и определяемые с помощью приблизительных понятий. Например, понятие «июльская монархия во Франции» — понятие приблизительное, лишенное, однако, рыхлости, поскольку оно четко определяет фиксируемое явление. Напротив, понятие «просвещение» не является и не может быть четким, с однозначно определенными хронологическими границами. Это приблизительное определение с помощью приблизительного понятия.

В данной связи целесообразно высказать некоторые соображения касательно логической природы аксиоматических суждений. Известно, что аксиомы гуманитарных наук не имеют такого самоочевидного характера, который присущ аксиомам математики, физики и естествознания. Это происходит в результате того, что последние, в отличие от первых, могут быть проверены опытным путем, что миллиарды раз и однозначно подтверждает истинность вытекающих из них следствий. Такое однозначное подтверждение (а во многих случаях подтверждение вообще) невозможно получить для аксиом гуманитарных наук. Вдобавок, вытекающие из них следствия, противоречащие часто интересам различных социальных групп, отвергаются последними. Этим же обстоятельством, а также неоднозначными результатами изучения следствий постулатов гуманитарных наук объясняется то, что возникают и параллельно существуют разные, в том числе полностью или частично исключаящие друг друга аксиомы, полагаемые в основу различных макротеорий.

Очевидно, что любая аксиома распространяется на все предметы в данной области действительности. Но поскольку в абсолютном выражении количество предметов, принадлежащих к данному классу, неодинаково, необходимо определять и объем аксиомы. Аксиомы, относящиеся к данному классу предметов и в данном отношении, могут различаться и по уровню абстракции, на котором они рассматривают указанные предметы. Точными и приблизительными понятиями охватывают один и тот же класс предметов и в одном и том же отношении. Они равны по объему, но отличаются по уровню абстракции — более высокому для точных понятий и более низкому для приблизительных (поскольку последние не отвлекаются от тех предметов и их свойств, от которых абстрагируются первые).

Учитывая это, целесообразно расчленить логические аксиомы на точные, сформулированные в виде суждений, включающих только точные понятия, и приблизительные, сформулированные в виде суждений, включающих приблизительные понятия. Приблизительные аксиомы относятся к области приблизительного знания, они не самоочевидны, условны, существуют во взаимоисключающих вариантах, основаны на учете роли совокупности В. Четкое уяснение логической природы любого рассуждения, относящегося к сфере приблизительного знания, уже само по себе становится важным орудием научного исследования, а также и предостережением против ошибок и необоснованных претензий на безусловную истинность.

Проведение логических действий над историческими категориями по нормам и правилам традиционной формальной логики на цивилизационном уровне анализа исторического процесса оказывается неадекватным той цели, которую ставит перед собой историк. Попытка рассматривать приблизительные понятия как точные может привести к ложным выводам. Поэтому историография нуждается в логическом инструментарии, который бы не сводился к формальной логике, и был бы ориентирован на решение задач собственно исторической науки.

Речь идет, таким образом, о формах мышления, обеспечивающих потребности цивилизационного подхода к рассмотрению процесса всемирного развития. Назовем совокупность этих норм и средств, возникающих в результате трансформации норм формальной логики на основе учета роли совокупности В, исторической импликационной логикой. Термин «импликация» соответствует в формальной логике значению «если... то». Здесь же он использован для выявления как неразрывной связи между формальной и импликационной логикой, так и автономии последней в сфере своей приложимости. Если учитывать приблизительный характер понятия или рассуждения, то они тем самым перемещаются из области формальной в сферу импликационной логики. При учете приблизительного характера понятий, суждений и умозаключений, оперирование ими по нормам формальной логики должно заменяться соответствующими нормами импликационной логики.

Разумеется, практически это должно касаться только тех норм, преобразование которых приводит к существенному приращению знания, невозможного в пределах формальной логики. Импликационную логику можно считать специальным отделом формальной, имеющим дело с приблизительными понятиями, суждениями и умозаключениями, анализирующими внутреннюю структуру совокупностей А и В и взаимоотношения между ними. Вместе с тем представляется нереалистичным пытаться — по крайней мере на современном уровне развития общественности и аналитических средств, которыми оно располагает, — использовать при логических действиях над историческими категориями нормы и правила неклассической логики, математические методы оперирования так наз. гибкими понятиями.

Импликационная логика не отменяет и не заменяет формальную. Она представляет собой свод правил и процедур, видоизмененных по сравнению с нормами формальной логики для более эффективного решения специфических задач историописания. Само-дополнение формальной логики новыми нормами должно производиться на основе ее правил и методов.

Нормы формальной логики — приемы и законы правильного мышления — одинаковы для всех людей, и в этом смысле они имеют общечеловеческий характер. Формальная правильность рассуждений при истинности посылок обеспечивает истинность результатов, адекватно отражающих действительность. Напротив, искажение норм формальной логики даже при истинности посылок приводит и к формально неправильным, и, во многих случаях, к ложным по сути выводам. Но правила формальной логики — это именно нормы правильного мышления, а не закономерности самой действительности. Формально правильные заключения могут быть как истинными, так и ложными.

Развитие науки приводит к обогащению аналитического арсенала формальной логики, одним из результатов которого является появление логики импликационной. Последняя не изобретает новые логические нормы. Она представляет собой трансформирование норм формальной логики. К этому стихийно подводят как итоги конкретно-исторических исследований, так и разработка проблем теории истории (а также теоретических отделов других гуманитарных дисциплин). Значительная часть потенциального содержания теории истории остается неизученной и само существование ее неосознанным. Но она может быть познана. Конкретные исследования приводят к превращению все большего числа элементов совокупности В — не самих по себе, а как части всей этой совокупности — из неосознанных в осознанные и познанные. Правда, вследствие бесконечности приблизительного понятия этот процесс также бесконечен. Конкретное познание действительности должно осуществляться с помощью норм формальной логики, а теоретическое осмысление его результатов производиться по нормам логики импликационности.

Импликационная логика является применением традиционной логики к сфере приблизительных понятий. Это наука, изучающая нормы и правила рассуждений, которым должно следовать мышление при использовании приблизительных понятий, а одновременно и свод самих этих норм

и правил. Как и формальная логика, от которой она отпочковалась, импликационная логика является наукой, исследующей формы мышления, отвлекаясь по возможности от его содержания. Однако полностью такое отвлечение оказывается невозможным, как для формальной логики (которая, например, наряду с формальной правильностью заключений занимается их истинностью или ложностью), так и тем более для импликационной, в которой большое место должна занимать проблема смысловой субординации элементов понятия и пр.

Следуя исходному принципу импликационной логики — преобразовывать нормы и понятия, которыми оперирует формальная логика, с помощью импликации «если учитывать роль совокупности В», мы тем самым наделяем импликационную логику рядом дополнительных качеств. В разных своих аспектах она предстает логикой: 1) системной, поскольку содержание понятия рассматривается ею как сложноорганизованная система, являющаяся частью более широкой системы; 2) инфинитивной, поскольку она оперирует приближительными, не имеющими четких границ понятиями; 3) интегративной, выявляющей единство и взаимодействие совокупностей А и В; 4) ингредиентной, раскрывающей значение и функции отдельных компонентов системы данного понятия; 5) конкретизационной, переводящей части понятия с более высоких на более низкие ступени абстракции; 6) континуальной, раскрывающей действительность как некий континуум для сравнительного изучения крупных исторических предметов и процессов (цивилизаций, государств, массовых движений, идеологических течений и пр.). Это лишь главные стороны и направления приложимости импликационной логики.

Совокупность средств и законов этой логики состоит из трех разновидностей норм: 1) присущих только импликационной логике и лишь косвенно связанных с логикой формальной; 2) преобразованных норм формальной логики; 3) взятых из формальной логики без изменений (например, некоторые модальные суждения).

В рамках отдельных сфер действительности импликационная логика может выступать в разных аспектах. Они различно «раскрывают» себя в логических операциях, проводящихся в соответствии с ее нормами. Вольное или (по научным или вненаучным причинам и мотивам) невольное нарушение этих норм может превратить импликационную логику в конъюнктивную (ложную, искажающую действительность). Импликационная логика призвана выполнять в пределах историописания (а также видимо, всего обществоведения) ту же функцию, какую формальная логика — в отношении всей науки и всего человеческого мышления. Нас интересуют лишь те проблемы, которые имеют серьезное значение для выяснения значения импликационной логики для теории истории.

Импликационная логика позволяет углубить познание причинности в исторических явлениях. Под причиной далее понимается явление или совокупность явлений, которые, как показал опыт, предшествуют данному явлению, порождают это последнее. При этом надо по возможности четко различать причины самого явления и причины необходимых условий, без которых это явление не может осуществиться. Определяться причинная связь — и в первом, и во втором случае — должна при помощи существующих методов (по сходству, различию, сопутствующим изменениям, остаткам).

В приближительных понятиях онтологическая основа совокупности В порождает ее содержание, из которого путем абстрагирования возникает совокупность А. Онтологическая основа совокупности А — это часть онтологической основы совокупности В. Следовательно, причинами понятия в конечном счете являются те, что порождают онтологическую основу этой последней. Однако процесс возникновения совокупности А из совокупности В является сложным. Он включает обобщение одних ингредиентов содержания, т. е. отвлечение от некоторых, считающихся несущественными признаков, и отвлечение от целых ингредиентов, включая все, являющиеся условиями существования совокупности А. Поэтому одни причины порож-

дают те ингредиенты, которые становятся непосредственной причиной совокупности А, возникающей в результате их обобщения; другие причины вызывают появление ингредиентов, отражающих условия существования совокупности А; третьи — лишь ингредиенты совокупности В, которыми вообще пренебрегают в силу того, что они не имеют существенного значения или являются неполными (не содержат всего набора признаков вида, в которому они принадлежат). Надо также помнить, что многие ингредиенты являются понятиями, порожденными своими причинами, которые находятся в еще более косвенной причинной связи с совокупностью В.

Законы импликационной логики базируются на импликации «если учитывать роль совокупности В, то...». Главный же из этих законов, не имеющий прообраза в формальной логике, но определяющийся отношением импликационной логики к формальной, должен гласить: «Каждый логический закон и результат любых действий над приближительными понятиями, суждениями и умозаключениями могут приобрести в импликационной логике иное значение, включая и противоположное тому, которое они имели в формальной логике».

Формально-логический закон тождества получает в импликационной логике следующий вид: «В процессе определенного рассуждения всякое приближительное понятие и суждение должно быть тождественным самому себе в совокупности А и может быть или не быть тождественным самому себе в совокупности В». Это связано с тем, что абсолютного тождества вообще не существует, что содержание некоторых объектов совокупности В может быть нетождественным, хотя они являются носителями признаков, из которых сформирована совокупность А данного понятия. Формально-логический закон непротиворечия приобретает в импликационной логике такую формулировку: «Два противоположных приближительных суждения могут быть истинными в одно и то же время и в одном и том же отношении». Наконец, закон формальной логики об исключении третьего становится законом включения третьего: «Из двух противоречивых приближительных суждений одно истинное, другое ложное, либо оба истинны, оба ложны». Показательно, что этот закон применим и к отношениям между формальной и импликационной логикой. Два противоречивых суждения: «импликационная логика сохраняет законы формальной логики» и «импликационная логика отменяет законы формальной логики» — истинны в пределах импликационной логики.

Она имеет дело с понятием, состоящим из двух частей совокупности А, включающей неотличительные признаки, и признаки его генезиса, условий его функционирования, связей с другими понятиями. Все логические операции в этой логике над данным понятием производятся над его совокупностью А, иначе это не было бы действием именно над этим понятием, и с учетом роли совокупности В, иначе это не было бы действием над указанным понятием в пределах импликационной логики. Иными словами, необходимо произвести операцию над совокупностью А — по нормам формальной логики, а потом на основе импликации «если учесть роль совокупности В, то»... произвести операцию по преобразованию полученного ранее результата уже по нормам импликационной логики. Теоретически, правда, возможен и другой путь оперирования с понятиями в рамках этой последней. Можно на основе импликации «если учесть роль совокупности В, то...» первоначально объединить объемы и содержание совокупностей А и В, а уже потом производить соответствующие логические действия. Однако тогда, во-первых, останутся неизвестными результаты оперирования над определенной частью понятия (совокупность А), которая при объединении с неопределенной частью (совокупность В) также лишается определенности. Иначе говоря, совокупность В как бы поглощает совокупность А, доминируя в понятии. В первом случае совокупность В дополняет определенную часть понятия, во втором — делает его более приближительным, распространяя неопределенность на весь объем этого понятия.

Импликационная логика отличается от формальной прежде всего тем, что имеет дело с понятиями, части которых находятся на разных ступенях

абстракции (т. е. не только на высшей ступени). Импликационную логику можно считать частным случаем формальной, анализирующей ту часть содержания категорий, от которой отвлекается формальная логика. Напротив, если ограничиваться сферой приблизительных понятий, то формальная логика представляет собой частный случай импликационной, поскольку оперирует только с понятиями совокупности А.

Заметим, кстати, что диалектическая логика, которую из соображений идеологического характера пытались представить универсальной, а формальную — ее частным случаем, таковой не является. Даже если признать материалистическую диалектику совокупностью законов, действующих в природе, обществе и мышлении, то и тогда они могут рассматриваться лишь как частный случай тех законов, которые в мышлении отражают нормы импликационной логики. Онтологический прообраз отношений совокупностей А и В вбирает в себя основные законы диалектики — закон взаимного перехода количественных и качественных изменений, единства и борьбы противоположностей, отрицания отрицания. В области мышления нормы импликационной логики целиком вбирают в себя диалектические законы.

Возьмем в качестве примера главный закон единства и борьбы противоположностей. Между прочим, утверждение, что противоречивые предметы и отражающие их понятия не могут рассматриваться в рамках формальной логики, основано скорее на недоразумении. Понятие, которое одновременно «а» и «не-а», может считаться понятием, отличающимся именно такой качественной определенностью и рассматривается по нормам и процедурам формальной логики, но нарушая при этом закона исключенного третьего. Вместе с тем диалектическая логика, если признать правомерность ее существования, вполне может считаться частным случаем импликационной. Существование «не-а» в совокупности В, при «а» в совокупности А вполне соответствует нормам образования приблизительных понятий, так же как меняющиеся отношения между «а» и «не-а». Их носителями могут выступать разные элементы, что не учитывает формальная логика, но является нормой для импликационной.

Остальные законы (или выдаваемые за законы!) диалектики — также находят свое место в качестве различных видов взаимоотношений совокупностей В и А. Закон перехода количественных изменений в качественные и наоборот воплощается в том, что эти изменения, начавшись в совокупности В, в конечном счете могут изменить содержание совокупности А, включая определенные понятия. То же следует сказать и о законе отрицания отрицания.

По сути дела, диалектика рассматривает явления на другом, более низком, уровне абстракции, чем формальная логика. Но и импликационная логика анализирует явления на том же менее высоком уровне абстракции, что и формальная логика. Это и является причиной того, что диалектика является частью импликационной логики.

Осознание всего этого особенно важно для общественных наук, оперирующих приблизительными понятиями. Теоретическое осмысление законов импликационной логики, которым должны подчиняться действия с этими понятиями, нужно произвести с позиций той и другой логики. Для импликационной это должно стать ее основной задачей. Возможно, что эта логика в определенных разделах окажется особой для разных научных дисциплин. Поэтому, не пытаясь даже кратко наметить ее задачи, постараемся выявить их на примере того варианта, который должен исследовать правила оперирования историческими категориями (подразумевая под ними относительно более широкие и значимые понятия и исключая из них — для упрощения — термины, определяющие не сами предметы, а понятия, обозначающие предметы).

Подобно другим общественным наукам, история, правда не оговаривая этого, оперирует с приблизительными понятиями.

Различение в приблизительном понятии его точно определенной (совокупность А) и не точно определенной (совокупность В) частей является

главным условием корректных логических действий по ним. Поскольку проблема совокупности В и ее взаимоотношения с совокупностью А вообще не существует для формальной логики, она остается совершенно неизученной. В прошлом веке к постановке этой проблемы, видимо, подошел американский философ Ч.С. Пирс, основатель прагматизма; он упомянул о существовании «смутных» понятий, и оставил их таковыми, так и не сделав объектом анализа и не произведя главного — разграничения на совокупности А и В.

Импликационная логика отличается тем, что при анализе категорий общественных наук она рассматривает не только совокупность А, но и совокупность В и на этой основе обе совокупности в качестве единого целого. Изолированное рассмотрение совокупности А, составляющее суть подхода формальной логики, общеизвестно. Поэтому следует обратиться к анализу совокупности В, который не проводился вообще. Для этого нужно прежде всего четко отделять ее от совокупности А, которой оперирует формальная логика, которая представляет собой высшую ступень абстракции при отражении данного предмета.

Это относится к тем понятиям, которые обозначаются в формальной логике как «конкретные» (отражающие предмет или класс предметов) и «абстрактные» (этот термин в данном контексте означает, что в понятии отражаются не сами предметы, а их взятые в отдельности свойства). Примером могут послужить понятия «битва при Ватерлоо» и «социальное неравенство». Дальнейшее повышение уровня абстракции равносильно потере совокупностью А понятия (вернее, перемещению его в совокупность В), его качественной определенности, т. е. одного или более существенных отличительных признаков. Это равнозначно превращению данного понятия в другое, более широкое («сражения XIX века», «общественное отношение»). В отличие от совокупности А, совокупность В состоит из признаков, находящихся на разных ступенях абстракции.

Все ли понятия имеют приблизительный характер? Ответ на этот вопрос зависит от того, из каких философских основ исходит исследователь. Материалист обязан считать все понятия приблизительными, поскольку ни одно из них не в состоянии отразить все содержание отражаемого предмета. Для материалиста даже математические понятия и отношения между ними возникли как обобщение бесчисленного повторения их в процессе практической деятельности человека, отчего часть из них приобрела характер аксиом. Напротив, кантианец, считая математические понятия творением разума, отвергнет утверждение об их происхождении из практики и тем самым существование в них совокупности В. Поэтому для наших целей будет целесообразно считать, что все понятия имеют совокупность В, но у некоторых из них эта часть по значению равна или приближается к нулю.

Главный вопрос заключается в другом: когда совокупность В имеет значение, которым допустимо пренебречь при оперировании понятием (точнее, его совокупностью А). Игнорирование вполне правомерно в математических понятиях, поскольку они не принимают в расчет никакие материальные качества рассматриваемых предметов, которые несколько не влияют на фиксируемые в этих понятиях количественные отношения. Это может быть доказано опытным путем. Так, понятие «квадрат» допустимо считать не имеющим совокупности В. Напротив, понятие «революция» немыслимо без совокупности В, в которую входят признаки, отражающие существование различных социальных групп, их нередко сталкивающихся интересов, народного менталитета и т. д. Признаки, входящие в исходное понятие, сами могут быть понятиями, имеющими совокупности А и В. Все понятия исторической науки (и ряда других гуманитарных дисциплин) являются приблизительными.

На практике именно наличие совокупности В, могущей существенно влиять на содержание совокупности А, делает понятие реально неопределенным, неограниченным, т. е. действительно приблизительным. Совокупность А может сделать понятие приблизительным, если она неполно обозначает отражаемый ею предмет или в ее содержание входит такое

неполное обозначение этого предмета. Напротив, совокупность В, когда ее надо учитывать, должна сделать понятие приблизительным.

Известно, что различные философские школы пытались найти решение проблемы отображения процесса изменения. Неподвижные понятия могут быть извлечены из подвижной реальности, но нет возможности восстановить подвижную реальность с помощью неподвижных понятий¹. Импликационная логика призвана хотя бы отчасти преодолеть данную трудность путем создания логического аппарата, позволяющего использовать понятия для отображения процесса изменения.

Изменение совокупности А, как правило, приводит к возникновению нового понятия. Напротив, изменения совокупности В могут не влечь за собой изменение совокупности А и происходить при сохранении старого понятия. Тем самым создается возможность описания механизма изменения. Для использования этой возможности следует, наряду с расчленением совокупности В на составляющие ее объем и содержание (объекты и признаки), произвести деление на ее темпоральные состояния, а также учесть и совокупности связей между этими временными состояниями. Их сумма будет характеризовать изменение совокупности В во времени при сохранении совокупности А. Дробность деления на временные состояния должна определяться, исходя из задач исследования, в котором используется данное понятие; она не может не испытывать решающего влияния макротеории.

Далее необходимо провести разделение содержания совокупности В на базовый и аддитивный (дополнительный) комплексы в зависимости от меры воздействия ее признаков на совокупность А. Одновременно нужно распределить объекты (и составляющие их элементы) на активные и пассивные, причем так, чтобы в первых преобладали базовые, а во вторых — аддитивные признаки. Надо особо отметить в этой связи, что состав совокупности В еще не определяет ее структуру, т. е. иерархию объектов, которая не дана непосредственно в опыте и устанавливается исследователем, исходя из постулатов макротеории. Особого анализа заслуживает понятие совокупности В, содержащие противоречивые или даже исключающие друг друга признаки.

При тождественности содержания объектов можно говорить об однородности совокупности В, в остальных случаях — о разнородности. Первая поддается измерению путем выявления соотношения объектов, имеющих полные и неполные наборы признаков. Степень неоднородности измеряется числом неполных, неодинаковых наборов, т. е. имеющих в своем составе один или более признаков, отсутствующих в других наборах. Надо оговорить, что в случае необходимости возможно определение степени однородности и неоднородности совокупности В при рассмотрении ее на различных уровнях абстракции.

Видимо, будет целесообразно разделить науки по значению совокупности В в понятиях (иными словами, по воздействию онтологической основы совокупности В на совокупность А). Это значение может быть нулевым или приближающимся к нулевому (математика, физика и другие так наз. точные науки); слабым (естественные науки); сильным (часть гуманитарных наук); решающим (другая часть гуманитарных наук). Разумеется, эта классификация имеет столь же приблизительный характер, как и сами приблизительные понятия, положенные в основание деления наук. В некоторых из них понятия, используемые в разных разделах, имеют различные по значению совокупности В (даже в математике).

Удельный вес совокупности В в понятии невозможно выразить в количественных величинах (т. е. по числу признаков, по определению сравнительного количественного значения признаков на основе экспертных оценок и т. п.). Единственным реальным путем определения удельного веса совокупности В представляется сравнение ее динамики с развитием совокупности А. Здесь можно выделить ряд вариантов: 1) стабильность совокупности А сопровождается неизменностью совокупности В; 2) изменение совокупности В практически никак не влияет на совокупность А, а измене-

ние совокупности А — на совокупность В; 3) частичное изменение совокупности В сопровождается частичным изменением совокупности А; 4) полное изменение совокупности В сопровождается полным изменением совокупности А (превращением всего понятия в другое, с иной качественной определенностью). Варианты 3—4 характеризуют приближительные, 1—2 — точные понятия. Отношение совокупности А/В определяет меру внешней стабильности понятия, отношение совокупностей В/А — степень его внутренней стабильности. При изменении совокупности В, превышающем определенную «норму», происходит изменение совокупности А в сторону его пространственного, временного, содержательного и другого ограничения. Понятие может потерять свой родовой отличительный признак, который заменяется на видовой, и т. п.

Изменения совокупности А происходят на «поверхности» понятия. Они отражаются в сдвигах, в дефиниции и в отличительных и неотличительных существенных признаках, входящих в эту часть понятия. Изменения в совокупности В происходят скрыто и могут быть выявлены лишь в результате научного анализа (как вообще содержание совокупности В).

Здесь полезно напомнить, что понятие отражает реальную действительность. Такое отражение нельзя смешивать с его онтологической основой, как не следует смешивать путь на карте и на местности. В нашем анализе мы исходим из адекватного, хотя, разумеется, неполного, отражения совокупностями А и В действительности, особо указывая, когда происходит намеренная или невольная — под влиянием идеологии, различных теорий и ненаучных мотивов — коррозия или полное искажение адекватного отражения реальности.

Признаки понятия делятся традиционной логикой на существенные и несущественные, отличительные (присущие только данному понятию) и неотличительные, которыми обладает не только это, но и другие понятия. Содержание совокупности А понятия состоит во-первых, из существенных отличительных и неотличительных признаков, каждый из которых необходим, а все вместе взятые достаточны, чтоб отличить данный предмет от любых других предметов. Здесь нелишне оговорить, что нельзя путать признаки, существенные для понятия, отображающего предмет на определенном уровне абстракции, и их существенность для самого предмета. Так, для понятия «парламент» его двухпалатность или однопалатность окажется несущественным, хотя, разумеется, они существенны для самого предмета (парламента!) и его отражения на более низкой ступени абстракции, допустим, в понятии «двухпалатный парламент».

Часть существенных отличительных признаков составляет в целом определение (дефиницию) понятия. В состав совокупности А входят также несущественные отличительные признаки. Несущественные и неотличительные признаки могут быть или не быть у данного понятия. Точнее, у разных элементов — носителей признаков, несущественные признаки могут быть различными (или отсутствовать вовсе). Несущественные неотличительные признаки именно поэтому должны находиться не в совокупности А, а в совокупности В данного понятия.

Содержание совокупности В состоит из 1) признаков-понятий, выражающих существование предметов, их свойства и отношения между предметами; 2) признаков-представлений; 3) признаков-суждений. Путем обобщения этих признаков и образуется исходное понятие. Следовательно, любое понятие имеет в составе совокупности В другие признаки-понятия. Анализ их должен являться специфической задачей импликационной логики. Необходимо выявить критерии, на основе которых производится в разных случаях процесс абстагирования: какие признаки-понятия прямо вводятся в обобщенной форме в состав совокупности А, а от каких отвлекаются, хотя они важны для обеспечения самого возникновения и существования совокупности А, берутся ли при обобщении только понятия-признаки совокупности А или также и совокупности В, используются ли признаки-понятия в полном объеме или лишь отдельные признаки признаков.

Возникает вопрос, как соотносится наличие в совокупности В признаков-понятий с пустым (нулевым) объемом и истинностью или ложностью совокупности А, ложными и истинными суждениями и тем самым исходным понятием в целом. Это связано прежде всего (но не только!) с тем, отбрасываются ли пустые понятия и ложные суждения при абстрагировании или они входят в обобщенном виде в состав совокупности А.

Важная гносеологическая проблема заключается в том, как при бесконечности приблизительного понятия выявить его содержание. Это проявление в данной области более широкой проблемы бесконечности мира и ограниченности человеческого познания, противоречия между осознанием того, что человеческое сознание имеет дело не с внешним миром, а с показаниями собственных чувств, не приводит к отказу от познания объективной действительности. Чтобы избежать тупика солипсизма, в органах чувств видят не барьер, отгораживающий сознание от внешней действительности, а орудие ее познания. Подобно этому осознание бесконечности содержания приблизительного понятия должно быть не доводом в пользу агностицизма, а стимулом для все более точного определения понятия. Если же оставить в стороне философский уровень анализа, то нужно признать, что на уровне теории истории можно найти решение, удовлетворяющее — на современном этапе развития общественнознания — все требования точности, предъявляемые к результатам исторического исследования.

В содержании совокупности В должны, как правило, учитываться лишь элементы, непосредственно влияющие на совокупности А, а не элементы, воздействующие на элементы совокупности В. Следовательно, когда говорится о содержании совокупности В (если не делается специальной оговорки), то подразумевается признак исходного понятия, а не признаки признаков разных степеней опосредования. Надо при этом, однако, учитывать, что степени абстракции и степени опосредования воздействия данного элемента могут как совпадать, так и не совпадать.

Признаки совокупности В следует разделять на существенные и несущественные. Сложнее обстоит дело с отличительными признаками. Следует ли считать в их числе все отличительные признаки, входящие в качестве признаков в данную совокупность В? Ответ должен быть положительным, а это означает, что в силу неограниченности содержания совокупности В, т. е. числа составляющих его признаков-понятий, число ее отличительных признаков также является неопределенным.

Совокупность В имеет, наряду с эпистемологическим аспектом, о котором говорилось до сих пор, и онтологический аспект — отражаемые ею предметы реальной действительности, их свойства и отношения между ними. Совокупность этих предметов нужно разделить на две части, одна из которых представляет прообраз исключительно совокупности В, а другая — не только совокупности В, но совокупностей А и В других понятий. Обе части отражают как предметы, так и их свойства — в конкретных и абстрактных понятиях, составляющих содержание совокупности В. Без специального исследования трудно определить удельный вес соответственно предметов и их свойств. Однако в обоих случаях — это отражение предметов, которые составляют главный источник неограниченности приблизительных понятий. Объем и содержание совокупностей А и В составляют объем и содержание данного понятия. Приблизительным делает понятие наличие совокупности В. Совокупность А выделяет его из всей массы понятий, отражающих предметы и явления. Совокупность же В, напротив, связывает его с ними. Без совокупности В и не могла бы существовать совокупность А и тем самым понятие в целом. Совокупность А выражает ту степень точности, которая заключена в понятии, совокупность В — его неопределенность и неограниченность как приблизительного понятия.

Одна и та же совокупность А может совмещаться с разными совокупностями В, что отражает типичное взаимоотношение сходных предметов в реальной действительности. Это совмещение может быть, во-первых, следствием различного значения элементов, входящих в совокупность В; во-вторых, возможностей обобщения разных, но сходных признаков в од-

них и тех же признаках совокупности А; в-третьих, являться результатом развития различных элементов, входящих в совокупность В, которые не приводят к изменению совокупности А. Вместе с тем одна и та же совокупность В может иметь разные совокупности А также и в силу различных значений (обозначений) признаков совокупности А. Например, единичное понятие «правительство Бисмарка» и «министерство Бисмарка» обозначают один и тот же предмет. Аналогично обстоит дело с собирательными понятиями «правительство» и «министры» (понимаемые как единый коллектив).

Содержание совокупности В может частично переходить в совокупность А своего понятия, когда А изменяется в результате изменения совокупности В. Совокупности А и В вместе как целостное понятие могут переходить в совокупность В другого понятия. Этот переход может осуществляться и без совокупности А, а также приводить или не приводить к сдвигам в совокупности А указанного понятия.

Определение понятия — это раскрытие либо его содержания, либо его значения, если речь идет о термине «понятие», которым называется в формальной логике определенное понятие — *definiendum* (Dfd), понятие же, которое его определяет, именуется определяющим — *definiens* (Dfn). Последнее является приблизительным понятием, но формулируется как определение совокупности А. В него входят некоторые из признаков совокупности А, поэтому формально изменения совокупности В не меняют Dfn. Однако содержательно дело обстоит иначе. Здесь возможны следующие варианты: 1) совокупность А не может существовать без всей совокупности В; 2) совокупность А не может существовать без определенных признаков совокупности В; 3) при отсутствии совокупности В или признаков последней происходят изменения совокупности А, меняющие ее Dfn.

Итак, возникает вопрос: при каких изменениях совокупности В все понятие сохраняется, а при каких теряет прежнее Dfn. Очевидно, что добавление в содержание совокупности В понятия «английский абсолютизм» признака «парламент» не меняет еще Dfn указанного понятия. Напротив, изменение этого признака на «регулярно собираемый парламент» уничтожает самую возможность использования понятия «английский абсолютизм» при характеристике государственного и политического строя Англии во второй половине XVII века. Признак «монарх — глава английской церкви», присутствуя в совокупности В понятия «английский абсолютизм», ничего не меняет в Dfn этого понятия, хотя присутствует в совокупности В противоположного понятия «английский парламентарный строй».

Поэтому наряду с дефиницией потребуется формула понятия, все составные части которой еще предстоит установить, но в число которых должны входить определения некоторых признаков-понятий, пространственная и временная ограниченность исходного понятия для исторических категорий (признаки-понятия, отражающие цивилизационные пласты) и пр. Надо в связи с этим напомнить, что и формальная логика различает наряду с явными так наз. неявные определения.

Учитывая определяющее значение признаков-конкретных понятий, элементы-носители одного и более таких признаков будут именоваться в дальнейшем объектами (разумеется, объекты могут быть одновременно носителями и других признаков). В случае же, когда нужно обозначить любые единицы объема, без указания их специфики, полезно использовать прежний общепринятый термин — элементы (под которыми могут в таком случае подразумеваться и объекты). Объекты или элементы, взятые совместно с одним или более чем одним признаками, носителями которого они являются, образуют компоненты понятия.

В рамках импликационной логики объем понятия состоит из 1) объектов, каждый из которых является носителем одного или более чем одного признаков (включая признаки-конкретные понятия, имеющие собственные признаки — «признаки признаков»); признаки и их наборы могут быть как одинаковыми, так и разными у разных объектов; 2) элементов-носителей признаков — абстрактных понятий; 3) элементов-носителей признаков-

представлений. В свою очередь, каждый признак может быть присущ одному и более объектам или одному и более элементам.

Объем понятия в импликационной логике состоит из класса обобщаемых в нем элементов, число которых может быть как конечно, так и бесконечно. Эти объекты и элементы отнюдь не полностью однородны и состоят из различного числа элементов второго порядка — носителей свойств объектов, разных у различных объектов. Эти свойства состоят из «собственных» «подсвойств», носителями которых являются элементы третьего порядка, и т. д. Формальная логика фактически отвлекается от этой многоступенчатой структуры понятия, поскольку ее интересуют лишь объекты и элементы первого порядка, рассматриваемые как носители тождественных свойств. (В работах по формальной логике можно встретить смешение объектов и элементов первого и второго порядка.) Это правомерно, поскольку формальная логика основана на абстрагировании от существования совокупности В. Однако для импликационной логики исследование влияния этой многоступенчатости на все логические действия выдвигается на передний план.

Историческая наука нередко не учитывает, что используемые ею категории часто находятся на различных уровнях абстракции. Если взять категориальный аппарат материалистического понимания истории, то, пожалуй, особо ярким примером могут послужить в интересующем нас отношении такие фундаментальные понятия, как «общественно-экономическая формация» и «всемирно-историческая эпоха». Их считают однопорядковыми. Между тем, категория формации находится на высшей ступени абстракции, когда весь мир предстает как однородное целое с отвлечением от всех его локальных и региональных особенностей (включая нахождение на разных этапах развития). Понятие «всемирно-историческая эпоха» расположено на более низкой ступени абстракции и рассматривает мир как совокупность взаимодействующих регионов, в которых господствующее положение принадлежит разным общественно-экономическим укладам. Сравнение содержания указанных понятий без осознания этого обстоятельства лишается познавательной ценности.

Категорию «феодализм» нельзя сравнивать с категориями «феодалная иерархия», «крепостничество», «феодалные повинности» и т. п., которые входят в содержание «феодализма» как более широкого понятия. Содержание данного понятия теоретически расположено на высшей ступени абстракции, дальнейшее повышение уровня последней лишает определяемый предмет его качественной специфики. Содержание совокупности В, напротив, является суммой признаков, находящихся на различных ступенях абстракции.

До сих пор мы исходили из допущения, что из каждого уровня путем обобщения ряда признаков и отбрасывания ненужных элементов-носителей признаков можно перейти на более высокий уровень абстракции. Однако это — серьезное упрощение действительности, поскольку на практике каждый уровень абстракции включает в себя элементы, находящиеся как ниже, так и выше расположенных уровнях.

Среди объектов понятия не может быть носителей только признаков совокупности А, поскольку она абстрагирована от совокупности В. Объекты можно подразделить на носителей признаков совокупностей А и В и носителей признаков только совокупности В.

Как уже было сказано, в формальной логике элементы первого порядка предполагаются тождественными, т. е. выглядят как носители всей суммы отличительных и вообще существенных признаков данного понятия. Но в действительности некоторые не являются носителями всех указанных свойств-признаков понятия, и только часть из них содержит также свойства, не входящие в содержание понятия. Иначе говоря, содержание понятия включает признаки, отобранные из объектов на основании определенного критерия. Носителями этих признаков являются все объекты в целом, а не каждый из них в отдельности.

Класс же, т. е. сумма обобщаемых понятием предметов, на деле состо-

ит из групп элементов, каждая из которых обладает одинаковым по количеству и составу набором признаков. Например, в понятие «государство» входят объекты первого порядка — отдельные государства, в том числе те из них, которые не обладают всеми существенными, а фактически даже и всеми отличительными признаками понятия «государство». Объекты обладают специфической, от которой отвлекаются при образовании совокупности А понятия, но которая составляет часть его совокупности В. Указанная специфика, не видная на поверхности, обнаруживается при делении родового понятия на видовые.

В процессе образования понятия происходит отвлечение от: 1) признаков, признаваемых несущественными, неотличительными; 2) наличия не у всех объектов всей совокупности существенных, а иногда и отличительных признаков, хотя такое «сокращение» содержания может изменять качественную особенность объекта (например, у одного из объектов понятия «национальное движение в Европе» исключение признака национальной равенства и наличие признака национальной исключительности позволяет на деле отнести данный объект к совсем другому понятию — «фашизм»); надо учитывать, что объекты и элементы первого порядка, не составляя однородной массы, включают объекты и элементы второго порядка, носителей признаков и групп признаков, также не являющихся однородными по составу, и т. д.; 3) признаков-понятий и признаков-суждений, являющихся условиями существования признаков, обозначающих причины, вызвавшие взаимоотношения между элементами совокупностей А и В, элементами внутри совокупности А и внутри совокупности В, влияющими на взаимоотношения совокупностей А и В, суждений, связывающих признаки; критериев распределения их между совокупностями А и В; смысловой (не логической) субординации этих признаков; ограничения их временной, пространственной приложимости, а также приложимости к разным пластам цивилизационного развития и т. д.; 4) изменения признаков и объектов в совокупности В в результате из развития.

Очевидно, что объем совокупности В, как правило (кроме математических и некоторых других понятий) должен значительно превышать объем совокупности А. Совокупность В включает не только элементы-носители признаков, от которых абстрагированы признаки совокупности А (включая и те, от которых вообще отвлекались в процессе абстрагирования), но и ряд других ингредиентов, о которых упоминалось выше. В какой мере они абстрагированы, это в каждом случае может показать только конкретное исследование. Используя «круги Эйлера», применяемые в формальной логике для графического изображения объема понятий, для иллюстрации взаимоотношения объема отдельных частей понятий, получим следующие возможные случаи: 1) тождество; 2) подчинение; 3) перекрещивание.

В первом случае объемы совокупностей А и В равнозначны. Во втором случае объем совокупности А целиком входит в объем совокупности В, составляя часть этой последней. В третьем случае совокупности А и В имеют часть объема, принадлежащую им обоим, а также и те части объема, которые принадлежат исключительно каждой из этих совокупностей. Для совокупности А — это элементы-носители признаков, настолько трансформированных в процессе абстрагирования, что их нужно считать новыми признаками. Для совокупности В — это элементы-носители признаков, которые были проигнорированы при абстрагировании. Наконец, имеется объем, состоящий из элементов-носителей признаков, присущих как совокупности А, так и совокупности В.

Предметом специальной работы должно стать исследование проблемы «идеологических понятий», которыми широко оперируют общественные науки. Генезис наиболее широких из этих категорий различен, что определяет особенности их содержания. Часть из них представляет собой выражение на высших ступенях абстракции действительных явлений и предметов. Примером может служить понятие «капитализм». Другие, хотя и отталкиваются от процессов, происходящих в реальной действительности, представляют собой теоретические построения, не имеющие прообраза в реаль-

ности и могущие, как предполагается и как считают сторонники определенной макротеории, найти воплощение в будущем. Примером является понятие «коммунистическое общество» (если не считать его абстракцией от так наз. «первобытного коммунизма», «анархизма», «технократия» и т. д.).

В исторической науке существуют и понятия, отражающие прежние идеи о будущем, в особенности о будущем общественном строе (например, «тысячелетнее царство» средневековых сектантов, «царство разума» просветителей XVIII в., различные утопии — социалистические, коммунистические, теократические и пр.), которые если и осуществлялись в действительности, имели в главном и основном очень мало общего со своими утопическими «моделями».

Таким образом, часть идеологических категорий — это понятия с нулевым объемом. Эти понятия близки по своей сути к понятиям, определяющим не предмет, а термин, обозначающий предмет. Но, в отличие от терминов, они имеют совокупности В, которые содержат причины, породившие их, условия, при которых могли появиться надежды, связывающиеся с ними, предполагавшиеся пути их претворения в действительность и т. д.

Основания любой науки аксиоматичны. Поэтому отправной точкой любого исторического исследования и описания является импликация: «если верна данная аксиома, то...». Для исторической науки важны философско-исторические и теоретико-исторические аксиомы. Назовем основанные на них импликации необходимыми. Кроме них могут существовать и более частные импликации (например, о взаимодействии структур в рамках данного пласта цивилизационного процесса). Назовем их дополнительными импликациями. Общим для необходимых и дополнительных импликаций является то, что они суть импликации аксиоматического ряда. Наряду с ними существуют и неаксиоматические по своей природе импликации, примером которых является импликация в сфере образования исторических категорий. Аксиоматические импликации не требуют использования никаких логических средств, кроме норм формальной логики. Напротив, неаксиоматические импликации, являющиеся лишь условием, которое желательно учитывать для повышения точности анализа, требуют подключения норм импликационной логики.

Исходные макротеории могут быть полными, т. е. охватывающими все пласты цивилизационного развития, либо неполными. На практике полные макротеории являются мнимополными, так как объяснения ряда процессов в различных пластах цивилизационного развития, не вытекают из сущности этих теорий. Фактическое историческое исследование всегда исходит из неполной макротеории. В то же время оно не может не дополнять ее частными аксиомами, не противоречащими ей, но и не вытекающими из нее. В основе исторического описания должна лежать одна и притом однозначно сформулированная макротеория, если только не провозглашается необходимость следования двум и более противоречащим друг другу макротеориям, как отражению плюралистичности самой исторической реальности. В этом последнем случае возникает необходимость применения аппарата импликационной логики.

Наконец, о месте исторической импликационной логики среди других систем современной формализованной (математической) логики. Они, как и формальная логика, оперируют лишь совокупностью А данного понятия, отвлекаясь от его структуры и рассматривая в качестве конечной неделимой единицы. Некоторые из созданных логических построений могут быть усвоены импликационной логикой и поставлены на службу потребностям исторической науки, что, однако, предварительно потребует ряда крупномасштабных исследований, проводимых совместно историками и философами, специалистами в области логики.

Примечания

1. См. напр. БЕРГСОН А. Собр. соч. Т. 5. СПб. 1914, с. 35.

Католики и протестанты: религиозный раскол XVI века в новом освещении

Н. Лемэтр

Религиозная революция XVI в. — Реформация — является событием, поставившим множество вопросов перед европейским сознанием. В начале XX в. ее рассматривали как один из первых шагов в современность, ее ассоциировали с Ренессансом, с гуманизмом, с книгопечатанием, с прогрессом человечества. Католическая церковь, в свою очередь, признавала ее значение как модного стимула для наведения порядка в религиозной жизни тех, кто не отступил от Рима. В течение длительного времени, с XVII до середины XX в., причина разногласия между христианами интерпретировалась довольно однозначно: деградация средневековой церкви, погрязшей в своих пороках. Епископы и аббаты, годами не посещавшие свои дицезии и монастыри, сосредоточение нескольких церковных бенефициев в одних руках, другие недостатки и злоупотребления в церковной жизни, как считалось, создали почву для возрождения суеверий и появления острого недовольства среди верующих. Для того чтобы их спасти (с точки зрения протестантов) или наказать (с точки зрения католиков). Господь допустил появление протестантизма, ответом на который стала Контрреформация — что-то вроде реванша, взятого папой и духовенством, которым, несмотря на действия инквизиции, не удалось уничтожить протестантизм.

Сегодня это простое объяснение нас удовлетворить не может. Почему ни католицизм, ни протестантизм не добились победы над противником, почему этот раскол западного христианского мира до сих пор так болезненно воспринимается, тогда как давно забыли об обособлении православия? Вот уже целое поколение историков, взяв на вооружение методы социологии и истории ментальностей, разрабатывает новое объяснение этого феномена. Им удалось выявить и описать процесс медленной адаптации христианства к изменениям в культуре, с которыми эволюция религии тесно переплеталась. Стало ясно, что нельзя толковать разные формы религиозного поведения в свете только того, что произошло позднее.

Протестантская Реформация и католическая Контрреформация являются всего лишь этапом в процессе развертывания институциональных и духовных перемен, начатых за два века до выступления Лютера; на этот процесс наложило отпечаток распространение нового типа религиозности сначала в монастырских кругах, затем в городских слоях. Это новое отношение к Богу развивалось рука об руку с медленным рождением ин-

Лемэтр Николь — профессор университета Париж-1 Сорбонна, заведующая кафедрой истории Западной Европы в новое время, автор многих книг по социальной и религиозной истории Франции и папства в XVI—XVIII вв.

дивидуализма, составлявшим один из движущих факторов в истории европейской культуры.

Все христиане конца эпохи средневековья желают реформы в церкви, которая плохо отвечает их тревогам, кажется им неподвижной и неприспособленной к современному миру, что они и имеют в виду, говоря о злоупотреблениях. Все, казалось, в равной степени жаждут нового религиозного опыта, ищут новых отношений с Господом; они хотят больше знать о Боге и о спасении, знать то, что лежит вне рутины привычного литургического конформизма.

Почему это привело к конфессиональному расколу? Из-за изменений в культуре? Из-за различий в манере понимать религию, которые мало-помалу стали непримиримыми? Из-за полной неспособности той эпохи вместить плюралистический подход к миру? Это, конечно, верно, но недостаточно, чтобы дать объяснение столь фундаментальному перевороту. Сегодня историкам становится все более ясно, что на переломе средних веков и нового времени реформа церкви становится императивом общественного сознания в связи с воскрешением веры в конец света.

Этот экзистенциальный страх выражается прежде всего в великой мечте, вроде той, которая породила Великие географические открытия: Христос вернется и объединит всех христиан. Это эсхатологическое упование придает надеждам христиан крайне радикальный характер, рождает чувство страстного ожидания, а их действия наделяет неожиданной силой и делает их нетерпеливыми. Во времена, кажущиеся им последними, восприятие мира обостряется. В момент возвращения Христа каждый верующий должен быть признан праведным, а церковь, объединяющая их, незапятнанной.

Постоянно сталкиваясь с переменчивым миром и меняющимися надеждами, церковь всегда оставалась «церковью реформированной и подлежащей реформе». После IV в. Латеранского собора (1215 г.) она приступила к медленному реформированию духовенства и приходской жизни. Этот возрожденный принцип медленных преобразований после собора 1311 г. стал формироваться как «реформа в голове и в членах». Проведению такой постепенной реформы мешали социальные кризисы, эпидемии чумы и войны, но пропаганда ее все продолжалась и сопровождала попытки перестроить церковь в XV веке. Новые настроения и идеи выразились в стиле «пламенеющей готики», выразительном и быстро распространявшемся, чья устремленная ввысь архитектура изогнутых линий напоминает об ином мире, сохраняя в то же время в храме теплую и задушевную интимную обстановку, пропитанную тайной.

Духовенство, разделяя новые ожидания верующих, также принимается за проповедь преобразований. Проповедники гневно обличают тех священников, которые подходят к алтарю, не протрезвев после своих попок и ночей, отданных разврату. Епископы начинают их преследовать, обрушивая яростную брань и устрашающие взыскания, и изгоняя возмутителей спокойствия при первом удобном случае. В то же время становятся все суровее наказания мирян, сожителействующих вне семьи или живущих в невенчанном браке.

Сегодня мы знаем, что эти «злоупотребления» характерны не только для XV в., который не был более аморальным, чем другие. Когда удается сосчитать в пределах достаточно большой территории число духовных лиц, имеющих сожительниц, то оказывается, что оно было не намного больше, чем в начале XIV века. Изменилось само отношение к злоупотреблениям. В начале XV в. миряне не доносили о случаях конкубината священников; теперь они делают это все чаще. Нравственность духовных лиц, отправляющих причастие — таинство спасения, — становится для них существенным вопросом.

На протяжении столетий соборы и часть духовенства пытались претворить в жизнь идеал священника, являющегося настоящим пастырем, заботящемся о спасении своей паствы. Кажется, что стремление к этому достигло зрелости в конце XV в., по крайней мере, в городской среде.

Отказ от примирительного отношения к злоупотреблениям был следствием роста и усложнения христианского сознания, вытекал из внутренней потребности в установлении личной связи с Христом, которая предполагала молитвенное общение с ним и соблюдение евангельских норм этики. Все это получило название «нового благочестия» и оно распространяется среди мирян в XV в. благодаря проповеди и чтению небольших трактатов, написанных простонародным языком. Самый знаменитый из них — «О подражании Христу» — книга, которая вопреки своей сложности и идеологии отрицания мира, стала одной из самых распространенных как у протестантов, так и у католиков.

Разумеется, в этих условиях меняется отношение к Священному Писанию, самому слову Божию. Интерес мирян к «библейским наставлениям» становится очевидным уже за век до Реформации. Для истинного христианина естественным является желание получить доступ к подлинным словам Христа. Вплоть до конца XV в. знание Библии (если не считать узкого круга интеллектуалов) сводилось к знанию душеполезных историй, усваиваемых через литургию, проповедь, через посредство изобразительного искусства и театра. Библию не читают, из ее содержания известны прежде всего рассказы о чудесах, на которые ссылаются во время споров. Христиане позднего средневековья, включая проповедников, знают Библию по ее крохам. В 275 приходах Руэрга (Центральный массив, Франция) в середине XIV в. было 1439 книг, из которых только четыре Библии, толстые книги, прикованные цепью на клиросе, которые невозможно было читать постоянно. Монахи знали те фрагменты Писания, которые читались в ходе богослужения (все псалмы из Псалтыри, например, прочитывались в течение недели); но и они не читали Библию самостоятельно и регулярно.

Не стоит думать, что изобретение книгопечатания резко изменило такое положение вещей. В 206 приходах Руэрга в 1524—1525 гг. на 1128 книг было только пять Библий, из которых лишь одна печатная. Библия остается книгой редкой и дорогой. В напечатанном виде она, однако, становится удобной для чтения и побуждает тех, кто знает грамоту, читать и изучать Священное Писание.

Кружки гуманистов показали значение постоянного чтения Библии. Крупные представители гуманистической интеллигенции, преобразующие культуру, со страстью разыскивают лучшие тексты — самые древние, самые достоверные, — развивая таким образом в образованной среде вкус к поиску истоков, к прямому доступу к текстам, что в равной мере касается и Библии, и античных авторов. На это желание самостоятельного знакомства с Библией позднее (в 1538 г.) будет ссылаться Лютер, утверждая, что Библия была никому не известна.

Успехом гуманистической школы было появление кружков «библеистов» в начале XVI в. — Эразма Роттердамского и его друга Мора, а также французов из окружения Жака Лефевра д'Этапля. Но это поощрение самостоятельного чтения содержит в зародыше ужасный вопрос: является ли понятным текст Священного Писания? И если он нуждается в толковании, то кому его можно доверить? Индивидуальному разуму, просвещенному Святым Духом, или церкви, которая является хранителем традиций экзегетики? Отныне, таким образом, возникает конфликт между персональным восприятием христианского опыта и необходимостью институционального регулирования церковного вероучения.

Стремление к восприятию религиозных норм тесно связано с усложнением внутренней духовной жизни индивидуума, что было, в частности, плодом настоятельных усилий церкви, начиная с IV Латеранского собора приучить верующих к ежегодной исповеди. На протяжении двух веков использовались все средства, чтобы при помощи театра, литературы, проповеди, пасхальной мессы внедрить в сознание прихожан представление о смертных грехах. На Пасху или в Великий четверг в франкоговорящих странах проводилось коллективное покаяние в обыкновенных грехах, за которым следовало их условное отпущение.

Этот ритуал, восходящий к заново истолкованному в педагогических

целях обряду покаяния из каролингской эпохи, можно найти в требниках, предназначенных для использования в приходах. Он вводит в практику норму, обязывает человека хоть немного задуматься о самом себе, что необходимо для развития индивидуального самосознания. Поразительный рост в начале XVI в. тиражей небольших печатных книжечек, содержащих перечисление смертных грехов показывает, что при этом могли обходиться и без помощи священника.

Постепенное утверждение примата внутреннего религиозного переживания в религиозной культуре порождает кризис традиционных церковных механизмов регулирования жизни верующих. Но не следует, однако, полагать, что это оттесняет обряды на второй план. В период между 1480 и 1520 годами, напротив, изобилие обрядов достигает апогея. Никогда ранее христиане так часто не отправлялись в паломничество, никогда не устраивали так много религиозных процессий, никогда так не волновались, созерцая церковные реликвии и принимая святое причастие, никогда не заказывали столько мест для смягчения страданий душ в чистилище.

Мыслители того времени гневно возмущаются внешнеобрядовым благочестием — в той мере, в которой они дают иллюзию спасения. Но даже такой великий критик, каким был, например, Эразм Роттердамский, чья злая ирония в «Похвале глупости» и тонкая критика в «Оружии христианского воина» широко известны, сам предпринимал паломничества и сочинял молитвы Богородице. Подобные проявления набожности могут, следовательно, также служить опорой или собственно выражением подлинно религиозной жизни.

В начале XVI в. эсхатологические настроения и стремление к набожности и более близкой к своим евангельским истокам вере соединяются в один поток, форсируя подготовку реформ. Стремительность перемен ведет к тому, что часть христиан разорвала с Римом (это можно назвать реформой-разрывом), тогда как другие сделали выбор в пользу реформы без раскола (это можно назвать преемственной реформой). И те, и другие глубоко изменили средневековую церковь — произвели то, что можно назвать Реформацией.

Как же произошел переход от реформ к Реформации?

Новая культура придает большое значение внутренней потребности в вере и возврату к истокам первоначального христианства; однако реформы, программы которых предлагались то там, то здесь епископами и главами монашеских орденов, не могут прямо ответить на эти потребности. Настоятельные требования времени ведут к отказу от поверхностной реорганизации, к поискам нового мира, немедленной и глобальной реформы, а не реформы клерикальной, плоды которой миряне смогли бы вкушать только во вторую очередь, при посредничестве достойных, набожных и ученых пастырей.

При переходе от средневековых реформ к Реформации нового времени произошло изменение ее масштабов и приоритетов. Между 1510 и 1520 годами верить в реформу не значило верить в раскол самой церкви. Между стремлением к реформе и ее претворением в жизнь, собственно Реформацией, находится еще одна ступень. Старое французское слово «реформация», от которого отказались только в XIX в. (сохранившееся в английском и немецком языках), имеет то преимущество, что проводит различие между движением идей (реформ) и установлением новых принципов функционирования церкви (Реформация).

По-французски слово «реформация» применяется к реформации Кальвина, но реформа и Реформация никогда не были одним и тем же. Разрыв с Римом проходил в несколько стадий, которые были в такой же степени ответом на некоторые из вопросов, вставших перед христианским сознанием с начала XVI в., в какой и выбором новых путей, которые, как следует помнить, не сразу стали взаимоисключающими. Только после 1540-х годов, да и то едва ли, границы между конфессиями стали отчетливыми.

Реформация стала «протестантской» в 1529 г., когда депутаты-лютеране сейма в Шпейере принесли Карлу V протест против решений католического большинства. Слово стало символом присоединения к сражению

против Рима. Известно, что первым, кто отважился на прямой разрыв, был Мартин Лютер. Его поступок никогда бы не оказал такого влияния, если бы за ним не последовали другие, в городах и деревнях прирейнско-фламандской части Европы. Равным образом, протестантизм никогда бы не стал тем, чем он является, без второго поколения реформаторов, шедших за Кальвином.

10 декабря 1520 г. Лютер решил сжечь осуждающую его буллу не из духа неповиновения, а из верности голосу совести. Этот поступок явился заключительным шагом в долгих поисках пути спасения души, начатых в 1505 г., когда сын саксонского рудокопа в возрасте 22 лет поступил в монастырь августинцев в Эрфурте. В этом суровом монашеском ордене, где применялись нормы «нового благочестия», он стал примерным, но охваченным духом сомнения монахом. В 1507 г. он стал священником, в 1512 был избран приором своего монастыря в Виттенберге, получил степень доктора теологии, однако не свyksя со спокойной жизнью сытого «монаха». Однажды вечером в 1512 или 1513 г. он обнаруживает в «Послании к римлянам» (I, 17) слова, что только вера дает спасение, что она является бескорыстным даром Господа ради Христа, что все усилия человека, направленные на его обретение, напрасны. В этих словах он обрел и уверенность и радость и погрузился в изучение Библии, чтобы передать эти чувства своим ученикам.

Мысль о том, что спасение дается только верой, не является еретической. Это позиция августинцев, разделяемая многими монахами; например, реформатором ордена доминиканцев и будущим полемистом Кайетаном. Поэтому неоднократно на протяжении века будут предприниматься попытки восстановить согласие между католиками и протестантами по вопросу о спасении верой. Для человека, обретшего такую внутреннюю убежденность, невозможно желание получить какое бы то ни было доказательство спасения посредством внешних поступков. Монах Лютер в этом сближается с интеллектуалами своего времени.

Однако в 1514 г. для получения архиепископства в Майнце Альберт Бранденбургский, уже дважды епископ, пообещал своему клиру, что тому не придется оплачивать его расходы при римском дворе. Банкир Якоб Фуггер одолжил ему требуемую сумму, и новый архиепископ получил от папы разрешение на продажу индульгенций. Часть суммы от нее пошла на уплату долга Фуггеру, а другая была израсходована на реконструкцию собора св. Петра в Риме. Простые верующие были очень падки на индульгенции; последние позволяли им выбирать своего духовника, рассчитывать на сокровищницу заслуг, аккумулированных святыми в церкви, пользоваться ее заступничеством, чтобы сократить время пребывания в чистилище. В принципе, индульгенция дается только кающемуся грешнику, но совершенно ясно, что пожертвование какой-то суммы часто заменяло искреннее раскаяние. Доминиканец Тетцель, продавая от имени архиепископа индульгенции, предоставлявшие их владельцу право на облегчение его пребывания в чистилище, утверждал: Как только деньги зазвенят в кружке, так душа будет спасена.

Лютера шокирует не то, что епископ совмещает бенефиции, не соединение веры в спасение с деньгами, но злоупотребление легковерием народа, иллюзорность предлагаемого людям пути спасения души. Лютер прав, и он не первым стал критиковать это извращение. Его 95 тезисов против индульгенций, вывешенные, вероятно, 15 октября 1517 г. на двери часовни Виттенбергского замка и в течение нескольких дней распространенные его учениками, не несут ничего революционного. «Дело» Лютера и начало его расследования в Риме было вызвано тем, что его личный бунт, начавшийся в декабре 1520 г., стал бунтом целого народа.

Весной 1521 г. Лютер должен был предстать перед Вормским рейхстагом, созданным императором Карлом V. От него потребовали отречения от его сочинений. 17 апреля после ночи, проведенной в размышлениях, он отказывается выполнить это требование и заявляет: Если меня не убедят посредством Священного Писания или другими решительными доводами, я не могу отречься, так как я не верю ни в непогрешимость папы, ни

в непогрешимость соборов, поскольку очевидно, что они сами себе противоречат. Я был убежден аргументами, которые содержатся в Библии и которые я приводил, и совесть моя связана божьим Словом. Я не могу и не хочу отказываться от чего бы то ни было, так как опасно и предосудительно поступать вопреки своей совести.

Простой монах бросил вызов папе и императору, двум наиболее могущественным лицам в христианском мире! Но он говорил не только от своего имени. Лютер стал символом для всех тех, кто решился противостоять подавлению локальных свобод. Бунт Лютера, индивидуальный и религиозный, выражает также более или менее осознанные устремления некоторой части духовенства и мирян. Своей скрытой критикой верховной власти во имя требований веры он дал надежду всем локальным сообществам, чья автономия находилась под угрозой — в частности, свободным имперским городам Германии, этим маленьким республикам, привыкшим к самоуправлению и стремившихся к освобождению от епископского или монаршего гнета.

После 1521 г. бюргеры Констанца отказались исполнять Вормский эдикт, осудивший Лютера. Этому примеру вскоре последовали во всей Германии и Швейцарии, однако Лютер не остался единственным реформатором. Другие города предпочли последовать за «своими» реформаторами, такими, как Цвингли (1484—1531), бывшим с 1519 г. священником кафедрального собора в Цюрихе. За этим политическим единодушием могут скрываться различные религиозные мотивы. Цвингли оказался радикальнее Лютера в отрицании католических таинств.

В народных слоях оспаривание таких почитаемых авторитетов, какими были Рим и Империя, стал признаком близящегося конца света и второго пришествия Христа, который идет «чтобы низложить сильных с престолов и вознести смиренных» (Лука, I, 52). Милленаризм приходит на службу социальным требованиям; его проповедуют ученики Лютера и Цвингли, уверяющие, что царство справедливости и братства должно наступить сейчас, что Христос собирает своих избранников через новое крещение (отсюда название анабаптистов — «перекрещенцев»). Эти радикалы, которые очень скоро подверглись осуждению, на свой лад выражают стремления конца XV века. Несмотря на систематические гонения, анабаптистам удалось выжить в Европе до того времени, как их движение получило дальнейшее развитие в Новом Свете — их Новом Иерусалиме.

Создание того, что может быть названо протестантской цивилизацией, является делом второго поколения реформаторов, мирян, понимавших церковь, общество и их отношение к Богу по-другому, чем выходцы из церковных кругов, составившие круг реформаторов первого поколения. Именно они сделали разрыв с Римом необратимым — и особенно это касается Кальвина, которому удалось столь ясно выразить устремления этой генерации протестантов.

Кальвин, родившийся в 1509 г., получил образование в период, когда протестантские идеи понемногу распространяются по всей Франции. Его деятельность началась в 1536 г, когда он выпустил в Базеле свои «Установления христианской веры» для защиты позиций преследуемых французских протестантов, и в Страсбурге, когда он занимался французскими беженцами. После своего второго и окончательного возвращения в Женеву и перевода с латыни на французский язык «Установлений» (1541 г.) он разработал доктрину, которая была обращена к небольшим группам французских сторонников Реформации. Эта доктрина подвела итог идейным исканиям протестантов, обосновывая тезис о спасении только благодаря вере и следованию Священному Писанию, восстанавливая принцип доступа к священству всех верующих, провозглашая учение о предопределении (Господь предвечно предопределяет своих избранников спасению, и, будучи достоверно известны лишь ему одному, они могут узнать друг друга по факту принадлежности к видимой истинной церкви).

В Женеве Кальвин создал для протестантов не только модель церкви, но также и французскую базу для пропаганды и убежище для эмигрантов. Проповедь кальвинизма велась повсюду, но соответствующую стабильную

церковную организацию (консистории, таинства «по женеvскому типу») удалось создать первоначально только во Франции в отдельных привилегированных городах. Анализ соотношения политических сил в небольших городах Юго-Западной Франции в начале XVI в. показывает: как и в Германии и Швейцарии, стремление мирян освободиться от участия духовенства в управлении общегородской собственностью сыграло большую роль в переходе городских властей на сторону Реформации. Пользуясь сознательной бездеятельностью или беспомощностью нотаблей-католиков лидеры городских общин, как это было, например, в Мийо в 1561 г. завладели церквями и имуществом, которое им позволяло непосредственно руководить организацией благотворительности и школами, как они привыкли делать это еще в XVI—XV веках. Именно они обратились к Женеvе с просьбой прислать им пастыря и избрали членов консистории. Коротко говоря, местная церковь оказалась в их руках.

У мелкопоместных дворян, вставших на сторону Реформации и стремившихся к созданию собственной протестантской партии, также заметно, наряду с возможными личными религиозными убеждениями, то же самое желание сохранить власть над духовенством и церковью в своих поместьях, которыми епископальные службы, по их мнению, занимаются или слишком своевольно или слишком мало. Только после 1564 г. они осознают, что изменение строя церковной администрации влечет за собой религиозный раскол.

Реформаторы были убеждены, что они перестраивают всю церковь целиком и что старая церковь исчезнет. Этого не произошло. Католицизм не был до такой степени коррумпирован и архаичен, как полагали. Внутри самого католического движения за реформы в церкви в конце XV в. существовали тенденции, предвосхищавшие Тридентский собор. Эти тенденции представляли собой еще один ответ на вопросы, поставленные той эпохой.

Тут встает вопрос об истоках так называемой католической реформы, параллельной Реформации. Если переход к Реформации не понимать как ответ на злоупотребления церкви, на косную неподвижность папства, то отчего же тогда произошла Реформация? Уже полвека назад историки заметили, что Реформация привилась в тех епархиях, в которых уже прежде была существенно реформирована церковная жизнь: там, где стали производиться регулярные инспекционные поездки епископа в подчиненные приходы (визитации), где созывались синоды, где верующие часто отправлялись в паломничество, где воздвигались многочисленные придорожные распятия — например, в епархиях Карпантра, Родеза, Мо, Меца, Турнэ. В нищенствующих орденах — доминиканском, францисканском (и позднее у капуцинов), у августинцев (к которым принадлежал Лютер) возврат к древним уставам начался уже в конце XV века. С грехом пополам монахи шли следом.

Французская монархия неоднократно созывала синоды епископов и глав монашеских орденов (в 1484, 1493 1510 гг.), чтобы провести реформу духовенства. О начавшихся переменах говорит один верный признак: многие парижские университетские преподаватели и гуманисты (например, Ги Жуанно и Жан Ролен), стали монахами (в 1492 и 1498 годах) и пытались проводить реформы в монастырском мире. Вокруг других преподавателей Парижского университета, таких как Жак Лефевр д'Этабль (1455—1536) в коллеже кардинала Лемуана или Жан Стандонк в коллеже Монтегю (где учились Эразм, Кальвина и Игнатий Лойола), формировалась плеяда мыслителей, которые в дальнейшем становились священниками или епископами.

К 1510—1520 гг. это поколение священников, сформировавшихся между 1490 и 1500 годами, пришло к власти. Их объединяла единая культура, широко открытая гуманизму, одно и то же влечение к библейским штудиям и один и тот же идеал реформы.

Другим аспектом начавшихся церковных реформ была перестройка пастырской работы в приходах.

Во Франции галликанские принципы реформирования духовенства вошли в силу с конца XV века. Они опирались на старинный идеал, который!

снова стал высоко цениться благодаря трудам таких деятелей, как Николай де Кламанж и Жан Жерсон в начале века. Для этих сторонников преобразований было ясно, что реформу надо начинать со священников. Епископ Родеза Франсуа д'Эстен, например, говорит об этом в 1518 г. в своем послании, направленном против тех епископов, которые слишком склонны к рукоположению священников на скорую руку.

Священники обеспечивают животворящее присутствие Господа во время святого причастия, возобновляя жертвоприношение Христа во время мессы; огни несут ответственность за приобщение прихожан к благодати во время раздачи святого причастия; они ведут верующих к спасению. Следовательно, они должны быть солью земли и уподобиться ангелам: стать пронизательными и знающими, чтобы уметь распознать грех; сведущими, чтобы проповедовать; добродетельными, чтобы подавать хороший пример. Взамен верующие должны почитать их как своих вожатых и любить их. Обновление духовенства состояло в восстановлении их ответственности за пастырскую работу и укреплении авторитета церковной иерархии. Епископы начала XVI в. и их советники предлагают в качестве идеала реформы модель обновленного клерикализма, для которого отсутствие священнослужителя по месту службы является нетерпимым.

Отлучки священнослужителей из приходов не следует смешивать с моральной деградацией духовенства. Последняя порождается одновременно и организационными, и экономическими причинами. Число прошедших через семинарии священников росло, а лучшие приходы приберегались для тех, кто имел университетский диплом, то есть для представителей интеллектуальной элиты, которые искали средства к существованию, чтобы продолжить ученую деятельность и карьеру. Таков был результат желания галликанцев и университетских деятелей приберечь лучшие бенефиции для имеющих лучшее образование. Хозяйственный прогресс позволял все большему числу священников найти платного заместителя среди молодых духовных лиц из зажиточных слоев небольших городков, еще слишком бедных, чтобы оплатить свое будущее учение, но достаточно богатых, чтобы посещать местную школу.

В начале XVI в. отсутствие священнослужителя по месту службы касается 60—80% приходов; но оно, кажется, не наносит им вреда, если судить по их общему хорошему состоянию, по количеству построенных церквей и часовен. Действительная проблема заключалась не столько в отсутствии по месту службы занимающего штатную должность дипломированного священника, слишком ученого для простонародья, и к тому же чуждого для него, сколько в качествах того, кто его замещал. Верующих оскорбляет или вообще отсутствие священника или неразвитость в нем сознания профессионального долга. Если же замена была обеспечена так, как это предусмотрено каноническим правом, если священник призван и проверен епископальными службами, как это было в Родезе и в Мо, прихожане прекрасно переносили отсутствие того настоятеля прихода, который распоряжался церковным бенефицием. Поэтому не стоит спешить судить об отсутствии титулярных священников в приходах, вставая на точку зрения публицистов того времени.

Главным результатом отсутствия священника по месту службы стало то, что миряне взяли на себя ответственность за управление приходом. Приход становился автономным. Однако богословские учения раннего нового времени о священстве видели в священнике — пастыря, вожатого верующих и настаивали на строго церковном управлении приходами. Тридентский собор, который придал еще большее значение власти епископов и священников, стал подтверждением этой тенденции. Однако далеко не все миряне готовы были устраниваться от местных церковных дел, особенно в то время, когда духовное и мирское оставались тесно переплетенными. Миряне хотели прежде всего получить ответ на свои запросы, хотели видеть духовенство, занимающееся своим делом, и не были склонны принять усиление церковной власти.

Чтобы удовлетворить потребность населения в проповеди, города нанимали проповедников на период, предшествующий Рождеству и на

Великий пост. Это происходило с согласия церковных властей, пока последние не чувствуют себя под угрозой и пока подозрение в лютеранстве не пало на проповедников. Со своей стороны, наиболее умные епископы пытались помочь священникам и всем тем, кто был причастен к пастырской работе, научиться самостоятельно читать проповеди, предоставляя им печатные церковно-служебные книги, содержащие поучения для чтения их прихожанам. Некоторые из авторов даже стремились соединить новые культурные веяния с этой проповедью.

Гийом Брисонне из группы сторонников церковных преобразований в Мо между 1518 и 1525 годами решил пойти даже дальше и попросил своего старого учителя Лефевра д'Этапля перевести Евангелие на французский язык, а его последователей — читать проповеди в различных частях епархии, чтобы ускорить их просвещение. Однако вскоре «кружок из Мо» посчитали причастным к бунту Лютера, что повлекло за собой его обвинение и осуждение. В 1528 г. на соборе в Сансе было предложено ограничиться переводом сочинений Жана Жерсона (написанных еще в 1404 г.!) — до такой степени перевод Библии отдавал ересью после осуждения его Сорбонной; епископы в других епархиях так же отнеслись к переводам Священного Писания на французский или провансальский язык.

Знаменательным, однако, является то, что рядом с радикалами «кружка из Мо», присоединившимися к Реформации, как Гийом Фарель, пригласивший Кальвина в Женеву, мы встречаем в религиозных конфликтах той эпохи и умеренных гуманистов таких, как Мишель д'Аранд, Жерар Руссель и Никола Дю Манжен, которые стали епископами благодаря поддержке Маргариты Наваррской, сестры короля и покровительницы Жака Лефевра д'Этапля. Так или иначе, сторонники перевода Библии потерпели крах, не сумев опровергнуть обвинения в лютеранстве. Другой причиной их поражения была недооценка консервативной инерции в развитии религиозных чувств общества. Они вызвали негодование тем, что проповедовали отказ от употребления святой воды, а особенно от веры в чистилище и культа Богородицы. Строгий «библеизм» оказался в конфликте с религиозными представлениями, которые продолжали жить в глубине христианской культуры.

Тем не менее традиционные религиозные ценности нельзя приравнять ни к «обрядоверию», ни тем более к суевериям. Католическая набожность была явлением более глубоким. Поклонение Богородице, которое распространялось все более с XIV в., не было формой лишь народной религиозности. Большая часть представителей парижской университетской среды 1490-х годов с жарким пылом защищала, например, представление о непорочном зачатии Богородицы. Образ Богородицы пользуется таким успехом, что верующие беспрестанно обращаются к ней с просьбами — к великому огорчению некоторых гуманистов, а особенно будущих кальвинистов, которые считали, что Дева Мария слишком часто заслоняет образ Христа, единственного посредника между Богом и людьми.

Богородица XV в. это не только Мадонна с младенцем, это также Мать скорбящая, Пиета, персонаж, тесно связанный с почитанием креста Христова; та, что не протестуя, держит свое мертвое дитя на коленях. Она прежде всего — воплощение милосердия, та, что защищает и успокаивает в складках своего покрова; та, что обладает возможностью отвести божий гнев. Отсюда становится понятным, почему парижане в 1528 г. не могли смириться с повреждением изображения Богородицы на улице Розье — первым актом иконоборчества. Это стало и первым всплеском антипротестантских чувств народа, предвестником тех, которые проявятся через поколение.

Верующие не могли обойтись без этого согревающего душу культа, который есть также культ чистой веры, чудесного воплощения и спасительного искупления. Они не могли обойтись и без культа святого причастия, которое дает им уверенность в материальном присутствии Христа среди них, Христа, которому поклоняются, но с которым можно также вступить в диалог. С конца XV в. торжества по случаю праздника тела Господня

превосходят празднества, устраиваемые на Троицу. Вся община участвует в процессии, несущей мощи святых и освященные облатки. Их складывают в один сосуд, ковчежец-монстранцию, над которым все чаще возвышается цилиндр или стеклянный сосуд в форме полумесяца с просфорой. Таким образом, Небесный двор предстает среди людей; Церковь торжествующая как бы материально соединяется с церковью воинствующей в этом мире. Эта символическая связь тем более сильна, что она является одновременно самовыражением утверждения гармонии в церковной общине и в обществе в целом.

В этом случае речь идет о другом, по сравнению с протестантизмом, типе поисков внутренней религиозности. Это, конечно, более коллективная, чем индивидуальная, форма благочестия. Однако, не отрицая индивидуальной набожности, эта форма религиозной жизни доступна самому большому числу людей в соответствии с уровнем религиозной культуры каждого. Поэтому становится понятно, почему именно отрицание протестантами культа святых и святого причастия вызовет самую острую вспышку насилия в начале религиозных войн.

С конца XV в. в религиозной культуре общества присутствуют те черты, которые стали особенно существенными в эпоху Контрреформации. Эти формы набожности значительно менее поверхностны, чем о них говорят, пока трудно определить меру их глубины. Именно с опорой на них строится линия обороны католической реформы перед лицом Реформации.

Итак, еще до Реформации сложилось религиозное мироощущение, основанное более на визуальном восприятии христианства, чем на слушании Слова божьего. Этот тип религиозности с самого начала противостоял пессимизму, строгости и сдержанности протестантской религиозной культуры. Этим ощущениям чужда религия без яркого света, без блеска, без коллективно переживаемых эмоций. Это не ментальность, основанная на магии, но другой способ переживать доверительные отношения с Богом: при посредстве церкви, которая является ободряющим единением святых на небе и на земле, гарантом вечного братства.

Рассматривать произошедший в XVI в. раскол среди западных христиан с точки зрения противостояния конфессий, значит смотреть на него предвзято. На протяжении длительного времени церковь очень чувствительно воспринимала этот разрыв и то, что разделяло католиков и протестантов. Сегодня нас, напротив, поражает родство обеих реформ, протестантской и католической, их общая забота о передаче религиозного опыта через катехизис и обучение, их общее стремление к порядку, коренящееся в желании примирить внешний образ общины с ее внутренним устройством. Это же стремление к порядку обуславливало и движение к современному типу государства, как это показывают немецкие историки, пишущие о процессах «конфессионализации» в религиозной и политической сфере.

Тенденции протестантской Реформации и католической реформы переплетены в огромном разнообразии религиозного опыта в конце эпохи средневековья. Был ли раскол неизбежен? Никто никогда не сможет ответить на этот вопрос, да он и не является существенным для историков. Люди XVI в. не могли представить сосуществование нескольких истинных христианских церквей, так как они верили в гомогенное единство мира, в котором Бог добивался гармонии в своем царстве даже при помощи железа и крови.

Без возникновения идеи об автономно развивающейся природе, без «расколдования» этого мира, невозможно воспринимать его во всем его разнообразии. Поскольку сегодня мы понимаем мир по-другому, то можем смотреть на других людей так же, как смотрим на себя, а не как на еретиков, язычников или отверженных. Огромной силой религиозия открывается то, что они могут адаптироваться к культуре, находящейся на новом витке развития. Однако и в нашем секуляризованном обществе еще остается некая мифоподобная ностальгия по утерянному единству, порожденная тем, что и католики и протестанты принадлежат к одному культурному миру.

АНТОН ИВАНОВИЧ ДЕНИКИН

А. И. Козлов

12 апреля 1918 г., четвертый день непрерывного штурма Екатеринодара — столицы Кубанского казачьего войска, ставшей тогда только что цитаделью победившей на Кубани советской власти, — снова не увенчался успехом. Рождавшаяся Добровольческая армия, состоявшая почти целиком из офицеров, опять откатилась от его стен, понеся тяжелые потери. На заседании совета армии, созванном генералом Л. Г. Корниловым вечером того же дня, выяснилась удручающая картина. В Партизанском полку осталось не более 300 штыков, в Корниловском — и того меньше. Не лучше обстояло дело и в других частях. Большинство участников совещания склонялось к прекращению осады и к спешному отступлению. Тем не менее, не вдаваясь в обсуждение создавшейся ситуации, Корнилов заявил присутствующим: Я решил завтра на рассвете атаковать по всему фронту. Как ваше мнение, господа?» Нарушая воцарившееся тягостное молчание, только генерал М. В. Алексеев поддержал командующего армией, но предложил перенести штурм на 14 апреля. Корнилов согласился.

Оставшись с ним наедине, генерал А. И. Деникин, заместитель командующего и одновременно назначенный перед тем генерал-губернатором Кубанской области, спросил его: «Лавр Георгиевич, почему Вы так непреклонны в этом вопросе?» Последовал ответ: «Нет другого выхода, Антон Иванович. Если не возьмем Екатеринодар, то мне останется пустить себе пулю в лоб». Генерал Марков, возвратясь в свой штаб, сказал своим приближенным. «Наденьте чистое белье, у кого есть. Будем штурмовать Екатеринодар. Екатеринодар не возьмем, а если и возьмем, то погибнем»¹

Ранним утром 14 апреля клочья легкого весеннего тумана повисли над ложбинами. Лишь вершины пригорков высветились первыми лучами восходящего солнца. Добровольческая армия ждала сигнала. Защитники города, опережая, подвергли ее расположению интенсивному артиллерийскому обстрелу. Один снаряд врезался в домик на территории Образцовой сельскохозяйственной фермы и, пробив стену, разорвался прямо в комнате, где за столом в тот момент находился командующий. Окровавленного, его вынесли на обрывистый берег по-весеннему многоводной и бурной Кубани, где он, не приходя в себя, скончался через несколько минут.

Тотчас состоявшееся после этого совещание высших столпов Добровольческой армии без дебатов назвало Деникина преемником Корнилова. После краткого совещания новый командующий пробил отбой. И Доб-

Козлов Александр Иванович — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой Ростовского университета.

ровольческая армия, гонимая и преследуемая, снова бросилась на Дон, где она родилась в конце 1917 г. и откуда была вытеснена частями Красной Армии в конце февраля 1918 года. Роковое утро для Корнилова, таким образом стало точкой отсчета новой полосы в биографии Деникина — вознесения на самую вершину белого движения и катастрофического падения с нее.

Почему же в столь тяжкий критический момент для всего белого движения его руководители вручили свою судьбу именно в руки Деникина? И разве на эту роль не нашлось бы среди них тогда другого, например, хотя бы Алексева, пользовавшегося в своих кругах непререкаемым авторитетом? Нет ни одной книжки по истории гражданской войны в России, где бы не упоминалась фамилия Деникина, но в них не содержится ответов на эти вопросы. Зато накопилось немало небылиц. А. П. Алексахенко утверждал, что Деникин был выходцем из курских помещиков². Однако это не имеет ничего общего с действительностью. Это стало тем более очевидным, когда соотечественники ознакомились с его собственными сочинениями, увидевшими свет, наконец, и в России.

Отец Антона Ивановича Деникина, Иван Ефимович, до 27-летнего возраста был крепостным, пока, очевидно, в 1834 г., не попал в армию по рекрутскому набору. И уже после службы, получив вольную, он поступил в бригаду пограничной стражи в Польше, где выбился в офицеры и перед выходом на пенсию получил чин майора. Антон был третьим в семье ребенком, родился в 1872 г., когда отцу его уже исполнилось 65 лет. Семья Деникиных никогда не знала особого достатка. Но после смерти ее главы она оказалась, по характеристике самого Антона Ивановича, вообще на грани нищеты. Во всяком случае, матери, женщине простой и необразованной полячке, плохо говорившей по-русски, пришлось пойти в услужение к господам офицерам — стирать белье.

Как же случилось, что в конце концов Деникин, по сути плебей по происхождению, оказался на самом гребне волны российской контрреволюции, а А. А. Брусилов, например, родовитый дворянин, перешел на службу в Красную Армию, хотя, если следовать долго господствовавшим в нашей литературе догматам, все должно было обстоять наоборот? Да такой вопрос и не ставился советской наукой, поскольку ответ на него требовал рассмотрения конкретных событий, числившихся по разряду запретных.

Антон Деникин получил доступ к образованию как сын офицера. Обладая способностями и жадой «выбиться в люди», он успешно закончил сначала реальное, а потом и военное училище. После непродолжительной службы, в войсках, в 23 года, Деникин продолжил образование в Академии Генштаба. По ее окончании, в числе 50 лучших из 100 выпускников он причисляется к корпусу Генерального штаба³, что открывало перед ним блестящую карьеру.

Годы обучения офицера были не только временем обретения обширных и всесторонних знаний, но и формирования, становления личности и политического облика, особенно в академии — кузнице генералитета российской армии. Долгие годы ее возглавлял видный ученый, генерал М. И. Драгомиров. С конца XIX в., когда в ряде стран — и в России тоже — развернулось строительство массовых вооруженных сил, состав офицерства до того замкнутый и привилегированный, значительно разбавился выходцами из демократическо-разночинных слоев населения. Естественно, соответствующим образом это сказалось и на составе слушателей военных училищ и академий, служило истоками существовавшего в их стенах идеологического плюрализма.

В таком политическом котле складывалось мировоззрение русских офицеров, в частности, Деникина. Брусилов, «барин» «по привычкам, вкусам, симпатиям и окружению», считал большинство русских офицеров неразбиравшимися в политических партиях и неподготовленными к восприятию идей революции (Т. I, вып. 1, с. 11)⁴. Деникин, ближе стоявший к этой массе и, очевидно, лучше знавший ее, не во всем разделял такую оценку. По его мнению, она действительно во многом была такой, но только до 1905 г.,

когда военная идеология строилась по формуле «За веру, царя и отечество». Позднее офицерство сильно качнулось в сторону либерализма и даже, правда, в редких случаях, демократизма, хотя монархические убеждения еще продолжали сохраняться у значительной его части. Не случайно Департамент полиции установил бдительный надзор за офицерским корпусом, введя в каждый штаб округа жандарма.

Офицерство еще больше демократизировалось в годы первой мировой войны. «Мистическое обожание» монарха померкло тем более, когда Николай II, объявив себя Верховным главнокомандующим русской армии, на этом посту ничем себя не проявил. Порождением этой среды был и Деникин. Черты его политического облика определялись не воспоминаниями о трудностях детства и юности, а спецификой той общей атмосферы, в которой он повседневно вращался и воздухом которой дышал. Воспоминания о нелегком прошлом, наоборот, в нем пробуждали стремление крепче держаться за достигнутое ценой больших усилий. Его взгляды не отличались особой широтой, глубиной, четкостью и стройностью. В конце своей жизни он откровенно признавался: «В академические годы сложилось мое политическое мировоззрение. Я никогда не сочувствовал ни «народничеству»... — с его террором и ставкой на крестьянский бунт, ни марксизму с его превалированием материалистических ценностей над духовными и уничтожением человеческой личности. Я принял российский либерализм в его идеологической сущности без какого-либо партийного догматизма. В широком обобщении это приятие приводило меня к трем положениям: 1) конституционная монархия; 2) радикальные реформы и 3) мирные пути обновления страны. Это мировоззрение я донес нерушимо до революции 1917 г.»⁵.

Деникин не примыкал ни к каким оппозициям, верно служил, но при своих больших способностях продвигался вверх, однако, не так быстро. В ходе русско-японской войны, в 33 года, он стал начальником штаба дивизии и командиром отряда. Только на 38 году жизни, в 1910 г., получил полк, а в июне 1914 г., 42 лет, был произведен в генерал-майоры. Лишь в годы войны он быстро пошел в гору: генерал-квартирмейстер штаба 8-й армии, возглавлявшейся Брусиловым, затем — командир бригады, дивизии и корпуса. Начальники, в основном, были довольны им, его отношением к делу.

Брусилов, с 1917 г. питавший обиду на Деникина, не без предвзятости оценивал так его: «хороший боевой генерал, очень сообразительный и решительный..., характера твердого», но неуравновешенный и очень вспыльчивый, весьма прямолинейный, непреклонный в решениях, несообразующийся с обстановкой, почему часто попадавший в тяжелое положение. Кроме того, Брусилов отмечал: Деникин «не без хитрости, очень самолюбив, честолюбив и властолюбив. У него совершенно отсутствует чувство справедливости и нелицеприятия: руководствуется же он по преимуществу соображениями личного характера. Он лично храбрый и в бою решительный, но соседи его не любили и постоянно жаловались на то, что он часто старается пользоваться плодами их успехов». И в заключение этой характеристики Брусилов добавил: «Политик плохой, в высшей степени прямолинейный, совершенно... не принимавший в расчет обстановку, что впоследствии ясно обнаружилось во время революции»⁶.

Не совсем удачно складывалась личная жизнь Деникина. Он полюбил замужнюю женщину, но обручился только с ее дочерью, когда ему шел уже 45 год. Впоследствии Ксения Васильевна, которую он нежно любил, делила с ним все тяготы войны. Ее муж был бессребреником, никаких личных средств не имел. Жена сама стряпала, а генерал ходил нередко в заплатанных штанах и дырявых сапогах⁷.

Трудно сказать, как бы у Деникина сложилась военная карьера, если бы не Февральская революция, которую он встретил если и не враждебно то весьма недружелюбно. Посещение Петрограда в марте 1917 г. породило у него «тягостные чувства». Дежурный караул в гостинице «Астория» он воспринял как «грубых и распущенных гвардейских матросов», в завоевани-

ях революции ему виделись запах смерти и тлена. «Я ни на одну минуту, — писал он, — не верил в чудодейственную силу солдатских коллективов и потому принял систему полного их игнорирования». Такие настроения получили незамедлительную оценку в высших кругах, взявших курс на установление в стране сильной власти путем передачи ее в руки военных. 5 апреля 1917 г. Деникин назначается начальником штаба при Верховном главнокомандующем, хотя Алексеев, исполнявший эту должность, явно не хотел иметь его в качестве своего ближайшего помощника (Т. I, в. 1, с. 72, 93, 94). Но очень скоро они нашли между собой общий язык.

4 мая 1917 г. на совещании руководителей Ставки, главнокомандующих фронтами и представителей исполкома Петроградского совета, проходившем в столице, генералы Алексеев, Брусилов, Щербачев, Гурко и другие предъявили Временному правительству очень жесткие требования. Непременно выступил Деникин, обвинивший в гибели армии не только большевиков, как и все, но и Временное правительство, меньшевиков и эсеров, пытающихся превратить ее «в средство для разрешения партийных и социальных вождедений».

8 мая в Ставке, находившейся в Могилеве, был созван съезд офицеров от фронтовых и тыловых частей. Алексеев произнес зажигательную речь: «Россия погибает. ...Где та сильная власть, о которой горюет все государство? ...Классовая рознь бушует среди нас. ...Мы все должны объединиться на одной великой платформе: Россия в опасности». Деникин, под стать своему патрону, заявил: «Глядим в будущее с тревогой и недоумением. Ибо нет свободы в революционном застенке! Нет правды в подделке народного голоса! Нет равенства в травле классов: и нет силы в той бездумной вакханалии, где кругом стремятся урвать все., где тысячи народных рук тянутся к власти, расшатывая ее устои». Наэлектризованный съезд офицеров заявил, что подчинится только «твердой, единой, а не взывающей» власти, «не считаясь совершенно с расхождением в области социальной» (Т. I, в. 2, с. 88, 107-114).

Это был вызов не только революционной демократии, но и за несколько дней до этого сформировавшемуся первому коалиционному Временному правительству. Военный министр А. Ф. Керенский сместил с постов Алексева и Деникина, уволил в резерв около 150 старших начальников, включая 70 командиров дивизий. Верховным главнокомандующим был назначен Брусилов. Деникин отправился командовать Западным фронтом. Расставаясь с ним, негодовавший Алексеев сказал: «Вся эта постройка несомненно скоро рухнет; придется нам снова взяться за работу. Вы согласны, Антон Иванович, тогда опять работать вместе?» Не раздумывая, Деникин подтвердил свою готовность (Т. I, в. 2, с. 8).

Теперь в поисках диктатора верхи остановили свой выбор на генерале Корнилове, проявившем свою решимость покончить с революцией. Правая печать заговорила о его «гениальных способностях. К нему питал расположение и Керенский. В мае, когда, А. М. Каледин был избран донским атаманом, на его место командующего 8-й армией был назначен Корнилов, а 7 июля он стал главнокомандующим Юго-Западным фронтом, несмотря на возражения Алексева и других.

16 июля Керенский созвал совещание в Ставке для выяснения последствий июльского поражения на фронте и дальнейших основных направлений военной политики. Корнилов, отсутствовавший на совещании, в присланной телеграмме потребовал наведения порядка и оздоровления командного состава. Его горячо поддержал Деникин. Выступая на совещании, он заявил: «У нас нет армии. ...Развалило армию военное законодательство последних четырех месяцев», вводимое сначала под «гнетом советов», а потом ставшее системой; Временное правительство должно осознать свою вину, отменить солдатскую «декларацию», упразднить комиссаров и комитеты, вернуть власть начальникам и восстановить дисциплину, покончить с военными бунтами, ввести смертную казнь в тылу. Глядя на Керенского, Деникин сказал: «Вы втоптали наши знамена в грязь. Теперь... поднимите их и преклонитесь перед ними. ...Если в вас есть совесть!» (Т. I, в. 2, с. 181-182).

Керенский был потрясен. Оправившись, он поспешил протянуть ему руку: «Благодарю Вас, генерал, за то, что Вы имеете смелость высказать откровенно свое суждение». Позднее он писал: «Деникин наиболее ярко изложил ту точку зрения, которую разделяли все...». И Керенский сделал окончательный выбор в пользу Корнилова, поскольку Брусиллов, по его заключению, вел курс «с ориентацией на массы больше, чем на командный состав»⁸. 19 июля он назначил Корнилова на должность Верховного главнокомандующего русской армии. 24 июля Корнилов телеграфировал Деникину: «С искренним и глубоким удовольствием я прочитал Ваш доклад... на совещании в Ставке 16 июля. Под таким докладом я подписываюсь обеими руками». И тотчас передвинул его на должность главнокомандующего Юго-Западным фронтом, считавшимся самым важным.

Алексеев телеграфировал Деникину: «Ничего не сделано и после 16 июля главным болтуном России. ...Если бы Вам в чем-нибудь оказалась нужна моя помощь, мой труд, я готов приехать в Бердичев, готов ехать в войска, к тому или другому командующему». Деникин заверил Корнилова о своей поддержке в его борьбе за военную диктатуру (Т. I, в. 2, с. 188, 190, 198). И когда тот в конце августа пытался поднять мятеж, Деникин решительно перешел на его сторону. В Быховской гимназии, что под Могилевом, объявленной тюрьмой, где Временное правительство собрало всех ближайших сподвижников Корнилова, генералы разработали при активнейшем участии Деникина, если не под его руководством, «Корниловскую программу», ставшую военно-политическим и идеологическим кредо всех последующих белогвардейских движений в России. Главный ее смысл — борьба за военную диктатуру под флагом Учредительного собрания.

Однако грянувший 25 октября 1917 г. большевистский переворот заставил генералов бежать в поисках надежного пристанища. Все они сошлись на Дону и вообще на Юге России, где Каледин поднял мятеж, а Алексеев уже развернул формирование Добровольческой армии, куда собирался цвет и мозг противников большевизма — М. В. Родзянко, М. М. Федоров, Н. Н. Львов, В. В. Шульгин и многие другие. Деникин добирался туда под видом не то обедневшего «польского помещика», не то — купца — в кургузой тройке, смазанных сапогах, во втором классе едва ползшего «скорого» поезда. Заходившие в вагон солдаты покрикивали на него: «А ну, почтенный купец, пододвинься». Корнилов прибыл в Новочеркасск в крестьянском зипуне и с котомкой за плечами с подложным паспортом⁹.

Алексеев оставил в своих руках политическое руководство. Командующим Добровольческой армии стал Корнилов, его заместителем — Деникин. Но действительность скоро разочаровала генералов. Оказалось, что казаки предпочитали держаться «нейтралитета», слетевшиеся со всех концов России офицеры не хотели превращаться в волонтеров, а солдаты и тем более. Корнилов, Деникин и их помощники прилагали много усилий, но дело поначалу с места никак не трогалось. К тому же и казачья демократия, вознамерившаяся отсидеться в поднявшейся социальной буре, пришла в негодование, когда узнала, что под ее носом создается армия под началом столь одиозных в тогдашнем общественном сознании генеральских фигур. А тем временем с севера надвигались революционные части под руководством В. А. Антонова-Овсеенко. Социальное напряжение на Дону достигло накала. Пытаясь как-то сбить его, генералы со своим немногочисленным воинским контингентом перебрались из Новочеркасска в Ростов. Фронтальные казаки, прибывшие на Дон, вступили в переговоры с красным командованием, создали Областной казачий военно-революционный комитет во главе с Ф. Подтелковым. Загнанный в угол, застрелился атаман Каледин.

Под натиском частей Антонова-Овсеенко Добровольческая армия 22 февраля 1918 г. покинула Ростов и устремилась на Кубань. Эмигрантская литература именует это бегство «героическим» и «славным» «ледяным походом». На самом же деле это было шествие отчаявшихся людей, крушивших на пути следования все подряд, что теперь многими предается забвению, хотя без учета такого поведения Добровольческой армии нельзя понять того времени. Дикие сцены массовых расправ творили не только

красные, как иногда создается ныне впечатление, но и белые. Это запечатлел не кто-нибудь, а участник этого похода Р. Гуль, известный белогвардейский писатель. На страницах многих своих статей и книг, вышедших за границей с самого начала 20-х годов, он показал, как по приказу Корнилова публично, на станичных сходах, секли — «учили» — за нейтралитет вчерашних фронтовиков, отказывавшихся вступить в его армию; как исправлялись с крестьянами, пытавшимися защитить себя, семьи, свое имущество¹⁰. Справедливость требует признать, что в развязывании террора повинны и белые и красные. Народ страдал и от тех, и от других. И не случайно поэтому Корнилов не получил пополнения, оказался генералом без армии, ибо только насилием она не создается. Его попытки сходу взять Екатеринодар вылилась в авантюру, закончившуюся провалом.

Деникин оказался без войск. Но новый командующий не пал духом. Будучи реалистом, он понимал, что у Добровольческой армии нет даже территории, где она могла бы остановиться, чтобы разбить становище, и назвать ее своей. Посоветовавшись с соратниками, Деникин взял курс на Задонье, где сразу же вступил в бой с советскими войсками. Это позволило ему навести порядок в частях и поставить под свой контроль к тому времени восставшие против большевиков донские станицы. По словам П. Н. Милюкова, Деникин сумел опереться на элементы, преданные идеям монархизма и возрождения «великой единой и неделимой России», получить некоторую помощь союзников из Антанты, которых предали «большевики — агенты Вильгельма».

Само «высшее начальство», прежде всего Алексеев и Деникин, в вопросе о внешней ориентации рассуждало менее элементарно¹¹. Оно не могло не считаться с тем, что союзники были далеко, а враждебная Германия, вторгшись в начале мая на правобережье Дона и в Ростов, находилась в непосредственной близости. Поэтому прежнюю непримиримость к «немецко-большевистскому нашествию» пришлось заменить более мягкой формулой — «никаких сношений с немцами». Германское командование с пониманием оценило такой поворот, и разрешило Деникину открыть на Украине вербовочное бюро и отправлять оттуда добровольцев (Т. III, с. 130).

Но наметившуюся политику подпортил П. Н. Краснов, избранный в мае атаманом Донского войска, восставшего при поддержке немецкой военщины против советской власти. Он повел сепаратистскую линию на сближение с Германией, чтобы с ее помощью стать «верховным вождем Южной русской армии» — освободительницы России от большевизма. Он приказал донцам покинуть Добровольческую армию, что вызвало в ней дезертирство и поставило ее на грань катастрофы. Больше того, Краснов предложил полковнику М. Г. Дроздовскому, следовавшему в тот момент через Новочеркасск с большим отрядом к Деникину, возглавить все добровольческое движение под его, атаманским, руководством. Он также просил Алексеева прислать генералов и офицеров для создания «Российской армии», командовать которой он предложил Драгомирову, заместителю Деникина. Саму Добровольческую армию атаман открыто именовал бандой. Он также приступил к созданию Доно-Кавказского союза, включая в него Кубань, рассматривавшуюся добровольцами в качестве главной своей опорной базы (Т. III, с. 122-126).

Деникин решил приструнить зарвавшегося атамана. 28 мая он встретился с ним в станице Манычской и потребовал полного подчинения донских частей единому командованию. Однако Краснов стал в позу и дал понять, что такого тона он не потерпит, ибо «более не бригадный генерал, каким знал атамана на войне генерал Деникин», а «представитель 5-миллионного свободного народа». Он соглашался подчиниться Деникину только при условии, если он двинет все войска на Царицын, на соединение с восставшими чехословаками и атаманом Оренбургского казачьего войска А. И. Дутовым. Деникин и Алексеев обещали это сделать только после взятия Екатеринодара и потребовали от Краснова выдачи 6 млн. рублей, обещанных еще Калединым, превратить Дон в базу снабжения Добровольческой армии. Краснов заявил: «Хорошо. Дон даст средства, но тогда

Добровольческая армия должна подчиниться мне». Деникин однозначно и твердо ответил: «Добровольческая армия не нанимается на службу. Она выполняет общегосударственную задачу и не может поэтому подчиниться местной власти, над которой довлеют областные интересы» (Т. III, с. 155-156)¹².

Возникла тупиковая ситуация. Разлад вскоре, по определению Милюкова, вылился в склоку, а ее режиссерами выступали Деникин и Краснов. Добровольцы публично теперь именовали донцов не иначе, как «всевеселым войскам», находящимся на содержании германцев. Донская армия, заявил в ответ генерал С. В. Денисов, ее командующий, считается с фактом захвата немцами территории и не покидает ее, ибо она — «не странствующие музыканты как Добровольческая армия». Высказался и сам острый на язык Краснов: «Да, да, господа! Добровольческая армия чиста и непогрешима. Но ведь это я, донской атаман, своими грязными руками беру немецкие снаряды и патроны, омываю их в волнах тихого Дона и чистенькими передаю Добровольческой армии! Весь позор этого дела лежит на мне!». И атаман знал, что говорил. За каких-то полтора месяца, с середины мая по конец июня, он передал Деникину из полученных от немцев третью часть снарядов и четверть патронов¹³.

Атаман Всевеликого войска Донского учитывал также и слабость позиций Деникина в собственном его стане. Неудача за неудачей болезненно сказывались на внутреннем состоянии Добровольческой армии. Большинство ее офицеров требовали теперь открытой демонстрации приверженности монархизму, что повлекло бы за собой немедленную политическую смерть. Понимавший это С. Л. Марков резко осудил такие настроения.

Деникин предпринял ряд решительных шагов по упрочению своих позиций. Первый среди них — широкообъемная декларация целей и задач возглавляемой им организации. В собственноручно написанном им наказе агитаторам, разосланным по городам и весям Юга России, говорилось: «I. Добровольческая армия борется за спасение России путем 1) создания сильной дисциплинированной и патриотической армии; 2) беспощадной борьбы с большевизмом; 3) установлением в стране единства государственного и правового порядка. II. ...Добровольческая армия не может принять партийной окраски... III. Вопрос о формах государственного строя является последующим этапом и станет отражением воли русского народа... IV. Никаких сношений ни с немцами, ни с большевиками».

Отсутствие в наказе упоминания о монархии ни в чем еще не говорило. Алексеев тогда доверительно объяснял Щербачеву: «Добровольческая армия не считает возможным теперь же принять определенные политические лозунги ближайшего государственного устройства, признавая, что вопрос этот недостаточно еще созрел в умах всего русского народа и что преждевременно объявленный лозунг может лишь затруднить выполнение широких государственных задач».

Чтобы разрядить политические страсти, Алексеев и Деникин провели в станице Егорлыкской совещание всех командиров, включая взводных. Первый разъяснил политику в отношении к немцам, второй — проблему монархии. «Наша единственная задача, — говорил Деникин, — борьба с большевиками и освобождение от них России. Но этим положением многие не удовлетворены. Требуют немедленного поднятия монархического флага. Для чего? Чтобы тотчас же разделиться на два лагеря и вступить в междоусобную борьбу? Чтобы те круги, которые если и не помогают армии, то ей и не мешают, начали активную борьбу против нас? ...Армия не должна вмешиваться в политику. Единственный выход — вера в своих руководителей. Кто верит нам — пойдет с нами, кто не верит — оставит армию. Что касается лично меня, я бороться за форму правления не буду» (Т. III, с. 132, 133).

С трудом Алексеев и Деникин консолидировал свое войско. Они понимали, что полное его выздоровление произойдет только в боях за реализацию поставленных ими целей. Они также осознали важность овладения определенной территорией. Таковой представлялась им прежде всего

Кубань. Туда и устремили они свои взоры, связывая с нею дальнейшую судьбу своей армии. И 9 июня 1918 г. Добровольческая армия двинулась во второй поход на Кубань. В своих рядах она насчитывала 8,5-9 тыс. штыков и сабель при 21 орудии. Вместе с нею выступил также отряд в 3,5 тыс. донских ополченцев при 8 орудиях под командованием полковника Быкадорова (Т. III, с. 148-167). Сила этого в общем-то незначительного контингента заключалась в его составе — в обученных бою офицерах и казаках, охваченных ненавистью к революции, лишившей их привилегий и привычного благополучия. Поэтому она сравнительно легко разбила Красную армию Кубано-Черноморской советской республики, превосходившей ее по численности в 8—9 раз, но преимущественно состоявшей из необученных военному делу и неорганизованных иногородних и коренных крестьян. 3 августа 1918 г. Добровольческая армия после ожесточенных боев овладела Екатеринодаром. Она была восторженно встречена жителями. Менее чем за четыре месяца Деникин захватил почти всю Кубанскую область, Ставропольскую и Черноморскую губернии (последнюю — без Сочинского округа, оккупированного тогда же меньшевистской Грузией). Численность Добровольческой армии за это время возросла до 35—40 тыс. человек (Т. III, с. 210).

Но не успел Деникин вздохнуть с облегчением, почувствовав себя правителем столь громадного и, главное, богатого во всех отношениях региона, как оказался перед новым и неожиданным для него фронтом взбунтовавшихся казачьих правителей Кубани. Все они до этого тихо отсиживались в обозе его армии, теперь же дружно заголосили о суверенности своей области и ее независимости от добровольческого командования. Укрощая их, Деникин распространил на контролируемую им территорию «Положение о полевом управлении» 1915 г., ставившее местные власти в подчинение военным органам. Но тем самым, оказалось, лишь подлил масла в огонь разгоравшегося костра политических страстей. Но сами кубанцы, однако, раскололись на две группы, главным образом, по признаку внешнеполитической ориентации. Черноморцы, возглавлявшиеся Л. Л. Бычем, Н. С. Рябоволом и С. Шахим-Гиреем, ударились в украинофильство и сепаратизм. Преобладая численно, они захватили ключевые посты в раде и правительстве Кубани и укрепились в ее столице Екатеринодаре. Линейцы, сгруппировавшиеся вокруг атамана А. П. Филимонова и вынужденные довольствоваться лишь провинциальным Армавиром, стояли на позициях русских централистов и автономистов, связывали свою судьбу с Добровольческой армией. Это был единственный результат, которым мог довольствоваться Деникин. Но он еще и не предполагал, в какой он втягивается омут длительной борьбы, изнуряющей и разрушающей тыл его армии.

Черноморцы быстро перекрыли кубанские границы, запретили въезд «русских беженцев» и вывоз из области продовольствия и сырья. То же самое проделали и на Дону. Обмен между районами, подконтрольными Деникину, прекратился, поставив всю экономику перед большими трудностями. Рупор сепаратистов газета «Вольная Кубань» уже 22 сентября 1918 г. высказала их сокровенные помыслы: Кубань в будущем «не помирится на самоуправлении, ни даже на автономии, а будет отстаивать суверенные права... Казачество хочет быть полноправным хозяином... Ему нужны свои порты и дороги, независимость при определении своих отношений к другим соседним областям или государствам».

Добровольцы, возглавлявшие громадные надежды на казаков, оказались в состоянии конфронтации с их правительствами. В печати развернулась открытая и острая перебранка. А. И. Калабухов, один из правителей Кубани, официально закрыл все проденикинские организации и газеты — как сеющие недоверие к краевой власти и дискредитирующие высших «представителей соседних дружественных новообразований». Части, укомплектованные кубанцами, получили приказ выйти из подчинения Деникину. А они составляли половину его армии (Т. III, с. 208). Советники Деникина предложили ему покинуть Кубань, но он, проявляя осторожность, не согласился с ними.

В целях расширения социальной опоры командующий взял крен в сторону иногородних и коренных крестьян как носителей «общероссийских» традиций, но они во все глаза смотрели на казачьи земли, требуя их передела, что неминуемо обостряло сферу давнего социального напряжения в казачьих областях. Ничего не получилось и из привлечения на свою сторону местных земских, городских, городских, кооперативных и профсоюзных деятелей, показавшихся чрезмерными «социалистами». Пришлось опереться на старое испытанное чиновничество, но оно, обросшее авантюристами, ликвидировало не только советы, но и «керенщину», заводило старые порядки. Являвшиеся вслед за деникинскими частями некоторые помещики требовали вознаграждения, а причинивших им вред — уничтожения на месте преступления (Т. III, с. 261, 262).

7 октября 1918 г. внезапно скончался М. В. Алексеев. Деникин стал главнокомандующим и главой строившейся государственности. Судьба готовила ему тяжелую ношу. Он понимал, что не обладает политическим весом покойного. Поэтому, маневрируя, дабы успокоить и нейтрализовать соперников, сам объявил командование Добровольческой армии временной властью, не претендующей «на значение всероссийской» и распространяющейся только на подконтрольные ей районы.

В утвержденном им «Положении» указывалось, что эта власть конституируется как неограниченная единоличная диктатура, а Екатеринодар объявлялся ее главной штаб-квартирой. В отношении же «новообразований Юга», под которыми подразумевались казачья области — Донская, Кубанская и Терская, говорилось о «началах автономии» и необходимости достижения с ними «согласия». При этом настоятельно подчеркивалась необходимость объединения всех возникших армий под единым командованием для борьбы с большевиками (Т. III, с. 270). В качестве правительственного органа выступало Особое совещание.

Казачьи правители выступили против единоличной диктатуры Деникина. Кубанцы, ссылаясь на декларацию президента США В. Вильсона, выдвинули идею коллегиального правления, а Краснов откровенно язвил: «Я удивляюсь, чем, собственно, будет весть это правительство без территории»¹⁴. Чтобы урезонить их, Деникин пригласил на совещание представителей казачьих кругов. Открывая встречу по его поручению 8 ноября 1918 г., генерал А. С. Лукомский сказал, что прения не дают житья, мешают созданию единого правительства Юга России. Председатель Донского круга В. А. Харламов, находившийся на ножах с Красновым и проводивший проденикинский курс, оказал добровольческим руководителям всемерную поддержку. Но глава кубанского правительства Быч наотрез отказался от подчинения деникинскому правительству. Верховная власть ему представляла как сложение местных властей. Совещание оказалось бесплодным (Т. IV, с. 44). Разгневанный Шульгин призвал через свою газету «Великая Россия» не церемониться более с самостийниками. «С группой правительств, отрекшихся от России, предавших ее в угоду немцам, поливавших ее грязью лжи и ненависти, — писал он, — у нас не может быть разговоров. Единственная политика — низложение этих правительств и занятие их территорий»¹⁵. 11 ноября Чрезвычайная рада Кубани постановила: «В период гражданской войны Кубанский край является самостоятельным государством». Проденикинская газета «Кубанец» обвинила раду в большевизме и немецко-украинском прислужничестве. Особое совещание потребовало от нее пересмотреть это решение¹⁶.

14 ноября на заседании рады с речью, обличающей ее, выступил сам Деникин. Он объявил также о непризнании им государственных образований Сибири и Уфы. Только Добровольческая армия, подчеркнул он, является преемницей русской армии. С ним согласился кубанский генерал Н. Н. Покровский. На заседании рады он заявил: «Нам нужен диктатор. Иначе не мыслят казаки на фронте. Вы же тут сеете рознь между Кубанью и Добровольческой армией. ...Это нож в спину тем, кто спасает отечество». Его поддержал А. Г. Шкуро. Войска, верные Деникину, перекрыли улицы Екатеринодара. В воздухе запахло кровью. Покровский и Шкуро прямо пред-

ложили Филимонову покончить с черноморскими вожаками. Перепугавшись и забыв о распрях, атаман, Быч и председатель рады Рябовол бросились к ...Деникину, прося его о защите. После такой встряски кубанцы несколько попритихли и стали поговорчивей (Т. IV, с. 44—46, 52). Только Краснов не унимался. Приветствуя бунт рады против Деникина, он подбадривал: с ней «донцы идут по одному пути — закреплению казачьих вольностей»¹⁷.

Трудно сказать, во что бы вылилось нараставшее противоборство, не произойди коренные перемены в международном порядке в первой половине ноября 1918 г. Потерпела поражение Германия, поддерживавшая казачий сепаратизм. Антанта, развязав себе руки, получила возможность обратить свои взоры на советскую Россию. В фокусе ее внимания оказался Деникин, создавший себе репутацию верного ее сторонника. Еще 25

октября Новороссийск посетила первая союзническая эскадра, положив начало военным поставкам. За 3,5 месяца грузы Добровольческой армии доставил 41 пароход¹⁸.

27 ноября посланцы главнокомандующего союзной Салоникской армии французского генерала Франше д'Эспере передали его послание Деникину с обещанием поддержки в борьбе с советами. На обеде, проходившем в Кубанском законодательном собрании, английский генерал Ф. Пуль в ответ на прочувствованную речь Деникина сказал: «У нас с вами одни и те же стремления, одна и та же цель — воссоздание единой России». Его коллега, представитель Франции Эрмиш, заявил: «Я твердо верю, что скоро на высоких башнях святого Кремля красный флаг... будет заменен славным трехцветным знаменем великой, единой неделимой России» (Т. IV, с. 36, 37).

Вдохновленный этим Деникин представил на рассмотрение союзников план «совместной кампании» против большевиков. Согласно ему, районы, оккупировавшиеся Германией, превращались в плацдарм формирования новых войск, с Балкан на Юг России перебрасывалось 150-тысячное войско союзников. В качестве ближайшей стратегической задачи ставилось вторжение вглубь России — наступление на Москву и Петроград, продвижение по правому берегу Волги. Однако эти планы не получили поддержку английского премьера Д. Ллойд Джорджа. Выступил он и против идеи создания «санитарного кордона» вокруг советской России, полагая, что для этого потребуется не 150-, а 400-тысячное войско, к чему союзники не готовы. Его поддержал Вильсон. В конечном итоге сошлись на идее созыва конференции представителей «различных организованных групп России», включая большевиков, на Принцевых островах. Москва тотчас ответила согласием. Деникин, Колчак и глава архангельского правительства Н. В. Чайковский отказались участвовать в такой конференции¹⁹.

Деникин, получив предметный урок на поприще непривычной для него дипломатии, сделал для себя вывод: на союзников надейся, а сам не плошай. Лавируя между Англией и Францией, соперничавшими на Юге России, он вступил в контакт с С. В. Петлюрой, утвердившимся в Киеве, воспротивившись французским намерением создать на Кубани и Юго-Западе страны марионеточные правительства и взял крен в сторону Англии²⁰. Одновременно была развернута кампания против казачьих самостийников. Краснов в это время пытался установить прямой контакт с Антантой, всячески дискредитируя Деникина в ее глазах²¹. Но лежавшее на атамане клеймо прислужника кайзера сделало свое дело. Пуль потребовал безоговорочного подчинения Деникину всего войска Донского.

8 января 1919 г., когда под ударами перешедшей в наступление Красной Армии, Донская армия отступала, на станции Торговой состоялась вторая встреча Деникина с Красновым. После шестичасовых переговоров стороны пришли к соглашению. Деникин собственноручно написал приказ, объявлявший о его вступлении «в командование всеми сухопутными и морскими силами, действующими на Юге России» (Т. IV, 198, 199). Краснов подтвердил это решение своим приказом.

Сразу же после этого Деникин перебросил свежую дивизию в Донбасс на помощь действовавшему там с группой войск генералу В. З. Май-Маевскому, а на Северном Кавказе нанес сокрушительные удары по 11-й советской армии. Его войска захватили Владикавказ, Грозный и вышли к Каспию. Теперь большую их часть Деникин развернул против советских войск Южного фронта, уже нацелившихся на Новочеркасск и Ростов. Одновременно, используя кризисную ситуацию на фронте, он окончательно разделался и с Красновым. Почувствовав это, донской атаман попытался замолить грехи. 14 февраля 1919 г. при открытии Большого круга Всевеликого войска Донского Краснов говорил: «Мы живем в сказке великой... Царевна с нами, господа. Русская красавица. Это Добровольческая армия. Покончив покорение Кавказа, ... она пришла к павшему донскому богатырю и вспырынула его живой водой... А левее, уступом, медленно и грозно поднимается французская армия генерала Бертело». (Т. IV, с. 77).

Но круг выразил Краснову недоверие. Пренебрегаем всем, он бросился за помощью к... Деникину в станицу Кушевскую. Тот уверял: «Как жаль, что меня не было. Я бы не допустил вашей отставки». «Настроение круга и войска таково, — ухватился за соломинку Краснов, — что всякое Ваше желание будет исполнено». Прибыв на заседание круга, Деникин, однако, и словом не обмолвился о Краснове. «Прнося вместе с Добровольческой армией по ее крестному пути неугасимую и непоколебимую веру в великое будущее единой, неделимой России, я не отделяю, — говорил он, — от блага и пользы России интересов Дона... Я верю в здоровый разум, русское сердце и в любовь к родине донского казака... Дон будет спасен! ...Но на этом путь наш не кончится. Мы пойдем в глубь страны». Круг избрал атаманом верного Деникину генерала А. П. Богаевского. А уже по просьбе последнего Деникин своей властью назначил командующим Донской армией генерала В. И. Сидорина, а начальником ее штаба — генерала А. К. Кельчевского. (Т. IV, с. 80).

Это была крупная победа Деникина. Престиж его подскочил небывалым образом. И среди всего общероссийского белого движения, и на международной арене. Уверовав в него, увеличила материальную помощь Антанта. В Новороссийск, ставший главной перевалочной базой, пошли военные грузы. До апреля 1919 г. основным поставщиком была Англия. Уже в феврале 10 ее пароходов доставили оружие и снаряжение для 250-тысячной армии. В марте она направила еще 26 пароходов. В апреле-мае Новороссийск принял 54 парохода (из них 4 — английские). В дальнейшем поток грузов не прекращался. В первые две недели июня он достиг 306 вагонов, в последнюю неделю августа — 268. В сентябре еженедельно на фронт отправлялось от 197 до 685 вагонов оружия, снаряжения, боеприпасов. Всего поступило туда 73 танка — новейших тогда наступательных средств²². Это позволило Деникину с весны 1919 г. перейти к массовым мобилизациям, преимущественно среди крестьян. Несмотря на дезертирство, численность Добровольческой армии подскочила до 110 тыс. человек.

И Деникин бросил свои дивизии на север — «вглубь России». Во многом его весенне-летнему успеху содействовали антисоветские мятежи в тылу Красной Армии — 11 марта на Верхнем Дону с центром в станице Вешенской и в начале мая на Украине, где Григорьев поднял на мятеж целую дивизию. Собственно, эти и некоторые другие подобные им выступления того времени объективно явились своеобразной реакцией на деяния поборников мировой революции в советских верхах. Охваченные ее идеями, эти большевистские силы, сгорая от нетерпения, пытались подтолкнуть ее по всем линиям и направлениям, действуя штурмом, администрированием, голым приказом, опираясь на принуждение и грубое насилие. И отнюдь не только по нужде, но и по убеждению: «насилие — повивальная бабка революции».

Гнев свой поборники мировой революции, опираясь на беднейшие и маргинальные слои населения, прежде всего направили против тех, кто в силу специфики своей социальной природы не мог воспринять их идеи. Первым объектом их широкого социального эксперимента стали казаки. Предусматривалось поголовное уничтожение противников советской власти, частичное переселение остальных за пределы Дона и заселение его крестьянами из центра страны. В конечном итоге эта линия вылилась в циркулярное письмо ЦК РКП(б) от 24 января 1919 года²³.

Революционные экстремисты и авантюристы, ревкомы и ревтрибуналы, создававшиеся в казачьих районах, занимаемых Красной Армией, развязали абсурдно-преступную кампанию пресловутого раскачивания. Жертвами его стали тысячи рядовых казаков, в том числе стариков. И верхам казачества не стоило особого труда поднять его на борьбу против советской власти. Приблизительно 30 тыс. казаков-повстанцев разрушило тылы советского Южного фронта, а Деникин получил мощное пополнение.

Овладев тремя казачьими областями и семью губерниями, или седьмой частью Европейской России с 40-миллионным населением, Добровольческая армия летом 1919 г. вырвалась на оперативный простор по фронту

в 1500 км²⁴. Свои Вооруженные силы Юга России Деникин быстро реорганизовал в три армии. Добровольческую возглавил Май-Маевский, Донскую — Сидорин, Кубанскую — Врангель.

3 июля 1919 г., захватив Царицын, Деникин подписал «Московскую директиву» — план окончательного разгрома большевиков. Все три армии, по достижении заданных рубежей, должны были развернуться на Москву. Однако при всей оперативной разработанности, эта директива заключала в себе и стратегические просчеты. Она недооценивала возможности Красной Армии, расплывала собственные силы на огромном пространстве, к тому же им предстояло наступать через пролетарские центры и районы, в которых крестьянам были переданы помещичьи земли., Деникинская армия воспринималась здесь как буржуазно-монархическая.

Кроме того, с улучшением дел на фронте вновь активизировались укрошенные было казахи самостийники. Даже донской круг, еще недавно покорившийся Деникину, теперь, упреждая развитие событий, дабы не опоздать, высказался за создание Юго-Восточного союза. В конце июня состоялась конференция казачьих представителей в Ростове. Особенно негодовал Рябовол, обличая добровольцев. Ночью 2 июля в вестибюле гостиницы «Палас-Отель» он был убит. Кубанская рада единогласно постановила закрыть все отделения деникинского пропагандистского органа — Освага. По кубанским станицам покатился клич: «Долой добровольцев!». Казачьи сходы выносили приговоры с отказом идти на фронт²⁵. Но донские и терские представители эти призывы не поддержали. На встрече с Деникиным они признали его правительство, а он — автономно казачьих войск (Т. V, с. 203). Вспышка сепаратизма погасла, но она свидетельствовала об углублявшихся процессах, подмывавших тыл и устои Вооруженных сил юга России.

Но все эти внутренние противоречия, начавшие выплескиваться наружу, имели еще подспудный характер. И тогда, летом 1919 г., деникинские войска поставили большевистский режим в критическое положение. А тем временем Деникин, скорее ощущая, чем осознавая нараставшие перебои в созданной им военной машине, вынужден был, в связи с обнажившейся неустойчивостью казаков, открыто выражавших недовольство приближением к Москве, произвести на фронте перегруппировку сил. Донскую и Кавказскую армии, до этого считавшиеся ударными, он перевел на второстепенные направления. На главном оказалась Добровольческая армия с приданными ей конными корпусами Шкуро и Мамонтова.

Поначалу осуществленная рокировка показалась весьма эффективной. С конца сентября 150-тысячная деникинская армия, как бы обретя второе дыхание, снова развила мощный натиск, захватывая город за городом. Пленум ЦК РКП(б), состоявшийся 21 и 26 сентября, объявил мобилизацию всех коммунистов. Реввоенсовет Республики разделил Южный фронт на два — Южный и Юго-Восточный. 30 сентября советская печать опубликовала «Тезисы о работе на Дону», подготовленные Л. Д. Троцким. Тогда же председатель РВСР выдвинул идею нанесения главного удара не с Волги через казачьи районы, как делалось прежде, а через Воронеж на Харьков и Донбасс, чтобы отсечь прорвавшуюся к Москве Добровольческую армию от казаков, не затрагивая, однако, их самих. Это предложение было принято²⁶.

Деникин вряд ли осознавал, что над Белой армией уже сгустились готовые разразиться громом тучи. Услужливые приближенные подбирали белого коня к торжественному его въезду как триумфатора в московский Кремль. Да и сам Деникин, судя по всему, тоже утратил присущую ему осторожность, считая возможным теперь явственнее обозначить социальные ориентиры возглавляемого им движения. Во всяком случае именно в то время получили широкую огласку его предначертания по рабочему и крестьянскому вопросам. Деникин подписал законопроект об ограничении прав пролетарских слоев населения, а чуть позднее одобрил земельное положение. Правовые расценили последнее как «огульное уничтожение» помещиков, а умеренные социалисты, наоборот, как стремление сохранить их.

Крестьяне же, составлявшие основную массу Добровольческой армии, сделав практический вывод, ударились в повальное дезертирство (Т. IV, с. 222—225). Эта болезнь перекинулась и на рядовых казаков. Запрещение на Украине преподавания родного языка в школах вызвало мощную национальную волну анархо-социалистического толка. Нестор Махно превратился в кумира голытьбы. Его отряды на тачанках перетряхнули города левобережья Днепра. Расстреливали, вешали, топили и сжигали на кострах всех подряд, без разбора, — офицеров, коммунистов, интеллигенцию — под общим лозунгом: «Бей белых — пока покраснеют, красных — пока побелеют». Для борьбы с махновщиной Деникину пришлось снять с фронта корпуса Слащева и Шкуро²⁷. В городах множились подпольные организации, в горах и плавнях — партизанские отряды с выраженным советским оттенком.

На подвластных Деникину территориях смятение охватило верхние слои общества. Казачьи представители вышли на советское правительство с предложением заключить мир. Нарком по иностранным делам Г. В. Чичерин получил указание вступить с ними в переговоры²⁸. Кубанцы обнародовали намерение добиваться вступления в Лигу Наций в качестве суверенного государства²⁹. В первой половине октября до Деникина дошла информация, что в Париже их делегацией уже заключен договор о дружбе с меджлисом Горской республики, возникшей еще летом 1918 г. под протекторатом Турции (Т. V, с. 210)³⁰.

Между тем красные армии развернули мощное контрнаступление. 20 октября они выбили добровольцев из Орла, а 24 — из Воронежа, разгромили кавалерию Шкуро и Мамонтова. Обстановка требовала немедленного наведения в тылу «железного порядка». Деникин приказал Врангелю выехать в Екатеринодар и привести в чувство потерявших разум бунтарей, а 6 ноября сам телеграфировал туда: «Подписавших договор при появлении их на территории Вооруженных сил Юга России приказываю немедленно предать военно-полевому суду за измену». Рада, однако, проявила непокорность. Она обязала своего атамана разъяснить верховному, что делегация подотчетна только своему правительству, а его приказ о предании ее суду — нарушение прав Кубани и подлежит отмене³¹.

Генерал Покровский, согласно приказу, перебросил с фронта к Екатеринодару отряд верных ему бойцов и предъявил растерявшемуся Филимонову ультиматум — до 12 часов 19 ноября выдать прибывшего члена делегации Калабухова и прекратить на Кубани травлю Добровольческой армии. После разразившегося скандала председатель рады И. Л. Макаренко сложил свои полномочия и скрылся. Делегаты впали в «покаянное настроение». Покровский по приказу Врангеля арестовал «десять изменников», из которых Калабухова, по приговору суда, 20 ноября повесил на Крепостной площади Екатеринодара, а труп его «во устрашение» оставили на виселице на целый день. Делегация расквашенных депутатов рады во главе с историком Ф. А. Щербиной принесла Деникину свою повинную голову. 21 ноября рада стоя приветствовала Врангеля. Филимонов ушел в отставку, рада избрала себе нового председателя. Остальные арестованные были высланы «за пределы России». Деникин распорядился «суровыми и беспощадными мерами расчистить тыл»³².

Поражения на фронте обострили присущие природе белого движения острые, разрушающие ее антагонистические социальные противоречия. Самой уязвимой и рыхлой оказалась армия. Пока ей сопутствовали успехи, она, скрипя, существовала. Первые же серьезные неудачи повлекли за собой деморализацию ее состава, стремительно переросшую в катастрофу. По этой причине она за какие-то 1,5—2 месяца, признавал впоследствии и сам Деникин, развалилась буквально на глазах. От вчера еще многочисленной и грозной Добровольческой армии осталось всего около 10 тыс. человек. Ее пришлось переформировать в корпус под командованием А. П. Кутепова. Кавказская армия, состоявшая преимущественно из кубанских казаков и горских крестьян, практически перестала существовать. Она сократилась приблизительно до 8 тыс. человек и утратила боеспособность. В частях

терских казаков едва насчитывалось 3,5 тыс. человек, горцев — менее одной тысячи. Более или менее сохранила свою устойчивость только Донская армия. Испытав на себе большевизм и боясь возмездия с его стороны донцы не рассыпались по станицам и хуторам, а с боями отступали на юг. Всего под командованием Деникина к концу 1919 г. осталось примерно 80 тыс. человек (Т. V, с. 263, 264, 268).

Это был всеобщий кризис белого движения. Врангель, развернув кампанию по разоблачению виновников катастрофы, предложил генералам Сидорину и Покровскому свергнуть Деникина с поста главнокомандующего. Замерли транспорт, заводы, шахты, нефтепромыслы, крестьяне попрятали продовольствие. Армия перешла к «самоснабжению». Повсюду воцарился произвол. Стонали города, станицы, села, хутора и аулы. Генералы свирепея, докладывали Деникину о чудовищных злоупотреблениях. Выбывая из сил и отчаявшись, главнокомандующий слал им лаконичные ответы: «Вешайте беспощадно!»³³.

Советники, в частности, Н. И. Астров, Н. В. Савич и К. Н. Соколов, предлагали ему «опереться на консервативные круги при условии признания ими факта земельной революции». Но они были против всякой «уступки домогательствам черни». Резко повернуть руль вправо Деникин опасался еще и потому, что это выглядело бы вызовом казачьим областям. Левый, по квалификации Деникина, сектор Особого совещания потребовал реконструкции органов власти, создания правительства из семи лиц, включая троих от казаков. Но против этого выступил Лукомский со своими единомышленниками. Сам Деникин предпочел среднюю линию. Потом он расценивал ее как кризис российского либерализма (Т. V, с. 277—279, 282, 284, 285). Многие обвиняли его в диктаторстве, но его воззрения не позволяли ему стать на путь тотальной диктатуры. А отдельные акции лишь подрубали сук под ним.

За 2,5 месяца непрерывного отступления белые армии откатились более чем на 740 км — от Орла и Среднего Поволжья до берегов Каспийского и Азовского морей, потеряв огромное количество оружия, боеприпасов, снаряжения. 10 января 1920 г. они оставили Ростов-на-Дону — важнейший стратегический узел. Красная Армия рассекла их на три части. Одна из них покатилась в Одессу, другая — в Крым, третья — на Северный Кавказ³⁴. Деникин оставался в последней, самой многочисленной. Тысячи ядовитых стрел сыпались на голову его самого и его окружения. Офицеры непрерывно митинговали. «Во имя чего и кого воевать?» — вопрошали они³⁵.

Катастрофа вызвала переполох в антантовских кругах. В Новороссийск, куда перебралось деникинское правительство, спешно прибыла высокопоставленная английская миссия. По настоянию ее главы Мак-Киндера 12 января 1920 г. состоялась договоренность о признании существовавших окраинных правительств с допущением возможности их сотрудничества со странами Антанты. Было достигнуто также соглашение об открытии Польшей широкомасштабной операции против большевиков, выполнить которое она не спешила. Англия получила право на открытие концессий в Черноморской губернии и в Крыму. И хотя эти решения расходились с принципом «единой, неделимой России», Деникин, отсутствовавший на заседании правительства, согласился с ними, поскольку они устраняют, полагал он, ненужный и вредный ригоризм. Правда, он четко оговорил, что «признание окраинных правительств не равносильно признанию государств и потому не исключает окончательных санкций Всероссийского учредительного собрания» (Т. V, с. 305, 306).

В обстановке развала снова активизировались казачьи верхи, теперь взяв курс на решительное размежевание с Деникиным. Созванный ими в Екатеринодаре Верховный круг 18 января приступил к «установлению независимого союзного государства». Почти все его участники обрушили резкую критику на главнокомандующего. Особенно едко и зло клеймили его бывшие клеветы типа генерала Мамонтова, сотника Филимонова — племянника бывшего кубанского атамана. Продолжал сохранять верность лишь Богаевский, говоривший своим собратьям: «Не забудьте того, что

союзники обещали свою помощь только генералу Деникину: ³⁶. Предотвращая разрыв, верховный пошел на новые уступки. Вместо Лукомского, особенно одиозного в глазах казачьей верхушки, правительство возглавил донской атаман. Он согласился также на формирование Кубанской армии, назначив ее командующим не рвавшегося к этой должности Врангеля, а Шкуро (Т. V, с. 295).

29 января Деникин прибыл на заседание круга. Если последний, пригрозил он, откажется от общерусской власти и будет только самозащищаться, Добровольческая армия уйдет на поиск других путей спасения России и тогда рухнет фронт, а большевики не дадут никому пощады. Деникин возложил вину за постигшую катастрофу на казаков, в первую очередь кубанских. Тимошенко, один из лидеров верхов Кубани, тут же съязвил: у наших войск блестящие генералы, но, разгромив, их отбросили от Москвы вахмистры Буденный и Думенко. Мы, заявил он, будем сражаться с большевиками без диктатуры как бы не велик был диктатор. Оратор призвал к устранению разногласий с главкомом, дабы не дать Троцкому осуществить свою мечту «о единой, великой и неделимой Совдепии». Но Деникину пришлось вскоре пожертвовать и Богаевским, назначить главой правительства кадета Н. Н. Мельникова, пользовавшегося поддержкой донцов и терцев (Т. V, с. 299—304, 308). Казачий сепаратизм, особенно кубанцев, добивал белое движение, взрывая его изнутри, стал важнейшей причиной его краха.

Противники Деникина встали теперь на путь заговоров. Эсеры готовили переворот при поддержке Тимошенко и Аргунова. Но его намерение осудили меньшевики, потребовавшие соглашения с большевиками. Другое гнездо заговора образовали Врангель и Лукомский. Первый под предлогом выхода в отставку выехал при содействии второго в Крым, чтобы там занять пост командующего войсками, сместив генерала Н. Н. Шиллинга. Узнав об этом, Деникин приказал Врангелю покинуть Крым, а Лукомского уволил со службы. Барон, однако, воспротивился. И только после вмешательства английского представителя Хольмана, поддержавшего Деникина, выехал в Константинополь (Т. V, с. 309, 328).

Но перед тем, громко хлопая дверью, Врангель отправил Деникину открытое письмо-памфлет, получившее широкую известность во всей белой армии и за границей. Обличая адресата в непомерном честолюбии, разгневанный барон подчеркивал: «Армия, воспитанная на произволе, грабежах и пьянстве, ведомая начальниками, примером своим развращающими войска, — такая армия не могла создать Россию! ...Русское общество стало прозревать... Во мне увидели человека, способного дать то, что жаждали все». Ответ Деникина был предельно кратким: «Для подрыва власти и развала Вы делаете, что можете. Когда-то, во время тяжелой болезни, постигшей Вас, вы говорили Юзефовичу, что Бог карает Вас за непомерное честолюбие... Пусть Он и теперь простит Вас за сделанное Вами русскому делу зло» (Т. V, с. 334—339).

Тем временем советские войска под командованием М. Н. Тухачевского все сильнее теснили белых. Их тылы сотрясали партизанские отряды. Побережье очищали Красная армия Черноморья под командованием Е. С. Казанского и И. Б. Шевцова и Советская зеленая армия во главе с П. Моринцом. Деникин потом признавал: «Если и раньше наш тыл представлял из себя в широком масштабе настоящий вертеп, то в начале 1920 г. ...извращение всех сторон жизни... достигло размеров исключительных» (Т. V, с. 311—312). Не надеясь больше на собственные силы, Деникин попросил Антанту взять Черноморье под свою охрану ³⁷. В нескольких кубанских станицах побывали карательные отряды, составленные главным образом из донских казаков. «Старшие братья», пытаясь вразумить «младших», вешали и пороли их. Но все было тщетным. Кубанцы разбежались, укрываясь в плавнях и лесах, охотно прислушивались к демагогическим речам: «Большевики теперь уже совсем не те, что были. Они оставят нам казачий уклад и не тронут нашего добра» (Т. V, с. 313, 314).

Больше у Деникина никаких надежд не оставалось. Вечером 25 марта

он со своим начальником штаба (И. П. Романовским) вместе с основными частями Добровольческого и Донского корпусов погрузились в Новороссийске на корабли. Часть оставшихся на берегу казаков и солдат, обезумев от страха, безуспешно пытались попасть на перегруженные корабли. Несмотря на принимавшиеся к эвакуации меры транспортных средств не хватало. На рассвете 27 марта верховный главнокомандующий прибыл в Крым, где из эвакуированных и находившихся в Крыму частей сформировал 35—40-тысячную армию в составе Крымского, Добровольческого и Донского корпусов (Т. V, с. 352). Но уставший, надорванный физически, морально и нравственно он вскоре передал командование ею Врангелю, к тому времени успевшему войти в доверие к союзникам, и снова возвратившемуся в Крым с безмерной жадной покрыв себя лаврами «спасителя» России. После категорического отказа Деникина от своего поста кандидатуру Врангеля поддержали командиры всех частей трех корпусов белой армии в Крыму.

Сразу ставший никому не нужным и забытым, Деникин покинул навсегда Россию на борту английского дредноута «Мальборо» вместе с семьей и детьми Корнилова. С молодой женой Ксенией и крошечной дочерью Мариной он долго колесил по Европе в поисках пристанища, но никогда и нигде не прося гражданства. В 1926 г. Антон Иванович, наконец, осел во Франции. Выбор предопределился, по-видимому, главным образом соображениями более низкого прожиточного минимума. Для него тогда это было важнее всего, ибо ни вкладов, ни иных каких-то богатств за душой у него не было, а накопить чего-то на «черный» день за всю свою жизнь он так и не сумел.

Главным источником существования и смыслом жизни Деникина стал научно-литературный труд. К тому предрасполагали и талант, и генштабистская основательная подготовка, и несомненная склонность к научной работе, и охватившая жажда осмысления гигантского социального потрясения, перевернувшего старую Россию и поразившего весь остальной мир, активным субъектом которого он был и сам, и, наконец, наличие увезенного им самим и переданного ему Врангелем громадного и бесценного архива.

Самой плодотворной для него стала первая половина 20-х годов, когда Деникин создал главный свой труд — «Очерки русской смуты», пятитомник из шести больших книг. Потом он написал еще много статей и брошюр, но этот труд среди них стоит особняком, как, впрочем, и во всей большой библиотеке белогвардейской историографии по гражданской войне. Отличительная черта пятитомника — фундаментальность, насыщенность документально-достоверным материалом, глубина, объективность и правдивость в анализе военных операций. Деникин иногда тенденциозен и предвзят по отношению к своим недругам, но только не в освещении военных событий. Тут он профессионально точен и dokonален. Иными предстают в «Очерках» идейно-политические сюжеты, преимущественно субъективные и пристрастные, но тем не менее небезытересные для понимания колорита эпохи.

Наверное, не будет большим преувеличением, если сказать, что «Очерки русской смуты» — в известной мере энциклопедия белого движения и, следовательно, всей гражданской войны. Они содержат убедительные ответы на вопросы, как и почему борьба в России в 1917—1920 гг. вылилась в столь крайние и ожесточенные формы, показывают, как силы, свергнутые большевистским переворотом, пытались удержать власть и собственность.

Ю. А. Поляков, глубоко и всесторонне проанализировавший «Очерки», — кстати, впервые в отечественной историографии, — справедливо отмечает, что это крупное произведение далеко выходит за чисто мемуарные рамки, «написано человеком незаурядным, умным, знающим, способным к анализу минувшего. Человеком, безусловно предвзятым, пристрастным — иначе и быть не могло, — но по-своему честным, преданным интересам России, как он их понимал, человеком, пережившим огромную трагедию. Трагедию, в которой личное неразрывно переплелось с общест-

венным, общегосударственным, когда крушение личных планов, надежд человека неотделимо от крушения всего привычного жизненного уклада, крушения дела, им возглавленного»³⁸.

И такой многоплановый труд на протяжении почти 70 лет пребывал в СССР под замком спецхрана. Даже специалистам он выдавался далеко не всегда и непременно в каждом случае с разрешения высокого начальства. Мне известно это по собственному опыту, обретенному в начале 60-х годов, когда, чтобы получить доступ к «Очеркам», пришлось столкнуться с частоколом бюрократических рогаток. В проигрыше оставались советская историография, да и общественное сознание народа и страны.

Теперь этот пробел преодолен, хотя далеко не до конца. Издательство «Наука», приступившее к репринтному воспроизведению «Очерков русской смуты», не сумело преодолеть материальных трудностей и выпустило в 1991 г. только первые два тома. На этом фоне тем более значимым выглядит публикация этого ценнейшего источника уникальной информации, которую осуществил журнал «Вопросы истории» на своих страницах в 1990—1995 годах.

Свыше четверти века, изо дня в день, кропотливо собирал Деникин факт за фактом, переосмысливал прошлое, чтобы понять настоящее и будущее своего народа. С думой о его судьбах писал он строку за строкой, еле-еле сводя концы с концами свой бюджет. Мизерных гонораров едва хватало, хотя в его руках находились бесценные архивы, оценивавшиеся большими денежными суммами. Вместе с ним безропотно несли свой крест жена и дочь. Богатые покупатели обивали пороги его скромной квартиры, с ценой не скупилась. А он неизменно им отвечал: «Это — русское, для русских. Когда Россия будет свободна, я все отдам ей»³⁹.

Человек большой культуры и больших знаний Деникин, беззаветно любя Родину, был ярким противником шовинизма, считая его низким и недостойным для подлинно русского. Он гневно осуждал это поветрие, охватившее многих в эмигрантских кругах первой волны. Не умея объяснить причин российских бед и потрясений, в силу своей ограниченности, они свели их к проискам «жидомасонов», которые предстают у них в качестве всемогущих и главным организаторов февральских и октябрьских событий 1917 года. Показывая несостоятельность столь примитивных суждений, Деникин поэтому отвел в своих «Очерках» немало страниц еврейскому вопросу, проявив в этой области широкую эрудицию и глубокие научные познания.

Блестящий русский генерал, прославившийся еще в первой мировой войне, Деникин всегда оставался самим собой и не боялся сказать нелицеприятное своим бывшим соратникам. Перед нападением фашистской Германии на СССР, когда многие из них переметнулись на ее сторону, чтобы возвратиться на Родину в обзоре ее армии, перед которой, по их мнению, Красная Армия не устоит и побежит, он решительно осудил такие суждения. «Нет,— публично заявил Деникин,— (Красная Армия.— А. К.) не побежит. Храбро отстоит русскую землю...» Он верил в свой народ, но полагал, что, разгромив фашистскую Германию, победители затем повернут «штыки против большевиков!»⁴⁰.

В отличие от Краснова, Шкуро и других, Деникин не допускал мысли об освобождении России от большевиков руками иноземцев, подчеркивая, что это внутреннее дело россиян, которое могут решить только они сами. В гитлеровском стане, зная об авторитете Деникина, намеревались сыграть на его обиде и непримиримости к большевикам. В начале войны, когда судьба России висела на волоске и победа Германии казалась предрешенной, фашисты предложили ему сотрудничество, уготовив, вероятно, роль, исполненную потом Власовым. С риском для себя и своей семьи, он решительно ответил: «Нет!»⁴¹. И после этого переехал подальше от немцев на юг Франции.

Это вовсе не означало перемен в позиции Деникина относительно большевиков, хотя кто-то начал распространять слухи на этот счет. В 1945 г. он почувствовал, что вокруг него началась какая-то непонятная ему

возня. Умудренный опытом и зная о вероломстве наследников «чека», Антон Иванович усмотрел в том происки Сталина, всеилие которого на волне победы над фашистской Германией взметнулось тогда с небывалой силой. От греха подальше, дабы не искушать судьбы, из Франции Деникин уехал за океан, где и обосновался в США ⁴².

Сначала он с семьей поселился в деревне, а потом нашли маленькую квартирку в окрестностях Нью-Йорка. Несмотря на преклонный возраст и болезнь сердца, Антон Иванович целыми днями работал в Нью-Йоркской публичной библиотеке на 42-й улице, в ее славянском отделе на втором этаже. На столе его лежали книги, тетради, газеты, приготовленный Ксенией Васильевной скромной сэндвич, съедая который он делал себе единственный перерыв. Он одновременно работал над материалами и первой, и второй мировых войн, собирая необходимые сведения для задуманных новых книг. Одна создавалась как автобиографическая, а другая предполагалась как широкое полотно — «Вторая мировая война, Россия и зарубежье». Тогда же закончил он ответ на книгу генерала Н. Н. Головина «Российская контрреволюция» под названием «Навет на белое движение». Кроме того, в свободное время он редактировал дневники жены ⁴³. В обстановке усиливавшейся «холодной войны» Деникину не давала покоя мысль о судьбе России. 14 июня 1946 г. он обратился к правящим кругам Вашингтона и Лондона с запиской «Русский вопрос», в которой изложил свой взгляд на стратегию борьбы с советским коммунизмом в новых условиях. В ней подчеркивалась недопустимость смешения большевизма и «великой, единой, неделимой России». Деникин считал, что из-за тяжелого внутреннего положения СССР советское правительство в данный момент воздержится вести дело к третьей мировой войне, но как поборник идеи всемирного торжества коммунизма будет все делать для разжигания мировой революции, для подрыва мира изнутри в других странах. Наиболее легкой добычей, опасался он, могут стать Франция, Италия и Испания, поскольку громадные потрясения, перенесенные ими, создали в них почву для коммунистических соблазнов.

Но если западным демократиям все же придется давать отпор большевизму, они должны, подчеркивал Деникин, исключить повторения капитальной ошибки Гитлера. «Война,— говорилось в записке,— должна вестись не против России, а исключительно для свержения большевизма. Нельзя смешивать СССР с Россией, советскую власть с русским народом, палача с жертвой. Если война начнется против России, для ее раздела и балканизации (Украина, Кавказ) или для отторжения русских земель, то русский народ воспримет такую войну опять как войну Отечественную. Если война будет вестись не против России и ее суверенности, если будет признана неприкосновенность исторических рубежей России и прав ее, обеспечивающих жизненные интересы империи, то вполне возможно падение большевизма при помощи народного восстания или внутреннего переворота» ⁴⁴.

Судя по стратегии борьбы с коммунизмом, проводившейся Западом на протяжении многих десятилетий, советы многоопытного борца с большевизмом не остались незамеченными. Однако сам Антон Иванович, кажется, не предпринимал действий к их дополнительному развитию. И прежде всего из-за резкого ухудшения здоровья. Сердечные боли не давали ему покоя.

По приглашению друга, летом 1947 г. Деникин с семьей поселился на его ферме в штате Мичиган, чтобы избежать нью-йоркской жары. Жизненные ресурсы Антона Ивановича находились уже на пределе. С 20 июля начались, усиливаясь, сердечные приступы. Его поместили в больницу Мичиганского университета. В предчувствии развязки он сказал Ксении Васильевне: «Вот не увижу, как Россия спасется». 7 августа 1947 г. сердце его остановилось. Деникина хоронили с воинскими почестями как главнокомандующего союзной армии по первой мировой войне. Потом его прах перенесли на русское кладбище Святого Владимира в местечке Джексон (штата Нью-Джерси).

Ксения Васильевна передала незаконченные рукописи мужа на хранение в научные учреждения, в частности, книги «Вторая мировая война. Россия и зарубежье» — в Русский архив Колумбийского университета. Мемуары ею были доработаны, и в 1953 г. изданы в Нью-Йорке под названием «Путь русского офицера» на русском языке. Теперь с книгой, переизданной рядом издательств, в частности, «Современником» в Москве (1991 г.), познакомились и соотечественники Деникина. Воспоминания его, исполненные рукой опытного писателя с большой эрудицией, развертываются на широком фоне общероссийских событий, участником и нередко активным творцом которых был их автор, проложивший глубокую борозду в истории нашего бурного столетия.

В последние годы в России сложилась и литература о Деникине. Переиздана, в частности, первая более или менее научная его биография, созданная Д. В. Леховичем, которому довелось сражаться под его знаменами и работать по материалам, хранящимся в США, в том числе и принадлежавшим непосредственно самому генералу. По словам Леховича, последнее желание Антона Ивановича заключалось в переносе его останков в Россию, когда она освободится от засилия большевистской диктатуры⁴⁵. Думается, такое время наступило. Это отвечало бы стремлению подвести черту под гражданской войной и способствовать тем самым умиротворению в обществе, возродить традиции российской культуры.

Примечания

1. ДЕНИКИН А. И. Очерки русской смуты. Т. II. Борьба генерала Корнилова. Август 1917 — апрель 1918 г. Париж. Б. г. С. 283. Другие тома: Т. I. Вып. 1, 2. Крушение власти и армии. Февраль — сентябрь 1917 г. Париж. [1822]; Т. 3. Белое движение и борьба Добровольческой армии. Май — сентябрь 1918 года. Берлин. 1923; Т. IV. Вооруженные силы Юга России. Берлин. 1925; Т. V. Вооруженные силы Юга России. Берлин. 1926. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте с указанием № тома и страницы.
2. АЛЕКСАШЕНКО А. П. Крах деникинщины. М. 1966, с. 39.
3. ДЕНИКИН А. И. Путь русского офицера. Нью-Йорк. 1953, с. 17, 22.
4. См. также. БРУСИЛОВ А. А. Мои воспоминания: Рига. (Б. г.), с. 34.
5. ДЕНИКИН А. И. Путь русского офицера, с. 96.
6. БРУСИЛОВ А. А. Ук. соч., с. 67, 68.
7. ПОЛЯНОВСКИЙ Э. Венок терновый. Неделя. 1989. № 13, с. 23; ЛЕХОВИЧ Д. Белые против красных. Судьба генерала Антона Деникина. М. 1992, с. 227.
8. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. 1780, оп. 1с, д. 2, л. 4—6.
9. Приазовский край. (Орган Донской кадетской организации). 6.XII.1917; ВЕТЛУГИН А. Авантюристы гражданской войны. Париж. 1921, с. 15.
10. См., например: ГУЛЬ Р. Ледяной поход (с Корниловым). Берлин. (Б. г.), с. 84, 85, 103, 105, 106, 113.
11. МИЛЮКОВ П. Россия на переломе. Большевистский период русской революции. Т. II. Антибольшевистское движение. Париж. 1927, с. 64.
12. См. так же, КРАСНОВ П. Н. Всевеликое войско Донское. Начало гражданской войны. Т. III. М.-Л. 1926, с. 133—135.
13. МИЛЮКОВ П. Ук. соч., с. 64; КРАСНОВ П. Н. УК. соч., с. 138, 139—141.
14. КАЛИНИН И. Русская Вандея. М.-Л. 1926, с. 62.
15. Великая Россия. 1918, № 50.
16. КАЛИНИН И. Ук. соч., с. 65.
17. Там же, с. 227.
18. Кубанский край. 13(26).X.1918; ГАРФ, ф. 1491, оп. I, д. 15, л. 4, 3.
19. МИЛЮКОВ П. Ук. соч., с. 82—84, 88, 89.
20. Там же, с. 94.
21. КРАСНОВ П. Н. Указ. соч., с. 196, 197.
22. ГАРФ, ф. 1491, оп. I, д. 26, л. 96, д. 16, л. 77; д. 18, лл. 7, 37, 47, 70; д. 17, лл. 140, 494, 503; д. 19, л. 232.
23. Известия ЦК КПСС. 1989, № 6.
24. Донские ведомости, 1919, № 164.

25. КАЛИНИН И. Указ. соч., с. 239, 240.
26. ТРОЦКИЙ Л. Д. Моя жизнь. Т. II Берлин, 1930, с. 188.
27. КАЛИНИН И. Ук. соч., с. 285, 286.
28. История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 3, кн. 2. М. 1968, с. 359.
29. Вольная Кубань. 1919, № 170.
30. См. также КАЛИНИН И. Ук. соч., с. 260.
31. Там же, с. 263, 265.
32. Там же, с. 269, 270—278; Донские ведомости. 1919, 13(26) ноября.
33. Приазовский край. 1919, № 256.
34. Из истории гражданской войны в СССР. Т. 2. М. 1961, с. 582—585.
35. КАЛИНИН И. Ук. соч., с. 300.
36. Там же, с. 319.
37. ЛУКОМСКИЙ А. С. Воспоминания. Т. II. Берлин. 1922. с. 327.
38. ПОЛЯКОВ Ю. А. Предисловие. — А. И. Деникин. Очерки русской смуты. Крушение власти и армии. Февраль — сентябрь 1917 г. М. 1991, с. 6.
39. ПОЛЯНОВСКИЙ Э. Указ. соч., с. 23.
40. ЛЮБИМОВ Л. На чужбине. Ташкент. 1965, с. 209.
41. ПОЛЯНОВСКИЙ Э. Ук. соч., с. 23.
42. Там же; ТИМАШЕВ Н. С. Предисловие. — Деникин А. И. Путь русского офицера, с. 8.
43. ЛЕХОВИЧ Д. Ук. соч., с. 360, 361.
44. Там же, с. 359.
45. Там же. с. 362.

В ПОМОЩЬ ПРЕПОДАВАТЕЛЯМ И СТУДЕНТАМ

История и культура народов Азии, Африки и Латинской Америки

(с древнейших времен до наших дней)

Глава XI. Древняя Япония

1. *Происхождение японского народа.* Древнеяпонская цивилизация сравнительно молода: она складывалась в те времена, когда на Азиатском материке уже существовали китайская, корейская, индийская и другие цивилизации.

О характере и особенностях древней цивилизации на Японских островах, как и о происхождении японского народа высказываются разные, порой противоположные, суждения. Едва ли не самой распространенной до недавнего времени считалась так называемая айнская теория, согласно которой древнейшее население Японских островов составляли пришедшие с Азиатского материка племена айнов. Не согласные с этой концепцией полагают, что праяпонцами были тунгусские племена. При этом ссылаются на сходство лингвистических характеристик японского языка и алтайской группы, в которую входит тунгусский язык.

В свое время известный востоковед Е. Д. Поливанов, относивший японский язык к «смешанным языкам», высказывал идею о том, что в японском языке немало элементов не только алтайской, но и малайско-полинезийской семьи. И сегодня некоторые японские ученые поддерживают эту точку зрения, выдвигая новые аргументы в ее защиту. В частности, высказывается мнение, что японский язык заимствовал у малайско-полинезийских языков главным образом словарный запас, тогда как с алтайской группой у него во многом общий грамматический строй. И хотя эта точка зрения встречает немало возражений, она побуждает обращать особое внимание на сложный, а во многом и противоречивый характер процесса становления и развития не только японского языка, но и японского этноса, формирование которого, очевидно, происходило с участием племен малайско-полинезийского происхождения и путем напластования различных этнических элементов.

Существуют и другие теории происхождения японского народа. Они различаются в основном тем, какой компонент внешнего влияния выделяется в качестве ведущего фактора: китайский, корейский, маньчжурский, индонезийский, монгольский, тюркский, негритянский или какой-либо иной. Что касается негритянского элемента, то некоторые авторы убеждены в определенном его влиянии на японский этногенез, поскольку, по их мнению, в древние времена негритянские племена проживали не только на территории Африки, но и в ряде стран Южной и Юго-Восточной Азии, например, в Индии, Бирме, Вьетнаме и вполне могли участвовать в процессе этнической ассимиляции, определившей основные черты японцев как единого народа.

Продолжение. См. Вопросы истории, 1995, № 1—3, 5—6.

Автор XI главы — *Искендеров Ахмед Ахмедович*, член-корреспондент РАН

До сих пор полностью не завершен спор и об аборигенах Японских островов, так называемых коробоккуру, которые, как полагают некоторые японские исследователи, обитали здесь задолго до заселения их айнами и уж во всяком случае до массовой миграции с Азиатского материка и с островов южных морей. Некоторые японские историки считают, что айны и коробоккуру, в сущности, одно и то же племя. Живучесть этой концепции во многом объясняется тем, что она в значительной мере как бы подкрепляла официальную точку зрения, согласно которой, как и в соответствии с древнеяпонской мифологией, японская нация имела божественное происхождение: представители божественной власти снизошли на Японские острова, чтобы прекратить царившую там смуту и создать японское государство. Пришельцы оттеснили аборигенов на север и восток страны, а некоторых даже изгнали за ее пределы.

Обилие теорий происхождения японского народа свидетельствует прежде всего о чрезвычайной сложности и нерешенности проблемы японского этногенеза. Как справедливо отмечал И. Н. Конрад, «известный нам исторический тип японца с этнической точки зрения образовался в результате смешения разнородных этнических элементов, что и обусловило особый облик этого типа — отличный от айнского, корейского, китайского, полинезийского»¹.

Можно с достаточной уверенностью говорить о главных миграционных потоках, участвовавших в формировании японского этноса. Их было три и относятся они к разным периодам и характеризуются различной интенсивностью. Один миграционный поток шел с севера, из Сибири и с острова Сахалин, второй — с запада, из Китая и Кореи, третий — с юга, с островов Окинава, Рюкю и из южных морей. Однако еще предстоит решить, какой из этих потоков оказал наибольшее влияние на процесс формирования японского этноса и в чем конкретно проявлялась их роль.

Процесс складывания японского этноса и формирования древнейшей цивилизаций на Японских островах был тесно взаимосвязан с событиями и процессами в соседних странах, особенно в Китае и Корее. Но было бы неверным на этом основании лишать, как это делают некоторые исследователи, японскую цивилизацию собственной яркой самобытности, изображать ее как развивавшуюся чуть ли не исключительно за счет заимствований у своих соседей и уж тем более причислять древних японцев к так называемым периферийным народам². Открытость Японии к иностранным заимствованиям несколько не помешала ей сохранить свою историческую специфику и культурную самобытность. Этому способствовали отчасти географическое положение страны, но главным образом исконно японская религия Синто («путь богов»). Вобрав в себя опыт социальной и духовной жизни древних японцев на заре японской истории и поставив во главу угла поклонение культу предков, она тем самым сыграла очень важную роль в сохранении традиционных форм и норм жизни японцев, их историческую преемственность.

2. Источники по древней истории Японии. История древней Японии охватывает почти тысячу лет (с III в. до н. э. и до середины VII в.). Наиболее ранними источниками по этому периоду являются китайские летописи, среди которых особую ценность представляет «Вэй чжи» («Описание царства Вэй»), относящееся к III в. и представляющее собой часть китайской летописи «Саньго чжи» («Описание трех царств»). Это наиболее подробное из дошедших до нас описание условий жизни обитателей Японских островов на раннем этапе их истории, событий той поры, отношений между царством Вэй и «землей Ва» (так называли китайские хроники древнюю Японию).

Япония еще не имела тогда собственной письменности. Потребовалось не менее трех столетий для того, чтобы заимствованная из Китая в начале V в. иероглифическая письменность оформилась как японская. С ее помощью в VIII в. были записаны первые японские хроники «Кодзики» («Записи о делах древности») и «Нихонги» или «Нихон сёки» («Анналы Японии»). В этих источниках значительное место занимают описание «эры богов», различные мифы и легенды. Но вместе с тем в них содержится и немало достаточно достоверных сведений по древней истории Японии.

В «Кодзики» историческое повествование доведено до 628 г., а в «Нихон сёки» — до 697 года. Последний источник более ценен благодаря насыщенности историческим материалом. Повествование — в основном о реальных событиях — в «Нихон сёки» как бы противопоставляется мифологическим сюжетам, занимающим столь значительное место в «Кодзики». Исследователи обращают внимание на то, что в названии второй летописи фигурирует слово «Нихон» (именно так начиная с конца VII в. стала называться Япония). Это должно было содействовать укреплению японской государственности и продемонстрировать готовность и способность этой страны развивать равноправные отношения с Китаем и Кореей. Есть сведения о том, что еще до завершения работы над «Нихон сёки» с текстом этой хроники знакомились высокопоставленные официальные лица и интеллектуальная элита Японии, а в течение последующих трех веков по ней читались лекции по японской истории, предназначавшиеся для столичной аристократии.

В древних корейских источниках, судя по отдельным выдержкам из них, именуемым в японских летописях, также содержалось немало ценных сведений о ранней истории Японии. Это прежде всего хроники княжества Пэкче, датируемые IV веком. Отрывки из них, содержащие сведения о древней Японии, в том числе и о сношениях между двумя странами, обильно цитируются в «Кодзики», хотя сами эти памятники не сохранились. Из более поздних корейских источников представляет интерес хроника XII в. «Самгук Саги» («История трех царств»), повествующая о событиях с начала нашей эры и до 935 г., в том числе и на Японских островах.

3. *Первое японское государство Ямато.* Из китайских летописей и хроник известно, что древние японцы («важень», как именуются они в китайских источниках) занимались в основном сельским хозяйством и рыболовством. Китайские летописи III в. сообщают также о существовании здесь более «100 государств», их правителях и правительницах, верованиях и культах. Эти «государства» враждовали между собой, и предпринимали военные походы против своих соседей. Разумеется, это были не государства, а скорее племена или союзы племен. Но по крайней мере одно японское государство действительно существовало. Автор «Вэй чжи» называет его Яматай. Правда, летопись не указывает место, где именно оно располагалось. Японские историки отождествляют с ним первое японское государство Ямато, которое находилось в центральной части страны, в районе Кинай.

Занимая небольшую территорию на окруженной невысокими холмами местности в юго-восточной части равнины Нара, недалеко от нынешнего г. Осака, государство Ямато контролировало значительную, чуть ли не всю западную часть о. Хонсю. Однако некоторые японские историки считают, что первое японское государство, о котором сообщается в «Вэй чжи», находилось на севере о. Кюсю и его правители постоянно совершали завоевательные походы на западные районы о. Хонсю.

На основании сведений, содержащихся в китайской летописи, можно говорить о существовании в государстве Ямато достаточно развитых политической и экономической структур и системы управления. Это был первый центр общественно-политической, социально-экономической и культурной жизни древней Японии.

Из «Вэй чжи» также следует, что во главе первого японского государства стояла царица по имени Химико, которая проживала в хорошо укрепленном дворце-замке, охраняемом многочисленной стражей. Среди тысячи находившихся у нее в услужении лиц был лишь один мужчина. Эта весьма загадочная и таинственная личность, вступила на престол, сосредоточив в своих руках огромную власть и начала управлять государством (передав некоторые властные полномочия своему младшему брату), когда ей не было еще и пятнадцати лет. Она не была замужем и умерла в 240 г. в возрасте 19 лет.

Химико приписывают черты умной, властной и дальновидной

правительницы, понимавшей важность и необходимость развития добрососедских отношений с Китаем. За очень короткий период сего царствования ей удалось снарядить несколько посольств в страну Вэй, привозивших богатые дары императорскому двору, в том числе роскошные узорчатые ткани. Китайский двор тоже проявлял знаки подчеркнутого внимания к японской правительнице. Среди богатых подарков, которые привозили китайские посланники ко двору Химико, наряду с бронзовыми зеркалами и другими предметами роскоши, была и золотая печать с надписью «Царице государства Ва от дружественного государства Вэй».

В китайском источнике сообщается и о том, что Химико завоевала окружавшие ее владения земли и назначала туда своих наместников. То, что во главе древнейшего японского государства стояла женщина, побудило некоторых исследователей предположить, что на Японских островах существовал матриархат. В подтверждение этого вывода ссылаются и на японскую мифологическую традицию, согласно которой императоры унаследовали свою власть от богини солнца — Аматаэрасу Омиками, легендарной своей прародительницы. Имя правительницы первого японского государства — Химико, означающее «жрица солнца», как-будто также свидетельствует в пользу такого предположения.

Ни китайские, ни японские источники не позволяют пока с достаточной степенью надежности и достоверности определить характер социального и политического строя государства Ямато. Этот вопрос на протяжении длительного времени остается предметом научных споров среди как японских, так и зарубежных историков.

Возникновение государства Ямато свидетельствовало о кризисе и разложении родо-племенных отношений в их классическом виде и о переходе к общественному строю, покоящемуся на более четкой и глубокой социальной дифференциации. Первое японское государство представляло собой переходную форму в развитии этого процесса, когда новая система социальных отношений находилась еще в стадии формирования.

Государство Ямато являлось относительно небольшим островком в стране, охваченной непрерывными межплеменными войнами. И хотя оно распространяло — в большей или меньшей степени — свое влияние на окружающие его союзы племен, последние продолжали сохранять известную самостоятельность. Большая часть территории древней Японии оставалась под контролем этих союзов, именовавшихся удзи (в значении «род», «фамилия», «семья», «клан»). Это позволяет некоторым исследователям определять общественный строй древней Японии как систему или режим удзи³.

4. *Система удзи.* Возникшая в V в. система удзи или, как она часто именуется в японской историографии, система удзи-кабанэ (кабанэ — титул, ранг) устанавливала определенный тип взаимоотношений как внутри крупных фамильных кланов, из которых складывалось древнее японское государство, так и отношения их с царским двором. Регулировались эти отношения путем учреждения системы титулов и званий, которые достаточно четко фиксировали положение в социальной иерархии и очень строгую субординацию, существовавшую в ней. Эта система обеспечивала функционирование древнего японского общества как единого социального организма, в то время, когда не существовало еще оформившихся классов и классовых отношений. Большие семейные или родовые кланы (удзи) состояли из вождей или правителей (удзи-но ками), которые одновременно выполняли функции жрецов и простых сородичей (удзи-бито). Вожди кланов или родов, благосклонно относившиеся к верховной власти царя, удостаивались высоких титулов (кабанэ), которые должны были подчеркивать их покорность, готовность повиноваться царю. Те же правители, которые не признавали царской власти, не имели таких титулов и более того, подвергались постоянному давлению со стороны центральных властей. Нередко между сторонниками и противниками царского двора Ямато вспыхивали настоящие сражения. Эти битвы, происходившие прежде всего в западной части о. Хонсю, составляли едва ли не главную особенность политической жизни тогдашней Японии.

Несмотря на всю значимость и всеилие института кланов и клановых союзов он не охватывал всю структуру социальных отношений, существовавших в японском обществе V—VII вв. Важное место в ней занимали отношения между родовыми кланами и так называемыми бэ, которых некоторые исследователи ошибочно относят к категории рабов.

Вопрос о рабстве в древней Японии, его формах и роли в сфере производства продолжает оставаться дискуссионным. Если одни японские исследователи отрицают существование рабовладения в Японии как самостоятельного социально-экономического уклада, то другие явно преувеличивают его роль в экономике и социальных отношениях древней Японии. По мнению ряда японских историков, рабы составляли 5 или даже 10% всего населения древней Японии, т. е. по меньшей мере 20—30 тыс. человек, если, конечно, согласиться с тем, что в рассматриваемый период, согласно некоторым исследованиям, на Японских островах проживало не менее 300 тыс. человек⁴.

Применительно к древней Японии с уверенностью можно говорить лишь о домашнем рабстве, т. е. о применении рабского труда в сфере домашнего производства. Нет сколько-нибудь убедительных доказательств, что рабы играли важную роль в хозяйстве древней Японии.

Взгляд на древнее японское государство как на рабовладельческое никогда не имел сколько-нибудь широкой и убедительной научной аргументации. Но было бы неверно вообще отрицать факт использования и эксплуатации рабского труда в древнеяпонском обществе. Необходимо учитывать при этом многообразие и многозначность японских терминов, обозначающих различные категории трудового населения, его положение в общественном производстве и социальной структуре (а таких терминов в древних японских текстах немало). Некоторые историки отождествляли все эти названия с понятием «раб», тогда как наличие множества терминов, которыми будто бы обозначались рабы (бэмин, нухи, яцуко, сэммин, кэнин и др.) внушает сомнение в необходимости такого числа терминов для обозначения одного и того же статуса. Отсюда следует, что эти термины не адекватны понятию «рабство», либо в них заключался иной, пока еще не установленный историками смысл. Некоторые исследователи полагают, что обилие терминов, будто бы обозначающих понятие «раб», не должно удивлять, поскольку «раннесредневековая стратификация древнеяпонского общества проводила свои срезы в ином направлении, выделяя лишь две категории: родовую знать всех степеней, включая и царский клан, и прочих»⁵.

С такой точкой зрения трудно согласиться. Представляется, что использование разных терминов скорее свидетельствует о многообразии сфер хозяйственной и другой деятельности, где применялся труд подневольных людей, находившихся в той или иной (в том числе, вероятно, и рабской) зависимости от царя, крупных родовых кланов и т. д. В китайской летописи «Вэй чжи», на которую часто ссылаются исследователи, настаивающие на существовании рабовладельческого строя в древней Японии, говорится о том, что у царицы Химико было более тысячи рабынь. Но уже то, что в этом тексте упоминаются лишь рабыни, заставляет предположить, что речь здесь идет скорее о многочисленной прислуге, обслуживавшей как царицу, так и ее огромный дворец и дворцовое хозяйство.

Значительное место в составе населения древней Японии занимали бэ, от труда которых, как и свободных общинников, составлявших основную массу населения древней Японии и занимавшихся главным образом земледелием, охотой и рыболовством, зависело состояние и развитие общественного производства. Многие вопросы, касающиеся происхождения бэ, их социального статуса, до конца не выяснены. Тем не менее, источники позволяют утверждать, что эта категория населения играла немаловажную роль в функционировании системы удзи, образуя ее производительную часть. Известно, что бэ были объединены в специальные организации, большинство из которых обслуживало царский двор. Остальные были приписаны к определенным кланам. Эти объединения занимались практически всеми видами хозяйственной деятельности — от возделывания

земли и других сельскохозяйственных работ до высокохудожественного ремесла. Были среди них и учителя, и писцы, и придворные летописцы, и даже ученые. Некоторые объединения бэ специализировались исключительно на различных ритуальных обрядах. Немало представителей разных специальностей, прибывавших в государство Ямато из Китая и Кореи, расселялись на царских землях и образовывали свои объединения.

Бэ, как и их объединения, не были однородны ни в социальном, ни в экономическом отношении. В этих объединениях, как и в кланах, действовал принцип наследственности, однако бэ не были связаны кровным родством. По своему социальному статусу бэ приближались, вероятнее всего, к положению ремесленников, хотя и находились, очевидно, в большей зависимости от кланов и царского двора. Вряд ли, однако, можно согласиться с теми исследователями, которые склонны относить бэ к рабам (хотя и высшей категории). Но эту часть населения древней Японии нельзя все же относить и к полностью свободным людям, поскольку бэ находились в сильной зависимости от влиятельных кланов и царского двора, которых они обслуживали. При этом отношения между бэ и их покровителями строились не только на основе прямого принуждения, но и на взаимной выгоде. Кроме того, внутри объединений бэ отношения между их членами и главами объединений, назначаемыми вождями кланов или царем, при всей жесткости внутренней регламентации, были достаточно раскрепощенными, а члены объединений в значительной мере пользовались личной свободой.

Бэ составляли социальную основу клановой пирамиды. Родо-племенная знать и царский двор были заинтересованы в том, чтобы этот слой общества, с одной стороны, расширялся, а с другой, мог вести полнокровную хозяйственную жизнь, обеспечивая государство и клановую верхушку всем необходимым.

Этой категории населения принадлежит и важная роль в становлении и развитии культуры древней Японии. С их деятельностью прежде всего связано сооружение множества дворцов и храмов, создание замечательных образцов декоративного искусства, произведений живописи, а также различных предметов, относящихся к так называемой курганной культуре.

Рассматриваемый период древней истории Японии иногда именуют курганной периодом (кофун дзидай, IV—VII вв.). Характерной особенностью этой эпохи было сооружение курганов, которых японские археологи насчитали более 10 тысяч. Среди предметов погребального культа, обнаруженных при раскопках курганов, особенно примечательны глиняные пластинки — ханива с изображением древних жилищ, животных и птиц, воинов и т. д. Было обнаружено также множество сосудов, различная утварь, оружие, предметы домашнего обихода. Столь массовое сооружение курганов в древней Японии, как справедливо считают некоторые историки, имеет прямое отношение к культу предков⁶.

Государство Ямато выросло колыбелью древнеяпонской культуры. В своем становлении и развитии она испытала на себе влияние внутреннего и внешнего факторов. Вопрос об их взаимодействии, как и о том, какой из них имел наибольшее значение, находится в центре дискуссий как японских, так и зарубежных историков. Неуместно отрицать процесс диффузии культур, т. е. возможность и даже закономерность проникновения элементов одной культуры в другую, что приводило, как правило, к их взаимообогащению. Древняя Япония тоже испытала на себе благотворное влияние иноземной культуры и прежде всего китайской, корейской и индийской.

Однако было бы неверно преувеличивать значение внешних и недооценивать роль внутренних условий и факторов, которые в развитии японской культуры играли решающую роль. Более верной представляется точка зрения тех ученых, которые, признавая наличие культурной диффузии, подчеркивают, что она отнюдь не нарушала ход органического культурного развития Японии, обусловленного внутренними факторами. Самобытная курганная культура, будучи продолжением традиций культуры «Яёй» (III в. до н. э. — III в. н. э.), названной так по наименованию квартала Токио, где впервые были обнаружены керамические изделия, относящиеся к этой культуре, достигла очень высокого уровня.

5. *Реформа Тайка*. Едва ли не основное содержание политической истории древнеяпонского государства составляла ожесточенная борьба между могущественными родовыми кланами, которые стремились не только захватить новые земли и установить контроль над населением, там проживавшим, но и реально претендовали на верховную власть в стране. Междоусобицы, нередко перераставшие в затяжные войны, серьезно ослабляли позиции и влияние центральной власти в государстве Ямато, создавая постоянную напряженность в отношениях как между царским двором и сильнейшими местными кланами, так и между ними самими.

Борьба за царский трон втягивала в свою орбиту все новых претендентов на верховную власть из числа родо-племенной знати. Но только самые могущественные и влиятельные могли рассчитывать на успех. Ими были всего несколько кланов: Накатоми, Имибэ, Отомо, Мононобэ и Сога. Глава каждого из них мечтал о титуле «тэнно», который носил верховный правитель страны Ямато (он сохранился за японскими монархами вплоть до наших дней и на европейских языках означает «император»).

Особенно ожесточенный и затяжной характер приняла борьба между кланом Мононобэ, который к середине VI в. значительно укрепил свое политическое влияние, а в военном отношении представлял настолько мощную силу, что достаточно легко разгромил такие крупные кланы, как Хэгури и Отомо, и не менее знаменитым кланом Сога, входившим в ближайшее окружение царя и оказавшим на него значительное влияние. Длительная ожесточенная война, которую вели между собой эти два клана, продолжалась и после смерти их вождей Мононобэ-но Окоси и Сога-но Инамэ, когда во главе этих кланов оказались их сыновья — Морияма и Умако. Последний вышел победителем, а поверженный клан Мононобэ навсегда сошел с политической арены.

Одной из важных причин, вызывавших обострение борьбы между этими двумя кланами, особенно на последнем ее этапе, явилось разное отношение к буддизму, который во второй половине VI в. начал проникать в Японию из Китая. Представители клана Мононобэ заняли резко отрицательную позицию в отношении новой религии, усмотрев в ней опасность для самого существования государства. Противоположного мнения придерживался род Сога, который рассматривал расширение влияния буддизма в древнеяпонском обществе как важное условие укрепления и развития государственности, сумев убедить в этом и окружение царя. Благодаря возросшему влиянию клана Сога и его активной поддержке при дворе в политической элите Ямато укрепились те силы, которые способствовали проникновению буддизма в Японию и оказались оттесненными на задний план те, кто противился этому, поддерживая синтоизм, который подвергался сильному китайскому и корейскому религиозному и идеологическому влиянию и выступал против коренного реформирования японского общества.

Пик могущества и влияния рода Сога приходится на начало VII в., когда страной правил Сётоку-Тайси (593—621 гг.), один из самых выдающихся политических и государственных деятелей древней Японии. Именно в годы его правления японская культура достигла расцвета. С его именем связано строительство множества буддийских храмов, внутреннее убранство которых отличалось органичным и тонким сочетанием скульптуры и живописи. К концу его правления в Японии насчитывалось уже 46 храмов и среди них такие образцы монументальной деревянной архитектуры, как Хорюдзи, Ситэннодзи, Хоккэдзи и др.⁷

Будучи последовательным приверженцем буддизма (в основном секты махаяны, теоретики которой истинную сущность Будды видели в «теле Закона», утверждая, что его природа наличествует не только во всех живых существах, но и во всем сущем без исключения, что значительно укрепило авторитет и влияние буддизма как мировой религии)⁸, Сётоку-Тайси писал комментарии к древним буддийским текстам. Эти комментарии представляют интерес для изучения начального этапа буддизма в Японии. Сётоку-Тайси понимал значение буддизма для культурного подъема Японии, ибо вместе с буддизмом из Китая шли и другие заимствования (прежде всего,

конечно, иероглифическая письменность), которые в совокупности оказали большое влияние на многие и самые разные стороны жизни древней Японии.

Сётоку-Тайси придавал важное значение развитию японо-китайских отношений. При нем в Китай, где правила династия Суй, были направлены три крупные посольства (в 607, 608 и 614 гг.). Первое возглавлял Оно-но Имоко, один из его придворных. Дипломатическая активность японского правителя принесла ощутимые результаты: в Японию хлынул поток китайских ученых, художников, буддийских священников, ремесленников и, конечно, китайских книг по различным отраслям знаний.

Сётоку-Тайси намеревался по примеру Китая реформировать систему административного управления Японии, произвести изменения в сфере аграрных отношений, ввести и некоторые другие новшества. Главная цель этих реформ заключалась в том, чтобы усилить царскую власть и максимально ослабить, а, возможно, и окончательно подорвать власть и влияние вождей местных кланов и таким образом укрепить всю систему японской государственности. Однако смерть Сётоку-Тайси не позволила осуществить многое из задуманного им.

Кончина японского монарха роковым образом повлияла и на положение клана Сога, дерзкий вызов которому бросил Накатоми Каматари, поддержанный наследником престола Нака-но Оэ. Разгромив и уничтожив клан Сога, Накатоми Каматари становится самой влиятельной фигурой в политической верхушке древней Японии. Вскоре император Тэнти пожаловал ему фамилию Фудзивара, под которой этот клан вошел в японскую историю и на протяжении нескольких веков входил в число самых влиятельных политических группировок.

Фудзивара был вторым, после Сётоку-Тайси, и столь же выдающимся поборником реформирования древнеяпонского общества. Именно Фудзиваре принадлежала главная роль в подготовке и осуществлении реформы Тайка, обусловленной всем ходом развития древнеяпонского общества.

Начало реформе было положено указом императора Котоку (645—654 гг.) «от первой луны 2-го года Тайка» (646 г.). Термин «Тайка» означает «великая реформа». В результате реформы вся земля объявлялась принадлежащей государству. Устанавливался новый порядок владения и пользования землей. Все население страны превращалось в подданных главы государства, т. е. императора. Реформа Тайка вводила такой государственный строй, который должен был обеспечить функционирование новой системы землевладения и землепользования.

Указ 646 г. состоял из четырех статей. Первая объявляла подлежащими ликвидации все существовавшие до этого формы личного владения землей и людьми. Это положение распространялось на всех, независимо от социального положения и позиции в государстве, в том числе и на членов императорского дома. Статья вторая резко усиливала власть центрального правительства на местах путем нового административно-территориального деления страны на провинции (куни) и уезды (гун) с организацией в каждой провинции и каждом уезде органов управления во главе с губернатором (кокуси) и уездным управляющим (гундзи). Статья третья предусматривала проведение переписи дворов и составление подворного реестра с указанием размеров земельных участков, которыми наделялось сельское население. Статья четвертая отменяла все старые подати и вводила новую систему налогообложения. Были определены размеры и виды податей, сроки их выплаты и т. д. В том же 646 г. «в восьмой луне» был издан второй указ, в котором объявлялось о раздаче земельных наделов. Таким образом юридически закреплялось введение в Японии, по примеру Китая, наделной системы.

В оценке характера реформы Тайка, особенно ее социальной сущности и последствий для последующего развития страны, существуют разные, нередко полярные, точки зрения. Однако при всей неоднозначности этих оценок ясно одно: реформа Тайка относится к числу переломных событий в истории древней Японии. Она существенно подорвала господствовавшую в стране

клановую систему, укрепила центральную власть, по существу, установила новую форму государственной власти, что, в свою очередь, потребовало глубоких изменений и в сфере социально-экономических отношений. Реформа Тайка открывала перед Японией путь в новую историческую эпоху.

Примечания

1. КОНРАД Н. И. Избранные труды. История. М. 1974, с. 366.
2. См. REISCHAUER E. O. The Japanese. Cambridge (Mass). 1977, p. 44.
3. См. ВОРОБЬЕВ М. В. Япония в III—VII вв. Этнос, общество, культура и окружающий мир. М. 1980, с. 124.
4. Kodansha Encyclopedia of Japan. Vol. 4. Tokyo. 1983, p. 34.
5. См. ВОРОБЬЕВ М. В. Ук. соч., с. 133.
6. ИОФАН Н. А. Культура древней Японии. М. 1974, с. 37—38.
7. Там же, с. 91.
8. См. Буддизм в Японии. М. 1993, с. 5—6.

Глава XII. Древняя Индия

Формирование во многом уникальной индийской цивилизации происходило на основе единого первобытного протоиндоевропейского сообщества.

Центральная часть Индии — плоскогорье Декан — включает горные и степные области, джунгли и саванны, в некоторых местах мало пригодные для человеческой жизни. Наиболее благоприятными и удобными для расселения людей и раннего развития культуры оказались обширные области Северной Индии, большие аллювиальные равнины крупнейших рек Индостана — Инда, Ганга и их притоков. Обилие воды, плодородная почва и мягкий климат способствовали раннему появлению земледелия именно в Северной Индии еще в глубокой древности.

Население Индии еще в древности отличалось пестротой и разнообразием. Возможно, что коренными жителями Индии являются представители дравидийской группы.

Первые очаги государственности и городской культуры стали возникать в долинах Инда и Ганга. В III тыс. до н. э. древнеиндийские протогосударства развивались в условиях сравнительной удаленности от других очагов мировой культуры, что в значительной степени и обусловило их самобытность. В науке не прекращается дискуссия о возможности первоначальных культурных импульсов извне.

В древности общее наименование страны, связанное с понятием «Индия», отсутствовало. Слово это произошло от названия реки на северо-западе страны, которую сами индийцы называли Синдху, иранцы — Хинду, а греки — Индос. Под «Индией» понималась «Страна индов». От греков эта форма проникла в другие европейские языки.

1. *Хараппская цивилизация.* Археологические раскопки в Хараппе Мохенджо-Даро дали ряд письменных источников, которые до настоящего времени не удалось расшифровать, а санскритские тексты ариев из долины Ганга — трактаты религиозно-философского содержания позволяют лишь косвенно судить об истории древних индийцев.

Хараппская цивилизация в долине Инда и соседних предгорьях, датированная примерно XXIV в. до н. э., оставила после себя величественные городские постройки — дворцы, зернохранилища, крепостные сооружения, каналы. Существуют различные мнения о влиянии культуры шумерского Двуречья на возникновение центров Хараппской цивилизации. В любом случае нельзя не признать, что уровень развития ремесла, в том числе обработки металлов, был здесь очень высок. Существование же торговых связей с Двуречьем считается бесспорным. Ученые отмечают сходство письменности, мифологических сюжетов, технологии строительства этих древних цивилизаций.

Древний город в Мохенджо-Даро имел улицы до 10 м шириной, высокие дома из обожженного кирпича высотой в несколько этажей, строгую систему городского планирования. Кварталы богатых жителей были снабжены водопроводом и канализацией.

Одним из важнейших видов хозяйства было земледелие. На многочисленных полях в долине Инда возделывали древние виды и сорта пшеницы, ячменя, выращивали горох, дыни и различные овощи, культивировали хлопок, служивший для изготовления тканей. По всей вероятности, Индия — первая страна, где начали развиваться хлопководство и обработка хлопка — этой важнейшей технической культуры. Пользовались также плодами финиковой пальмы. Обработывали почву при помощи плуга с каменными или металлическими лемехами. При жатве употребляли медные и бронзовые серпы. Правители располагали большими запасами зерна, которое в виде натуральных повинностей собиралось с населения, очевидно, свободных общинников.

Большое количество изделий, характерных для Мохенджо-Даро и Хараппы, найдено на всей территории бассейна Инда и даже в Белуджистане. Это свидетельствует об оживленной торговле, которая велась по рекам, по суше, а может быть, и по морю. Некоторые далеко расположенные поселения, возможно, являлись торговыми факториями.

Культура древнейших городов Индии сравнима с культурой других древневосточных народов, в частности, Месопотамии, в период существования шумерийских и аккадских городов.

В состав городского общества, существовавшего в долине Инда в XXIV—XVIII вв. до н. э. входили ремесленники, воины, жрецы, администраторы, которые обеспечивались за счет налогов и повинностей земледельцев.

Вопрос о структуре политической власти в хараппском обществе до сих пор является спорным. Ряд ученых сравнивает ее с политической организацией древней Месопотамии, считая, что и на Инде власть принадлежала жрецам, в собственности которых находилась и земля.

Ряд историков полагают, что причиной упадка Хараппы и Мохенджо-Даро было изменение русла реки Инд и затопление городов, или же ослабление порядка и структуры государственного управления по каким-то другим причинам.

2. *Индоарии.* С разрывом в несколько веков на смену хараппской культуре долины Инда пришла культура индоариев. В долине Ганга возник еще один очаг древнеиндийской цивилизации.

Проникновение племен индоариев в Северную Индию датируется примерно XXII в. до н. э. Используемый и индийцами, и иранцами термин «ар», «ир» или «арий» (благородный) обозначал в свое время принадлежность к единой индоиранской общности. Проникновение ариев через горы Афганистана в долины Инда и Ганга шло волнами и продолжалось несколько веков.

Продвижение через районы джунглей было тяжелым делом. Индоариям часто приходилось прибегать к выжиганию лесных массивов, чтобы расширить пригодные для обитания и хозяйственной деятельности земли. Индия в этот период была населена темнокожими племенами, потомки которых в настоящее время сохранились в центральной и южной частях Индии и носят название дравидов. В своем быту племена дравидов, особенно в центральных районах Декана, до наших дней сохранили многие обычаи глубокой древности. В верховьях Ганга индоарии оттеснили или ассимилировали менее развитые племена, принадлежавшие к древним этническим общностям дравидов и мунда.

Индоарии были носителями сравнительно высокой материальной культуры. Они использовали металлический плуг и другие орудия труда, имели развитое ремесло и средства транспорта (конные колесницы — боевую и хозяйственную). Успехи в ирригационном строительстве и освоении долины Ганга также способствовали их закреплению в Северной Индии.

Осев в плодородных долинах Инда и Ганга, скотоводческие племена ариев покорили и вытеснили стоявшие на более высоком уровне культурного

развития местные оседлые земледельческие племена. Но вместе с тем арии позаимствовали у него многие элементы их культуры и в первую очередь навыки земледелия. Уничтожение дремучих лесов, столь ярко и образно описанное в «Махабхарате», автор этой поэмы считает хорошим и полезным делом. Землю, очищенную от леса, вспахивали тяжелым плугом, в который обычно впрягали быков. Для рыхления земли пользовались киркой, мотыгой, бороной. Сеяли ячмень, просо, овес, бобы, лен, рис, кунжут, сахарный тростник. Большое значение в хозяйстве ариев имело искусственное орошение.

С XIII в. до н. э. сменившая пришедшую к XVIII в. до н. э. в упадок Хараппскую цивилизацию культура индоариев, со своим языком, религиозными культами, священными текстами, мифами, эпическими сказаниями о героях-предках во многом определила весь облик и последующее развитие индийской духовной культуры, общенационального самосознания народов Индии, древнеиндийскую цивилизацию в целом.

Во многих отношениях истоки религиозно-духовного своеобразия Индии лежат в текстах письменных памятников индоариев — в так называемых ведах, прежде всего в наиболее известной «Ригведе», а также в религиозно-философских их толкованиях — упанишадах и эпических сказаниях «Махабхарата» и «Рамаяна», являющихся по своему содержанию и значению энциклопедиями, охватывающими различные аспекты жизни древних индийцев. Веда дают возможность установить некоторые черты хозяйственной деятельности, общественного устройства и культуры тех племен, которые в середине III тыс. до н. э. вторглись в Северо-Западную Индию. Но особенно богатый материал веда дают для изучения религии, мифологии и отчасти поэзии того периода. Однако ведами как источником по истории древней Индии можно пользоваться лишь с учетом того, что древнейшие их тексты, написанные на пальмовых листьях, не сохранились, а наиболее древние рукописи относятся к времени, близкому к христианской эре, когда текст вед уже подвергся некоторым изменениям.

Историческая память о древних периодах истории Индии, самоидентификация общества того времени воплотились прежде всего в комплексе религиозно-этических и духовно-мифологических представлений. В ведах, упанишадах, древнеиндийском эпосе очень мощно звучит стремление к внутреннему духовному очищению, к аскезе, «спасению», «освобождению» (нирване), а также идея кармы — воздаяния, ждущего каждого человека за праведную либо греховную жизнь в будущем перерождении. Устойчивые и неизменные на протяжении веков мировоззренческие ориентиры заняли в системе ценностей и памяти поколений индийцев приоритетное место.

В период вед складывается и определенная социальная структура индоариев, возникают протогосударства во главе с вождями-правителями — раджами. Из среды рядовых общинников выделяются влиятельные слои: жрецы — брахманы и военачальники — кшатрии. В функции административно-управленческого аппарата во главе с раджей входило судопроизводство и перераспределение избыточного продукта, собираемого в виде ренты-налога. Во многих протогосударствах власть перестала быть выборной и превратилась в наследственную. Тем не менее монарх был вынужден считаться с мнением членов совета знати, а неудачливые правители иногда даже изгонялись. Часто вспыхивала острая борьба между знатными кланами или наследниками умершего раджи.

3. *Сословно-варновая система.* Противопоставление общинникам-производителям верхних социальных слоев брахманов и кшатриев привело к возникновению варн, а позже и сословно-кастовой системы, строго фиксировавшей статус человека в обществе.

Система варн использовалась в древней Индии для выделения основных социальных слоев, которыми и стали жрецы — брахманы, аристократы — кшатрии, земледельцы и скотоводы — вайшьи, а также неполноправные — шудры. Три высших варны по происхождению были связаны с индоариями и их представители именовались «дважды рожденными», поскольку в ходе обряда инициации («второго рождения») они получали право на занятия предков и ношение на шее специального по материалу и цвету соответствующе-

го данной варне шнура. Низшая четвертая варна — шудры возникла и формировалась позже трех арийских и в нее входили, как правило, представители подчиненных аборигенных неарийских племен. Шудра был вынужден довольствоваться тяжелым и презираемым трудом и положением слуги или ремесленника. Он не имел порой даже права на ведение самостоятельного хозяйства, на изучение вед и участие в обрядах и ритуалах. Но наиболее угнетенными и бесправными были те, кто не входили ни в одну из варн..

К середине 1 тыс. до н. э. в варновой системе произошли определенные сдвиги. Две высшие варны — брахманы и кшатрии — стали противостоять двум другим — труженикам и производителям — вайшьям и шудрам. Ведические религиозные нормы освящали неизбежность статуса каждой из варн. Человек принадлежал к своей варне, из нее он брал себе жену и в ней навечно оставались его потомки.

Многие историки считают, что целью системы варн было упрочение преобладающего положения ариев — завоевателей над покоренным местным населением, закрепление господствующего положения родовой аристократии, в первую очередь жрецов-брахманов, а затем воинов-кшатриев.

Идея кармического мышления, диктовавшего уход от активной социальной позиции, укрепляла систему варн, которая, дополняясь новыми разрядами и подразрядами, со временем превратилась в разветвленную систему каст, ставшую общей для всех народов и групп населения Индостана.

4. *Древние государства.* В процессе политической интеграции мелкие протогосударства древней Индии становились более крупными и трансформировались в ранние государства в форме наследственных монархий. В V в. до н. э. в долине Ганга существовали два крупных государства — Магадха и Кошала. Соперничество между ними привело к победе Магадхи, которая и стала самым могущественным древним государством в Северной Индии ¹.

Процессы дальнейшей политической консолидации в бассейне Ганга привели к образованию империи Маурьев. Создание ее имело исключительно большое значение. Расширились торговые и культурные контакты с соседними народами. Период империи Маурьев ознаменовался подъемом культуры, утверждением буддизма — одной из трех мировых религий.

Основатель династии Маурьев — Чандрагупта был, по преданию, выходцем из шудр. Захватив в 317 г. до н. э. власть, он очистил Северную Индию от остатков гарнизонов Александра Македонского, вторгшегося сюда в 327 г. до н. э., и стал расширять свое государство.

Расцвета империя Маурьев достигла при третьем правителе династии, внуке Чандрагупты — Ашоке, одном из самых известных государственных деятелей индийской древности. При нем возникло государственное образование, простиравшееся от Кашмира и Гималаев на севере до Майсура и Мадраса на юге, от областей современного Афганистана на северо-западе до Бенгальского залива на востоке.

Ашока создал совет сановников — паришад, а в необходимых случаях собирал и совещательный орган — раджасабха. Для управления отдельными ведомствами был создан специализированный штат чиновников. Центральному аппарату подчинялись провинциальные наместничества, иногда вместе с местными правителями — раджами.

Отличавшаяся исключительной прочностью древнеиндийская сельская община вела натуральное хозяйство и обеспечивала выплату в казну шестой части урожая каждого из крестьян-общинников, а также выполнение различных повинностей. Кроме общинного землевладения существовало царское, воинское, должностное, храмово-жреческое. Эти формы землевладения были часто условными, обрабатывались же земли зависимыми арендаторами, рабами и неполноправными наемниками — кармакарами.

Расходясь в описании фактов, относящихся к периоду до восшествия Ашоки на магадхский престол, все исторические источники едины в том, что царевичу пришлось завоевывать его в упорной борьбе с братьями. Начало царствования Ашоки относится примерно к 268 г. до н. э. По сведениям хроник, Ашока правил 37 лет, значит конец царствования приходится на 232 г. до н. э. В так называемых надписях Ашоки — больших

на скальных эдиктах — сообщается об ожесточенной войне, которую он вел с соседним государством Калингой (современная Орисса). По признанию самого императора, она стоила многих жертв: было взято в плен 150 тыс. и убито более 100 тыс. человек. Захват Калинги, весьма крупного объединения и важной в стратегическом и торговом отношении области, расположенной на побережье Бенгальского залива, способствовал еще большему усилению империи. Источники смутно и противоречиво говорят о конце жизни Ашоки. В конце его царствования происходили серьезные распри и неурядицы, которые привели к крушению династии Маурьев. После этого Магадха надолго потеряла свое прежнее значение, хотя ее положение в низовьях Ганга и недалеко от побережья Бенгальского залива обеспечило ей одно из ведущих мест в общеиндийской торговле.

Магадха сохраняла немалое значение во II в. н. э. в период Кушанской державы при правлении Канишки и его наследников, как священная земля буддизма, что обеспечивало постоянные доходы от паломников и дарителей на сооружение новых и поддержание старых буддийских святынь.

Племена кушанов объединились на рубеже нашей эры на территории Бактрии. Они предприняли в середине I в. н. э. ряд походов в Индию, а при правлении Канишки овладели бассейном Инда и частью бассейна Ганга. При Канишке Кушанское царство достигло вершины своего могущества. Кушанская культура была основана на синтезе греко-бактрийского, собственно кушанского и североиндийского пластов. Кушанское царство просуществовало около века. Затем наступил период политической дезинтеграции. В IV в. возникло новое крупное образование — государство Гуптов, охватившее вскоре большую часть Северной Индии. Центром его была Магадха.

О происхождении династии Гупта мало что известно. Она могла принадлежать к касте вайшьев, хотя об этом нет вполне убедительных сведений. Согласно эпиграфическим данным, основателем ее был человек по имени Гупта (поэтому и все государи этой династии носили имена, оканчивающиеся на «гупта»). Он называл себя махараджей и, возможно, был мелким правителем сравнительно небольшого княжества в Магадхе или Бенгалии. Его преемником был сын его Гхатоткача, также носивший титул махараджи. Трудно сказать с уверенностью, были ли они независимыми правителями или зависимыми князьями.

Сын и преемник Гхатоткачи Чандрагупта I был уже независимым сувереном. Он вступил на трон в 320 г. н. э. Женившись на дочери правителя соседнего княжества, Чандрагупта I присоединяет к своим владениям новые территории, а его сын Самундрагупта вошел в историю как великий завоеватель. Почти вся Северная Индия была включена в империю Гуптов, Ослабили ее вторжения гуннов-эфталитов. Расцвет империи Гуптов датируется IV—V вв. и связывается прежде всего с правлением Чандрагупты II.

В целом система управления при Гуптах принципиально не отличалась от эпохи Маурьев. Вместе с тем усилился деспотический характер власти главы государства. Представления о божественном происхождении царской власти и особом назначении царя порождали его восприятие как живого бога. Значение паришада как царского совета из знати при этом падает. Гуптов можно считать последними крупными индусскими правителями империи. Государства, созданные после них, были менее обширными и менее устойчивыми.

В период империи Гуптов жил поэт и драматург древней Индии Калидаса. Его произведение «Шакунтала» считается одним из величайших драматических произведений, имеющих мировое значение. Драммы и эпические произведения Калидасы отражают некоторые детали действительно происходивших событий.

Тогда же получили высокое развитие архитектура, скульптура и живопись. Большинство строений и храмов периода Гуптов было, к сожалению, разрушено позже, во время мусульманских нашествий. Индийская скульптура воспроизводила красоту человеческого тела, грацию и достоинство поз. Это сочеталось с утонченной сдержанностью в трактовке жанровых сцен. Знаменитые фрески пещеры Аджанты, относящиеся к I—VII вв. также частично принадлежат к периоду Гуптов.

В начале нашей эры первые крупные государства стали появляться и в Южной Индии — Чолов, Пандья, Керала. С IV в. среди других государств заметно выделялась держава Паллавов. К этому времени значительно сократился разрыв в уровнях развития между севером и югом Индии.

5. *Буддизм.* Еще в эпоху Маурьев появилась необходимость обратить главное внимание на укрепление огромного государства идеологическими методами. Основной идеологический единства стали общие нормы поведения и нравственный долг (дхарма), следование которым было обязательным для всех, независимо от религии и имущественного положения. Это понятие — одно из центральных в индийской религиозной философии и принципах этических норм «правильной жизни». Термин «дхарма», по мнению Г. М. Бонгард-Левина, весьма труден для перевода и имеет множество значений в памятниках разных эпох.

Жрецы из различных брахманских каст в процессе толкования вед и упанишад вели интенсивные религиозно-философские поиски, в ходе которых возникали сложные философские построения. К толкователям упанишад постепенно приобщались кшатрии. Накопленная веками мудрость передавалась в устной форме из поколения в поколение. У традиционного брахманизма появились оппозиционные религиозные учения — джайнизм, адживикизм и др.

Среди философско-религиозных учений, авторы и сторонники которых были заняты настойчивыми поисками спасения, с VI в. до н. э. стали выделяться последователи Будды (на санскрите — Будда — просветленный) — легендарного вероучителя Сиддхартхи Гаутамы Шакьямуни (датами его жизни называют 623—544 гг. до н. э.), происходившего, по преданию, из царского рода пригималайского племени шакьев (Шакьямуни — «отшельник-мудрец из рода Шакьев») и достигшего состояния высшего совершенства.

Задумавшись над причинами человеческих несчастий и жизненных страданий, Сиддхартха в возрасте 29 лет покинул родной дом, чтобы найти ответы на мучившие его вопросы. Семь лет он был отшельником, надеясь посредством изучения священных текстов и бесед с мудрецами найти путь, ведущий к избавлению от страданий. Свою первую проповедь после достижения прозрения Будда произнес в окрестностях города Варанаси. Это событие буддисты называют «поворотом колеса дхармы», которое ассоциировалось с основанием «царства праведности», с началом нового периода в существовании Вселенной. Будда считался ее духовным владыкой.

Более 40 лет Будда бродил по селениям и городам Индии, проповедуя свое учение, получившее название «дхармы» («праведного закона»). Первые пять человек, обращенные Буддой в новую веру и ставшие его учениками, образовали ядро буддийской общины. Умер Будда, оставив множество учеников и последователей².

Буддисты стремились постичь четыре священные благородные истины: мир — страдание; страдание — от страстей и желаний; освобождение от страданий — в нирване; каждый может достичь нирваны, отказываясь от мирского и следуя путем праведной жизни.

Поскольку ранний буддизм быстро завоевывал популярность в народе, его как идеологию отрицания варновых основ социально-политической структуры поддержали правители империи Маурьев. Ашока покровительствовал буддизму. В его эдиктах утверждалось, что государство Маурьев основывается на принципах дхармы. Исследователи не избежали разногласий при определении смысла, в котором термин «дхарма» употребляется в надписях Ашоки. Дхарма была как бы поставлена над религиозными системами и касалась общих этических норм. Согласно эдиктам Ашоки, включенные в дхарму правила праведного образа жизни и поведения, которым должны были следовать все жители империи, предусматривали послушание родителям, уважение учителей и старших, хорошее отношение к рабам и слугам, друзьям, родственникам, воздержание как от мотовства, так и от скупости, неубиение живых существ и т. д.³ Ашока включал в понятие «дхарма» и организацию судопроизводства, и ко-

дификацию законов, и контроль за действиями местных властей, а также и религиозную терпимость.

Исключительное значение в буддизме придавалось практической направленности политики дхармавиджайи (дословно — «завоевание с помощью дхармы»), особенно в условиях, когда огромное государство имело пестрый состав населения, а каждое племя, каждый народ, каждая община или профессиональная группа жили по своим законам, освященным временем.

Кушанский правитель Канишка вошел в историю как второй (после Ашоки) великий индийский махараджа, покровительствовавший буддизму. При нем в ходе реформы буддизма, сделавшей его ближе и понятнее людям, на соборе буддистов были очерчены основы махаяны — «широкого пути к спасению», а также началось распространение буддизма в Тибете и Китае. В этот же период завершилось трансформирование брахманизма в индуизм.

Одна из основных проблем при изучении раннего буддизма — это проблема связи буддийской доктрины с предшествовавшими и синхронными ему религиозными и религиозно-философскими течениями. Даже те, кто считают, что буддизм — единоличное творение Будды, вынуждены признать заимствование им многих положений из других религий.

Устойчивая форма бытовой религии индийцев не могла кардинально измениться с возникновением реформаторских систем. Буддизм воспринял не только многих ведийских богов, но и понятие об аде и рае. По мнению известного индийского ученого К. М. Паниккара, «различие между буддизмом и индуизмом в Индии было чисто сектантским, индуизм всегда отличался от буддизма не более, чем шиваизм от вишнуизма»⁴.

Поскольку божества прежней религии были приняты в буддийский пантеон, это значительно увеличило популярность буддизма. Вместе с тем проявилась тенденция постепенного сближения буддизма с брахманизмом и индуизмом, что особенно обнаружилось в тех школах буддизма, которые получили обобщающее название «махаяна». Новая религия много заимствовала из традиционной религиозной символики: использование знака свастики, возведение памятных погребальных сооружений — ступ, ставших в буддизме одним из основных объектов культа, почитание цветка лотоса, животных и деревьев. Буддизм давал новое и нередко вполне самостоятельное толкование традиционным идеям, но никогда полностью не отвергал их. Буддизм явился результатом эволюции общеиндийской духовной культуры и не может оцениваться без анализа отдельных этапов этого процесса.

Буддийские религиозные сочинения дошли до нас на различных языках — на пали, на буддийском санскрите и т. д. Проблема «первоначального языка» канона чрезвычайно сложна и остро дискутируется в научной литературе. Наиболее полные сведения о раннем буддизме содержатся в «Типитаке» (санскрит. — «Три корзины») — собрании древних текстов, считающихся священными и записанными на языке пали на Шри Ланке в I в. до н. э.

В эпоху Гуптов буддизм постепенно теряет свое влияние, тем более, что Будда был теперь признан одним из десяти воплощений Бога. Для Гуптов была характерна религиозная терпимость. Они без колебаний назначали на высокие посты людей, исповедовавших другую веру.

6. *Индуизм.* Индуизм представляет собой самостоятельную религиозную систему. Она характеризуется такими чертами, как полиморфизм, признание неизбежности варнокастового деления общества и комплекса ритуального-поведенческих установок.

Индуизм воспринял в модифицированном виде ряд положений ведизма-брахманизма: учение о нетленной душе, представление о карме с ее этической основой. Истоки индуизма восходят к ведам и окружавшим их преданиям и текстам, во многом обусловившим характер и параметры индийской цивилизации в ее историко-культурном, философско-религиозном, обрядово-бытовом, социально-семейном и иных аспектах.

Главные индуистские боги были хорошо известны из мифов и сказаний.

Важнейшими из многочисленных богов индуизма считаются трое — тримурти — Брахма, Шива и Вишну, каждый из которых имел свои функции, обличье и характер.

Самостоятельное значение в Индии приобрел культ Кришны — древнего божества неарийского, аборигенского происхождения, выступавшего уже в древних эпических сказаниях как общеиндийское божество высокого статуса. Культ Кришны получил необычайное распространение. В его честь слагались песни, создавались драмы, проводились веселые праздники весны — холи.

Существенным отличием индуизма не только от брахманизма, но и от большинства других религиозных систем является то, что это учение связано не с одним, а с тремя в принципе равноправными между собой божествами. Брахма пришел в индуизм из собственного ведийского пантеона. В отличие от Вишну и Шивы, а также от богини — матери Шакти, Брахме почти не посвящалось храмов, хотя он часто упоминался в религиозных текстах. Индуизм стал своеобразным религиозным синтезом, а каждый из богов как бы охватывал весь мир. Последователи Вишну именовали его не только хранителем, но и создателем и разрушителем Вселенной. Все три космогонические функции мог также сочетать и Шива. Этим определялась известная веротерпимость как внутри индуизма, так и вне его, в отношении различных, связанных с индуизмом религиозно-философских учений.

Жрецами индуизма, носителями его религиозной культуры, ритуалов, этики и эстетики были члены брахманистических каст, потомки тех самых варн брахманов, которые еще до нашей эры являлись носителями религиозных знаний и исполнителями религиозных обрядов.

7. *Связи Индии с другими странами.* Свою роль в развитии очага цивилизации в древней Индии сыграли и внешние воздействия. Однако для индийского общества была характерна относительная замкнутость, устойчивая консервативная стабильность, что наиболее существенным образом проявилось в возникновении и укреплении системы варн, а затем и каст. Индусы не вели наступательных войн и не делали внешних приобретений. «Вследствие такого склада своей внешней истории Индия сделалась каким-то особым замкнутым миром и развила совершенно самородную цивилизацию»⁵.

Древняя Индия поддерживала дружеские отношения с различными странами. В течение IV—VI вв. несколько миссий из разных частей Индии было послано в Китай. Буддийские паломники приходили из Китая в Индию, и Индия также посылала некоторых своих сынов в Поднебесную империю, таких как отважный путешественник Кумараджива (около 383 г. н. э.). Правитель Кашмира Гунаварман, обративший яванцев в буддизм, умер в Нанкине в 431 г. н. э.

В эпоху Гуптов Индия установила тесный контакт с Малайским полуостровом и соседними островами Индонезийского архипелага. Торговые и колониальные предприятия индийских мореплавателей и искателей военных приключений способствовали распространению индийской культуры на Яву, Суматру и другие острова Юго-Восточной Азии, а также в Камбоджу, Аннам и другие районы Индокитая.

Первое индийское государство в Камбодже, занимавшее примерно такую же территорию, что и нынешняя Камбоджа вместе с южным Вьетнамом, и известное под названием Фунань, было, вероятно, основано не позднее I в. н. э. Там процветали и индуизм и буддизм, индийская философия и санскритский язык, утвердилась кастовая система. Санскритские надписи Камбоджи составлены в прекрасном поэтическом стиле кавья и обнаруживают глубокое знание индийской санскритской литературы. Существовало большое количество обителей — ашрамов, которые поддерживались щедростью правителей, а также частной благотворительностью и служили центрами индийской религии и культуры. В Камбодже замечательного уровня достигла архитектура, величайшим памятником которой является Ангкор Ват, посвященный Вишну.

Особенно тесные связи существовали между Индией и Цейлоном. Самые ранние обитатели Цейлона принадлежали к народу вадда, но значи-

тельной частью населения острова позже стали потомки дравидских и арийских завоевателей и переселенцев. Арийские переселенцы, принадлежавшие к синхалам («племени льва»), присвоили своей новой родине название Синхала. В правление Деванампия Тиссы (приблизительно 247—207 гг. до н. э.) миссионеры, посланные Ашокой, принесли на Цейлон буддизм. Около середины II в. до н. э. Цейлон был покорен южноиндийским князем Элара. В I в. до н. э. один за другим пять завоевателей, представителей крупного южноиндийского этноса — тамилы, вторгались в некоторые районы Цейлона. В I в. н. э. престол Цейлона занял правитель, принадлежавший к клану Ламбакарна, который был связан с правителями империи Маурьев.

В период правления Маханамы (412—434 гг.) великий толкователь текстов на языке пали Буддагхоша, который, возможно был брахманом в Северной Индии, способствовал утверждению доктрин буддизма на Цейлоне, в Бирме, Сиаме и Камбодже.

Замечательные фрески пещеры Аджанта свидетельствуют, что Индия и Персия обменивались посольствами в VII в. н. э. Имелись связи и с Римской империей, возникшие, по-видимому, в период Кушанов. Упоминаются три миссии из Индии к римским императорам (в 336, 361 и 530 гг. н. э.). Чеканка монет в период Гуптов, как считают специалисты по нумизматике, не свободна от римского влияния.

* * *

Однако при наличии связей с другими странами и народами развитие Индии происходило с опорой прежде всего на собственные фундаментальные ценности в структуре общества и традициях культуры. В отличие от других древних цивилизаций, например Китая с его развитой административно-государственной структурой, Индии была присуща неустойчивая структура государственной власти. В ранних протогосударствах основным связующим фактором у индоариев стала варнокастовая система, позволяющая сохранить этническую консолидацию и найти своеобразные формы организации общества с доминирующей ролью жрецов — брахманов. Попытки кшатриев создать альтернативные древнему брахманизму религии — буддизм и джайнизм не смогли вытеснить традиционную религиозную культуру, трансформировавшуюся в индуизм. Длительное время влияние брахманов в обществе было своего рода альтернативной формой государственной власти. Традиционная организация индийского общества не могла тем не менее обойтись на определенной ступени своего развития без институционализации внеобщинной администрации и создания государственного аппарата, в котором чиновниками, воинами и правителями становились представители варны кшатриев.

Таким образом, своеобразие индийской цивилизации в период древней истории было обусловлено специфической формой организации общества, особенностями религиозно-культурных традиций, нормами и принципами образа жизни индийцев.

Примечания

1. SINHA N. K., BANERJEE A. S. History of India. Calcutta. 1952, p. 54.
2. ПИШЕЛЬ Р. Будда, его жизнь и учение. М. 1991, с. 86.
3. БОНГАРД-ЛЕВИН Г. М., ИЛЬИН Г. Ф. Индия в древности. М. 1985, с. 242.
4. ПАННИККАР К. М. Очерки истории Индии. М. 1961, с. 52.
5. ПЕТРОВ М. Н. Лекции по всемирной истории. Т. I. СПб. 1907, с. 110.

События 1980—1981 гг. в Польше. Взгляд со Старой площади

В. И. Воронков

В августе с. г. исполнилось 15 лет со дня начала событий в Польше, послуживших отправной точкой крупнейшей антикоммунистической революции, в результате которой кардинальным образом изменился облик Европы и расстановка сил в мире. Ее результаты имеют непреходящее значение для судеб планеты. Закончился период глобальной конфронтации в мире, грозившей уничтожить человечество. Преодолен раскол Старого континента. Обрели права распоряжаться своей судьбой народы бывших социалистических стран. На постсоветском пространстве возникли новые независимые государства.

В Польше на рубеже 80-х годов возникло массовое общественно-политическое движение «Солидарность», объединившее к концу 1981 г. по разным подсчетам от 6 до 10 млн. членов (все население Польши составляло тогда чуть более 37 млн.) из всех социальных групп — рабочих, крестьян, ученых, журналистов, студентов и многих других — на борьбу с тоталитарной системой. Это была попытка людей разного возраста, но прежде всего молодежи, разного образования, жизненного опыта, мировосприятия создать общество, опирающееся на здравый смысл и общечеловеческую, христианскую мораль, и противопоставить его насилию, лжи и несвободе. Впервые в социалистической стране такое массовое движение отвергло саму возможность гуманизировать социализм, встав на последовательно антикоммунистические позиции. Эти же идеалы позже подняли людей на «бархатную революцию» в Чехословакии, против них не устояла Стена в Берлине, они повели россиян в августе 1991 г. на защиту Белого Дома. Опыт «Солидарности» как широкого общественно-политического движения был во многом повторен в ряде стран Центральной и Восточной Европы, в частности, в Литве («Саюдис»), в Украине («Рух»), Чехословакии («Гражданский форум») и т. д.

Пока нет устоявшегося мнения, какую дату следует считать рождением «Солидарности». Это название впервые появилось в информационных сообщениях 22 сентября 1980 г., когда собравшиеся в Гданьске представители независимых профсоюзов со всей Польши приняли устав общенациональной профсоюзной рабочей организации «Солидарность» со штаб-квартирой в г. Гданьске. 10 ноября того же года она была зарегистрирована в качестве легально действующей Варшавским воеводским судом.

Воронков Владимир Иванович — кандидат исторических наук, специалист по новейшей истории Польши и российско-польских отношений.

Возможно истоки «Солидарности» можно отнести к лету 1976 г., когда известные польские правозащитники Я. Куронь, А. Михник, К. Модзелевский и их соратники создали Комитет защиты рабочих (КЗР), чтобы оказывать поддержку рабочим, репрессированным властями за участие в акциях протеста в г. Радоме в июне того же года. Ячейки КЗР стали инициаторами создания независимых профсоюзов в 1980 году. За начало «Солидарности» можно принять и дату начала забастовки на судовой верфи им. Ленина — 14 августа 1980 года. Не менее важная веха в организации становления движения 31 августа — 3 сентября 1980 г., когда правительственные комиссии вынуждены были, чтобы остановить стачки, подписать с представителями образовавшихся межзаводских комитетов независимых профсоюзов в трех главных очагах стачек — Гданьске, Щецине и Ястшембе-Здруй (Силезия, шахтеры) — «общественные соглашения», означавшие фактическую легализацию «Солидарности».

Была ли историческая предопределенность в том, что «Солидарность» появилась именно в Польше? На это указывает ряд факторов и обстоятельств. Исследователи этой проблемы считают, что ни в одной из бывших социалистических стран Центральной и Восточной Европы в конце 70-х годов крах промышленной и сельскохозяйственной политики, ухудшение условий жизни рабочих и других групп населения не были столь очевидными как в Польше¹. К тому же именно для Польши в годы «народной власти» были характерны рабочие протесты с политической окраской. Они были сердцевиной событий 1956 г. в Познани, 1970 г. на Побережье, 1976 г. в Радоме.

В Польше со времен Герека (1-й секретарь ЦК ПОРП в 1970 — сентябрь 1980 г.) был сравнительно либеральный в сравнении с другими соцстранами режим власти, закрывавший глаза на деятельность политической оппозиции, которая была весьма многочисленной и организованной. Ни Герек, ни Каня, ни Ярузельский не были приверженцами догм классовой борьбы, предпочитали диалог с собственным народом.

Значительная сфера свободы в польском обществе существовала благодаря католической церкви, которая воспитывала народ в духе общечеловеческих и патриотических ценностей, покровительствовала оппозиции и предоставляла защиту преследуемым. Особо важным фактором социальной и национальной консолидации поляков стало избрание в августе 1979 г. на папский престол краковского кардинала К. Войтылы. Папа Иоанн-Павел II стал духовным наставником и пастырем «Солидарности».

Даже в социалистические времена Польша оставалась весьма открытой влиянию Запада. Это происходило во многом благодаря многочисленной польской эмиграции (по разным подсчетам 12-16 млн. человек), разбросанной по всему миру, прежде всего в США, поддерживавшей связи с родственниками на родине.

Не случайно также, что одним из важнейших аспектов деятельности «Солидарности» был национально-освободительный. Польское общество в массе своей твердо противостояло попыткам советизации (это не имеет ничего общего с неприязнью к русскому народу, поэтому утверждения о широких антисоветских, а теперь антироссийских настроениях поляков имеют мало общего с реальностью). Общественно-политический строй, привнесённый в 1945 г. из СССР, в Польше так и не укоренился. Подозрительность и недоверие, чувство опасности со стороны восточного соседа имманентно присуще полякам в силу соответствующего исторического опыта. За последние 200 лет Польша не раз лишалась суверенитета либо существенно ограничивалась в нем во многом благодаря политике правящих кругов России. Практически в каждой польской семье есть предки или родственники, пострадавшие либо от царских, либо от сталинских репрессий. Все это работало на национально-освободительные лозунги «Солидарности», хотя движение стремилось ими пользоваться весьма аккуратно с учетом возможности весьма жесткой реакции со стороны СССР.

Реакция советского руководства на возникновение и деятельность «Солидарности» была, конечно, негативная. Официальная Москва восприняла

это движение как угрозу своим интересам не только в Польше, но и во всей Центральной Европе. С появлением «Солидарности» Польша превратилась в еще одно поле прямой конфронтации между Западом и Востоком. С самого начала кризиса 1980 года в этой стране Кремль вел линию на ликвидацию движения или перерождение его в «социалистический профсоюз». Зато среди демократических кругов Советского Союза «Солидарность» была воспринята как первая ласточка свободы в «лагере», пользовалась их симпатией и сочувствием.

Отдаваемая на суд читателя работа посвящена наиболее острому периоду развития ситуации в Польше в 80-е годы. Он выбран не случайно, так как именно в это время Советский Союз фактически обнажил все аспекты политики «ограниченного суверенитета» в отношении Польши, выступив по существу против устремлений большинства поляков к демократическим свободам, экономическим реформам, возрождению национальной независимости, которые олицетворяла «Солидарность». Это исследование — также попытка пролить дополнительный свет на некоторые обстоятельства введения в 1981 г. военного положения в Польше.

События тех лет в Польше опередили на несколько лет развитие аналогичных процессов в СССР. Только перестройка с ее курсом на невмешательство во внутренние дела других стран, партнерство и равноправие в отношениях восстановила нравственные начала в советско-польских отношениях, создала условия для падения «реального социализма» и перехода власти к объединенной в «Солидарности» оппозиции. Пророческим словам А. И. Герцена о том, что свобода Польши невозможна без свободы России в полном объеме суждено было сбыться только спустя почти 130 лет.

Сегодняшние добрососедские, деидеологизированные, во многом освобожденные от негативного балласта прошлого российско-польские отношения — это историческое завоевание наших народов, один из важнейших результатов демократических перемен в обеих странах. Вместе с тем, все позитивное, достигнутое в этих отношениях, еще достаточно хрупко, недавнее прошлое то тут, то там пробивается ростками недоверия и подозрительности.

Автор полагает, что его попытка осветить драматические отношения двух стран в 1980—1981 гг. послужит укреплению взаимопонимания россиян и поляков. Тем более, что российский читатель практически незнаком с документами того периода. Поляки же широко публиковали переданные им президентом Б. Н. Ельциным материалы ЦК КПСС, относящиеся к исследуемой теме. В Польше вышел также обширный том воспоминаний резидента КГБ в этой стране в те годы В. Павлова, который в приложении к ним привел многочисленные документы комиссии политбюро ЦК КПСС по Польше. Опубликованы также мемуары С. Кани, В. Ярузельского и других руководителей Польской Народной Республики. Эта литература учтена автором. Работа построена на анализе доступных документов политбюро ЦК КПСС, материалов российско-польских переговоров 1980—1981 гг., рабочих справок и записок по польской проблематике отдела ЦК КПСС по связям с коммунистическими и рабочими партиями соцстран, в котором довелось работать автору, а также его дневниковых записей того времени. Фрагмент данной работы, относящийся к августу-сентябрю 1980 г., публиковался в польской газете «Gazeta Wyborcza» (№ 188, 13—15 августа 1994 г.).

Автор также надеется, что данная работа может оказаться полезной для тех, кто занимается формированием современных отношений между Российской Федерацией и Республикой Польша, которые, как учит недавняя история, чтобы быть добрососедскими и искренними, должны быть лишены менторства, претензий на собственную исключительность, игнорирование законных интересов друг друга и открыты дружественному диалогу к взаимовязке интересов.

Август 1980 г. и образование «Солидарности». Начавшиеся в Польше летом 1980 г. забастовки явились неожиданностью для советского руководства. Оно пребывало в убежденности, что ПОРП после VIII съезда укрепила

позиции в обществе, а руководство партии «владеет ситуацией в стране». Считалось, что несмотря на преобладавший на съезде критический настрой части депутатов в отношении команды Герека, весь «пар ушел в свисток» и первый секретарь стал обладателем «нового кредита доверия партии и трудящихся». В свете итогов съезда политбюро ЦК КПСС высказалось за Герека как вполне устраивающую его фигуру на посту первого секретаря, хотя и не без грехов (подозрения вызывал его лозунг «единства всех поляков», курс на широкие экономические связи с Западом и т. д.).

Вспыхнувшие в июле в Люблине краткосрочные забастовки в связи с повышением цен на мясо и мясные изделия особой обеспокоенности на Старой площади не вызвали. Мнение об этом как о досадном эпизоде еще больше утвердилось в советском руководстве после того, как на очередной летний отдых в СССР прибыл Э. Герек и около 40 представителей польских властей центрального и воеводского уровня. Состоявшаяся 31 мая беседа Брежнева с Гереким в Крыму и по содержанию, и по тональности была довольно ординарной и не отличалась по сути от предыдущих «крымских встреч» с первым секретарем ЦК ПОРП. Можно утверждать, что она была даже «мягкой» со стороны советского собеседника — ведь на крымских встречах традиционно было принято предъявлять все самые серьезные претензии «младшим братьям». Герека же «пожурили», что при принятии им недавнего решения о повышении цен на мясо были, судя по всему, не до конца учтены возможные социальные последствия, партийные организации на местах не провели соответствующей разъяснительной работы, а забастовки были определены как конфликтные ситуации на некоторых предприятиях. Брежнев призвал Герека не забывать об обостряющемся в последние годы идеологическом противоборстве между социализмом и капитализмом и, намекая на тогдашнюю польскую действительность, заявил о неприемлимости политического плюрализма для социалистических стран.

В отличие от Брежнева Герек, похоже, понимал, что Польша находится на пороге серьезных потрясений. Его приезд на отдых в СССР должен был развеять опасения советского руководства на сей счет, подтвердить всем его оппонентам в партии и вне ее, что только он пользуется полным доверием генерального секретаря ЦК КПСС. И если в ходе беседы с Брежневым ему удалось успокоить генсека, то во всем остальном явно просматривалось, что он чувствует себя не в своей тарелке. Даже внешне Герек выглядел весьма подавленным и мрачным. В отличие от прежних лет почти не смотрел фильмов, искал уединения от радушно-назойливых советских хозяев. Огромное нервное напряжение польского гостя выдавали его многочисленные звонки по ВЧ-связи в Варшаву. Все это замечалось обслуживающим персоналом спецдачи и, естественно, докладывалось руководству.

То, что в Польше началось что-то серьезное, Москве стало ясно 14 августа, когда началась забастовка на судовой верфи им. Ленина. Буквально в тот же день из советского посольства в Варшаве пришли шифровки, что 700 активистов КЗРа сумели вовлечь за день в забастовку весь 16-тысячный трудовой коллектив предприятия. Отмечалось, что забастовку возглавили рабочий-электрик Валеса (так в тексте) и крановщица Валентынович, что наряду с требованиями повысить зарплату, стачечный комитет добивается легализации «независимых профсоюзов» и установки памятника жертвам событий декабря 1970 года. Крайнюю серьезность положения подтверждал содержащийся в одной из депеш факт, что «друзья» (на тогдашнем политическом жаргоне синоним «польское руководство») стали стягивать к Гданьску воздушно-десантные подразделения.

Окончательно убедило советскую сторону в том, что события в Польше приобретают нежелательный для нее оборот, сообщение об отъезде Герека из Крыма в Варшаву 15 августа, за которым потянулись все остальные отдыхавшие в СССР высокопоставленные поляки. Все это выглядело со стороны весьма хаотично и в чем-то даже забавно, так как инстинкт политического самосохранения заставлял польских курортников, самостоятельно возвращавшихся в Москву на правах простых советских граждан, мчаться на родину чуть ли не автостопом, даже порой не успевая

предупредить принимавшую сторону об отъезде. Работникам аппарата ЦК КПСС несколько дней и ночей подряд приходилось буквально отлавливать в аэропортах и на вокзалах польских гостей, чтобы вновь взять их под свою опеку и поскорее переправить в Варшаву.

Первая попытка оценить то, что происходило в Польше, была принята руководством КПСС 20 августа 1980 года. В направленном в этот день Брежневым Гереку письме заявлялось, что положение в Польше вызывает озабоченность советского руководства. Показательно, что Гереку продолжали доверять — Брежнев в письме просит его предоставить более полную информацию о развитии обстановки. Одновременно одобрялось намерение Гереча «изолировать враждебные элементы от трудящихся политическими и взвешенными административными мерами».

Подъем забастовочной волны в Польше, создание на предприятиях массовых ячеек независимых профсоюзов, повсеместный паралич низовых партийных организаций ПОРП все больше подводили советских руководителей к мысли о том, что ситуация в Польше продолжает осложняться и может отразиться на глобальных советских интересах на европейском континенте. В связи с этим политбюро ЦК КПСС 25 августа 1980 г. создает предельно засекреченную комиссию политбюро ЦК КПСС по Польше (т. н. «комиссию Сулова») в составе наиболее влиятельных советских политических фигур. В нее вошли Сулов (председатель), Громыко, Андропов, Устинов, Черненко, Зимянин и еще несколько человек². Тем самым польские события были поставлены в ряд с афганскими (существовала комиссия ЦК КПСС по Афганистану), а стало быть рассматривались как один из самых животрепещущих для СССР и его внешней политики вопросов.

В решении о создании комиссии сформулирована философия тогдашней советской внешней политики в отношении Польши — «следить за складывающейся в ПНР обстановкой» и выработать предложения о «возможных мерах с нашей стороны»³. Проще говоря, речь шла о том, что отныне Советский Союз как главный гарант нерушимости соцлагеря принимает на себя особую ответственность за сохранение в нем Польши. Он присваивает себе право давать собственные оценки происходящего в этой стране, доводить их до сведения польского руководства и добиваться выполнения высказываемых рекомендаций. Отношение к этим советам, их выполнение становилось критерием не только верности «социалистическим принципам», но лояльности к СССР. Утрата доверия советского руководства к «польским друзьям» означала то, что Советский Союз мог либо попытаться свалить их и заменить другими, более покладистыми, либо взять управление страной на себя, применив военную силу и поставив марионеточное правительство. Эта философия воплощалась на практике в 1956 г. в Венгрии, в 1968 г. в Чехословакии, в 1979 г. в Афганистане, т. е. даже за пределами соцлагеря. С момента образования «комиссии Сулова» тогдашнее польское руководство оказалось в жестких советских тисках, в крайне ограниченном поле для маневра.

Советское руководство восприняло подписание общественных соглашений в Гданьске, Щецине и Ястшембе-Здруй с двойственным чувством. С определенным облегчением, что удалось прекратить забастовки, грозившие польским властям непредсказуемыми последствиями. С полным неприятием легализации оппозиции в виде «свободных профсоюзов». Отсюда принята тогда линия поведения: «пряник» в виде срочной финансовой помощи (150 млн. долларов США) в надежде, что благодаря этому удастся выбить хотя бы на время социально-экономическую почву под забастовками; «кнут» в виде статьи Петрова в «Правде» (так подписывались статьи, одобренные политбюро ЦК КПСС) под зловещим заголовком «Происки врагов социалистической Польши», объявляющей образование независимых профсоюзов делом рук «подрывных» сил в лице КЗРа и спецслужб Запада⁴.

В это же время в Москве все больше приходили к выводу, что Герек не готов проводить жесткую линию в отношении «антисоциалистической оппозиции». По поручению ЦК КПСС к этому склонял его посол СССР

в ПНР Б. Аристов. Не добившись от собеседника твердых обязательств навести порядок с забастовщиками и не уступать классовому врагу, т. е. не допускать даже мысли о подписании общественных соглашений, Аристов сообщал в Центр, что Герек произвел на него впечатление человека растерянного, который давал противоречивые и не до конца продуманные оценки. Днем раньше он с сожалением телеграфировал в Москву, что в политбюро ЦК ПОРП верх взяли сторонники умеренных шагов, которые большие надежды по нормализации обстановки возлагают на сотрудничество с католической церковью.

Все это воспринималось Брежневым и его окружением как серьезная форма ереси, граничащая с «предательством социализма». Тогда-то, по видимому, советским руководством и было принято решение освободиться от Герека.

Одной из наибольших загадок советско-польских отношений начала 80-х годов для автора этих строк остается степень суверенности польской стороны в принятии кадровых решений. Проблема состоит в том, что руководство КПСС после 1956 г. не имело возможности назначать первое лицо в «братском государстве» как бы в приказном порядке. Судя по всему функционировал особый механизм неформального воздействия на высокопоставленных «польских друзей», прежде всего каналами советского посольства в Варшаве, который в основном обеспечивал достижение этой цели. С членами высшего руководства ПОРП проводились беседы примерно такого содержания. Товарищ Икс предан делу социализма, выступает как искренний друг СССР, видит происки западников в их стремлении размягчить социализм в Польше и так далее в том же духе. Товарищ Игрек же чуть ли не враг, проникший в ЦК ПОРП, чтобы подточить партию изнутри. Слухи о том, что к товарищу Игреку имеет претензии Москва, которая против его выдвижения в «узкое руководство», начинали ходить в высших эшелонах польской власти и успешно перекрывали путь на партийный Олимп. Тех, кого на Старой площади вносили в «черный список», никогда из него не вычеркивали. Так, М. Раковский попал в этот список благодаря неосторожно сделанному в 1978 г. заявлению о том, что «социализм был принесен в Польшу на штыках советской армии». Нашлись доброжелатели, которые донесли на него в советское посольство и в Москве стало накапливаться досье антисоветских высказываний «пана Раковского». В московский «черный список» угодили М. Ягельский и К. Барчиковский как подписавшие общественные соглашения.

В начале сентября 1980 г. советское руководство явно делало ставку на С. Каню. Он не был замечен в «антисоветских высказываниях» (ради объективности надо сказать, что и особой любви к Кремлю не демонстрировал), и к тому же курировал МВД и спецслужбы, т. е. именно то, что было необходимо, чтобы разложить, разбить независимые межзаводские профкомы, упрятать в кутузку антисоциалистические элементы.

5 сентября пленум ЦК ПОРП принял решение освободить Герека с поста первого секретаря ЦК ПОРП, модифицировав известное советское обоснование почти всех политических отставок «по состоянию здоровья» на «в связи с тяжелым заболеванием». Герек, слава Богу, жив поныне. На его место заступил Кая.

Избрание Кани первым секретарем ЦК ПОРП было воспринято в советском политическом руководстве с определенным рождением воодушевлением. Весьма теплая телеграмма в связи с этим событием была направлена ему Брежневым. Кане была предложена первая за период событий более или менее развернутая программа советов «друзьям» по преодолению кризиса в Польше. Она была передана в ходе бесед в Москве Брежнева и Сулова с Ягельским 10 сентября и Верблянном 15 сентября.

Тезисы к этим беседам были подготовлены «комиссией Сулова» и утверждены ЦК КПСС 3 сентября. Содержавшееся в документе категорическое требование к польским средствам массовой информации показывать, что события вызваны не недостатками социалистической системы, а ошибками и просчетами, а также некоторыми объективными причинами (стихий-

ные бедствия и др.) было, по русской пословице, попыткой «утаить шило в мешке». Это заклинание доказывало, что советское руководство начинает напрямую проявлять обеспокоенность за прочность соседнего режима. Еще большие опасения сквозили из вывода, что общественные соглашения означают легализацию антисоциалистической оппозиции.

Вместе с тем, Кремль продолжал пока сохранять надежду на разгром независимых профсоюзов преимущественно политическими методами. Меры же по выходу из кризиса были в типичном для того времени большевистском стиле. Параметры общественного строя в СССР определялись как эталонные для социализма, а все, что не соответствовало им, подлежало приведению в соответствие. Прежде всего должна была быть восстановлена руководящая роль партии в обществе. Следовало оздоровить «социалистические профсоюзы», разложить «самоуправление», усилить влияние властей в армии, чтобы не допустить проникновения туда «антисоциалистических элементов». И никакого плюрализма в средствах массовой информации, никакого ослабления цензуры.

Надежды советского руководства на то, что «Солидарность» сама по себе развалится окончательно развеялись, судя по всему, 17 сентября, когда профобъединение завершило создание общепольских структур. Показательно, что примерно в это время от «комиссии Сулова» в отдел ЦК КПСС пришло указание, срочно разыскать текст действующей конституции ПНР, а в ней найти статью, позволяющую вводить режим чрезвычайного положения в этой стране. Как назло, столь малозначимый для дела социализма документ в польском секторе отдела ЦК КПСС отсутствовал, видимо, по ней ничего раньше «друзьям» советовать не приходилось. Пришлось запрашивать конституцию в посольстве в Варшаве, которое тоже отыскило ее не сразу. Не менее трудными оказались поиски соответствующей статьи в этой конституции — ведь когда она принималась никто, наверное, из ее авторов не смел по вполне понятным причинам даже заикнуться, что в будущем могла вдруг возникнуть угроза «священным завоеваниям социализма». С грехом пополам удалось подвести под события статью о том, что военное положение может быть введено в случае угрозы безопасности Польши, а такую угрозу, по мнению советского руководства, создавала деятельность «антисоциалистических сил».

С этого момента, т. е. со второй половины сентября 1980 г. ЦК КПСС занял позицию силового решения польского кризиса и не сходил с нее вплоть до введения военного положения в Польше. Как следует из материалов заседания политбюро ЦК КПСС от 29 октября 1980 г., рассматривались и два варианта такого решения — силами польского руководства как предпочтительный и вооруженной интервенцией отдельно Советского Союза или со странами Варшавского договора в случае крайней необходимости. О них на заседании политбюро откровенно заявил Устинов: «Если не ввести военного положения, то дело будет очень осложнено и будет еще сложнее. В армии имеются шатания». И далее следует развитие этой мысли — если поляки этого не сделают, то «Северная группа войск (дислоцированные на территории Польши после второй мировой войны соединения Красной Армии) у нас подготовлена и находится в полной боевой готовности»⁵. Этот вывод не противоречит заявлению В. Павлова в его воспоминаниях «Я был резидентом КГБ в Польше» о том, что советское руководство не готовилось к вмешательству во внутренние дела Польши⁶. Судя по имеющимся документам, возглавлявший КГБ Ю. Андропов, у которого работал В. Павлов, был противником интервенции. Это и понятно — ведь КГБ сыграл решающую роль во вторжении в Афганистан, а уже в 1980 г. стало ясно, что «блицкриг» там не удался. Андропов, по-видимому, понимал, что и в Польше советская интервенция могла бы окончиться столь же безрезультатно. Ошибается, на наш взгляд, Павлов лишь в том, что выдает позицию Андропова за мнение всего советского руководства. Да, действительно, политического решения советского руководства с вариантом вторжения советской армии в Польшу не было, как, впрочем, не было и решения, начисто исключавшего такую

возможность. Есть, однако, весомые предположения утверждать, что Устинов и Генштаб такой путь развязки польского кризиса не исключали и готовились к нему. Ведь не просто так просидел в 1980—1981 гг. почти год в советском посольстве в Варшаве главнокомандующий войсками Организации Варшавского Договора (ОВД) В. Куликов, известны слова командующего СГВ В. Дубынина, который в 1981 г. был командиром дислоцировавшейся в Белоруссии дивизии Красной Армии, о том, что его часть проводила подготовку к возможному вторжению в Польшу и т. д. Историк генерал Д. Волкогонов, в 1990-1992 гг. председатель комиссии Верховного Совета Российской Федерации по передаче архивов КГБ и КПСС для научного и общественного пользования, в статье в «Известиях» от 19 июля 1994 г. утверждает, что согласно известным ему документам советское руководство вело подготовку к вооруженному вторжению в Польшу в начале 80-х годов.

И надо знать менталитет тогдашних советских военных. Согласно военной доктрине тех лет, в случае возникновения новой мировой войны западноевропейский театр военных действий становился главным. Стоит взглянуть на карту Европы, чтобы понять, что советские военные стратеги никогда бы не согласились с существованием в Польше политического режима, который не давал бы им гарантий сохранения полного участия ПНР в ОВД.

В это же время руководство СССР приходит к выводу о том, что польские события могут приобрести затяжной характер и даже оказывать определенное негативное воздействие на ситуацию в СССР. С учетом этого политбюро ЦК КПСС 26 сентября 1980 г. приняло постановление об укреплении кадров посольства и генконсульств СССР в Польше, в соответствии с которым значительно расширилось представительство спецслужб в советских дипломатических и консульских учреждениях в этой стране. 4 октября решением секретариата ЦК КПСС «О некоторых мерах по упорядочению распространения польской периодической печати в СССР» была введена цензура на все поступающие, в том числе по подписке, польские периодические издания, а в Главлите (центральный орган по цензуре) был создан специальный отдел для этого. Он получил право изымать любые газеты и журналы, включая «Трибуну люду» и другие органы ПОРП из подписки, не допускать их продажи в розницу, если в них содержались «политически вредные», по мнению цензоров, материалы. Спустя месяц принимается решение «О советско-польском туризме», не только резко ограничившее взаимные поездки людей, но и вменявшее в обязанность «Интуристу» (главное и фактически единственное турбюро в СССР) периодически направлять в ЦК КПСС подборки высказываний посещающих Советский Союз польских туристов о положении в своей стране. Тем самым гиды «Интуриста» вынуждены были заниматься большим сбором информации, чем экскурсиями. В это же время вводится практика, согласно которой для приглашения того или иного деятеля науки или культуры из Польши в СССР необходима была позитивная оценка на его счет («верен или неверен делу ПОРП») от советского посольства в Варшаве и Отдела ЦК КПСС. В числе невъездных из Польши в СССР оказались практически все известные польские ученые, писатели, композиторы, художники, в частности такие как кинорежиссер А. Вайда, историк А. Гейштор и др. Руководству КПСС казалось, что тем самым поставлен плотный заслон распространению «польской заразы» на советской земле.

Однако ожидания официальной Москвы, что Каня начнет железной рукой наводить в Польше порядок не сбывались. 15 октября первый секретарь ЦК ПОРП обращается с письмом к Брежневу с просьбой оказать срочную экономическую помощь ПНР. В письме содержится обоснование, что такая помощь может способствовать успокоению населения, стабилизации обстановки в стране, упрочению позиций ПОРП и ее нового руководства. Москва к просьбе отнеслась благосклонно, однако решила воспользоваться моментом, чтобы подтолкнуть Канию к занятию непримиримой линии в отношении «Солидарности».

После советско-польской встречи в верхах, состоявшейся в Москве 30 октября 1980 г., брежневское руководство начинает оказывать все возрастающее давление на Каню и других польских руководителей, побуждая их к введению военного положения в стране. В принятом перед этой встречей постановлении ЦК КПСС констатировалось, что события в ПНР все больше приобретают характер «ползучей контрреволюции» (эта формулировка активно использовалась в 1968 г. в отношении Чехословакии). Поэтому, принимая в Москве Каню и Пиньковского, ЦК КПСС считал необходимым своевременно предостеречь их от опасности дальнейших уступок оппозиции, а также выяснить их оценку положения в стране, планы и намерения.

Основное содержание заявления Брежнева на встрече 30 октября сводилось к следующему:

— Все свидетельствует о том, заявил он, обращаясь к Кане и Пиньковскому, что пик кризиса в Польше отнюдь не пройден, ПОРП противостоит непримиримый классовый враг, который не остановится на полпути. Действиями антисоциалистических сил руководит опытная рука и у них, видимо, есть детально разработанный план: разрушить связи ПОРП с рабочим классом, деморализовать партию, узаконить политическую оппозицию и захватить власть. Осуществлять этот контрреволюционный замысел собираются по этапам — сначала независимые профсоюзы, затем овладение средствами массовой информации, нейтрализация армии и милиции, роспуск сейма и проведение так называемых свободных выборов.

— Оппозиционеры считают, что время работает на них. Вот почему самое важное — это переломить ход событий, не ждать, когда враг загонит партию в тупик, а самим развернуть наступление на силы контрреволюции, ее лидеров и вдохновителей.

— Отступать ПОРП дальше некуда. У польского руководства есть возможность отбросить контрреволюцию. Оно может опереться на государственный аппарат, армию, милицию, органы безопасности, на поддержку здоровых сил в партии и народе. Нельзя больше медлить и с активными действиями против антисоциалистических элементов. Ведь отъявленные антикоммунисты, такие как Куронь и Михник, не останавливаются уже перед требованием расправы с членами ПОРП и изменения государственного строя, а Валенса беспрепятственно разъезжает по стране, собирая многочисленные митинги и разглагольствуя на них о чем ему вздумается.

— Первейшее значение имеют в современных условиях средства массовой информации. Многое из того, что пишется сейчас в польских газетах и журналах, передается по радио и телевидению, в той или иной мере отражает взгляды врагов социализма. Оппозиционеры уже не довольствуются терпимостью идеологических ведомств и либерализацией цензуры. Они требуют, чтобы «свободные профсоюзы» имели свою газету, радиостанцию, имели доступ на телевидение. Это могло бы привести к опасности проиграть борьбу за умы.

— В политической работе с трудящимися целесообразно проводить мысль о том, что именно антисоциалистические силы своей враждебной деятельностью препятствуют преодолению переживаемых страной трудностей. Им нужно усугубление этих трудностей, чтобы вырвать власть из рук партии коммунистов, опрокинуть социалистический строй.

— Надо быть готовыми к любым осложнениям, особенно если оппозиция бросит прямой вызов народной власти. Возникает вопрос: есть ли план на такой случай? Очевидно, партия должна быть готова использовать как мирные, так и немирные средства борьбы.

Не берусь утверждать, сколько из всех этих «ценных советов» усвоил и практически использовал Каня — это задача польских исследователей. Дело в другом — и Каня, и Пиньковский сумели произвести благоприятное впечатление на московских собеседников. Об этом заявил Брежнев на заседании политбюро ЦК КПСС 31 октября 1980 г.: «Что касается лично Кани и Пиньковского, то оба они оставили у меня, да, видимо, и у других товарищей, которые участвовали в переговорах (речь идет о председателе Совета министров СССР Н. Тихонове, министре иностранных дел А. Гро-

мыко, секретаре ЦК К. Русакове, первом заместителе председателя Совета министров СССР И. Архипове — В. В.), неплохое впечатление; это серьезные, думающие люди. Понятно, о том, чего они стоят как политические лидеры, судить можно по делам». И далее Брежнев заявил: «Что следовало бы ускорить, так это оказание посильной экономической помощи, которая позволила бы полякам продержаться в это трудное время»⁷.

И такая помощь была выделена. Парадоксом истории является то, что постановление политбюро ЦК «Об оказании экономической и финансовой помощи Польше в 1981 г.» было принято на следующий день после регистрации «Солидарности» Верховным судом ПНР, т. е. 11 ноября. В соответствии с ним Польше предоставлялся финансовый кредит на сумму 150 млн. долл., целевой кредит на сумму 190 млн. долл. под закупку зерна и продовольствия, а также были отсрочены платежи по кредитам на сумму 280 млн. долл. и дополнительно поставлены товары (сырье и энергоносители) на сумму 150 млн. рублей.

Таким образом, есть все основания утверждать, что руководство КПСС восприняло возникновение «Солидарности» как основную угрозу советскому государству в Польше, не допускало даже мысли о возможности диалога с лидерами оппозиции, и фактически с самого начала польского кризиса вело дело к силовому решению.

Социалистический интернационализм в действии. Ноябрь-декабрь 1980 г. для политбюро ЦК КПСС — время поиска путей, как воплотить в реальность взятый курс на силовую развязку ситуации в Польше и ликвидацию «Солидарности». Это, в понимании Москвы, также своего рода проверочный срок решимости Кани следовать советам руководства ЦК КПСС.

Польские дела несомненно повлияли и на происходившее в начале 80-х годов ослабление позиций Советского Союза в мире. СССР терпит ряд существенных военно-политических неудач на международной арене: афганской авантюре не видно конца, нарастают экономические санкции Запада. НАТО принимает решение разместить на Старом континенте американские «Першинги» в ответ на размещение нацеленных на объекты в Европе советских ракет средней дальности. США замораживают вступление в силу Договора об ОСВ-2. Запад успешно бойкотирует Олимпийские игры 1980 г. в Москве. После относительно короткого периода разрядки СССР и США втягиваются в новую конфронтацию, в очередной, как затем оказалось фатальный для Советского Союза, виток «холодной войны».

На президентских выборах в США побеждает Р. Рейган, одним из своих предвыборных лозунгов провозгласивший намерение остановить военно-политическую экспансию «империи зла». Новый американский президент не скрывал своих симпатий к «Солидарности»: еще будучи кандидатом в президенты он высказался в поддержку профобъединения и демонстративно встретился после одного из предвыборных митингов 2 сентября 1980 г. с проживавшим в Соединенных Штатах отчимом Л. Валенсы.

Престарелая брежневская команда, средний возраст которой перевалил за 70 лет, не в состоянии понять быстроменяющийся мир, а это, вкупе с донимавшими генсека и его «соратников» болезнями, озлобляет, толкает их в сторону прежних «испытанных методов руководства». Внутри страны готовится негласная реабилитация Сталина. Во внешней политике в отношении социалистических стран ужесточается доктрина «ограниченного суверенитета».

Все это накладывает свой отпечаток на курс советского руководства в отношении Польши. На смену иллюзиям, что польские проблемы имеют поверхностный характер и поэтому их можно быстро решить политическими методами приходит иррациональная вера, что их можно без большого риска попытаться решить силой. Прежний опыт с вооруженным вторжением в Венгрию в 1956 г., и, особенно, в Чехословакию в 1968 г. — других «эффективных» путей развязки кризисов в странах-сателлитах Москва не знала, — казался все более привлекательным. Однако опасения крайне негативных международных последствий такого шага, что могло осложнить и без того трудную ситуацию СССР, неуверенность в необходимой

лояльности поляков, включая большую часть «друзей», в случае такой акции явно сдерживали советское руководство, не давали возможности применить этот опыт сразу и в полном объеме.

В ноябре, в период относительного, по крайней мере внешнего, успокоения ситуации в Польше руководство ЦК КПСС уточняет политику на польском направлении. С этой целью в аппарате ЦК КПСС проходит ряд совещаний на «польскую тему». На них впервые появляется идея написать по «чехословацкому образцу» от имени ЦК КПСС письмо ЦК ПОРП, которое побудило бы, используя термин Брежнева, «здоровые силы» в партии и народе — государственный аппарат, армию, милицию, органы безопасности — принять решительные, включая «немирные» средства борьбы с оппозицией. В тот момент лидеры КПСС данную затею отвергли — Каню в Кремле продолжали считать более надежной фигурой, чем тогда еще весьма аморфные и неперсонифицированные «здоровые силы». Зато была принята идея интернационализировать давление на Варшаву, подтолкнуть ее усилиями всех стран Организации Варшавского Договора к «пресечению контрреволюции».

Парадоксально, но факт, что именно в данный период ужесточения курса Кремля на Польшу в ЦК КПСС с участием заведующего международным отделом, кандидата в члены политбюро ЦК Б. Пономарева, заведующего отделом ЦК по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран К. Русакова и руководства советских профсоюзов прошло совещание на тему, что необходимо сделать для «оздоровления на социалистической основе» польского профдвижения. На нем сотрудники отдела Пономарева, которые в силу своих обязанностей поддерживали контакты с многочисленными, в том числе некоммунистическими политическими и общественными организациями Запада, а посему сжившиеся с политическим плюрализмом, выступили с предложением пойти на диалог с «Солидарностью». Это предложение было решительно отвергнуто представителями отдела Русакова, которые были призваны следить за соблюдением чистоты социализма в братских странах. Случайно, или не случайно, но после этого международный отдел ЦК уже участия в обсуждении польских дел не принимал. Выход из положения нашли своеобразный: в советское посольство в Варшаву в долгосрочную командировку был направлен сотрудник аппарата Всесоюзного центрального совета профсоюзов с задачей оказывать помощь «польским друзьям» в возрождении социалистического характера их профсоюзов. В этом ключе ему вроде бы не возбранялось общаться с «Солидарностью», что было бы, естественно, абсурдом. Поэтому, насколько мне известно, он к контактам с профобъединением не стремился и их не имел.

Вернемся, однако, к усилиям Старой площади по вовлечению в реализацию своей политики решения польского кризиса других государств ОВД. Руководили этими странами люди, мировосприятие которых с «кремлевскими старцами» существенно не разнилось. К тому же все они, за исключением Чаушеску, были образцом лояльности к мнению советского политбюро особенно в том, что не касалось непосредственно их внутренних дел. Мало того, после Герека место «главного друга» Леонида Ильича из числа руководителей соцстран оставалось вакантным, и на него, судя по тогдашним разговорам в отделе ЦК, претендовали двое: «Густав Никодимович» — так почему-то Брежнев обращался к Гусаку и «Эрих», естественно, Хонеккер. Более консервативный и физически крепкий руководитель СЕПГ, пожалуй, больше походил на эту роль, но его сухость и сдержанность не совсем импонировали Брежневу. У Гусака был другой недостаток — в его окружении был более правозащитный, по советским оценкам, чем он сам большевик-интернационалист Васил Биляк, что, несомненно, ослабляло позитивный имидж генсека КПЧ на Старой площади. В общем, место это так никто после Герека занять не сумел или просто не успел — Брежнев умер в ноябре 1982 года.

4 октября 1980 г. Москва направляет Т. Живкову, Я. Кадару, Э. Хонеккеру и Г. Гусаку информацию «О переговорах тов. Л. И. Брежнева

с польскими руководителями», в которой излагает представленную Кане и Пиньковскому 30 октября позицию ЦК КПСС по положению в Польше и высказанные польской стороне рекомендации. На следующий день за подписью генсека ЦК КПСС тем же адресатам уходит письмо с предложением оказать вместе с Советским Союзом совместную экономическую помощь Польше. Получив от них согласие на продажу советской нефти на мировом рынке в счет импортной квоты ГДР, ЧССР, ВНР и НРБ, 28 ноября политбюро ЦК КПСС принимает постановление «Об оказании совместно с братскими странами безвозмездной финансовой помощи ПНР».

Добившись намеченного, руководство ЦК КПСС стремится незамедлительно логически оформить свою позицию по польскому кризису как общую со всеми странами Организации Варшавского Договора. В последние дни ноября состоялось решение о проведении в Москве 5 декабря 1980 г. встречи партийных и государственных деятелей стран-участниц Варшавского Договора. В качестве глав делегаций в ней участвовали Брежнев, Гусак, Кадар, Каня, Хонеккер, Чаушеку.

Погода в день встречи выдалась в Москве отвратительная. С раннего утра шел дождь со снегом, дул порывистый ветер. Встреча проходила в доме приемов ЦК КПСС на Воробьевых (тогда еще Ленинских) горах. Было заметно, что польская делегация прибыла в зал в весьма хмуром настроении. Возможно, главной причиной этого был категорический отказ Брежнева на просьбу Кани принять его еще до начала встречи для изложения позиции руководства ПОРП о событиях в Польше.

Полякам было неизвестно, что вечером накануне 5 декабря Брежнев организовал на Старой площади тайную встречу всех глав делегаций кроме Кани⁸. На ней была согласована единая линия нажима на польское руководство с требованием положить конец «разгулу контрреволюции» у себя в стране, расписаны роли в предстоящем спектакле обличений польской делегации. Собеседники договорились до конца встречи 5 декабря не вступать ни в какие контакты с членами польской делегации.

Встреча лидеров стран ОВД продемонстрировала серьезную неудовлетворенность Кремля ходом развития событий в Польше, его нежелание дальше мириться с таким положением. Выступая на встрече, Брежнев заявил: Каковы уроки ноября? Положение в Польше не стабилизировалось, стало хуже. Активизируются силы, которые хотели бы подорвать и свергнуть социалистическую государственность. Эти силы по сути своей — антирабочие, контрреволюционные. В Польше идет ожесточенная классовая борьба. Противник подстегивает развитие событий на ряде направлений. Он шаг за шагом пытается превратить оппозицию в политическую партию. Считается, что база для этого — профсоюз «Солидарность». Вынашиваются планы проведения выборов по буржуазному образцу в местные органы власти и сейм.

Ключевой вывод генсека — руководство ПОРП во главе с Каней упускает власть в стране, уступая ее «Солидарности». Этого ни СССР, ни другие страны ОВД не потерпят и не допустят. Брежнев отметил, что польский кризис наносит серьезный урон всему социалистическому содружеству, международному коммунистическому движению. Он может негативно отразиться на общей расстановке сил в мире. Нынешние события в Польше глубоко затрагивают интересы безопасности всех братских стран. У нас есть взаимные союзнические обязательства, и мы будем им верны. Мы должны со всей силой подчеркнуть, что положение в Польше и нависшая над ней опасность — не только польский вопрос. Это вопрос всех нас. Противники социализма, будь то в Польше, будь вне ее, должны знать, что социалистические друзья и союзники Польшу на произвол судьбы не бросят, — заявил в заключение генсек ЦК КПСС.

Что означали эти слова Брежнева? Завершение разработки советским Генштабом плана военной операции по вторжению в Польшу? Именно так оценило это руководство США на секретном совещании в Белом доме 7 декабря 1980 г., информация о котором опубликована в апреле 1995 г. в ряде польских газет. Или они были блефом, рассчитанным на запугивание

С. Кани и его окружения, чтобы самой возможностью такой интервенции заставить его пойти на «чрезвычайные меры в отношении контрреволюции».

Имеющиеся свидетельства позволяют равнозначно утвердительно рассматривать оба варианта. Брежнев на встрече 5 декабря не скрывал элементов блефа в «польском покере». Товарищи, видимо, познакомились с проектом итогового документа совещания, — отметил он, обращаясь к участникам встречи (проект был подготовлен советской стороной и принят лидерами стран ОВД без поправок — *В. В.*). В этом документе не выпячивается польская тема, но она обозначена. Наверное, это «прочтут» (имеется в виду Запад и польская оппозиция — *В. В.*) как решимость социалистических стран всемерно помочь Польше преодолеть кризис. В таком «прочтении» вреда не будет*.

Вместе с тем, в беседе с Каней с глазу на глаз, состоявшейся сразу же после встречи политического руководства государств ОВД, Брежнев подчеркнул: «Если мы увидим, что вас опрокидывают, то мы войдем». Эту фразу генсека ЦК КПСС передал автору этих строк в тот же день 5 декабря 1980 г. один из сотрудников польского сектора отдела ЦК КПСС, который переводил данную беседу.

Данная фраза весьма четко показала главное условие возможного советского вторжения. Если в Москве в какой-то момент сочли бы, что процесс отстранения ПОРП от власти и переход ее к политической оппозиции приобретает необратимый характер, вопрос о вооруженном вмешательстве был бы предрешен. Это была черта, переступить которую полякам в то время было ни в коем случае нельзя.

В поддержку изложенной Брежневым на московской встрече позиции высказались все ее участники, включая Чаушеску. Такой итог советское руководство расценило как свой крупный внешнеполитический успех и сочло проведенную с руководством ПНР работу на тот момент вполне достаточной. В решении политбюро ЦК КПСС от 12 декабря 1980 г. одобрялись результаты встречи руководящих деятелей государств-участников ОВД, а также деятельность делегации Советского Союза во главе с Брежневым на этой встрече. Отмечалось также, что ЦК КПСС по-прежнему исходит из того, что справиться с кризисом должны сами польские друзья.

Встреча 5 декабря 1980 г. показала также, что кредит доверия, полученный Каней от советской стороны, в октябре-ноябре пошел на убыль. Это подтверждает происшедший в Доме приемов ЦК КПСС перед самым началом встречи казус. Брежнев то ли из-за своей глуховатости, то ли с заведомым умыслом громко, на весь зал попросил Русакова показать ему находившегося в составе польской делегации М. Милевского (в то время члена политбюро ЦК ПОРП, министра внутренних дел, считавшегося из-за непримиримости к «Солидарности» на Старой площади и на Лубянке подлинным коммунистом — *В. В.*). В зале обычно наполненном в такие минуты гулом голосов мгновенно установилась звенящая тишина. Оторопевший Милевский, который сидел за столом польской делегации во втором ряду, поднялся и, чувствуя неловкость положения, слегка поклонился Брежневу. Думаю, что уже в тот момент Каня осознал, что в его делегации есть человек, которому Москва доверяет не меньше, чем ему самому.

В поисках «здоровых сил» или брежневский план построения социализма в Польше. К январю 1981 г. политбюро ЦК КПСС определяет задачу-минимум и задачу-максимум в своей польской политике. Первую из них — ликвидацию «Солидарности» — предполагалось решить в максимально короткие сроки. Тем самым была бы снята угроза господству СССР в Поль-

* Польский сюжет опубликованного в печати итогового сообщения о встрече 5 декабря 1980 г. звучал так: «Участники встречи выразили убежденность, что коммунисты, рабочий класс, трудящиеся братской Польши сумеют преодолеть возникшие трудности, обеспечат дальнейшее развитие страны на социалистическом пути. Было подтверждено, что социалистическая Польша, ПОРП могут твердо рассчитывать на братскую солидарность и поддержку стран-участниц Варшавского Договора».

ше и можно было бы приступить к этапу «нормализации», на языке Старой площади, этой страны, то есть перестройке режима по советскому образцу. Только такой путь, в понимании руководства КПСС, мог надежно исключить в будущем возможность новых политических кризисов, с регулярностью примерно раз в десять лет сотрясавших «народную Польшу», а посему превращавших ее в источник частой головной боли для Москвы, ослаблявших СССР в конфронтации с Западом и борьбе за влияние в мире. По существу, формулировалась программа многолетнего, стратегического характера, а разгром «польской контрреволюции» был важнейшей и необходимой предпосылкой ее реализации.

Для изучения обстановки на месте и подготовки предложений по реализации заданной двуединой задачи Кремль направляет 13—20 января 1981 г. в Польшу одного из главных внешнеполитических экспертов Брежневых, заведующего отделом внешнеполитической пропаганды ЦК КПСС, члена польской комиссии политбюро Л. Замятина. Даже в тогдашних московских политических кругах он слыл партийным «бетоном», одним из главных пропагандистов-борцов с американским империализмом и происками его спецслужб против социалистического лагеря.

Положение в Польше Замятин изучал весьма своеобразно — практически не покидая здания посольства СССР в Варшаве. Здесь он поселился и в перерывах между пространными беседами с послом Б. Аристовым и резидентом КГБ принимал «польских друзей». В город он выехал один раз — для встречи с Каней.

Итогам поездки в Варшаву Замятина было посвящено заседание политбюро ЦК КПСС. Оно привело к выводам:

— «Солидарность» является антикоммунистической политической партией, открыто враждебной польским властям, а значит советским интересам в Польше;

— Несмотря на настойчивые рекомендации Москвы, польские «друзья» до сих пор предпочитают диалог, а не конфронтацию с профобъединением; в результате такого попустительства «Солидарность» стала массовой организацией (по разным оценкам ее ряды составляют от 6 до 10 млн. членов), способной взять власть в Польше и переориентировать страну на Запад. Это привело бы к подрыву ялтинского порядка в Европе, нанесло бы непоправимый ущерб безопасности Советского Союза;

— Надо усиливать нажим на Каню и Ярузельского, не стесняясь с выбором средств заставить их покончить с «Солидарностью». Постоянно проявляемая ими нерешительность в отношении «классового врага» ставит на повестку дня необходимость иметь Москве в польском руководстве своих преданных людей, которые могли бы стать при необходимости альтернативой этим деятелям как руководителям ПНР.

На этом же заседании было принято решение о создании при польской комиссии политбюро ЦК КПСС рабочей группы из представителей аппарата ЦК КПСС, КГБ, Генерального штаба и Министерства иностранных дел на уровне заместителей руководителей этих органов, которой поручалось провести углубленный анализ причин польского кризиса и на основании полученных выводов с учетом принятых политбюро оценок ситуации в Польше сформулировать перечень конкретных мер нашего воздействия на эту страну. Среди участников этой группы были такие известные впоследствии личности как В. Крючков (последний шеф КГБ, член ГКЧП), Г. Шахназаров (с 1986 по 1991 гг. помощник М. Горбачева, ныне один из руководителей фонда Горбачева в Москве) и др.

В начале февраля рабочая группа представила свои соображения. Они предусматривали разгром «Солидарности» внутренними польскими силами. Для этого советская сторона брала на вооружение тактику тотального внешнего нажима на Польшу. Это означало чуть ли не ежедневные контакты руководства СССР с польскими «друзьями», своего рода психологическую атаку, чтобы заставить их действовать в соответствии с требованиями Москвы.

Рабочая группа предложила видоизменить формы экономического

воздействия на Польшу. Оказание полякам помощи увязывалось не только с готовностью следовать московским рекомендациям, но и с допуском советских специалистов к полной информации о ситуации в польской экономике. Обставлялось это как оказание помощи «друзьям» в подготовке и проведении экономической реформы.

Разработчики высказали также мнение о необходимости усилить пропагандистские меры влияния на поляков. Имелось в виду расширить публикации оценочных материалов о событиях в Польше в советской печати, которые бы доводили до общественности как советской, так и прежде всего польской, что приемлемо для СССР, а что нет. Появление таких материалов и их содержание жестко контролировались ЦК КПСС. Затем эти публикации по каналам ТАСС, Агентства печати Новости, московского радио на польском языке распространялись на Польшу. Посольство и генеральные консульства СССР в этой стране стремились протолкнуть эти материалы в польскую печать.

Было признано целесообразным шире использовать устрашающие меры воздействия. Речь шла об организации военных маневров или штабных учений в рамках Варшавского Договора на территории Польши или вблизи ее границ, распространение слухов о возможной интервенции войск «братских стран социализма» в эту страну и т. п.

В плане реализации лозунга «нет империалистическому вмешательству в советскую сферу влияния в Европе» предлагалось также активизировать работу на международной арене — как на официальном уровне, так и с западными коммунистическими партиями.

И, наконец, принципиально новым в данном документе было то, что он для достижения этих целей намечал работу не только с первыми лицами в партии и государстве, в данном случае с Каней и Ярузельским, как это было принято в отношениях КПСС с компартиями «братских стран», а параллельно и с представителями так называемых «здоровых сил в ПОРП». Это определение начинает фигурировать в документах КПСС по Польше именно с данного периода. На деятельность «здоровых сил» возлагались по крайней мере следующие задачи: во-первых, как бы изнутри дожимать Канию и Ярузельского на принятие чрезвычайных мер в стране, введение военного положения; во-вторых, добившись этого, постараться перехватить власть в стране и начать ее перевод на рельсы советской системы; в-третьих, в случае советского вторжения в Польшу Кремль имел бы человеческий материал для второго издания Люблинского правительства. Кузницей кадров такого рода были «партийные форумы» в ПОРП, в первую очередь Катовицкий. С ними активно работали советские спецслужбы. «Здоровые», по оценкам Москвы, силы наличествовали и в тогдашнем составе политбюро ЦК ПОРП.

Эти предложения вместе с «программой упрочения социализма в Польше» были одобрены польской комиссией политбюро ЦК КПСС на заседании в середине февраля 1981 г. и стали основой советской внешнеполитической линии на «народную Польшу».

Программа подлинного социалистического переустройства Польши излагалась в более или менее осторожной форме, частями или полностью советской стороной польским «друзьям» практически на каждой встрече. В обобщенной краткой форме ее можно свести к следующему. Польше ставился диагноз — страна перманентно больна, потому что ее мучают капиталистические пережитки». При каждой малейшей промашке властей «народной Польши» болезнь обостряется настолько, что создается угроза «социализму». «Пережитки» необходимо ликвидировать в кратчайшие сроки, потому что в противном случае разгром контрреволюции в этой стране никогда не будет окончательным, для нее всегда будет сохраняться питательная почва. Полякам настойчиво советовали взять курс на ликвидацию частного крестьянского землевладения как главного «источника буржуазности» и форсированное кооперирование села. Настоятельной потребностью считалось ограничение возможностей католической церкви в Польше, силы «изначально антисоциалистической», усилившей свое влияние в этой

стране и мире после избрания К. Войтылы Папой Римским. По мнению советского руководства надлежало исправить одну из главных ошибок всех предыдущих руководителей «народной Польши» — начать, наконец, серьезно заниматься формированием «социалистической интеллигенции». Та, которая имела, не устраивала Москву по причине зараженности критиканским отношением к реальному социализму, космополитизмом и национализмом, философскими концепциями Запада. Особо нетерпимым восточный сосед считал то, что марксистско-ленинская идеология не стала господствующей среди польской творческой интеллигенции, исповедующей в своей массе антисоветские взгляды. Кремль считал недопустимым для «социалистической страны» существование политической оппозиции. Ее организационные структуры — КОС-КЗР, Конфедерацию независимой Польши надлежало разогнать, а лидеров отправить по советскому опыту в тюрьмы или психушки, либо в принудительном порядке выслать из страны. Абсолютно необходимым советское руководство считало оградить Польшу от «тлетворного влияния Запада». Официальной Варшаве инкриминировалось стремление к созданию открытого общества.

В экономической сфере ЦК КПСС видел причины польского кризиса в попытках подменить социалистические плановые принципы рыночным хозяйствованием, необоснованно высокой ставкой на интенсивное развитие финансовых и производственных связей с капиталистическими странами. План действий — необходимо переориентировать внешнеэкономические связи Польши на СССР.

И чуть ли не в качестве главного условия победы над «Солидарностью», построения «реального социализма» в Польше документ определял преобразование ПОРП в полное подобие, а, может даже, в своего рода филиал КПСС в ПНР. Из нее должны были быть изгнаны ревизионисты и оппортунисты — сторонники компромисса с «Солидарностью» — и ликвидированы их структуры («горизонтальные структуры», партийные клубы и т. п.), а также «кулаки, националисты, еврокоммунисты, сторонники польской модели социализма» и т. д. и т. п.

Поворот ПНР к «советскому социализму» Москва видела в качестве стратегической задачи IX чрезвычайного съезда ПОРП. Ему должен был предшествовать полный разгром контрреволюции и всякой политической оппозиции указанному курсу. Строителями «новой Польши» должны были стать «здоровые силы».

С принятием данных программ минимум и максимум Москва придала нажиму на Польшу разносторонний и масштабный характер, вмешательство советского руководства во внутренние польские дела достигло беспрецедентных размеров.

Среди методов воздействия на польское население и на «Солидарность» важнейшее место отводилось устрашающим. Именно такую направленность имели проведенные 17 марта — 7 апреля 1981 г. командно-штабные учения союзных армий и флотов ГДР, ПНР, ЧССР и СССР на территории Польши. Их цель недвусмысленно сформулировал министр обороны СССР Д. Устинов на заседании политбюро ЦК КПСС 22 января 1981 г.: «Мы намечаем в марте провести маневры в Польше. Мне кажется, что следует эти маневры несколько приподнять, то есть иначе говоря, дать понять, что силы у нас наготове»⁹. Одновременно с маневрами организовывались утечки информации в печать, прежде всего западную, о реальной или мнимой подготовке к интервенции в Польшу стран Варшавского Договора. Такая линия оценивалась советским руководством как весьма эффективная. Ему казалось, что на время удалось припугнуть «Солидарность», заставить ее воздерживаться от активной деятельности. В частности, в решении политбюро ЦК КПСС отмечалась необходимость «максимально использовать сдерживающий контрреволюцию фактор, связанный с опасениями внутренней реакции и международного империализма по поводу того, что Советский Союз может ввести в Польшу свои войска». При этом официальная Москва и в переговорах с западными политиками, и через публикации в советской печати откровенно подчеркивала, что Польша по Ялтинскому

договору находится в сфере влияния СССР и он не потерпит попыток поставить это под сомнение. Так, газета «Правда» 18 декабря 1980 г., в статье «Опасные провокации», подписанной А. Петровым, отмечала, что «совет НАТО на сессии 12 декабря преследовал давнюю свою цель — как бы расширить «сферу деятельности» блока. Не будет лишним напомнить, что недавно вооруженные силы НАТО отработывали на учениях варианты военной интервенции при возникновении так называемых «кризисных ситуаций» в странах Восточной Европы. Нетрудно себе представить, какова бы была реакция в НАТО, если бы социалистические страны начали к примеру, обсуждать в рамках Варшавского Договора положение в одном из государств, входящих в Североатлантический блок, и предписывать, как и что в нем должно решаться или меняться, а тем более, если бы Организация Варшавского Договора стала репетировать вооруженное вмешательство на случай забастовок или иных внутренних событий там».

Еще одной линией нарастающей психологической атаки Москвы на Польшу был шквал обвинений в адрес прежде всего «Солидарности» в распространении антисоветизма в польском обществе. Такая политика активно использовалась Кремлем при идеологическом обосновании вторжений в Венгрию в 1956 г., Чехословакию в 1968 г. и даже в Афганистан в 1979 году. Схема применялась такая: «Солидарность» — рассадник антисоветизма, а власти ей в этом попустительствуют, поэтому советское руководство оставляет за собой право разобраться и с теми, и с другими. 16 апреля 1981 г. после публикации в «Правде» информации ТАСС «Об антисоветском сборище на варшавском кладбище по случаю так называемого «катынского дела» советское руководство сделало официальное предостережение Варшаве. В нем организованный «Солидарностью» митинг на Повонзках 13 апреля был определен как антисоветская провокация и польские власти предупредили, что Москва не потерпит более такого рода действия. 19 мая Кремль выразил очередной протест по поводу «факта антисоветизма в Польше». Эта тема вновь была заострена в известном письме ЦК КПСС в адрес ЦК ПОРП от 5 мая 1981 года¹⁰.

В меньшей степени тема антисоветизма использовалась Кремлем для обработки собственного населения в духе враждебности к «Солидарности». Среди тогдашних многочисленных публикаций программой можно назвать статью в «Правде» 30 января 1980 г. «К событиям в Польше», которая являлась официальной советской позицией в отношении «Солидарности», так как текст ее утверждался секретариатом ЦК КПСС. В ней профобъединение объявлялось антинациональной, антинародной силой, которая «стремится к свержению социалистического строя в Польше, к выходу страны из социалистического содружества и Организации Варшавского Договора». Но самым «сильным тезисом» было утверждение о том, что «Солидарность» — это антисоветская агентура Запада.

Старая площадь продолжала усиливать меры по контролю за информацией о Польше для собственного населения. С 22 декабря 1980 г. даже цензурируемая польская печать исчезла из продажи и подписки в Советском Союзе. С этого момента ее можно было получить только имея специальный допуск в специальные хранилища библиотек, а его получить было весьма непросто. 11 марта 1981 г. секретариат ЦК КПСС принял решение «О прекращении в 1981 году обмена студентами и учащимися между учебными заведениями СССР и ПНР». Затем, 31 марта было принято постановление ЦК КПСС о фактическом прекращении туристических обменов с Польшей. Дальше — больше. 8 апреля политбюро ЦК КПСС принимает решение «О мерах по недопущению негативных проявлений среди польских граждан, обучающихся в СССР». Оно давало право по согласованию с посольством ПНР отчислять из высшего учебного заведения и отправлять на родину (по решению от 11 марта обучавшимся в СССР полякам разрешили закончить текущий семестр) любого студента или аспиранта, с симпатией высказывавшегося о «Солидарности» в беседах с советскими коллегами. С конца 1980 г. советские радиоглушилки стали забивать передачи «Свободной Европы», «Голоса Америки», «Би-Би-Си»

на польском языке, причем по договоренности с польскими властями не только на территории Союза, но и на большей части Польши.

Несмотря на эти драконовские меры, можно отметить определенные симпатии к Польше в ряде регионов СССР. Так, Ю. Андропов, шеф КГБ, к которому стекалась вся информация о фактах недовольства среди советских граждан, на заседании политбюро ЦК КПСС 2 апреля 1981 г. заявил: «Польские события влияют и на положение дел в западных областях нашей страны. В частности, в Белоруссии прослушивается хорошо радио на польском языке и телевидение. Надо сказать вместе с тем, что и в некоторых других районах, в частности, в Грузии, у нас возникают стихийные демонстрации, группы крикунов собираются на улицах, как это недавно было в Тбилиси, высказываются антисоветские лозунги и т. д.»¹¹. Автор этих строк знаком с информацией КГБ о том, что под влиянием забастовочного движения в Польше массовые стачки прошли в 1981 г. на ряде промышленных предприятий Прибалтики, особенно в Латвии.

Москва использовала также экономическое давление на Польшу, о необходимости которого откровенно заявил, в частности, Д. Устинов на заседании политбюро ЦК КПСС 2 апреля 1981 г.: «Не следует ли нам принять и некоторые меры экономического характера? Мы помогаем, отрываем от себя и у наших друзей и даем Польше...»¹². Сделать это было довольно легко, так как политическая судьба практически всех польских руководителей того времени в условиях парализованной забастовками экономики ПНР, углублявшегося провала потребительского рынка, нежелания Запада облегчать положение коммунистических властей во многом зависела от советской помощи. Показательно, однако, что такая помощь Польше была оказана только в первом квартале 1981 г., пока руководство ЦК КПСС еще доверяло Кане и Ярузельскому и рассчитывало на то, что они пойдут ва-банк в борьбе с «Солидарностью». В обмен на экономическую помощь Москва получила свободный доступ к информации о состоянии экономики Польши, а также присвоила себе право сказать жесткое «нет» польской стороне в попытках вступить в Международный валютный фонд, которые предпринимались весной 1981 года.

Постоянным элементом советской политической линии в отношении Польши была координация деятельности против «Солидарности» всех стран «социалистического содружества». В январе-июле 1981 г. Кремль направил в адрес Хонеккера, Гусака, Кадара, Живкова, а также Кастро шесть развернутых информационных о советских оценках положения в Польше и предпринимаемых им шагах по борьбе с «Солидарностью». Особенно активно поддерживали Брежнева в этом Хонеккер и Гусак. «Верхом» их взаимопонимания с Кремлем в польском вопросе стала состоявшаяся по инициативе руководителя ГДР тайная встреча в Москве 16 мая 1981 года. О достигнутых на ней договоренностях известно из рассекреченных материалов Социалистической единой партии Германии. В частности, лидеры трех «братских стран» решили предпринять все возможные усилия для того, чтобы добиться смещения Кани и Ярузельского, и на их место поставить представителей «здоровых сил». С этой целью КПСС, СЕПГ и КПЧ в мае-июне послали в Польшу свои делегации, которые искали и поддерживали в ПОРП «здоровые силы», давая понять своим собеседникам, что Кремль, Берлин и Прага лишены доверия «генерала-либерала и слабохарактерного Каню» (об этом поведал в интервью «Sztandar Młodych» немецкий историк, профессор М. Вильке)¹³.

Ключевой советско-польской встречей исследуемого периода была длившаяся более двух часов беседа Брежнева, Андропова, Устинова, Громыко с Каней, Ярузельским, Жабиньским, Войташеком 4 марта 1981 года. С советской стороны были выставлены все ключевые фигуры, т. е. те, кто реально управлял СССР, — руководство КПСС шло ва-банк, пытаясь заставить «младших братьев» следовать его советам и предпринять решительные шаги против «Солидарности».

Мне довелось быть свидетелем этой встречи. Она поразила меня не столько своим содержанием — свои претензии лидеры КПСС высказывали

в неизменном виде от встречи к встрече — сколько агрессивной, грубой бесцеремонностью советских хозяев. Каню и Ярузельского отчитывали по очереди как провинившихся школьников, явно стремясь их запугать. Их обвиняли в том, что они допустили создание массовой антикоммунистической партии в Польше, дали «Солидарности» вовлечь в свои ряды рабочий класс, что они упускают власть из рук в результате «гнилой» политики компромиссов с «классовым врагом», что не слушают «советов» Москвы. В какой-то момент беседы явно перевозбужденный Устинов вскочил со своего места, перегнулся через стол в сторону Кани и, срываясь на крик, начал грозно вопрошать: «Товарищ Каня, как долго вы еще собираетесь нас обманывать? Почему Куронь, Михник, Буяк разъезжают по стране, а не сидят, где им положено — в тюрьме? Почему вы попустительствуете вмешательству Запада в ваши внутренние дела? Наше терпение на исходе! Нам есть, на кого положиться в Польше! Две недели вам сроку, чтобы навести в Польше порядок!»

Такого напора Каня явно не ожидал. Он заметно побледнел, но самообладания не потерял. С ходу заверив Брежнева, что указанных господ он посадит завтра же, тотчас по возвращении в Варшаву, и тем самым выбив самые тяжелые обвинения в свой адрес, он начал довольно монотонно и пространно излагать соображения о ситуации в Польше. Накал беседы явно угас, Каня сыграл как умелый психолог.

Вместе с тем, данная беседа была показательна именно тем, что терпение советского руководства в отношении Кани лопнуло. Старая площадь требовала от него безотлагательного начала конфронтации с «Солидарностью».

Советский Союз с этого момента пошел на тотальный нажим на Польшу. Он обозначил свою позицию и пытался добиться своих целей буквально по каждому значимому событию в Польше. В период со второй половины декабря 1980 г. по июль 1981 г. Брежнев 15 раз преимущественно по своей инициативе звонил Кане. Звонки в Варшаве раздавались, в частности, 18 декабря 1980 г. (17—19 декабря в Гданьске, Гдыне, Щецине и Эльблонге состоялись митинги по случаю открытия памятников и мемориальных досок, посвященных жертвам событий на Побережье в 1970 г., в которых участвовали вместе представители «Солидарности» и властей); 17 января 1981 г. (16 января состоялась 4-х часовая предупредительная забастовка «Солидарности» региона «Мазовше» с требованием введения «свободных суббот»); 29 января и 4 февраля (24—30 января профобъединение организовало стачки под лозунгами пятидневной рабочей недели, регистрации «Сельской солидарности», допуска оппозиции к средствам массовой информации); 6 февраля посол СССР в Польше Аристов посетил Каню и от имени Брежнева передал ему, что ситуация в этой стране «вызывает растущую тревогу у руководства КПСС, других братских партий». Типичными для понимания советской позиции в те дни могут послужить выдержки из телефонного разговора Брежнева с Каней 29 января. Советский руководитель, в частности, заявил: «Если взять обстановку в целом, то она развивается не в вашу пользу... Враждебные элементы по существу диктуют вам свою волю. Словом, положение еще более усложнилось. Если вы и сейчас не примете необходимых мер, завтра вас возьмут за горло и неизвестно, чем это кончится».

Два телефонных звонка Брежнева 27 и 30 марта, а также устное послание Кане 25 марта содержат советскую реакцию в связи с быдгощескими событиями 17—24 марта. Кремль требует от Кани использовать эти события для применения силовых мер против «Солидарности» под предлогом незаконности объявленной профобъединением всеобщей забастовки. Он требует начала конфронтации с «Солидарностью», призывает Каню не бояться возможного кровопролития. Предупреждает, что Советский Союз не приемлет дальнейших уступок, в том числе легализации «Сельской солидарности». Договоренность правительственной комиссии во главе с Раковским со Всепольской согласительной комиссией профобъединения об отмене назначенной на 31 марта всеобщей забастовки вызывает у Кремля крайнее раздражение. По этому поводу даже собирают специальное заседа-

ние политбюро ЦК КПСС (2 апреля). На нем свою точку зрения по поводу действий польских властей высказала правящая «четверка». Брежнев: «Контрреволюция наступает по всему фронту». Быдгощ — «очередная капитуляция перед оппозицией». Может, «пора созывать новую встречу лидеров соцстран». Андропов: «Нам надо оказать большее влияние, больше нажим на руководство друзей... Нам нужно сказать им о принятии строгих мер, не бояться того, что это вызовет, может быть, и кровопролитие. Они ведь вместо строгих мер суют нам так называемое «политическое урегулирование». Мы говорим им о принятии военных мер, административных, судебных». Устинов: «Что касается польских руководителей, то трудно ответить на вопрос, кто из них лучше. Раньше мы считали т. Ярузельского стойким деятелем, а он на самом деле оказался слабым». Громыко: «Дальше отступать польским товарищам уже совершенно нельзя»¹⁴. На политбюро было принято решение направить в Брест для тайной встречи с Каней и Ярузельским наиболее «боевых» в прямом и переносном смысле партнеров по переговорам — Андропова и Устинова, чтобы вынудить поляков ввести военное положение, используя как предлог быдгощские события. Об обоснованности такого шага говорил Брежнев в телефонном разговоре с Каней 30 марта, заявив, что сейчас социализм в Польше оказался в смертельной опасности.

Встреча в Бресте состоялась 3 апреля. По ее итогам Андропов и Устинов доложили Брежневу, что Кania и Ярузельский готовы подписать согласованный с советской стороной документ о введении военного положения в Польше с 11 апреля. Можно себе представить разочарование и раздражение Кремля, когда этого не произошло. Более того, Москва осознала, что уже поздно, чтобы использовать быдгощский инцидент для обоснования интервенции стран Варшавского Договора в Польшу — поляки успели замирились. А этого ведь Брежнев не исключал на заседании политбюро 2 апреля.

Все это переполнило чашу терпения лидеров КПСС — был взят курс на устранение Кани и Ярузельского от руководства ПНР. Лелея мысли о возможности прихода к власти в Польше «подлинных коммунистов», официальная Москва одновременно стремилась воспрепятствовать нежелательному для себя варианту развития событий, а именно: договоренности между «ревизионистами и оппортунистами в ПОРП» с одной стороны, и «Солидарностью», с другой, о разделе власти и проведении реформ. На это советское руководство не могло согласиться хотя бы потому, что такой компромисс предполагал по крайней мере негласную договоренность между этими партнерами о противодействии политике Советского Союза в отношении Польши. В Москве хорошо отдавали себе отчет в «любви» этих сил к «социалистическому восточному соседу». Здесь следует подчеркнуть, что советское руководство никогда не рассуждало по схеме: мы им, полякам, дадим заниматься собственными делами внутри страны, а они нам взамен гарантируют участие Польши в Варшавском Договоре и СЭВ. Москва начисто исключала какой бы то ни было торг на сей счет. Возможность «финляндизации» Польши не допускалась ни при каких обстоятельствах. Даже намеки на сей счет в Кремле тогда воспринимались примерно так, как сейчас попытки Польши вступить в НАТО.

IX съезду ПОРП было посвящено заседание политбюро ЦК КПСС 23 апреля 1981 года. На нем была рассмотрена расстановка сил в руководстве «братской партии» и принят комплекс мер по поддержке «здоровых сил» в ПОРП. К людям, «идеологически близким некоторым лидерам «Солидарности» Кремль отнес Фишбаха, Вербляна, Раковского и Яблоньского (ранее в этом списке фигурировал также Барчиковский). К «коммунистам» — Грабского, Жабиньского, Ольшовского, Кочелека и др., «которые близки нашим (Кремля — В. В.) позициям». «Нечистыми» оказались Кania и Ярузельский, которые, хотя «привержены социализму», но склонны «к националистической идее о том, что, мол, поляк сумеет договориться с поляком». Однако, констатировало политбюро ЦК КПСС, «в настоящий момент фактически нет других деятелей, которые могли бы осуществлять партийно-государственное руководство». К тому же «здоровые силы», по

оценке политбюро, «не видят возможности оздоровления обстановки без ввода советских войск». А этот вариант Москва продолжала оставлять лишь на самый крайний случай — возникновения прямой угрозы перехода власти к «Солидарности». Поэтому «целесообразно оказывать политическую поддержку товарищам Кане и Ярузельскому». Но от них следует «добиваться, чтобы они боролись за надлежащее представительство на съезде здоровых сил»¹⁵.

В русле этих оценок был принят «План мероприятий по оказанию помощи руководству ПОРП в организационном и идеологическом укреплении партии». В рамках этого плана началось «нашествие» на Польшу партийных делегаций КПСС. В апреле-июне 1981 г. Варшаву посетили председатель «польской комиссии», член политбюро ЦК КПСС Суслов (23—24 апреля), член политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР Громыко (26 июня). В воеводские комитеты ПОРП, где по оценке Москвы, верховодили «здоровые силы», приехало более 20 делегаций КПСС областного уровня. Необычайно оживились делегационные обмены аппаратами ЦК ПОРП и ЦК КПСС, журналистов партийных изданий, «режимных» профсоюзов, других «общественных» организаций. Все они прошли соответствующий инструктаж в Отделе ЦК КПСС по связям с коммунистическими и рабочими партиями соцстран, который категорически запрещал любые контакты с «Солидарностью» и оппозицией, «ревизионистами и оппортунистами в ПОРП». Зато они вовсю поддерживали «здоровые силы», нашептывали своим «идеологически близким» польским собеседникам, что Москва недовольна «заигрыванием Кани и Ярузельского с «Солидарностью», охотно бы видела на посту руководителя ПОРП Грабского или Ольшовского, а заодно кого попутивали, а кого приободряли фразой Брежнева о том, что «Польшу в обиду не дадим, в беде не оставим».

Ближе к съезду участились телефонные звонки Брежнева Кане. В беседе 1 июня руководителю ПОРП инкриминировалась утрата контроля за ходом предвыборной кампании, в результате чего ревизионистам и оппортунистам удастся протаскивать в руководящие органы местных партийных организаций, а также делегатами на съезд своих людей. 5 июня ЦК ПОРП получает «знаменитое» письмо ЦК КПСС, в котором Кани и Ярузельский обвиняются в политике уступок и компромиссов с контрреволюцией, в результате чего над революционными завоеваниями польского народа нависла реальная угроза. «Здоровым силам» давался тем самым сигнал брать власть в свои руки. Характерно, что «письмо» каналами советского посольства было передано сначала этим «силам», а потом Кане. Выполняя «поручение Москвы», группа «марксистов-ленинцев» во главе с Грабским на II пленуме ЦК ПОРП (9—10 июня) атакует Кани и Ярузельского за соглашательство с «Солидарностью» и ставит на голосование вотум недоверия политбюро ЦК ПОРП. Это предложение проваливается при соотношении голосов 24 — за, 86 — против. Вместе с Грабским Москва проигрывает первый раунд борьбы, но не желает смириться с этим.

12 июня в газете «Правда» публикуется текст «письма». ЦК КПСС настаивает, чтобы оно было опубликовано также в Польше. Оно появляется в «Трибуне люду». Не сумев свалить «не оправдавших его высокого доверия» Кани и Ярузельского с помощью ЦК ПОРП, советское руководство пытается тем самым апеллировать непосредственно к партийным массам ПОРП, а заодно припугнуть «Солидарность», что оно не допустит посягательства на существующий в ПНР режим. 16 июня Брежнев звонит Кане и пытается дать ему понять, что тот утратил его поддержку и должен уйти в отставку. Тон разговора весьма бесцеремонный. Кани обвиняют в том, что он чуть ли не добровольно «сдает власть контрреволюции». Политика бесконечных уступок контрреволюции окончательно показала свою несостоятельность, — заявляет Брежнев.

Все тщетно. Старая площадь не выигрывает и решающий раунд — IX съезд ПОРП (июль 1981 г.). Несмотря на все ее усилия, строителям «советского социализма» в Польше к власти придти не удалось, более того самым решительным из них не удалось попасть даже в руководящие органы. Брежневской команде стало ясно, что все эти «здоровые силы» на деле не

имели сколько-нибудь заметного влияния не только в польском обществе, но даже в ПОРП. Зато «оппортунистов и ревизионистов» в понимании политбюро ЦК КПСС в руководстве партии заметно прибавилось. Вопреки Брежневу — первым секретарем ЦК ПОРП остался Каня. Вот выдержки из записки отдела ЦК КПСС с оценками итогов съезда:

Съезд не выработал четкой политической линии по выходу партии и страны из кризиса. В ЦК ПОРП значительную прослойку составляют представители праворевизионистских сил, группирующихся вокруг Раковского, «Солидарности» и костела. До 20 проц. членов ЦК состоит в «Солидарности». Все это ведет к тому, что нынешнее польское руководство не способно принимать эффективные решения, организовать решительную борьбу против антисоциалистических и других контрреволюционных сил и сплотить партию на марксистско-ленинской основе.

Таким образом, ЦК КПСС признал неудачу своего выработанного в начале 1981 г. курса на Польшу. Беспрецедентные усилия советского руководства по достижению своих целей польскими руками не дали ожидаемых результатов. «Солидарность» разогнать не удалось, протащить своих ставленников на руководящие посты в партии и государстве тоже. От «романтических» планов построить в Польше «советский социализм» пришлось временно отказаться. На повестку дня встал вопрос поисков более прагматичной линии.

Военное положение — была ли альтернатива? Период с июля по 13 декабря 1981 г. характеризовался самой высокой за все время кризиса динамикой и насыщенностью событиями. Он включил в себя смену руководства страны, учредительный, но программный по своему содержанию съезд «Солидарности», небывалый размах забастовочного движения. По мере того, как фаза политического противостояния власти и поддерживаемого большей частью населения профобъединения перерастала в силовую конфронтацию, таяли шансы на диалог и достижение внутripольского согласия. Ситуация начала развиваться к желанному для Москвы эпилогу — введению военного положения в Польше.

Реакция «Солидарности» на итоги IX съезда ПОРП оказалась сравнительно сдержанной. Победа умеренного крыла в партии усилила позиции сторонников диалога с ней в профобъединении. Это движение в силу своей массовости никогда не было монолитом. По словам одного из главных идеологов профобъединения А. Михника, в нем всегда было крыло «непримиримых», и крыло, «готовое к диалогу с коммунистами на любых условиях». Но самым влиятельным, по его оценке, были центристы, выступавшие за «достойный компромисс с ПОРП»¹⁶. К ним Михник относит и Л. Валенсу.

Созданию условий для переговоров между правительством и «Солидарностью» послужил летний перерыв в забастовочном движении. Они начались 3 августа и велись на высоком политическом уровне: во главе делегаций был вице-премьер М. Раковский и лидер «Солидарности» Л. Валенса. Но уже спустя три дня переговоры оказались прерванными.

Поэтому спасти зарождающийся диалог предпринимает руководство католической церкви в Польше. 12 августа Каня встречается с ее главой кардиналом Ю. Глемпом. В совместном сообщении по итогам беседы отмечается, что сегодня для Польши главное — это национальное согласие и общественное спокойствие. Несмотря на это, переговоры правительства с «Солидарностью» не возобновляются.

Срыв попыток поляков договориться между собой, организация профобъединением в августе в Варшаве и других городах Польши массовых т. н. голодных маршей, 2-х часовой общепольской предупредительной забастовки 5 августа, в которой приняло участие около 60% работавших в дневную смену, были восприняты на Старой площади с облегчением и удовлетворением. Советское руководство стремилось упростить расстановку политических сил в Польше, усиливать ее двуполярность по схеме: контрреволюционные силы — защитники «социализма», а даже робкий внутripольский диалог портил эту картину. К этому времени в Москве расчеты на введение военного положения и разгром «Солидарности» связывали только с Войс-

ком Польским, которое, как считалось, оставалось единственным прочным государственным институтом, оставшимся вне влияния профобъединения. Но чтобы побудить руководств ПНР ее задействовать, обстановка в стране должна была достичь высочайшего накала, обострение конфликта сопровождаться угрозой тотальной дестабилизации, расправы толпы с властью. В случае такого развития событий, как считали кремлевские стратеги, польское руководство либо само защитит себя, либо призовет Москву навести порядок. На Старой площади приходят к внешне парадоксальному выводу: чем больше в Польше противоборства, тем большую управляемость из Москвы приобретает развитие ситуации в этой стране, а, следовательно, и большую предсказуемость.

В течение августа—сентября ЦК КПСС внимательно отслеживает происходящие в Польше процессы, все больше убеждаясь в объективной неизбежности силовой развязки в этой стране. События уже развивались по Кремлевским часам. Ухудшающееся социально-экономическое положение (сокращение валого национального продукта за 1981 г. на четверть), слабеющая власть, но и не готовая, в том числе из-за давления Москвы, ничем поступиться, переоценивавшая тогда свои возможности и силы «Солидарность», настроенная скорее на борьбу, чем на компромиссы с властью, показывали на приближение развязки. Становилось все более заметным, что даже католическая церковь, несмотря на свои мощнейшие рычаги воздействия на польское общество, была не в состоянии снизить накал усиливающегося противостояния.

В Польше также, как отмечали на Старой площади, складывались психологические условия для спокойной реакции населения на введение властью чрезвычайных мер. Острое длительное противостояние двух лагерей, которое никак, даже частично, разрешения не находило, осложнявшиеся условия жизни усиливали чувство безысходности у широких слоев общества, способствовали распространению политической апатии, готовности к любой, даже самой жесткой развязке ситуации, лишь бы был наведен какой-то элементарный, понятный людям порядок.

В сентябре—декабре 1981 г. политика советского руководства в отношении Польши стала простой и по своему прагматичной — не тормозить, а где можно, подталкивать эту страну к внутренней конфронтации. Одновременно стремиться сужать возможности польских властей уходить от применения силовых мер в отношении «Солидарности». Можно даже утверждать, что после IX съезда ПОРП Москва стала меньше вмешиваться во внутренние дела ПНР. По сравнению с предыдущим периодом заметно сократилось, к примеру, число непосредственных советско-польских контактов на высшем и высоком уровнях. С августа по 13 декабря состоялась всего одна встреча Брежнева с Каней и Ярузельским (14 августа в Крыму), генсек один раз говорил по телефону с Каней (11 сентября), дважды — с Ярузельским (19 октября, после избрания его первым секретарем ЦК ПОРП; 7 декабря), направил одно устное послание Ярузельскому (21 ноября).

Ожидания Кремля в отношении польского руководства были сформулированы Брежневым на встрече в Крыму. Беседа длилась около двух часов, все ее содержание было направлено на то, чтобы побудить собеседников с польской стороны безотлагательно начать силовую конфронтацию с «Солидарностью». Это была беспрецедентная по напористости Москвы беседа. В отличие от предыдущих — Брежнев позволил себе полностью отвергнуть умеренно-оптимистический анализ развития ситуации в Польше после IX съезда ПОРП, представленный Каней и Ярузельским *. Более

* Из записи беседы, сделанной в ходе встречи советской стороной, следовало, что Кая заявил о первых за весь кризис успехах ПОРП на пути к политической стабилизации. К ним, говорится в документе, он отнес процесс консолидации ПОРП, то, что партия овладевает инициативой, имеет теперь программу преодоления кризиса, сочетающую в себе открытость к диалогу с оппозицией и нацеленность на решительный отпор всяким прямым выступлениям против народной власти. На заседании политбюро ЦК КПСС 22 августа Брежнев заявил, что поляки в беседе с ним «изложили неоправданно оптимистические оценки нынешнего положения дел у них в стране».

того, он высказал противоположные оценки на сей счет. Было заявлено, что положение в ПНР продолжает обостряться, контрреволюция усиливает натиск, готовит генеральный штурм позиций ПОРП. Конфронтация, которую вы всеми силами стремились избежать, уже идет, — продолжал генсек. Она навязана противником. События уже выплескиваются на улицу. Не надо бояться кровопролития, но чтобы оно не произошло или было меньшим, нужны достаточно жесткие упреждающие административные меры. Не пора ли уже сейчас вводить военное положение? — риторически вопрошал Брежнев. Ситуация чрезвычайная, нужны чрезвычайные меры, — сам себе отвечал он. Это обязанность товарищей Кани и Ярузельского не только перед своей страной, но и перед всем нашим союзом, Варшавским Договором, социалистическим содружеством.

На обострение конфронтации в Польше явно было нацелен совет «друзьям» заявить во весь голос всему польскому народу, что главная причина сегодняшних бед Польши — это преступная деятельность заправил «Солидарности». Далее генсек особо подчеркнул неприемлемость для Москвы курса IX съезда ПОРП на продолжение «диалога и поисков согласия», потому что на деле это означает лишь «постоянные уступки врагу».

Далее Брежнев пошел на «изящный» шантаж поляков. Прочитируем генсека: советско-польские отношения зависят от дальнейшего хода событий в ПНР. Будет Польша социалистической — будут интернационалистические отношения (в данном контексте — советская экономическая помощь «друзьям» — *В. В.*). Важно, чтобы это хорошо понимали не только политические деятели, но и широкая польская общественность. КПСС исходит, разумеется, из того, что польские коммунисты пойдут на все, чтобы не позволить классовому врагу увести страну в капиталистический лагерь.

Крымская встреча стала последним звонком Москвы для Кани. Это подтверждает высказывание Брежнева на политбюро ЦК КПСС 11 сентября, когда в ответ на предложение Громько связаться по телефону с польским руководителем и нажать на него в очередной раз, генсек раздраженно заявил: «Откровенно говоря, разговаривать сейчас с т. Каней нет ни желания, да и проку от этого никакого не будет»¹⁷.

Москва во второй раз за короткий срок вынуждена была решать головоломку как сместить Канию. И на сей раз инициативу проявил «друг Эрих». В ответ на разосланную руководителям ряда социалистических стран информацию о содержании телефонного разговора с польским руководителем (12 сентября), в котором делался вывод, что Кания допускает беспринципный либерализм и фактически попустительствует претензиям «контрреволюции» на власть, лидер СЕПГ выдвинул предложение «собратиться в Москве руководителям братских партий, пригласить т. Канию и сказать ему, чтобы он подал в отставку, а вместо него Первым секретарем ЦК ПОРП рекомендовать т. Ольшовского»¹⁸.

Ретивость Хонеккера Кремль воспринял настороженно. Он ведь позволил по меркам Коминтерна и его последователей бестактность! Кого, когда и как снимать было всегда прерогативой Москвы, а тем более некорректно было предлагать на пост первого секретаря ПОРП Ольшовского, которого на Старой площади считали весьма подозрительной и беспринципной личностью.

В результате было принято решение спустить это предложение на тормозах и поручено МИДУ, Минобороны, а также Отделу ЦК КПСС проработать эти вопросы. Показательно, что среди исполнителей оказалось Минобороны — ведь в рассуждениях руководителя СЕПГ военная тема отсутствовала. Это был явный признак того, что в Москве в качестве альтернативы Кане видят Ярузельского. Советское руководство, делая тогда ставку на введение военного положения в Польше, было, несмотря на свои прежние претензии к генералу, обречено на него. Второго, равного ему авторитета в Войске Польском тогда не было. А Ярузельский, еще не заняв высшего поста в ПНР, уже становился заложником стремительно нарастающей конфронтации в стране и нажима Старой площади.

5—10 сентября и 23 сентября — 7 октября в Гданьске в два тура прошел

1-й всепольский съезд профобъединения «Солидарность». К этому времени стало уже неизменной традицией Москвы приурочивать к такого рода мероприятиям польской оппозиции крупномасштабные военные маневры либо советских вооруженных сил, либо объединенных сил ОВД вблизи польских границ. Считалось, что таким образом охлаждался боевой пыл «экстремистов» из «Солидарности». Не было сделано исключение и на сей раз. 4—12 сентября на территории Белорусского и Прибалтийского военных округов и в акватории Балтийского моря состоялись учения войск и сил флота вооруженных сил СССР со зловещим в тот момент для поляков названием «Запад-81». Их проводил лично министр обороны Устинов. Как писали советские газеты того времени, маневры продемонстрировали возросшую боевую мощь советской армии, готовность достойно выполнить любую задачу, поставленную партией и правительством. По каналам советских спецслужб на Польшу пошла очередная, сопутствовавшая таким событиям дезинформация о возможности оказания польским коммунистам «интернациональной помощи».

Результаты съезда «Солидарности» подтвердили самые мрачные ожидания Кремля. Внешне казавшийся хаотичным и беспорядочным этот форум, в отличие от недавнего съезда ПОРП, продемонстрировал силу и внутреннюю сплоченность организации.

По итогам съезда профобъединения комиссия политбюро ЦК КПСС по Польше подготовила записку с оценками ситуации и предложениями, как «работать» дальше с этой страной. Суслову, как руководителю комиссии, было поручено выступить на пленуме ЦК КПСС с закрытым докладом о положении в Польше (выступление состоялось 11 ноября). Сам по себе факт такого выступления многозначителен по тем временам — на пленумах ЦК международную проблематику не было принято рассматривать. В данном же случае советский «партактив» готовили к тому, что в Польше приближается решающее столкновение и руководство ЦК КПСС контролирует этот процесс.

Ключевой тезис и записки, и выступления Сулова сводился к тому, что к осени 1981 г. угроза «социализму», а, значит, и советским интересам в Польше достигла критической фазы. Съезд «Солидарности», отмечалось в ней, принял программу взятия власти и изменения общественного строя. В экономической области речь идет о ликвидации плановой системы, отстранении ПОРП от подбора и расстановки кадров, т. е., выражаясь языком документа, ликвидации партийной номенклатуры и замены общенародной собственности групповой, в соответствии с которой «руководить работой предприятий будут органы самоуправления, наделенные правом в т.ч. назначения и снятия директора, распоряжения имуществом и продукцией предприятия и распределения доходов». При том, что ячейки «Солидарности» особенно сильны на крупных промышленных предприятиях, подчеркивалось в записке, проведение в жизнь замыслов о т.н. рабочем самоуправлении фактически поставило бы под контроль антисоциалистических сил польскую экономику.

В политической области по оценкам ЦК КПСС «Солидарность» предлагала такие «антисоциалистические решения» как проведение свободных выборов в парламент и местные органы власти, а также беспрепятственный доступ всех общественных и политических сил к средствам массовой информации, ликвидацию политической цензуры. Осуществление таких планов, говорилось в записке, окончательно отстранит ПОРП от управления государством, а страна переродится в буржуазную парламентскую республику с многопартийной системой.

В случае овладения властью профобъединением, подчеркивалось в записке, возникнет угроза ревизии международных союзов Польши, прежде всего с СССР, и обязательств, вытекающих для ПНР из ее членства в ОВД и СЭВ. Подчеркивалось также, что в программных документах «Солидарности» в завуалированной форме протаскивается мысль о том, что нынешние международные обязательства были в свое время навязаны Польше вопреки воле народа.

Особое негодование в Москве вызвало принятие съездом «Солидарности» «Обращения к народам Восточной Европы». С позиции сегодняшнего дня этот краткий, всего в три абзаца документ выглядит вполне безобидно. В нем, в частности, говорилось, что обращаясь «к рабочим Албании, Болгарии, Венгрии, Румынии, Чехословакии и ГДР, а также народам Советского Союза», съезд отмечает, что «нашей целью является борьба за улучшение условий жизни всех рабочих». «Мы поддерживаем, — говорилось далее, — тех из вас, кто решил вступить на трудный путь борьбы за свободные профсоюзы. Верим, что уже вскоре наши и ваши представители смогут встретиться и обменяться опытом профсоюзной деятельности»¹⁹.

Оценке этого документа была посвящена большая часть заседания политбюро ЦК КПСС (10 сентября), на котором Брежнев заявил: «Обращение к народам Восточной Европы» — это опасный и провокационный документ. Слов в нем немного, но все они бьют в одну точку. Его авторы хотели бы вызвать смуту в социалистических странах, взбудоражить группки разного рода отщепенцев. Думаю, нельзя ограничиться критикой в печати этой наглой выходки. Что, если отпор этим демагогам дадут коллективы наших крупных предприятий, таких, скажем, как Кировский завод, Магнитка, КАМАЗ и др.?»²⁰.

Сказано — сделано. В период с 12 по 14 сентября ежедневно газета «Правда» публиковала «ответы» профобъединению, подготовленные отделом пропаганды ЦК КПСС, в форме открытых писем польским рабочим коллективов рабочих ЗИЛа, КАМАЗа, Кировского завода и Минского тракторного завода. Хотя текст «Обращения» в советской печати не публиковался и рабочих с ним, впрочем, как и другие социальные группы, не знакомили, в письмах выражалось «огромное возмущение» его содержанием, а также критика съезда «Солидарности», который «трудовые коллективы флагманов советской индустрии» оценивали «не как съезд представителей трудовой Польши, а как сходку штатных работников аппарата «Солидарности» и контрреволюционеров всех мастей». Поэтому-то съезд и «превратился в антисоциалистическую, антисоветскую вакханалию». В заключение «ответов» проводилась одна и та же мысль: «Защитить социализм — наше с вами святое дело. И пусть никто не сомневается, что братскую Польшу мы в обиду не дадим»²¹.

«Козлом отпущения» за съезд «Солидарности» для Москвы стал в очередной раз Кania. Причина сложившейся драматической ситуации в Польше, подытоживала записка, обанкротившаяся линия «диалога и соглашений», давно уже выродившаяся в практику постоянных уступок врагу. И далее — политический приговор: Кania стал главным тормозом на пути перехода в наступление на контрреволюцию, он наносит вред ПОРП, Польше, Советскому Союзу и всему социалистическому лагерю. «Вопрос о замене Первого секретаря приобрел настоятельный характер».

Смещение Кани произошло на пленуме ЦК ПОРП 18 октября 1981 года. За его отставку проголосовало 104 члена ЦК, против — 79. Этот результат стал для Москвы показателем того, насколько высшее руководство ПОРП «заражено капитулянтскими идеями», насколько ненадежно делать на него ставку в борьбе с «Солидарностью».

Канию удалось убрать в основном усилиями вскормленных Москвой «здоровых сил». По мере обострения обстановки в Польше, они играли все более заметную роль в ПОРП, в том числе и в руководстве. Брежнев сделал также немало, чтобы психологически сломать Канию, заставить его смириться с отставкой. «Пришел такой момент, — пишет в воспоминаниях В. Ярузельский, — когда возможности Кани руководить оказались исчерпанными. Ситуацию драматически заострил съезд «Солидарности». Советский нажим еще более усилился. Все это сказалось на огромных психологических перегрузках, которые почти невозможно стало выдержать. Работа в постоянном напряжении, ежедневная борьба ослабили его стойкость. Это состояние в силу разных причин опасно усиливалось. В последние, предшествовавшие пленуму недели дело дошло до того, что в послеобеденное время Кania был просто не в состоянии работать»²².

В соответствии с ожиданиями Москвы пленум избрал руководителем ПОРП Ярузельского. Никакого ликования по этому поводу на сей раз на Старой площади не было, было сдержанное удовлетворение. На пленуме ЦК КПСС 11 ноября 1981 г. Сулов заявил, что ЦК КПСС позитивно оценивает происшедшую смену руководителя ПОРП. Однако дальнейший ход событий будет зависеть от того, — отметил он, — насколько эффективно и решительно станут действовать польское руководство, лично Ярузельский. Он же зачастую проявляет чрезмерную осторожность, не всегда четко выражает взгляды по различным проблемам. Ярузельский нуждается в нашей поддержке при принятии принципиальных решений, заключил Сулов.

С учетом мнения Кремля о «податливости» генерала на советы из Москвы, к нему приставили соответствующего советчика в лице главнокомандующего Объединенными Вооруженными Силами государств Варшавского Договора В. Куликова. Тот ведь мог свободно, не привлекая особого внимания, по делам службы перемещаться по территории союзных стран, часто навещать нового первого секретаря ЦК ПОРП. Ярузельский отлично понимал отведенную Куликову роль. В воспоминаниях он пишет, что «в 1981 г. встречался с Куликовым целых 22 раза. Можно пошутить, что я провел с ним тогда больше времени, чем с женой и дочерью». Понимал генерал, что Москва выделила для обработки его именно этого человека также потому, что Ярузельскому импонировала его боевая биография участника Великой Отечественной войны и личные черты характера. «Куликов был тверд и интеллигентен, — продолжает Ярузельский. — Он тянул из меня жилы тактично, но с завидным постоянством и методичностью. Его аргументация и выводы сводились к одному — развитие событий в Польше наносит ущерб интересам Варшавского Договора»²³.

«Поддержка» также была оказана Брежневым на следующий день после избрания Ярузельского. В похожем на директиву телефонном разговоре он изложил генералу все те же тезисы: пора, «не теряя времени, переходить к намеченным вами решительным действиям против контрреволюции; подобрать себе надежных помощников из числа преданных и стойких коммунистов»²⁴, т. е. опереться на «здоровые силы».

Добившись смены Кани, Кремль усилил линию на обострение ситуации в Польше. Ярузельскому приходилось действовать в условиях жесткой опеки Москвы, возможности же ухода от нее были уже исчерпаны Каней. Тем не менее, генерал предпринимал отчаянные попытки в условиях усиливающегося цейтнота сохранить свободу рук в принятии решений. 4 ноября вопреки рекомендациям Кремля польское руководство принимает решение о вступлении в Международный валютный фонд. Власти рассчитывают на немедленную помощь — Запад выжидает, хотя решение полякам имело явный политический подтекст — ослабить свою зависимость от Москвы. Только в конце ноября, когда обстановка резко обострилась, США и другие западные страны принимают решение об оказании срочной экономической помощи ПНР. 21 октября вопреки рекомендациям Старой площади генерал встречается с Ю. Глемпом, а 4 ноября к ним присоединяется Л. Валенса — обсуждается идея Ярузельского о создании Фронта национального согласия с участием «Солидарности». В очередной раз полякам не удается договориться между собой даже перед лицом явно приближающейся катастрофы.

Москва резко отрицательно реагирует на такого рода инициативы генерала. Чтобы оказать на него давление, Кремль прекращает непосредственные контакты с Ярузельским, предпочитая разговаривать с ним со страниц «Правды», с помощью официальных протестов и представлений польской стороне, через передаваемые послом СССР от имени советского руководства устные послания. Все направлено на то, чтобы изолировать генерала в своей же стране, загнать в тупик, выход из которого соответствовал бы замыслам Старой площади. Так, на встречу генерала с Глемпом и Валенсой Москва, советские газеты реагируют серией статей с оскорбительно-провокационным по отношению к «Солидарности» содержанием. Достаточно привести только некоторые заголовки таких материалов: «Решительный отпор» («Правда», 14 ноября), ««Солидарность?» —

Нет. Контрреволюция» («Литературная газета», 11 ноября), «Вешатель», «Гибрид» (статьи о членах руководства М. Юрчике и Я. Рулевском в «Литературной газете» 4 и 18 ноября) и, наконец, одобренная политбюро ЦК КПСС «забойная» статья «Солидарность рвется к власти» («Правда», 13 ноября).

22 ноября посол СССР передает Ярузельскому устное послание Брежневна, которое составлено как набор требований Москвы к первому секретарю ЦК ПОРП. В нем довольно откровенный намек на то, что генерал вслед за Каней продолжает сдавать власть противнику, необходимо неотложно начинать силовую конфронтацию с «Солидарностью». Откровенно негативно оценивается создание Фронта национального согласия. Допускается лишь толкование этого шага как теоретического, чтобы перехитрить лидеров профобъединения. Одновременно акцентируется опасность постепенного захвата власти «Солидарностью» через такую структуру. Вместо такого рода «сомнительных» идей Ярузельскому рекомендуют заняться чисткой руководства ПОРП, убрать оттуда «капитулянтов», опереться на «здоровые силы». И использовать, наконец, силовые структуры для наведения порядка в стране ²⁵.

В послании — жесткие упреки генералу в попустительстве «антисоветизму». В то время такие обвинения были синонимами предательства «дела социализма». Официальные протесты советского руководства польскому с публикацией в печати были сделаны в связи с известным «Посланием народам Восточной Европы» (12 декабря), по поводу антисоветских акцентов в праздновании годовщины независимости «буржуазной Польши» (13 ноября), распространения листовок «Солидарности» среди солдат и офицеров Северной группы войск (дислоцировалась в Польше. — В. В.). Но особенно резким был протест по поводу «антисоветской вакханалии» на варшавском кладбище Повонзки, где 6 декабря по инициативе оппозиции был установлен символический памятник «Жертвам Катыни», на котором не было, как повелевала тогдашняя официальная советская версия, обозначено, что расстрел польских офицеров дело рук гитлеровцев. Зато была высечена дата расстрела — 1940 г., в чем Москва увидела обвинения в том, что это массовое убийство было совершено по приказу советского руководства. Как оказалось впоследствии, надпись на памятнике соответствовала действительности.

В ноябре в Польше произошло новое резкое ухудшение снабжения населения продовольствием. Карточки отоваривались далеко не полностью, отличительной чертой польских магазинов стало наличие в свободной продаже одного только уксуса... Москва реагировала отрицательно на просьбы Ярузельского оказать срочную экономическую помощь ПНР, аргументируя это собственными трудностями.

Власть зашаталась, контроль за ситуацией в стране ускользал от нее. 22 октября профобъединение провело одночасовую общепольскую забастовку с участием более 2 млн. чел. и требованием улучшить снабжения населения продовольствием, прекратить репрессии против «Солидарности». В ноябре забастовочное движение стало непрерывным — за месяц состоялось более 150 локальных акций протеста. В стачечное движение втягивалось студенчество, учителя, школьники, крестьяне. В конце ноября произошла первая забастовка в силовых структурах — в Высшем офицерском пожарном училище МВД в Варшаве, где часть преподавателей и курсантов потребовала вывода вуза за рамки системы МВД.

Происходит стремительная поляризация сил как на польской политической сцене, так и внутри ПОРП. 19 ноября проходит общепольская конференция т.н. партийных форумов «здоровых сил», которая резко атакует Ярузельского за соглашательство с классовым противником, требует консолидации ПОРП на классовой основе и перехода к решительному наступлению на контрреволюцию. Запахло созданием альтернативной ПОРП коммунистической партии — на 15 декабря назначается открытие учредительного съезда новой марксистско-ленинской организации. Эта инициатива находит поддержку у ряда членов политбюро ЦК ПОРП.

Воздействие внутренних и внешних факторов все больше поворачивало польское руководство и Ярузельского к использованию запретительных и силовых методов в борьбе с «Солидарностью». 23 ноября политбюро ЦК ПОРП принимает решение об отсрочке на 1 год намеченных на февраль 1982 г. выборов в местные органы власти. 1 декабря при разгоне участников забастовки в пожарном училище в Варшаве власти использовали вертолетный десант и армейские подразделения. Впервые за все время польского кризиса используется сила — хотя жертв и пострадавших не было, инцидент накалил обстановку до предела.

3 декабря на расширенном заседании президиума Всепольской комиссии «Солидарности» в Радоме принимается решение отказаться от переговоров с властями по поводу создания Фронта национального согласия, т.к., утверждалось в нем, они направлены на то, чтобы ввести в заблуждение народ. В поступившей в Москву информации приводились слова Л. Валенсы: Конфронтация неизбежна и конфронтация произойдет. Я хотел придти к ней естественным путем, когда почти все общественные группы будут с нами. Но я ошибся в расчетах. Дальше по этому пути мы не пойдем. Надо выбрать такой путь, чтобы можно было совершить молниеносный маневр. Ведь мы сознаем то, что разлагаем эту систему.

На сей раз оценки заявлений «Солидарности» и у официальной Варшавы, и у Москвы сошлись — руководство профобъединения приняло решение захватить власть в Польше. У Ярузельского не оставалось выбора — либо он вводит военное положение, либо угроза советского военного вмешательства в польские дела становилась реальностью.

5 декабря политбюро ЦК ПОРП принимает принципиальное решение о подготовке к введению военного положения в стране. Сроки не устанавливаются. 7 декабря Брежнев звонит Ярузельскому и заявляет: Если вы не предпримите необходимых мер, будет поздно. А это уже вопрос всех нас. 8—9 декабря в Варшаву в срочном порядке были командированы В. Куликов и председатель Госплана СССР Н. Байбаков. Хотя последний поехал изучать вопрос оказания срочной экономической помощи Польше (условием было введение военного положения — В. В.) оба они зондировали намерения генерала относительно сроков операции.

Судя по стенографической записи, на заседании политбюро ЦК КПСС 10 декабря польский вопрос был незапланирован, но обсуждение состоялось в связи с информацией о подготовке к введению военного положения в Польше. По существу, вся дискуссия свелась к одному вопросу — вводить ли в эту страну войска для помощи «друзьям», если проведение операции пройдет неудачно для них. Стенограмма свидетельствует, что все участники обсуждения высказались против этого. Уточним, однако, что речь шла о возможности введения дополнительных войск к тем, которые находились в Польше с 1944 года. В этом — коренное отличие польской ситуации декабря 1981 г. от чехословацкой августа 1968 г., где до вторжения советских частей вообще не было. В Польше, в Северной группе войск их численность была немалой, если выводились они три года — с 1990 по 1993 гг. Ни одно из действовавших тогда советско-польских соглашений не регламентировало ни численности СГВ, весьма условно определяло их задачи на территории Польши. Поэтому ничто не мешало им начать действовать по приказу Москвы, если бы она пришла к выводу, что эскалация конфликта в ПНР поставила бы под вопрос интересы стратегической безопасности СССР, так, как они тогда понимались. О готовности СГВ к такому развитию событий дважды заявил на том заседании политбюро Устинов: «Что касается наших гарнизонов в Польше, то мы их укрепляем»²⁶.

В 6.00 утра по московскому времени 13 декабря 1981 г. меня разбудил телефонный звонок. С заметным волнением в голосе коллега по польскому сектору сообщил о необходимости срочно прибыть на работу. Приехав на Старую площадь, я узнал, что в Польше в ночь с 12 на 13 декабря введено военное положение. Информация об этом прошла по советскому радио в 7.00. Отчетливо помню охватившее меня чувство облегчения и тревоги

одновременно. Облегчение потому, что новый Афганистан или Чехословакия не состоялся, тревога — что все еще было непредсказуемо...

Силовая развязка 13 декабря 1981 г. стала логическим развитием острейшей фазы общественного конфликта в Польше в 1980—1981 гг. Массовая поддержка «Солидарности» польским населением толкала профобъединение к власти, а ПОРП в силу прежде всего геополитических обстоятельств не могла уступить ее. В тех конкретно-исторических условиях, когда Польша находилась в сфере международно признанного советского господства (ее суверенитет был понятием относительным), а СССР отказал «Солидарности» в праве на существование, иного выхода быть не могло.

Военное положение было одной из конвульсий «социалистической системы», признаком приближения ее конца. «Перестройка» и связанный с ней отказ от советского вмешательства во внутренние дела Польши и других соцстран дали ход естественному развитию процесса. «Социализм» рухнул в ПНР в 1989 г., когда в него уже в этой стране не верил почти никто — не только «солидаристы», но и подавляющее, включая руководителей, число членов ПОРП. Он ушел тогда тихо, не оставив в Польше ни одной сколько-нибудь заметной политической группировки, выступающей за возврат к нему.

Примечания

1. ALAIN TOURAINE, JAN STRZELECKI, FRANCOIS DUBET, MICHEL WIEVIORKA. «Solidarnosc. Analiza Ruchu Społecznego, 1980—1981», 1989, s. 35.
2. «Dokumenty Teczka Susłowa», W-wa, 1993, s. 12.
3. Ibid, s. 12.
4. Правда, 31.VIII.1980.
5. General Pawłow. Bylem rezydentem KGB w Polsce, W-wa, 1994, s. 264.
6. Ibid, s. 28.
7. Ibid, s. 277.
8. W. JARUZELSKI, Stan wojenny dlaczego... W-wa, 1992, s. 44—45.
9. General Pawłow... , s. 286.
10. Правда, 12.V.1981.
11. General Pawłow... , s. 307.
12. Ibid, s. 306.
13. «Sztandar Młodych», 16.VI.1994.
14. General Pawłow... , s.303, 306, 305.
15. «Dokumenty Teczka Susłowa», s. 38.
16. ADAM MICHNIK. Ani spisek, ani dobroć wtądzy, «Gazeta wyborcza», 4—5.VI.1994.
17. General Pawłow... , s. 347.
18. Ibid, s. 352.
19. ALAN TOURAINE, JAN STRZELECKI, FRANCOIS DUBET, MICHEL WIEVIORKA. Op. cit., s. 125.
20. General Pawłow... , s.347.
21. Правда, 13.IX.1981. Письмо коллектива рабочих Ленинградского производственного объединения «Кировский завод».
22. W. JARUZELSKI. Op. cit., s. 293.
23. Ibid, s. 94.
24. «Dokumenty Teczka Susłowa», s. 52—58.
25. Ibid, s. 60—70.
26. Ibid, s. 88.

Листопад

В. К. Иков

V. В своей семье

«А станешь стариться — нарви
Цветов, растущих на могилах,
И ими сердце оживи».

(Некрасов).

Я не случайно поставил в заголовке название старинной пьесы кн. Шаховского и Грибоедова, так блистательно инсценированной московским Реалистическим театром. Его, как бы помимо меня, инстинктивно вывело само перо. Я не принадлежу к Иванам-Непомнящим. Ни отречься от прошлого, ни тем более чернить его мне не позволило бы уже одно чувство, скажем, чистоплотности. Нет! Прошлым я дорожу. Долгие годы меньшевистская фракция была для меня *my house* (своим домом), «своей семьей»: ее идеи я разделял, с ее личным составом был связан бесчисленными узами. И я всецело несу ответственность за ее деятельность на протяжении тех лет, когда принадлежал, да позволят мне так определить, к ее офицерскому корпусу, к ее старшему и высшему комсоставу.

В качестве одного из «чинов» последнего я работал в ряде городов, был членом Южного обкома, агентом ЦК, кандидатом и членом ЦК, участвовал в партсъездах и конференциях, в редактировании парторганов, от имени и по поручению партии принимал участие в профсоюзной, клубной и прочей открытой массовой работе. Словом, верой и правдой посильно служил с-д-тии на всех участках движения. Не в целях бахвальства перечисляю я все это и заслуги здесь не вижу: таких, как я, было немало, и свои функции мы несли не по долгу и приказу, не как тяжелый крест обязательной явки, а добровольно, радостно и весело, как лично и свободно выбранное нами дело. Я перечислил все свои звания и должности только затем, чтобы возможно резче оттенить свою органическую связь с определенной средой. Если я сейчас критически расцениваю ее поступки и воззрения, то тем самым я наказую и себя!

Я стараюсь избежать превращения страниц «Листопада» в те реестры о здравии и упокоении, которые подавали в церквях набожные старушки. Кому нужно простое скопление фамилий, зачастую и в то время известных лишь в тесном кругу? Но совсем обойтись без святцев, без поминания я, разумеется, не в состоянии. Было много лиц встречено мною в эмиграции, чьих и фамилий-то подлинных я не знал. Но всем, упоминаемым мною и пропущенным здесь, я охотно послал бы свой дружеский привет! Да будет легка земля тому, кто уже покинул нас, да продлит судьба дни тем, кто еще не расстался и не стремится расстаться с этим миром, и «да поможет Господь Бог всем бесприютным скитальцам».

1.

На первое время меня приютил у себя Мирон Пайкес, ставший в Женеве m-г Todorov (он же Sokolov). К этому довольно бесполезному камуфляжу прибегали все эмигранты, рассчитывавшие в скором времени вернуться на родину для партийной работы. Я говорю: бесполезному. Сохранить свое инкогнито мог лишь тот, кто по тем или другим причинам не попал в поле зрения внешних наблюдателей и секретных осведомителей российского правительства. А последних в нашей среде было предостаточно.

Весной 1904 г. женевская полиция неожиданно обязала всех русских (и только русских) обитателей Женевы выбрать себе *permis de sejour* (вид на жительство), т. е. попросту паспорта с предъявлением соответствующего удостоверения личности. В участке свободной республиканской Женевы пахло столь же скверно, как и во всех аналогичных присутственных местах. Я окончательно уверовал в это в Стокгольме, где нас тоже водили в полицей-президентум. Но женевские магистраты отличались скромностью: я получил *permis* в соответствии с представленным мною использованным в оба конца заграничным паспортом на имя Michel de Grodetzky.

Став болгаринком по документам, Пайкес честно сберег свой облик и манеры прирожденного русского конспиратора. Он и здесь, в Женеве, зловеще шептался по углам, писал и получал шифрованные письма, причем я сильно подозревал, что он наподобие горьковской Ванды в «Болеси» сам писал их себе или заставлял отвечать свою очередную, женевскую, жену. Непрерывно имел таинственные свидания, «а по утрам она улыбалась!». Pardon! Это он улыбался, круглые сутки, загадочно и ядовито. Вот кто чувствовал себя, как рыба в воде, вот кто наслаждался, ныряя с головой в эту пучину слухов, сплетен, интриг! Послушать его, только ими и заполнялась жизнь всей эмиграции, в частности и больше всего ее верхов. О вкусах не спорят. Ясно лишь, что М. Пайкес покончил бы с собой, не будь у человечества морального исподнего.

После переворота в ЦК и снятия с поста Б.-Бруевича Пайкес ведал всем хозяйством «Искры» и ЦК. Он надолго застрял за границей, предпринял, между прочим, издание сочинений Г. В. Плеханова, к которому, кстати сказать, всегда относился с глубоким уважением. В годы нового раскола партии, перед мировой войной 1914 г., Пайкес принадлежал к партийцам-плехащцам (меньшевикам), а позднее вошел в компартию. Post scriptum: (1948 г.). Об этих днях его жизни я знаю очень мало, главным образом, с чужих слов и по его личным, недавним рассказам. Да, по его рассказам. Потому что жизнь неожиданно опять столкнула нас в 1940 г., после 35-летней разлуки, на улице в Москве. И мы узнали друг друга и, кажется, оба остались довольны этой встречей, и я два раза успел побывать у него перед войной, и нанес ему прощальный визит накануне своей эвакуации, вскоре после начала военных действий.

Невероятно, но я снова убедился в ложности латинского изречения: «*tempora mutantur et nos mutamur in illis*» (меняются времена, и мы меняемся вместе с ними), в ложности его применения, по крайней мере, к Пайкесу. Он постарел, одряхлел, потерял зубы, это верно. Но он улыбался еще загадочнее и ядовитее и так же сухо, жестко и зло звучал его особый, пайкесовский, смешок, и все так же беспощадно насмешливы и неуважительны были его рассказы и отзывы о товарищах по партии. Я осторожно осведомился, в партии ли он? Он ответил утвердительно и перевел разговор на другую тему. И я понял почему: я наступил на большую «любимую» мозоль.

Дело в том, что Н. Л. Мещеряков рассказывал мне в 1929 г. о том, как, будучи полпредом в Китае (или Японии?), Пайкес соблазнил жену какого-то экзотического южноамериканского посланника, последний вломился в амбицию, поднял скандал на весь мир. Пришлось убрать Пайкеса и исключить его из партии. «Пропал из-за бабы», — заметил с оттенком презрения Мещеряков (осталось неясным, относилось ли это презрение к Пайкесу, к посланнику или к партколлегии, привязавшейся к таким мелочам). Я не стал выяснять у Пайкеса детали этой трагикомедии. К чему бередить явно

не зарубцевавшуюся, вечно ноющую рану? К тому же передо мной сидел отставной крупный сановник, полуразвалина, все еще цепляющаяся за жизнь, все еще жаждущая власти и почета и смертельно уязвленная тем, что его обошли, обогнали, оттеснили новые, юные, беззастенчивые карьеристы, не менее его падкие до почестей и влияния.

2.

Я уже упоминал о существовании в Женеве Группы содействия партии. Собственно, в Женеве их было две. Меншеви́стская приняла *nom de guerre* (военное название) «Единение», что служило чисто словесным искуплением греха раскольничества и инсубординации, в коем зачат был меньшевизм. В нашей группе числилось много членов, но только на бумаге. Работали единицы; большинство участников ни разу и не заглянули к нам. В виде особой милости разрешалось участие в Группе и не эмигрантов, например, из числа зарекомендовавших себя с хорошей стороны студентов. Так я провёл в Группу своего московского друга М. К. В.

Современному читателю трудно понять тот интерес, с которым встретили предки этого читателя вересаевские повести «Без дороги» и «Поветрие». В них отражены чувства, мысли и настроения революционно-демократической интеллигенции в момент заката народнических иллюзий. Роман этой интеллигенции с мужиком кончился тяжелым разрывом. Сквозь серую пелену безвременья чуть заметно проступали черты нового увлечения, неясно намечалась завязь, скорее намеки на завязь, нового романа интеллигенции — с пролетариатом. Будь Вересаев сильным талантом, мы получили бы богатую галерею образов и характеров. Но и его скромному, «симпатичному», как говорится в тех случаях, когда больше сказать нечего, дарованию удалось все же создать один прекрасный женский образ — Наташи, мечущейся в поисках настоящего дела, родственной по духу тургеневским Наташе, Елене, Марианне.

Эту вересаевскую Наташу я встретил в Женеве, в партийной Группе содействия «Единение». Ее звали Инной Гермогеновной Смидович-Леман; в эмигрантских кругах ее звали Димкой и Лесенкой. Энергия была в ней ключом, а стремительности и подвижности в этой женщине не первой молодости хватало бы на всю нашу Группу. Говорили, что она именно и послужила своему двоюродному брату В. В. Смидович-Вересаеву живой моделью для его Наташи. Похоже на правду. В этом вечно взбудораженном и взволнованно мятущемся существе запечатлены неотъемлемые особенности и свойства русской интеллигентки, бунтарки и правдоискательницы замолкших навсегда времен. Теперь таких русская земля не родит.

Димка была идейно прямолинейна и безоглядно последовательна; в ней имелась моральная упругость и чистота аскета и фанатика. Петербургская курсистка («бестужевка») ушла в народ, как до нее делали сотни хороших русских девушек, все эти Фигнер, Бардины, Субботины, Оловяниковы, Перовские. Но И. Г. Смидович не была кающейся дворянкой. Иные песни пелись, если можно так сказать, над ее политической колыбелью. Через марксистские кружки, через «Союзы борьбы» проходили Димка и все ее поколение, заложившее основы РСДРП и создавшее искровскую организацию. Участие в последней привело И. Г. в киевскую Лукьяновку. Ей удалось бежать из здания суда, куда ее привез на допрос городской, и уехать за границу, в Женеву, в эту Мекку русской революции.

Мне кажется, что для Димки не существовало мелких дел в партийной работе. Она состояла в руководстве Заграничной лигой и отдавала свое свободное время с увлечением, с энтузиазмом, *menus affaires* (по мелким делам) Группе содействия партии «Единение». И меньшевизм она восприняла со страстью, целиком, иступленно, как в древние времена принимали люди двуперстие. Она из того же теста, из которого делались Аввакумы и боярыни Морозовы. Несколько месяцев совместной работы очень сблизили и сдружили нас. И когда мы встретились с ней весной 1905 г. на явке в Одессе и она предложила мне ехать не в Севастополь, как рекомендовал мне ЦК, а к ней в Екатеринослав, я немедленно согласился. И не только

потому, что меня звали в громадный рабочий центр, но и потому, что звала И. Г. Смидович, с которой так легко и хорошо жилось и работалось в Женеве.

Правда, мы не совсем сошлись с ней во мнениях. Она была зорче, смелее, дальновиднее, чем более молодые члены Екатиринославского комитета РСДРП. На компромиссы она не шла и, глубоко опечаленная провалом своего проекта перестроить всю организацию на широко демократических выборных началах, уехала в Севастополь. И. Г. Смидович приняла живейшее участие в бурных событиях, потрясавших в октябре и ноябре 1905 г. севастопольский флот и армию. В подготовку и проведение ноябрьского (шмидтовского) восстания большой вклад внес Севастопольский партийный комитет, меньшевистский по своему составу (Смидович, Кантарович, Вороницын, Карпинская).

После подавления восстания Димка эмигрировала и долго оставалась на чужбине. Я не видел ее после октября 1905 г. и потому не знаю ни причин, задержавших ее чуть ли не на двадцать лет в Европе, ни обстоятельств и мотивов, объясняющих совершенно неожиданный и непонятный переход этой старой марксистки и социал-демократки в анархистки. Да! Ярой анархисткой вернулась она в Россию в 20-х годах. Из третьих рук мне известно, что она осталась верна себе: возвратившись на родину, бросилась в анархистскую пропаганду, попала в тюрьму, ссылку. Отбив последнюю, приехала опять в Москву, ушла на фабрику простой работницей, не смущаясь своим почтенным возрастом и рафинированно интеллигентной внешностью. Мне подтвердили, что она осталась той же встревоженной и тревожащей, непреклонной, изуверски верующей Димкой.

Трагически закончила она свои метания в 1942 или 1943 году. Сестра ее сообщила мне о последнем этапе жизненного пути Димки: о буйном помешательстве, о бесплодном лечении у Кашенко, о смерти. А этому предшествовали действия, так характерные для Инны Смидович: яростная противница войны, она сама составляла антимилитаристские рукописные листовки и пыталась распространять их на улице.

3.

В одном из домов на Place (или rue?) des grands philosophes, в тесноте, да не в обиде проживала многочисленная семья эмигрантов Виленских вместе со своим приятелем С. Б. Гуревичем. Илья Виленский работал наборщиком в типографии «Искры», на rue de la Coulouvrenière (название улицы), прочие члены коммуны, все бывшие искровцы, ставшие меньшевиками или сочувствующими, варились целыми днями во фракционном соку. Я давно потерял их из виду, всех этих юношей и девиц, столь не философски расточавших свои нервы и свое время под оком великих философов. Судьба Виленских мне неизвестна. С Гуревичем жизнь сводила меня неоднократно. Но только прежнего «тов. Бориса» уже не было. Инженер, всецело ушедший в будни своего ремесла, он охладел ко всему, когда-то и его волновавшему. Где Гуревич женевской весны? «Умер, Касьяновна, умер, болезная». Физически он умер во время войны; политически — вскоре после первой революции.

Это был первый мой знакомый семейный дом; здесь меня тепло встретили, и одно время я забегал сюда чуть ли не ежедневно. В одно из таких посещений я застал тут крайне подвижного, худенького юношу небольшого роста, не то чересчур сутулого, не то несколько горбатого, поразившего меня своей неусидчивостью и говорливостью. По разговору я понял, что он недавно из России, что он старый приятель квартирных туземцев. Задавая им десятки вопросов, не дослушивая ответов, перебивая самого себя и других всякими замечаниями, юноша бесперечь вертелся по комнате, одновременно перелистывая одну за другой лежавшие на столе книги. Откровенно сказать, он мне не понравился. В нем было что-то утомляющее, вероятно, вследствие перескакивания с темы на тему и быстрого, с захлебываниями, говорка. Царапал ухо и его тон с нотками капризного, избалованного ребенка, и легонько пренебрежительное «свысока» в отношении к собеседникам.

Это первое впечатление отделилось еще резче, когда в комнату вошла высокая, молодая женщина, от которой словно струились — другого определения не подберу! — привлекательность и тот мягкий тонкий шарм застенчивости, который стоит всякой красоты. От нее просто нельзя было глаз оторвать. Как я и сам догадывался по фамильному сходству, юноша оказался младшим братом Ю. О. Мартова В. О. Цедербаумом. А пленившая меня и мою спутницу дама — его женой, В. И. В. Они приехали из Екатеринослава.

Истории известны примеры, и нередкие, участия в нашем революционном движении целых семей или, по крайней мере, всего молодого поколения, всех «детей» данной семьи. Достаточно напомнить Бестужевых, давших декабристам 4-х братьев, народников Фигнер, Субботиных и пр. Я знал лично семью Бонч-Осмоловских, где все, от стариков-отцов и до самого младшего сына, принимали то или иное участие в революционной работе (старика — с 70-х годов и вплоть до 1917 г.). Такие случаи знает и позднейшее время: назову лишь к примеру фамилии Гольдманов, Ульяновых, Цетлиных, Цедербаумов.

Семья Цедербаумов «поставила» революции, помимо европейски известного вождя русского меньшевизма Ю. О. Мартова, еще нескольких adeptов социал-демократии. Разумеется, их роль и удельный партийный вес несопоставимы с ролью старшего брата, одного из создателей и руководителей «Искры». Но все они оказались достойными того дела, которое стало делом всей их жизни и которое потребовало от них таких жертв, лишений, страданий. Первое время я встречался с Цедербаумами лишь в столовке и довольно равнодушно, пока один инцидент не сблизил нас, и тогда был заложен фундамент нашей дружбы, пронесенной через ряд десятилетий. Владимир Иосифович Цедербаум, более известный в партийных кругах под своими литературным псевдонимом В. Левицкого, принадлежал к младшему поколению искровцев. Выросши в семье, где все старшие братья и сестры «ушли в пролетариат», В. И. с юношеских лет, еще гимназистом, стал социал-демократом и революционером. Гимназии он не кончил, и могу смело сказать, что сделал сам себя. Человек больших способностей, редкостью усидчивости и огромной работоспособности, он еще в молодом возрасте был разносторонне начитан и, главное, умел работать. Он один из немногих молодых эмигрантов, серьезно занимавшихся в Женеве. Эту способность учиться, читать в любой, самой неблагоприятной обстановке он сохранил навсегда. Он овладел несколькими иностранными языками, переводил, писал в журналах и газетах, выпустил несколько книжек. Думается, что собранные вместе его литературные работы составили [далее часть текста вырезана] ...его высокий моральный строй, его негибкий верующий дух.

Несколько позже приехали в Женеву Сергей Иосифович Цедербаум и его жена К. И. Захарова. За плечами у них имелось почтенное партийное прошлое, годы нелегальной жизни, три побега из тюрем, а у него, сверх абонементов, и дезертирство с военной службы. Департамент полиции высоко расценил их заслуги, дав С. И. 10 лет Якутки, К. И. — 5 лет. Но удалось их вывезти из Александровской тюрьмы в корзинах, где они провели 36 часов в согнутом в три погибели виде. И вот, вместо берегов Яны или Колымы, они познакомились с берегами Леманского озера. Их эпопея описана ими самими в брошюрке «Из эпохи «Искрь», вышедшей уже после 1917 года. Но это — ничтожная часть материалов, которыми располагали С. И. и К. И. и которым не суждено было появиться на свет.

Искровцы первых призывов, они пришли в эмиграцию в большевистском настроении. Но это увлечение оказалось мимолетным, и вскоре они оба ушли к меньшевикам и оба стали крупнейшими практиками фракции, а он и одним из ее публицистов (псевдоним В. Ежов). В лице этих двух супружеских пар я получил друзей и «сотворцев» (по терминологии почтеннейшего Карла Радека). С ними я прожил душа в душу и проработал рука об руку добрых 20 лет. Других столь же прочно выкованных и деловых, и интимных связей у меня в Женеве больше не завязалось. В С. И. наличие

ствуется такое же счастливое сочетание работоспособности, активности и моральной стойкости и упругости, каким одарен и его младший брат. Но, в отличие от последнего, С. И. значительно быстрее и лучше ориентируется в любой житейской, деловой обстановке. Ни у кого из младших Цедербаумов не было такого искрометного таланта публициста, как у Ю. О. Мартова. Но талантливость, но искры дарования имелись в той или иной мере у всех. С. И. много писал, переводил (знал ряд европейских языков), редактировал и т. д. Но когда, в годы своего нелегального житья, он вынужденно брался за иную работу, то с изумительной быстротой овладевал еще вчера чуждой ему специальностью.

Помню, в Баку в 1909 г. С. И., живший по паспорту В. Г. Ежелова, в поисках работы принял предложение занять место бухгалтера в одной нефтепромышленной фирме. Он, не имевший ни малейшего представления об этой нудной и трудной работе, рискнул попробовать и через каких-нибудь 2—3 месяца с честью выходил из всех затруднений. В Москве в 1910—1911 гг. судьба заставила его поступить в контору фабрики Брокер, в отдел рекламы. И что же? Он и здесь не только не сплосчал, но сразу выдвинулся в первые ряды как талантливый выдумщик и организатор (то же повторилось и в к-ре Мак-Кормика). И вот так всегда и во всем. Для нашего брата, нелегального революционера, такая гибкость чистейший клад! Особенно во времена глухие, когда партийная и профсоюзная печать не в состоянии была прокормить и одного-то сотрудника или редактора. А в так называемой буржуазной печати не все хотели и могли принять участие. Дело не только в принципиально отрицательном отношении партии к участию в не-своей печати. Некоторые, не смущаясь, перешагивали через этот запрет и уютненько усаживались в удобные кресла солидных изданий. Взять, к примеру, покойного редактора журнала «Современный мир» Н. И. Иорданского, одно время члена ОЦК партии от меньшевиков, потом плехановца, комиссара Временного правительства, а впоследствии советского полпреда в Италии. Его многолетний стаж социалиста не закрыл ему доступа в редакцию московской газеты «Утро».

Или ныне здравствующий академик В. П. Волгин, бывший меньшевик, после Октября ушедший в компартию. Он стал сотрудником «Русских ведомостей» еще в студенческие годы и продолжал свою работу вплоть до 1916 года. Я мог бы привести немало таких примеров. Ибо «что такое совесть» (хотя бы партийная)? — спрашивает Фальстаф у Шекспира, и мудро отвечает: «Слово!»; а «что такое слово? — воздух!». Но если с совестью не так трудно расправиться, то гораздо сложнее было даже соблазнившемуся аккуратно выплачиваемыми построчными социалисту прорваться к кассе (газеты, журнала, издательства). Могло не помочь и наличие несомненного литературного дарования. Иорданский был талантливый публицист, Волгин, в лучшем случае, полезность (говоря по-театральному), набившая себе руку в страпании статей и обзоров.

В дореволюционные годы, как и теперь, количество лиц, чаявших движения гонорара, множилось из года в год в геометрической прогрессии, а количество касс, выплачивающих денежки, — в арифметической. По Мальтусу, другими словами! У каждой кассы толклась очередь, у любого, вновь возникавшего издания немедленно оседала небольшая, тесно сплоченная группа удачников, со скрежетом зубовым расступавшаяся перед каким-нибудь получившим доступ к пирогу счастливым. Так было, так есть, так будет! Протекции, связи, случай, удача и прочие, на первый взгляд второстепенные факторы являются, на самом деле, решающими, первостепенными условиями в определении житейской судьбы и карьеры... Впрочем, вернемся в Женеву.

4.

«Душа моя — элизиум теней!» — восклицаю я горестно вслед за Тютчевым. Вижу вереницу образов, призраков, теней... Вот милый друг Николай Образцов (по-женевски — Сергей), чистый, душевный человек и товарищ в старом, подлинном смысле слова. Он умер в Петербурге вскоре после

1905 года. Нижегородские демонстрантки Анна Доброхотова и Наташа Синева. С ними я встретился в Екатеринославе в 1905 г., с Д.— позже и в Москве. Наташа — девушка с чудесными синевазильковыми глазами погибла в парижской эмиграции 1909—1910 гг.; Доброхотова умерла в 1920-х гг. в ссылке или в тюрьме. Саратовские демонстранты, давно потерянные из виду, как Фофанов, Архангельская, Коссович...

Фаланга южан-киевлян, ростовчан, одесситов, кишиневцев, астраханцев, бакинцев... Среди них — и оставшиеся «безыменной Русью», неведомыми даже и в нашем узком кругу; среди них — и именитые, получившие широкую известность в партийном мире, лестную по мнению друзей, «печальную» по убеждению противников. Будущие каторжане В. Плесков и А. Станчинский. Я. Боград, расстрелянный колчаковцами в Сибири в 1919 году. С. О. Португейс, лестно или нелестно «опопулярившийся» под псевдонимом Ст. Иванович в годы революции 1917 г. и позднейшей его эмиграции. Редкозубов, в просторечии «розовый поросенок». Не думали мы тогда, что он сменил скромные с.-д. дела на грандиозные, но темные коммерческие спекуляции после Октября. П. А. Бронштейн (Чацкий, Гарви), он же Юрий, тот самый Юрий, чье имя в созвездии Роман — Юрий — Михаил навязло всем на зубах в 1908 и позднейших годах. Это уж подлинный столп и утверждение истины, меньшевик-классик, равноапостольный, Юрий-архистратиг.

Другая виднейшая, основоположенная фигура практического меньшевизма, С. М. Зарецкая. При всей разности наших характеров, между нами в течение долгих лет общения постепенно утвердилось известное entente (согласие), если не cordiale (сердечное), то mentale (духовное). Я всегда высоко ценил ее большой, ясный ум и громадную моральную культуру. Старая гвардия умирает, но не сдается. Зарецкая и не сдалась. Алексей Александрович Тарасевич (Рыбак), член ОК, искровец, отдавший с.-д. движению полжизни и все свое состояние. А умирал он в Москве мучительно, одиноко, в горьком разочаровании. Был люто морозный день 1919 года. Горсточка старых друзей Тарасевича сгрудилась сиротливо вокруг гроба с прахом некогда такого красивого, сильного, бодрого человека. Мысль невольно возвращалась к тем дням, когда так радостно встречали мы этого энергичного, высококультурного и преданного делу работника с.-д. партии в ее самые тяжелые годы. И что же осталось от этого горения и безоглядной траты сердца и нервов? «Схоронили — позабыли»... Но тут забыли еще до похорон. Он оставался членом партии (Московской организации меньшевиков) вплоть до начала болезни, т. е. в 1917—1918 годы. Но крупных постов уже не занимал и неизрасходованную часть своей энергии он, талантливый организатор, отдал изданию великолепного журнала «ПРИРОДА». Руководителем последнего стал брат Т., крупный бактериолог проф. Л. А. Тарасевич.

Вот М. Гурвич, талантливейший пустоцвет. Несколько раз пересекались наши жизненные траектории, и ничего не удержалось в памяти кроме ощущения утомления от встреч с ним. М. Панин (Макадзюб). Его звезда взошла в приснопамятную послесъездовскую эпоху лабораторных меньшевистских исканий наилучшего оргплана. Я не хочу сказать ничего дурного об этом заумнейшем алхимике, мастере ювелирного цеха в Одессе, согретом П. Б. Аксельродом на груди. По признанию ряда товарищей, особенно из стариков, Панин — Wunderkind (чудесное дитя) по возрасту, правда, скорее перестарок, светило ума. Мне всегда казалось, что темпы его мышления чрезмерно заторможены и П. рискует оставить и иное, не столь светлое, впечатление. Как удавалось Аксельроду выдерживать общество своего ученика несколько часов кряду, понять невозможно. П. был фантастом, поэтом организационного прожектерства, но поэтом так наз. научной школы, без божества и вдохновения, без искры таланта. П. входил в один из многочисленных, но всегда призрачных ОК, которые так любило создавать революционное меньшевистское подполье. В них, в эти руководящие центры отбирались всегда почему-то люди стиля Панина, тоже все светильники ума. Кроме того, все ОК отмечались невероятной конспиративностью и так

ловко прятали концы в воду, что никаких следов деятельности ОК не могли обнаружить ни охранка, ни фракция. Эту хитрую механику кое-кто объяснял отчасти тем, что ОК у нас составлялись преимущественно либо из женщин с мужской складкой ума (Р. С. Гальберштадт, С. М. Зарецкая, Л. Н. Радченко, Е. М. Александрова), либо из мужчин, походивших в точности на добрых старых баб (Панин, А. Гринцер, А. Мартынов и т. п.).

Я не в силах отметить ни одного практического шага ОК, который стал бы известен нам, ну, допустим, через год — два или позже из какого-нибудь исторического журнала. Но как могло бы быть иначе, раз коллектив составляли сплошь из резонеров и лиц, отравленных рефлексией? Вот еще один участник той же организационной оргии, Ф. А. Липкин-Череванин, приезжавший в Женеву на краткий срок по окончании ссылки. С.-д. не первой молодости, известный во времена легального марксизма под фамилией П. Нежданова, Череванин был на подозрении у стариков в связи с какими-то ревизионистско-еретическими операциями его с моралью (в книге «О нравственности»). Но как раз к тому времени он помирился с Марксом, сразу определился как меньшевик, и блудного сына встретили радушно и приветливо. Заклали ли в его честь жирного тельца, из летописей не видно, но он принес на алтарь очищения небольшую брошюрку на мотивы крыловского квартета, и ее немедленно предали тиснению. «Потом печатают, и в Лету — бух!». Череванин — это уже прямо цитадель меньшевизма. Но он вместе с тем с.-д. старой закваски, широкого дыхания, разносторонних интересов, большой эрудиции.

Вот... «Aber diese Periode hat endlich ein Ende, der Atem wollte mir ausgehen!» (Но у этого периода есть конец, и дух из меня вон!). Переводя, по совету Heine, дух, сообщу что мой красноярский тюремный клиент Мика Ларин (М. С. Лурье) бежал-таки из Сибири, но уже из Олекминска, завладев чужой очередью. По дороге претерпел бездну несчастий вроде ареста на границе, каким-то дьявольским везением выкрутился и прибыл в Женеву. Однако по болезни он жил вне колонии, и познакомились мы с ним лишь в Стокгольме.

5.

Рабочих в эмиграции имелась горсточка. Это неудивительно, если помнить социальный состав с.-д. партии той эпохи. Не говорю о периоде первобытной с.-д. культуры: тогда в «рабочей с.-д. партии» на долю рабочих приходились какие-то дробы, вроде той «четверти лошади на квадратную душу», как говорится у Глеба Успенского. Правда, бывали исключения. Если верить старожилам, обычно ничего не помнящим, в «Московском рабочем союзе» начала — середины 90-х годов насчитывалось будто бы несколько сот рабочих. В дальнейшем, особенно в искровскую эпоху, положение значительно изменилось, если вообще можно доверять исчислениям. Какой мог быть в подпольной обстановке учет? Только на глазок. Руль управления всецело находился в руках профессиональных революционеров, eo ipso (тем самым) лиц, не прикованных к производству или службе, не связанных оседлостью и хозяйством, а, напротив, кочевников по духу и роду занятий, готовых в любой момент свернуть или просто бросить свою незначительную утварь и покинуть свою скромную обитель. Большинство из нас, поистине, omnia sua (все свое) носило в кармане.

Искровство, удивившее в профессионалы сотни, если не тысячи, интеллигентов, в рабочей среде могло захватить лишь единицы одиночек, преимущественно из зеленых юнцов. По условиям работы, быта, привычек, обстановки, по самому складу и облику своему рабочий с трудом осваивался с новой обстановкой после перехода на нелегальное положение. В значительной мере он даже обесценивался при этом: середняк-рабочий терял все, разрывая привычную связь со своим окружением, а организация приобретала очень мало, много меньше, чем давал средний интеллигент и даже экстерн. Естественно, в эмиграцию попадали, так сказать, сливки рабочей, очень немногочисленной в те годы, революционной интеллигенции, единицы из единиц, сжегшие за собой все корабли и всецело ставшие мастерами красного цеха.

Замечательное дело! Многократно я наблюдал, что видные рабочие, казавшиеся дома большими и яркими людьми, попав в эмиграцию, как-то мельчали, тускнели, становились меньше ростом. Например, знаменитый в свое время сормовец П. А. Заломов (Петр в горьковской «Матери»). Я познакомился с ним в Красноярской тюрьме летом 1903 года. Впечатление он оставил неизгладимое: вот из такого теста выпекаются Бебели. В Женеве я широко рекламировал Заломова в кругу эмигрантской с.-д. молодежи. И вот когда он попал в Женеву (меня там уже не было), мои друзья, памятуя эти рассказы, отнеслись к нему с величайшим вниманием и интересом. Мы ведь были наивны донельзя: мы так жаждали появления Бебелей и верили в их приход. Позже, когда я заезжал в Женеву перед возвращением в Россию, со всех сторон слышал шуточные подтрунивания над моей восторженностью и склонностью к преувеличениям: ну, что особенного нашли Вы в Заломове? Да! Если вспомнить, что в дальнейшем сормовский Петр ни малейшей серьезной роли в политической и партийной жизни не играл и ни в какие Бебели не вышел, то, очевидно, я явно и сильно пересолил.

В тот же год я познакомился с И. И. Егоровым (Фомой), типичным представителем деклассированного профессионального революционера из рабочих. Колоритная — sui generis! (своего рода) — фигура. Никто так часто и так самоуверенно не выступал в Мартовском клубе, как он; никто так заразительно первым не смеялся над собственными остротами и шутками, как И. И. Егоров, самый шумный из всех эмигрантов 1904 г., из-за которого русских перестали пускать в тихое, уютное кафе Landolt (название кафе). Егоров был захвачен еще поздненародовольческой пропагандой среди рабочих. Тогда же он начал свое хождение по тюрьмам и ссылкам; к счастью, и в отличие от многих других, свой нелегкий путь он все же закончил в февральские дни 1917 г., проделав на нем сложные метаморфозы: народоволец — большевик — меньшевик — коммунист послеоктябрьского призыва. Он всегда имел наготове портативный узелок с набором простейшего тюремного инвентаря: зубная щетка, мыло, кружка, ложка, смена белья и т. п. Неприхотлив он был чрезвычайно. Много раз сталкивала нас с ним судьба, но другой личной жизни и личных интересов я у него никогда не наблюдал.

Нетрудно понять, почему, будучи на родине, в своем кругу, настоящим полноценным человеком на настоящем месте рабочий, так наз. сознательный, распропагандированный рабочий терялся и блекнул в Женеве. Не забудем, что рабочий рано, чуть ли не с детских лет попадал в трудовую упряжку, работа становилась его второй натурой, у него имелся плохой, неуютный, но твердый быт. Заграничное вынужденное безделье, эмигрантская безытийность тяготили рабочих сильнее, чем интеллигентов, зато у последних значительно более развиты были навыки и умение работать умственно, кабинетно-теоретически. Это противопоставление земного практицизма (в хорошем смысле) несколько отвлеченной книжности (доктринерству) сделано мною не случайно. Оно имело место в те годы, как наличествовало и стремление интеллигентов руководить, направлять, вносить сознание извне, короче, брать на себя функции св. Духа, насиживавшего по книге Бытия бездны. А отсюда вытекало известное старикам (но тщательно замалчиваемое ныне) приснопамятное интеллигентоедство как раз среди так наз. передовых рабочих; здесь корни не менее известной когда-то антиискровской рабочей оппозиции (о чем теперь тоже не принято упоминать в кратких и пухлых исторических трудах).

К моменту появления «Искры» на местах не первый год вели организационную и агитационную работу «Союзы борьбы», позже — партийные комитеты и пр. Вырос и окреп в доискровский период известный слой руководителей из самой пролетарской среды, твердо, хотя, возможно, и несколько упрощенно усвоивших лозунг I Интернационала: «Освобождение рабочих есть дело рук самих рабочих». И когда в города с наличием таких, с низов поднявшихся, местных вожаков, завоевавших авторитет в своем кругу, являлись профессиональные революционеры, искровские

агенты, зачастую тоже весьма своеобразно понимавшие идеи «С чего начать?» и «Что делать?», на местах начинались конфликты, вспыхивали антиискровские бунты, выростала рабочая оппозиция. Искровцы выметали «очаги экономизма», уничтожали даже намеки на выборность, самостоятельность и прочие ереси, за которые цепко держались именно передовики-рабочие.

Я утверждаю, что интеллигентство — весьма распространенное явление. Только одни носили и предъявляли его совершенно открыто, не стесняясь; другие более или менее тщательно, более или менее удачно таили его в себе. К числу первых можно отнести, например, выдающегося, умного, дельного рабочего, в Екатеринославе звавшегося Лукой, а в Женеве носившего оригинальную кличку Громила (умер в 1907—1908 гг.), или Ломов (настоящей фамилии не помню). Ругатель он был отчаянный, резкий, порой грубый, непримиримо враждебный ко всему, где он чуял искровский душок. Он превосходно уживался в Екатеринославе в 1905 г. с меньшевиками, во взглядах которых ему слышалась родная старина. И он был прав. Потому что меньшевизм, защищавший выборное начало в организации партии (с оговорками и оглядками на большевистскую «княгиню Марью Алексеевну») и широкий доступ рабочих в партию или, как выражались тогда на варварском подпольном жаргоне, «орбочение» партийного состава и, в частности, руководства, — меньшевизм, говорю я, лишь подхватил порванную преемственную линию развития.

Интермеццо

В нашем кругу держалось ни на чем не основанное убеждение, будто бы меньшевистская фракция богаче большевистской литературными и вообще интеллектуальными силами. В создании и упрочении этой лестной (для меньшевиков) легенды повинны сами наши «братья» — большевики. Стремясь дискредитировать меньшевиков в глазах широкого общественного мнения, большевистские публицисты творили миф об интеллигентской природе меньшевизма, рассчитывая таким путем подорвать авторитет фракции в глазах рабочих и выводя из природы своих антагонистов их «оппортунизм» (сначала только в организационных вопросах, а потом и в практических).

Но истина вовсе не есть результат полемических преувеличений. Возьмем, к примеру, воззвание 22-х большевиков (по поводу раскола): это подписи 22-х чистокровных интеллигентов. Из того же социального слоя обе фракции черпали своих цекистов, комитетчиков и почти всех ответственных работников вплоть до 1917 года. Обе фракции по социальной своей природе, по своим классовым признакам — плоть от плоти, кость от кости российской разночинной так наз. революционной интеллигенции. Так наз. высоколобая, highbrow, дипломированная, квалифицированная интеллигенция почти не поставляла живого материала. Адепты обеих фракций принадлежали к «мелкобуржуазным» слоям, если применить типичную газетную терминологию партийной печати.

И когда я сейчас мысленно представляю себе женевские заседания, дебаты, личные встречи и т. д., я не в состоянии нащупать сколько-нибудь ощутимых качественных различий в интеллектуальном отношении между сторонами. Разница, конечно, имеется, но ее следует искать не в области существенных отличий, а в психологической плоскости. Я сказал бы сильнее: обе фракции во многом так похожи друг на друга, что могли бы почитаться близнецами, и именно потому, что приверженцы этих внутривнутрипартийных группировок всего лишь разновидность вида, именуемого *homo fossicus intelligens radicalis* (русский интеллигентный радикальный человек). О, это особая порода, эта российская радикальная интеллигенция, особенно в марксистском воплощении и оформлении. Я всю жизнь провел в ее кругу, я разделял ее симпатии, вкусы, настроения, предрассудки и могу судить о ней достаточно беспристрастно.

Российские радикальные интеллигенты отличались всегда смелостью суждений и, одновременно, косностью мысли. Любой из них, а марксист впереди всех, возьмется за решение любой проблемы, хотя бы он впервые и услышал-то о ее существовании. У Тургенева в одной из пьес фигурирует студент, переводящий, не зная языка, французский роман. Если не ошибаюсь, такой казус был и с Белинским. Но нужда заставляет и не то делать, потому что голод не тетка. А вот какая нужда заставляла того же Белинского, знакомящегося с германской философией, главным образом с голоса друзей, забираться в дебри метафизики? Какая нужда обязывала филолога Писарева вмешаться в спор Пастера с Пуше, разносить первого, защищать второго? Ввязываться в спор, суждения по которому Дарвин (Дарвин!), не считая себя компетентным, высказывал лишь в частных письмах? Но русский мальчик, прочтя Фохта, Молешотта и Бюхнера, ринулся в бой, в наивности полагая, что спасает материализм, если отстаивает Пуше!

Но тут дело идет о гениях или о больших талантах и умах. А тут еще Гете, к несчастью, бросил опасный афоризм: «Гений может не знать тысячи вещей, которые обязан знать каждый школьник». Спрятавшись за Гете, всякий «средняк» и даже «бедняк», особенно ежели он марксист, берется устраивать вселенскую смазь «буржуазным» ученым любого калибра и любой специальности. И только на том основании, что он, в лучшем случае, прочел «Эрфуртскую программу» и купил для изучения I том «Капитала». Говорю о далеком прошлом, когда 90% почитателей революционного марксизма не заканчивали свое самообразование. Но если этот гипотетический почитатель обладал даже и более обширным капиталом, знал языки, прочел все три тома «Капитала» и многое другое, получал ли он право на неограниченную смелость суждений *de omnibus rebus quibusdam aliis?* (о всяких любых вещах).

Как будто нет! Однако укажите хотя бы одного уважающего себя публициста-радикала (народника, марксиста и т. п.), который не считал бы, что ему «звездная книга ясна» (именно ему!) и что «с ним говорит морская волна» (именно с ним!). Нет таких! Все они писали и о философии, и о политике, и об искусстве, и о первобытной культуре, и об аграрном вопросе, и о шахматных стилях Морфи и Алехина, и о танцах Дункан, и о собачьем налоге в древности, и об *ut consecutivum* (форма латинского предлога) у Сенеки, и о влиянии солнечных пятен на нравы допотопных животных... Слов нет: история мысли знает примеры, особенно в отдаленном прошлом, такой всеотзывчивости, опирающейся на солиднейшие энциклопедические знания. Гений Винчи, Вико, Лейбница, Канта, Гегеля, Гете, Вольтера, Спенсера, Ньютона и др. чувствовал себя своим в самых различных и порой неожиданно разнородных дисциплинах. Но универсализму интересов и откликов не всегда прямо пропорциональны универсальности образования и правоспособности.

И *dii majores* (великие боги), скажем, марксизма (Маркс, Энгельс), и их ученики (Каутский, Плеханов, Ленин) тоже разбрасывались, откликались на самые разнообразные вопросы и запросы, касались самых различных тем. Всегда ли и у них было на то право, всегда ли имелась надобность в такой отзывчивости, всегда ли они с честью выходили из своих смелых набегов на самые разные научные области — спорный вопрос, решать который мне недосуг. Но вместе с тем я понимаю, что к подобной чуткости их понуждала вся историческая обстановка, поскольку новая религия — а марксизм (или революционный социализм) и есть *sui generis* (своего рода) религия — требовала создания на все откликающегося катехизиса, общедоступного *vademecum* (путеводителя) или лечебника от всех болезней. Необходимо было противопоставить стройной, веками выковавшейся догме противника во всем ее многообразии и сложности свои каноны и суеверия, свои заповеди и предрассудки.

К тому же старшие, первоучители, все-таки старались более или менее добросовестно, с большим или меньшим успехом, изучить предмет, о котором они намеревались писать. Кто хочет познакомиться с лабораторией

творчества Плеханова, Ленина, Маркса, пусть прочтет материалы к их работам, все эти конспекты, выписки, планы т. п., опубликованные в последние годы. Между тем ни малейшая необходимость не толкает под руку *dii minores* (малых богов) «откликаться» или «высказываться». Никто их об этом не просит, и они зря упускают случай промолчать. Тот же Писарев удачно заметил, что русским ученым называется человек, который из двух-трех чужих иностранных работ делает три-четыре русские. Эта ядовитость, однако, бумеранг! Так поступали наши ученые в период младенчества отечественной науки. Но так же делали и делают русские публицисты и журналисты независимо от периода. Можно брать не заграничных ученых. Берут, допустим, сочинения Ленина; методично, степенно, аккуратно настригают из них *n*-ое количество цитат; так как у Ленина найдется достаточно выдержек из действительно прочитанных им книг, то почему бы не воспользоваться и этим чужим урожаем, благо на него, видимо, не распространяется декрет об охране священной собственности.

Затем наступает второй акт творчества: конструктивно-оформительный, или размещения цитат на полосах бумаги и собственноручного заполнения промежутков союзами, междометиями, знаками препинания, номерами глав и т. д. Третий акт — получение гонорара. Обычно это разница между выкачанным авансом и всей причитающейся за детище суммой; дабы получить чистую прибыль, следует вычесть стоимость клея, чернил, бумаги и т. п., но приличный автор норовит все издержки производства переложить на издательство. В четвертом акте — *ceteris paribus* (при прочих равных условиях) — час славы: «Маменька, меня пропечатали». Но это может быть и час горечи, если автор чем-либо не потрафил какой-нибудь особе, сильной в сем мире. Тогда на него спускают ждавшую своего часа стаю борзых, в клочки разносящих свою жертву, порой книгу, которая вышла за 5—10 лет до критического гона и давно исчезла с рынка. Но в обоих случаях — победы (венчаемой премией) или поражения (иногда оказывается, что премировали-то зря!) — творческий метод (или, как теперь говорят, творческий путь) *dii minores* совершенно одинаков.

Но русский интеллигент-радикал вместе с тем и невероятно косный человек. Потому что он на 95% верующий и только на 5% знающий что-либо человек. Толстой уверял даже, будто всякий русский ничего не знает и, кроме того, убежден, что и знать-то ничего нельзя. Но это явное преувеличение, характерное для толстовского снобизма. В своих знаниях интеллигент твердо уверен, а в особенности убежден в том, что и на 5% понятия ни о чем не имеет, а вот он все знает. Не всем удается представить дело так, будто его образование энциклопедично. Интеллигентам-марксистам сказали, что философский материализм (диалектический) — неразрывная, составная часть, даже основа научного социализма и социалистического строительства, и Боже его упаси пошевелить здесь хоть камушек: не будет тогда и социализма. Мы уверовали в это. В большинстве случаев естественных наук интеллигенты его не знали, с философией знакомились преимущественно по популярным историям и кратким курсам, и то в лучшем случае; за движением и течениями научно-философской мысли следить в состоянии не были, а если и пытались, то это по пересказу в домашних толстых и тонких журналах. Интеллигент верил своему авторитету, «властителю» своих «дум» (как любили выражаться в старину). Сегодня это были Белинский и Герцен, завтра — Чернышевский, Добролюбов, Писарев, Лавров, Бакунин, Ткачев, Михайловский, послезавтра — Плеханов, Ленин, Виктор Чернов, у некоторых — Троцкий. Бывали совсем крошечные кумирчики, вроде Варфоломея Зайцева, Антоновича, Пешехонова, Махайского, Деборина.

Если марксист судил, допустим, о работах Струве, Булгакова, Бердяева и т. п. (беру лиц, в начале своего пути связанных в той или иной мере с марксизмом и с.-д-тией), то к оригиналу он почти никогда не обращался, веруя в статьи Плеханова или Луначарского, Ленина или Л. И. Ортодокс. И это потому, что русский революционно настроенный интеллигент не только косный человек. Он, в сущности, крайний трус в области мышления.

Он боится читать «чужие» книги. Кто из нас, по правде говоря, читал, — не то что уж изучал! — крупнейших русских мыслителей не-марксистского, не-революционного лагеря? Например, Киреевского, Хомякова, К. Леонтьева, Данилевского, Федорова, Вл. Соловьева, Чичерина и многих других? Единицы! В лучшем случае о них составляли предствление по «своей» литературе, т. е., скажем, Чичерина знали (с самой плохой стороны) по полемике с ним Зибера и Михайловского; Кавелина — по статьям Сеченова (если только читали и последние!); Данилевского и Страхова — по Тимирязеву, и т. д. Примеров — тысячи. И то же имело место в отношении европейской литературы: право на наше внимание получали лишь «барышни»... виноват! — писатели «нашего круга», да еще лишь при рекомендации своих, «глубоко своих» чичероне. Достаточно было Горькому дать безвкусно отрицательный отзыв о Марселе Прусте, чтобы последнего перестали выпускать. Еще бы, «сам» не похвалил (впрочем, может быть, я клеплю на Горького; возможно, это сказал К. Радек, тоже авторитет *soi disant* (мнимый)).

Я настаиваю на своем утверждении, что данная выше характеристика приложима в одинаковой степени к марксистам всех толков, к с.-р. левым и правым, к беспартийным революционерам, к анархистам. Могут быть индивидуальные отклонения и исключения, но правило остается в силе. Когда мне приходится наталкиваться в печати, особенно в «трудах» свежеспеченных красных доцентов и профессоров, о существовании в описываемые мною годы четкой линии водораздела между меньшевиками и большевиками во взглядах на литературу, искусство, театр, философию, чуть ли не на балет и спорт, я только диву даюсь. Чего больше в доцентских суждениях: личного невежества, спекуляции ли на чужую неосведомленность, решать не стану. Ясно лишь одно: самоуверенности и карьерной бесцеремонности в обращении с фактами прошлого у них избыток.

Откуда взялся, например, «меньшевиствующий идеализм»? И что это вообще за феномен? Как эти преступники «изгегелизировали» (это не я выдумал такой срам!) марксизм? Оказывается, это коммунисты Луппол, Карев и К^о, а их духовный отец — Деборин (и Саул во пророцех!), бывший когда-то меньшевиком. Но будучи последовательным и памятуя, что Деборин раньше обретался в сионистах, не сочинить ли сионистствующий или сионствующий идеализм в *pendant* (приложении) к сионским высотам Державина или сионским мудрецам Нилуса? Или цитируется статья покойного Н. Коробки, сочиняется *ad hoc* (к сему) легенда о якобы меньшевизме и делается обобщение: «Так меньшевики затушевывали революционную шуйцу Гоголя». Грош цена такой науке!

Все это в высокой мере беспоченно и неосновательно. Если бы в 1904 и следующих годах провести массовую анкету среди партийцев в целях определения их взглядов, вкусов и оценок в области духовной культуры, получилось бы полное, документальное, внефракционное совпадение, тождество критериев. С моей теперешней точки зрения, говоря откровенно, воззрения эти примитивны, вкусы элементарны и неразвиты, оценки косны и рационалистичны, чутья ни грана, кругозор чрезвычайно ограничен. Приходится лишний раз повторить: революционеру как типу чужда и страшна смелость и самостоятельность мысли, он связан догмой и шаблоном.

Вслушайтесь в философские споры последних 20—25 лет. При сколько-нибудь добросовестном отношении к чужим мнениям нетрудно установить, что нет никакой возможности провести демаркационную черту между фракциями по этой параллели. Станем на момент на точку зрения Ленина, признаем, что позитивизм есть стыдливый, или не осознавший сам себя, идеализм. Тогда окажется, что все писатели, по философской части — большевики (кроме 1—2 чел.), сплошь заражены идеализмом. Достаточно напомнить имена Луначарского, Богданова, Базарова, Бермана, Суворова и прочих участников сборников «Очерки реалистического мировоззрения», «Очерки философии коллективизма» и т. д. И стоит ли дразнить гусей и вспоминать, кто выступал против них, выступал еще тогда, когда самая

сильная голова большевизма не имела твердой уверенности в том, на чьей стороне истина.

Сейчас я этих двух станом не боец, и если читатель подумает, что «Платон мне друг» и поэтому я вступаю за него, то такое допущение в корне неверно: мне друг — правда и справедливость. Довольно и тех серьезнейших разногласий между фракциями (начиная с 1903 г.), которые действительно существовали и в конце концов развели их навсегда. Незачем теперь высиживать дутые разногласия и подкидывать их в умершее, плохо изученное красными доцентами и профессорами, прошлое. Да и доценты-то блуждают в трех соснах, поедая друг друга, как пауки в банке. Где непогрешимый Деборин? Где усиленно рекламированный Луппол? Где Цейтлины, Каревы, Залкинды, Васильевы, Баммели, Сарабьяновы и прочие жвачные любомудры, как сказал бы старик Шеллинг? Теперь в моде, кажется, Митин (а может быть, Селектор?); но кто поручится, что завтра его не скovyрнет с трона Петин или Машин? (и скovyрнули! На смену пришел «философ» Александров). Ленин писал, что один Плеханов сделал для философии марксизма больше, чем все теоретики Второго Интернационала, вместе взятые. Боюсь даже класть всех доцентов на чашку весов против Плеханова, как бы они не взлетели так высоко, что бессильно станет земное притяжение и мир лишится и Александрова. (Увы! Мир его лишился. Его перевесил вовсе не Плеханов, а всего лишь знатный незнакомец Светлов).

* * *

Философские сюжеты вызвали у меня воспоминание о маленьком полуслепом начетчике и книголюбе В. О. Столпнере. Материально в нем осталась совсем мелочь: очки невероятной диоптрии и горсточка волосиков по окраинам абсолютно голого черепа. Остальная материя претворилась (или растворилась?) в дух, явно бессмертный, ибо этот физически невесомый старик в 1930 г. не имел уже ни единого волоса на голове, ссохся до состояния мумии, но по-прежнему рылся в Гегеле и тому подобных непреходимых дедях. Он пользовался славой философа, энциклопедиста, знатока национального вопроса и бундоода. При мне последнего удовольствия он так и не получил: ни одного бундовца скушать ему не удалось. Ничего не берусь сказать о нем как мыслителе и литераторе, но единственно потому, что кроме хрестоматий (т. е. сборников отрывков из чужих работ) и переводов он ничего еще не опубликовал. Могу зато присягнуть, что речь Столпнера в 1912 г. в Петербурге на реферате Вячеслава Иванова о Гете была до того туманна и неисследимо сложна, что самый реферат показался всем прозрачно ясным и легким, как стих Пушкина. А казалось, что заумнее Вяч. Иванова быть нельзя.

6.

Сознаться ли? За всю эмиграцию я почти рта не открыл на больших собраниях. Не скажу, чтобы я отличался из ряда вон выходящей тупостью или дал обет молчания. Я не страдал и излишком скромности. Напротив! Как большинство молодежи, слегка нюхнувшей порошу, я был скорее преувеличенного о себе мнения, переоценивал свои достоинства и тайне мечтал о гордой славе («для чего же жить-то, как не для гордости?» — говорится где-то у Достоевского). Как странно! В Москве, в Красноярске, в Иркутске, в кругу гимназических друзей, среди товарищей по ссылке, порой значительно превышавших меня и годами, и житейским опытом, и знаниями, я никогда не терялся, не робел и за словом в карман не лазил. И везде с моим мнением считались, относились ко мне, как к равному, не зажимая мне рта насмешками и снисходительным «сверху вниз». А вот в Женеве все сложилось по-иному. Правда, в узком кругу, в частности в Группе содействия и т. п., я и теперь не отказывался от разговоров.

Сейчас я думаю, что суть-то вся именно в самолюбии в сочетании с застенчивостью. Я сознавал свою незрелость, свою неподготовленность

и боялся смертельно обнаружить их, попасть впросак и очутиться на чьих-нибудь зубках. Соглашаюсь наперед, что мотивы мои мелки и чести мне не делают. Но я рад теперь, задним числом, что помалкивал! Потому что, скажите, что хорошего и в распространенном родном ораторском обычае-приеме: «Хотя предыдущий товарищ сказал все, что думал сказать я, но все же разрешите мне что-нибудь добавить». И дальше следует часовая толчея воды в ступе и обнаруживается пред *orbem et orbem* (градом и миром), что добавить-то ему положительно нечего. Хорошо иметь вот такую сказочно былинную, детски чистую самоуверенность, как у покойного Лурье-Ларина. Когда на съезде в Стокгольме (1906 г.) гильотинировали прения, обделив десяток-другой местных витий, все они молча проглотили обиду. Ларин поднял визг на весь Народный дом: «Все, выступавшие до сих пор, — заявил он, — не сказали ничего нового и оригинального, а я имею сказать нечто новое и оригинальное». Зайцу дали клок медвежьего ушка: Ларину предоставили слово; не так-то просто отделаться от его мертвой хватки. Кому не лень, пусть перелистает протоколы съезда и сам узнает, что есть в сем мире оригинального.

Такой уверенности в себе у меня никогда не имелось. А зубки попадались востренькими, чаще всего там, где развязность находилась в обратной пропорции к умственной нагрузке зубастых людей. Я с завистью слушал смельчаков, и часто после речи какого-нибудь «предыдущего оратора» мне казалось, — этот оптический самообман известен всем! — я сказал бы это куда яснее и лучше. Помню: в Париже на подмостках неоднократно подвизался бундовский вундеркинд Шанин (Шапиро). Юноша лет 18-ти, не больше (бундовцы божились: 16!), спокойно, невозмутимо, как маститый академик, подымался на эстраду, уютно прижимался спиной к кафедре и читал нам всем нотацию... простите! лекцию, длинную, нравоучительную, медленно скандируя и смакуя каждый звук. Повод, тема, случай — безразличны. Национальный вопрос... Ну, это пустяк! Здесь все бундовцы специалисты... Аграрный вопрос... Всеобщая стачка... Политические задачи... Философия... Финансы... Текущий момент и наша тактика... Санскрит... Китайский фарфор... Религия Зороастра... Опять наврал: по трем последним проблемам он не оппонировал, но, даю слово, только оттого, что никто при мне не делал докладов на эти темы. А то он возражал бы! И в долгу не остался бы. И так же сияла бы улыбка снисхождения и превосходства на его полудетском личике, обезоруживая референтов и аудиторию.

Казалось, тут бы и вспомнить: «А сколько лет ему, вопрос? Пятнадцать? Только-то? Эй, розгу!» Но бундовцы были в восторге. Интересно, что сам Шанин никогда не делал доклада, он только брал слово в прениях. И выгоднее, и эффектнее. Не знаю, что делал и чем был Ш. после Парижа. Мельком я видал его в 1917 г. в финансовом отделе СРД в Петербурге; знаю, что потом он наркомпродил на мелких постах. Но увы! Это был не парижский Шанин, а ординарный Шапиро. Да, Моцартов, дающих концерты пяти лет отроду, маловато на свете: мир знает лишь одного такого Моцарта за всю историю музыки. Вот, поди-ка, смуги такого, когда он сам всякого в тупик загонит. О людях подобного стиля еще Щедрин писал: «Сделайте меня губернатором, буду губернатором; сделайте цензором, буду цензором... Всем могу быть. Могу даже быть командиром фрегата «Паллада»».

Люди такой складки (а их немало было в подполье, в частности в эмиграции) верили, что несколько марксистских брошюр дают ключ ко всем загадкам и тайнам мира и общежития и освобождают от необходимости читать, учиться и, особенно, самостоятельно думать. Отсюда их суверенное презрение к чуждому мнению, к «буржуазной» науке, зачастую являющееся синонимом непролазного невежества, отсюда их нетерпимость. Базаров в «Отцах и детях» удачно подметил, что «человек все в состоянии понять — и как эфир трепещет, и что на солнце происходит, а как другой человек может иначе сморкаться, как он сам сморкается, этого он понять не в состоянии».

(Окончание следует)

ИСТОРИКИ О ВРЕМЕНИ И О СЕБЕ

Дневник Николая Михайловича Дружинина

1910 год

6. I

Все прежние попытки вести дневник непрерывно и систематически упорно не удавались мне. Нет времени и нет сильного, непреодолимого желания. Пытаюсь снова. Когда стихии жизни резко ломают мои планы, когда опять, помимо своей воли, я остаюсь один, вне круга светлых разнообразных впечатлений, — мысли невольно обращаются на самого себя; самоанализ, выбор самостоятельной жизненной дороги, мужественная готовность помириться на малом просыпаются и толкают на интенсивную работу самосознания.

Одинокому и обделенному хочется стать откровенным с самим собой, быть себе другом... И здесь, на страницах тетради, найти свой уют, свою интимную и скрытую келью, в которой веет непосредственностью искренних личных переживаний. С такими чувствами я начинаю вновь дневник. Сознаюсь — берусь за перо под впечатлением «Мемуаров социалистики» Лили Браун. Если мой дневник составит из беглых заметок, из сухих перечней внешних фактов жизни (как у нее), — и в этом «отведу свою душу», и это поможет мне разобраться в самом себе... Конечно, идеал дневника — не то. набросок личных представлений, чувств и смутных настроений, способный обнажить индивидуальное «я», — вот моя «программа». Пусть каждый день найдет здесь свое отражение; не безличное отражение внешнего существования, а живое духовное отражение моей личности.

Мои мысли опять собираются около привычного вопроса: о силе общественной стихии и слабости личного творчества. Недавняя перемена в моей жизни (замена одного потерянного урока другим, ответственным и трудным) опять бросает меня в круг одноцветно-серых впечатлений, лишает красок жизни и делает несвободной мою психику. Это четвертый неофициальный перелом в течение университетского курса. Мечты о скором окончании юридич[еского] факультета, о поступлении на филологич[еский] блекнут, и вновь я чувствую себя бессильным завоевать свое место в университете, на поле науки. натура более сильная и одаренная сумела бы преодолеть преграды... Но я не одарен такою силою. Я способен только на медленное поступательное движение — я не хватаю с неба облаков.

И я примиряюсь с этим. Во мне — ни отчаяния, ни тоски. Правда, первые дни, когда я почувствовал себя замкнутым от недавних свежих впечатлений, я испытал тяжелое чувство, я разлился в слезах, я с горечью переживал «несправедливость» жизни: во мне — способности, желания, стремления, передо мной — стена глухая и высокая. Но теперь я спокоен и без страдания обдумываю свое будущее, черпаю силу и бодрость в прекрасной книге Марка Аврелия. Мне хочется

думать и верить, что главное содержание человеческой жизни — внутри самого человека; не внешняя обстановка, а внутренние переживания — вот источник личного света, счастья и радости. Остаться спокойно-мужественным и независимо-сильным — разве это не внутренняя победа? Преодолеть невзгоды личной жизни, примеряясь с их неизбежностью, и сохранить радость и бодрость стремления, отрехшись от гордых личных мечтаний, — разве это не завоевание? Сознывая всю давящую силу внешних условий, внутренне освободиться от их гнета и, «приспособившись», повести с ним борьбу под общим знаменем.

«Общее знамя!» Оно опять привлекает и манит меня. Борьба за существование — лучшая школа марксизма и братской любви к угнетенным. Я счастлив, что во мне нарастает и крепнет синтез того и другого. Я почувствовал это сегодня за книгой Кулемана (проф[ессиональное] движение)¹; и опять, в неясных чертах, передо мной рисуется идеал будущего — спокойная сосредоточенная работа, охватившая науку и жизнь, просветляющее знание и широкие массы пробудившегося пролетариата. И я — в скромной роли «неофициального» ученого — простого, рядового работника, сеющего всюду всходы любви и света...

17.1.

Сегодня — чеховский день: минуло 50 лет со дня его рождения. Со всех концов России идут вести о чествовании поэта. Москва поминала его в Художественном театре, в интимной семье артистов, в задушевной близости с публикой. Любезное содействие Эрнеста помогает мне проникнуть в театр, и я предпочел «чеховское утро» историч[ескому] концерту с «Дон Кихотом» Р. Штрауса.

Сначала — панихида в церкви Косьмы и Дамиана; бесхитрое слово священника; толпа интеллигенции; и рыдающее проникновенное пение хора, в котором звучала и глубокая скорбь, и христианское примирение, и светлая надежда духа над дорогой могилой (я никогда не слышал такого пения). Потом — зрительный зал, с знакомыми лицами профессоров, писателей; открытая сцена, убранная тропической зеленью; гирлянды белых цветов в «чеховской» ложе, в руках у Книппер. И общий отпечаток легкой и нежной печали — в несвязных «впечатлениях» Немировича, в художественно-тонких воспоминаниях Бунина, в задумчиво-сосредоточенных лицах и позах артистов на сцене театра. И Чехов ожил — такой простой и искренний, такой глубокий и одинокий, с такой тоскующей, тонко настроенной душой... Его мягкий поэтический облик носился в театре, сливая зал и сцену в одну семью, переживавшую чувство любовной печали.

Когда артисты удивительно тонко и глубоко, без костюмов и грима, прочли сцены из «Иванова» и «Дяди Вани», со сцены веяло русской интеллигентной тоской, и столько старого, знакомого и пережитого пробуждалось в душе... «Миниатюры» не удалась — они поблекли в сценической переделке, а «Хирург» был положительно антихудожественным реальным воспроизведением зубной боли. Образ Чехова близок и памятен моей душе. Его жизнь и отношения к людям были мягкой поэтической одухотворенной любовью.

У меня спокойное, примиренное настроение. Я без досады возобновляю урок с Тиночкой, хотя он отнимает у меня еще несколько часов от науки; сегодня мы окончательно сговорились с ее врачом о характере занятий. Я без горечи рассказывал сестре о своих университетских невзгодах. И вечером, в беседе с Мх. Мх. о театре, о выставке Союза, о музыке, — мне было светло и радостно. Яркое впечатление «утра» освободило мою психику, и когда я принялся за чтение отдела обрядовых песен (к завтрашнему уроку), непосредственность и сила языческой поэзии заставила зазвенеть мою душу.

Получил ласковое письмо от Миши и ласку по телефону — от Веры и Надежды Яковлевны².

18.1.

Сегодня — день уроков: утром — 3 часа тоскливого спрашивания моего «генеральского недоросля», потом — получасовое чтение с Тиночкой, вечером — 3 часа с Николаем. Григ. Вас. томит меня своей неаккуратностью: каждый день он не выучил какого-нибудь урока, больше всего достается предметам «неинтересным»: Закону, географии, и это — при срочной четырехмесячной подготовке на аттестат зрелости! Пока ограничиваюсь добродушными выговорами, но каждый раз выхожу от него с душевным осадком, с чувством собственного бессилия.

С Тиночкой мы занимались первый раз после ее болезни; я читал «Зайчиков»,

и она с испуганными глазками, нервно интересуясь картинками рассказа, слушала — и восхищалась описанием заячьей жизни. Грустно и горько было смотреть в ее милое личико, подернутое смутной тревогой, внутреннюю печалью недетской болезни.

Урок с Николаём прошел оживленно и продуктивно. Разбор тургеневских рассказов доставляет мне положительное умственное наслаждение; анализ народной поэзии и час по истории проходят легко и быстро. И я чувствую, как в Ник. загорается искра, искра мысли, внутреннего огня... Это — лучшая награда преподавателю. Неустанная работа для других — великая духовная школа; чувствуешь, как облагораживается, очищается твое «я». И как-то открываешься людям, сердце наполняется светом, и все становится радостнее...

Промежуток между уроками провел в Румянц[евской] читальне за книгами Луи и Фореля, отчасти — в бессильной борьбе с сонливостью. Это мое несчастье — сонливость после обеда! Я давно дисциплинирую себя в этом направлении, но опять плоть всегда оказывается сильнее духа. Я прихожу к заключению, что лучше провести час в постели, чем в неудачных попытках прояснить парализованное сознание. В будущем стану избегать послеобеденных посещений читальни.

19. I.

Сегодня — день занятий. Маркс, Кулеман, Герм[анский] закон о страховании рабочих... Хотелось бы работать продуктивнее и проникновеннее. Недостаточно втягиваешься, сживаешься с предметом.

Маркс кажется мне не менее трудным, чем 4 года назад. История французских синдикатов у Кулемана — прекрасный пример того, как не следует творить проф[ессиональные] союзы; сколько доктринерства, фракционерства, интеллигентского раздора; и какое узкое, узкополитическое воззрение на пролетарское движение; но все же в горячих диспутах и постоянных расколах чуеться яркая, сильная, красивая революционная страсть, бьется французская кровь, слышатся отголоски вековой хронической революции. «Имперск[ий] закон» движется медленно. В общем же нынешний день не бесплоден.

Днем, за конспектом о Капитале, видя снежную пелену под окнами дома, слыша тоскливо-одинокие свистки поездов, я с удивительной точностью представил — пережил своеобразные настроения Бутырской башни. И так бесконечно-милы показались мне эти дивные чувства!

А вечером, за текстом Закона, я мучился «угрызениями совести»: вспомнил свои старые грехи, темные пятна прошлого (и отчасти — настоящего), и так мне стало стыдно!.. И сам себе я показался нечистым; страстное желание поправить ошибки, объясниться с Герм. Карловичем (по поводу неисполненной работы), с Осколковым (о моей грубости и плоском равнодушии к его дружескому чувству), с сестрой — за мое молчание... Нет, я положительно бываю иногда глух к жизни, к интересам и чувствам других людей!

20. I.

Утром — продуктивные занятия за Марксом. Потом — час у Степановых и напряженно-нервные 5-часовые занятия у Ашиновых.

Пришел домой и получил по телефону предложение нового урока с Володей Пузановым (неск[олько] часов). Отказаться не могу. Затем пришел Викт. Исак. — за советами, Ляля — с нерешенной задачей. Чувствую страшное утомление. И все кругом — безрадостно серо...

21. I.

Уроки, уроки... Нет душевного спокойствия, живой бодрости, ясности мысли. В короткие промежутки между уроками работает плохо. И — тоска, тоска... Тоска — в жалком бессилии моих учеников, в рассказах о Володином «педагоге», в сухих и кратких ответах Шуры, в мученическом лице страдающей матери, Веры Яковлевны...

Я стараюсь быть взвинченно «весел», а внутри...

22. I.

Опять тяжелый день труда и утомления. Тиночка, Ашиновы, Володя... Опять мне изменяет горло, нервы взвинчены, голова в тумане. Пришел поздним вечером разбитый, неспособный к занятиям.

Мое прошение о приеме в университет на старых условиях отклонено. Нужно готовить 25 р.; мои добрые товарищи предлагают свои услуги. Встретил Ефима

Яковлевича, и его сердечное и мягкое отношение ко мне ободрило меня. Я очень чутко отзываюсь на отношение ко мне окружающих: их доброта — моя бодрость, их неприязнь — моя печаль.

День проходит, и я провожаю его надеждой.

23.I.

Я встал сегодня утомленный, ослабевший. Был в Университете, на семинарии Чистякова; в неуверенном тоне моих замечаний отражалось мое «настроение». В вагоне трамвая встретился с Кафенгаузом; оказывается, мы были с ним знакомы — встречались на вечерах Морозовой. Он настоящий ученый, автор труда, ставшего известным; в его речах чувствуется возбужденность человека, окрыленного успехом и надеждами. Он был очень любезен со мной.

Вчера, в коридоре Университета, я прочел объявление об открытии занятий «приват доцентом Ильиным». Тоже — один из участников вечеров у Морозовой. Я вспомнил эти вечера — собрания гимназической и университетской молодежи, на которых я выступал в период своего «посвящения в марксизм»; читал реферат о Карлейле, произносил горячие речи о бессилии личности в стихии исторической жизни. Я имел успех, я увлекал и убеждал.

Теперь роли переменялись. С завистливым смущением я говорю с бывшими товарищами, слежу за их успехами и с печалью предвижу свое будущее: российского интеллигента в роли неудачника. Молодой человек, «подававший надежды», не оправдал ожиданий!

24.I.

Серый день. Утром — раздражающий урок с Колей Ашиновым: долбежка Катехизиса, которого он упорно не учит. Днем — урок с Володей, разговоры с Пузановыми, полтора часа в читальне (современные журналы). Вечером — подготовка по логике и географии.

Заходил Еф. Яковл.; принес 10 р. (для Университета), такой же неудачник, как я: его давит болезнь, меня — нужда. Чье положение хуже? Конечно, его! Ничего яркого.

25.I.

Уроки, лекции Гензеля, «сонное» чтение Луи — в Румян[евской] читальне, подготовка к урокам...

У Тиночки — жар, процесс заживления идет плохо. С Володей не занимались; у него — 38,5° температуры. Больные, больные... (я вспомнил Брюнетьера — о неминимизме). А у меня — неуверенность в себе, чувство бессилия и приниженности, отчужденность от людей и общее впечатление серости.

26.I.

Сегодня — неожиданно свободный день. Урок Л. В. не состоялся: «просили притти завтра к 10 ч.» Николай заболел, плохо себя чувствует, не пришел.

Занимался Марксом, законопр[оектом] о страховании. Был Пильщиков, Куролов — проболтали 3 с лишним часа. На душе — свободнее и легче.

27.I.

Тяжелые встречи, тоскливые мысли.

Днем был у Степановых, у Тиночки. Она — в постели, ей скучно, надоело лежать. Лицо Веры Яковлевны — скрытая сдавленная тоска; бледные опустившиеся щеки, сухой тоскливый блеск измученных глаз... Все мысли и речи об одном: о Тининой болезни. Вчера она слушала через врачебные трубки Тинино сердце: глухие шумы, стуки, хрипы. Ее грызут сомнения, мысли о будущем Тины.

В квартире Ашиновых на всем — затаенная скрытая мысль, сдержанная тоска. Софья Ивановна, Соня, Варя таят в себе что-то тяжелое. Коля — как в воду пущенный (неужели после моей нотации?), с виноватым бледным лицом. Урок истории почти не знали, С. И. слушала и «удивлялась», она нервна, раздражительна, страдальческое выражение — в ее позе, лице, движениях. По-видимому, она безнадежно смотрит на Колин экзамен. Что делать, чем возбудить его вялую волю, его барское неумение работать, воспитанное годами, закрепленное традицией? Что будет через 3 месяца? С какими знаниями и чувствами он пойдет на экзамен? А Эрнст бьется, как рыба об лед, но силы ему изменяют: сегодня он не отвечал ничего; вчера с ним был обморок. Театр, недостаток прежних знаний, постоянная утомленность давят его, как камень.

Вечером — лекция Виппера: «Сумерки людей». Большая аудитория Политехни-

ческого музея полна избранной публики; сколько молодых, светлых, умных лиц! Много знакомых. Виппера встретили живыми долго не смолкавшими аплодисментами. Лекция была шедевром — научности, художественности и простоты; вся — в образах и вся проникнута широкими смелыми обобщениями. Два Рима: Рим напряженной воли, широко раскинувшейся экономической жизни, страстной политической борьбы в условиях свободы и культуры; и Рим упадка, политического рабства, общественной апатии, мистических чаяний, а там, на далеком Востоке, — последние взрывы заглушаемого освободительного движения, восторженная экзальтированная борьба религиозно настроенного народа с порабащивающим гнетом, и новые мессианские чаяния, легенды о Сольваторо, антигосударственные оппозиционные теории христиан. И в заключение — отрицание мистического характера христианского учения, бодрый призыв к жизни и бодрости. Такова схема лекции. Это была модернизация античного мира, так тесно сближавшая далекое прошлое с сегодняшним днем!

Вся сплошь она была проникнута бодрящим, зовущим к жизни настроением. Она бросала призыв в аудиторию, обвеянную духом реакции, погруженную в рефлексии, в мрачную тоску, в мистические помыслы. Я унес эту бодрость домой, несмотря на тяжелые впечатления от двух встреч.

Ко мне подошел Адольф³, убитый, постаревший; он не мог молчать, не мог сдержать волновавшего, мучившего его чувства. Разговор сейчас же перешел на его горе, на смерть его молодой жены и ребенка: «Я не могу работать, сама мысль гнетет и давит, по ночам мучают кошмары». Между нами протянулась невидимая нить — в тоне и словах моего ответа я сумел передать ему мое сочувствие, мой отклик на его горе. Он просил заходить к себе.

В фойе музея я встретил Дилевских. Наташа — бледная, сдержанная; в ее лице — затаенная печаль. Неужели и она — бодрая, сильная, жизнерадостная — поддается разлагающей рефлексии?

Встретил членов нашего кружка и Ал. Козьм.⁴ И она — бледная, похудевшая, расстроенная. У нее — плохо легкое, и врач угрожает ей возможностью чахотки. Она избегала меня, но после лекции намеренно пошла по Софийке, вместе со мной, она — надеялась и ждала... а я — я ничего не чувствовал, ее жалобы на самое себя, на свою «никчемность», при всей моей глубокой дружеской симпатии к ней, не вызывали отклика. Я возражал без чувства, я убил в ней всякую надежду. Разговоры без слов — мы понимали друг друга... и, простившись с нею, когда с мучительным упреком в глазах она подала мне руку, я мучился, как в прошлом году. К чему эта двусмысленность? Ведь у меня нет к ней любви настоящей; у меня — только симпатия... А у нее... Мне кажется — горячая страстная давняя любовь, может быть, я ошибаюсь, но мне так кажется. Наши собрания, встречи, короткие мимолетные разговоры, любовные взгляды, нежные и мягкие отношения (я был искренен!) поддерживали и возбуждали ее надежду на мое ответное чувство; и эта несчастная фраза о карточке, окрылившая, осветившая ее!

Я, право, не владел собою. Я разыгрываю, не желая того, роль Рудина. Я сам себе противен, с своей холодной душой, недоступной горячему, искреннему любовному порыву, с своею доброй внешностью, от которой загорается тепло и ласка. Какая-то двусторонность, тепло и холод вместе. Я сам себя не понимаю!

Полоса тяжелых мрачных впечатлений: болезнь Тины, разрушение союзной школы, увеличение уроков, распад кружка, жалкое бессилие учеников, исключение из Университета... болезни товарищей, окружающая нужда и над всем — гнет реакции.

Все это кажется слишком мрачным лишь в темной призме личных впечатлений; а темная призма, кажется, коренится в личной неуверенности и слабости... Чувство безысходной тоски — преходящее чувство! Нет теоретического оправдания жизни; есть большая или меньшая сумма жизненной энергии; она повышается — в подъеме творчества, в сознании своей силы, в единении с людьми — и человек счастлив; она истощается — под гнетом внешних условий, органической болезни, личных неудач — и человек тоскует и стонет. Стихийная «воля к жизни» — самооправдание жизни, источник творчества, силы и счастья. Развивать и поддерживать ее, расширяя и углубляя в себе и в людях, — высшее назначение человека. К людям, к любви, к Христу, к социализму!

28. I.

Ко мне возвращается бодрость и светлые надежды на будущее. Мои личные

неудачи и неприятности так мелки и ничтожны сравнительно с страданиями очень и очень многих! Кто подведет баланс положительным и отрицательным итогам в каждом отдельном случае? Разве у меня нет данных для бодрого жизнедеятельного воздействия на мир? Разве минусы моего характера, моих способностей и сложившейся жизни не парализуются плюсами?

Сегодня я долго думал о своем будущем (отчасти под влиянием вчерашней лекции и разговора с Адольфом об учительском экзамене). Зачем носиться с гордыми планами «научной карьеры»? Главное — «найти свою полочку», занять место, отвечающее врожденным и приобретенным индивидуальным особенностям; надо считаться с ними как со сложившимся фактом, на нем базировать свои действия: сила и счастье человека — в раскрытии и совершенствовании его «внутренней природы».

Какова же *моя* внутренняя природа? У меня накопилось достаточно личного опыта, впечатлений, воспоминаний и мыслей о самом себе, чтобы дать собственную характеристику.

Я — созерцательно-действенная натура; не боевая — я чужд бурной страсти, хотя минутами способен возвышаться до сильного душевного подъема, до ярких действий; постоянная напряженная борьба с штурмами, победами и завоеваниями — не моя стихия; я — не присяжный политик. Я не удовлетворяюсь односторонне-умственной работой, в тиши кабинета, в уединении чистого созерцания; мне нужны люди, меня к ним тянет, и гармоническое сочетание умственного труда с практической общественной деятельностью — мой идеал. Я чувствую влечение к людям как живым носителям человеческого начала; не отдельная человеческая единица в их индивидуальной особенностях (А, В, С...), а люди как люди притягивают меня к себе — своими запросами, чувствами, целями. По натуре я одинок и замкнут, редко высказываюсь о себе, не имею интимных друзей и легко покидаю и забываю товарищей и знакомых; разлука с отдельными людьми никогда не причиняет мне страдания: прежние волны сменяются новыми, и поток людей, с которыми я встречаюсь, вхожу в общение, делюсь впечатлениями и работаю, никогда не останавливается; он течет и течет...

Я ревниво таю про себя свои чувства, личные переживания, часто испытываю одинокость и в ее горечи нахожу своеобразную прелесть. Но отрешиться от людей я не могу, я люблю людей, жалею, сочувствую, сострадаю им, без них моя личная жизнь становится узкой и тусклой, мое существование — ненужным, никчемным. Я не мизантроп, и в каждом человеке люблю светлое человеческое начало. Бывают минуты, когда в вагоне трамвая я испытываю желание вплотную подойти к грубому, грязному, заскорузлomu мужику и нежным искренним поцелуем запечатлеть мое братское чувство. Любовное отношение к людям мне хочется разрешить в творческой работе, в простом, безэфектном, но глубоком и содержательном труде для их счастья и радости. Моя внешняя общительность («простота») и мягкость облегчают эту работу.

Мой ум не создан для чистого отвлеченного мышления: математика, вершины спекулятивной философии, тонкие построения экономической теории, логические категории права, взятые сами по себе, кажутся мне скучными. Я вдохновляюсь образами, созерцанием вечно текущей конкретной жизни; движение, сила чувств, яркость поступков захватывают меня. У меня живое и довольно богатое воображение. Но жизнь я воспринимаю не в детальных мелочах; узкое крохоборство мышления противно мне; синтез, широкое смелое обобщение, дар комбинации я имею и высоко ценю в людях; и здесь я предпочитаю гармоническое примирение абстрактного и конкретного. Вот почему меня так тянет к социологически построенной империи.

У меня большой запас чувства, я умею переживать утонченно и глубоко. Иногда до крайности; способен плакать на театральном представлении, за чтением волнующего произведения, на публичной лекции; способен отзываться на чувства и симпатически переживать их в себе. Но все это — не буря страсти, по преимуществу — это мягкие, тихие, нежные переливы чувства.

Воля у меня есть; я умею «держать себя в руках», умею «долбить», терпеть; переламаывать себя. Конечно, не без борьбы. Моей натуре свойственен «внутренний порядок»; прерывающегося, неправильного, неожиданного я не люблю, устойчивое, прочное, крепкое, планомерное я предпочитаю. Впрочем, мой консерватизм не

мешает мне сильно любить поступательное движение, мыслю я вообще диалектически.

Я люблю жизнь в ее целом, люблю ее полноту и красоту, отражающуюся в душе расцветом разнообразных сил; хорошо, когда душа цветет тысячами ответных звонков, вбирает в себя «все впечатления бытия». Узкая специализация — не по мне, я предпочитаю универсальность, не вырождающуюся в поверхностное дилетанство. Жизнерадостность не мешает мне испытывать «*taedium vitae*»⁵, когда я отрываюсь от почвы (чего со мной не было 6 лет), и тоску — при сознании ужаса жизни и личного бессилия перед слепой стихией.

Мои способности — не блестящие, но я талантлив, воображение, дар комбинации и энергия — мои козыри. Моя сила — не в процессе усвоения и умственного созидания, а в процессе воспроизведения усвоенного: у меня интеллигентная, временами красивая, связная и планомерная речь. Мой ум мыслит не оригинально, он соединяет уже созданное, я не способен быть изобретателем идей, нести откровение знания. Я схватываю не быстро, мне нужна длительная и напряженная работа запоминания, но мыслю и удерживаю я логически, не механически, поэтому сохраняю надолго. Я точен до мелочей, до педантизма — в умственной и практической работе. У меня нет (еще нет?) умения быстро, без перерывов, без борьбы с самим собой читать любую книгу.

Я чужд узкого корыстного практицизма; мне претит копеечное строительство жизни; жажды денежной наличности у меня нет, меня могут назвать «бессребренником», я не делец и с отвращением отношусь к лицемерному и лживому ставлению «карьеру». В этом смысле я не мешанин. У меня есть принципы, идеалы, абрис складывающегося мировоззрения, идейное отношение к жизни и к людям, нравственные требования к самому себе. Но я могу быть дипломатом — на работе, способен на компромиссы и не всегда выдерживаю принципиальную позицию, способен даже унижить свое личное достоинство. Но ползать и пресмыкаться я не умею.

Мне хочется, чтобы моя будущая личная жизнь отвечала моим внутренним стремлениям; чтобы она была неторопливым планомерным проявлением моих сил, соединением научной работы, общественной деятельности и художественного наслаждения; свободным развитием и совершенствованием своей личности. Поздно! До завтра.

29.I.

Работалось неважно (штудировал текст закона — и только). Принят обратно в Университет, надо вносить 25 р. Сегодняшний урок у Ашиновых прошел глаже обыкновенного (я держался спокойно, не нервничал), чтение с Тиночкой — совсем хорошо. Самочувствие — на три с плюсом. Поздно, о будущем — завтра.

30.I.

Ничего яркого; утром — урок с Гр. Вас., потом — Румянцевская читальня (статья о страх[овании] рабочих), университетский семинарий Чистякова (споры об основных принципах страхования); вечером — Викт. Исакович. В общем — серый малопродуктивный день. С понедельника начинаю подготовку к экзаменам.

31.I.

Сегодня — день отдыха. Ни один из моих уроков не состоялся: не явился Коля Ашинов, к Пузановым я не пошел, урок с Эрнстом отсрочил. Подводил итоги своим университетским занятиям; невелики итоги! Готовился к уроку по логике. На вечер получил 2 концертных билета: на Гофмана и на ораторию Генделя «Самсон». Не мог обидеть Конст. Степановича — и отказаться от его контромарки для Гофмана, а так хотелось его послушать! Но и генделевская музыка — удивительно интересна, своеобразна: строгий классический стиль, глубокое религиозное чувство, сила внутреннего подъема при отсутствии внешних эффектов. Есть поразительно красивые места, особенно женские хоры. К религиозной музыке я подхожу с исторической точки зрения, но способен симпатически переживать религиозное вдохновение. Впрочем, Вагнеровский «Парсифаль» повлиял на меня сильнее своим религиозным мотивом, чем торжественная оратория Генделя. Второй мотив — страдания народа израильского — напомнил мне чудные хоры Мусоргского: «Плачут жены Аморрей»...

Концертный зал наполнен необычайной публикой — серого Замоскворечья.

Видны рясы правоверных православных батюшек, неловкие фигуры купеческих жен и дочек. Им, верно, скучно. Ко мне возвращается бодрое спокойное настроение.

1. II.

Ясный, светлый, солнечный день; морозит, но в воздухе что-то неуловимо весеннее, смягчающее душу, несущее радость и примирение.

Весь день около меня веет образ Шуры. Нежный, одетый поэтической дымкой. Странное у меня чувство! Простая дружеская симпатия, далекая от влюбленности, от любви; встречаясь с ней, я убеждаюсь в этом еще резче, чем в воспоминаниях; но дружеское влечение замечательно устойчиво и заполняет мое сознание больше года. И как-то странно сплетается с мечтой о женской ласке, о совместной товарищеской работе, о семье. Или это — ответное невольное отражение ее чувства ко мне? Умом, сознающим ее духовную красоту, — на сильный сердечный порыв?

Сегодня в моей душе что-то звенит, отзывается радостно... Откуда это? От предчувствия наступающей весны? От продуктивных занятий «Теорией вероятности» и Марксом? От затеплившейся надежды заниматься историей? От мелькнувшей перспективы «экономного существования» летом? Или от сознания свободы и бодрости, — при случайном отсутствии уроков в течение последних 2-х дней. Не знаю... Время летит! Год почти на исходе. И все-таки я двигаюсь вперед, хотя и медленными шажками.

4. II.

Три серых дня... 2-го — уроки, занятия Марксом и теорией вероятности; вчера — мыканье в университетской канцелярии и отупляющие уроки; сегодня — Румянцевская читальня и бессмысленная потеря времени на «разговоры» с знакомыми.

Был у Канеля и получил предложение — прочесть свой реферат в Музее содействия труду, в заседании секции. Необходимо подготовиться, подчитать вышедшие материалы. Прочел «Мелкого беса» Сологуба. Сильное, страшное впечатление — от «передонощины» русского провинциального захолустья, от темного, тупого человеческого зверства.

5. II.

Занятия — малопродуктивны; к завтрашнему семинарию не подготовился. Теория вероятностей дается легко, без напряжения (в противоположность прежнему году), но Маркс движется медленно: за весь вечер прочел всего 15 страниц!

От Шуручки — ничего... Тиночка встала и выглядит живой и веселой. Коля Ашинов как будто взялся за ум, сегодняшней урок прошел бодро и быстро.

Меня мучает моя оторванность от родных — своим не пишу, с Зинаидой⁶ отношения совсем оборвались, у Лины не бываю... «Некогда»...

Чувствую, что мои чувства утончаются и душа становится восприимчивее под влиянием пережитого... Все узнать, все увидеть, все перечувствовать — и раскроются двери к пониманию сердца другого.

Размечтался о путешествии по России... Как раньше, надеть котомку, взять костыль и — на Север, в глухие леса, на Двину и Печору, на Белое море... Прислушаться к народным голосам, к жалобам, молитвам и упованиям; впитать в себя струю народного духа, непосредственно в близком общении, в любовном чутком прикосновении к массе... Это будет прекрасной проверкой и подведением итогов шестилетней умственной работы.

6. II.

Сегодня — удачный день. Утром — обычный урок с Григ. Вас. (нынче он был «на высоте» положения). Днем — семинарий Чистякова; т. Вербицкий читал томильно-длинный, серый, неясный реферат о русск[ом] законопр[оекте] о страх[овании]; прений не было, принято мое предложение — обсуждать законопр[оект] поста-тейно и на следующий раз поставлена тема — объем страхования. Я взял на себя труд догматического сравнительно-исторического рассмотрения вопроса. Начал делать библиографические выписки из спец[иальных] юрид[ических] и эконом[ических] изданий и снова пережил лихорадочное умственное возбуждение; в сознании назревает план работы, ее рамки раздвигаются, роятся мысли, стремится оригинально работать мысль.

Говорил с секретарем Музея сод[ействия] труду А. М. Никитиным по поводу моего диплом[ного] доклада; по-видимому, мой специальный реферат не совсем подойдет к составу аудитории, необходима переделка. Никитин «с удовольствием»

поставит доклад на 19/II, но просит расширить отдел о практике применения закона. Вся эта работа отодвинет подготовку к экзаменам. Но что же делать?.. Работа увлекающая, и отказаться от выступления я не могу и не хочу.

Послал бледное и бессодержательное письмо своим. О чем писать?... У нас мало общих интересов и постоянный недостаток тем для обмена мыслей. Вечером — Маркс...

Хочется ласки мягкой и нежной... Хочется любить и ласкать долго и страстно, в подъеме, в самозабвении!.. И, как всегда, ко мне возвращается ее милый и светлый образ, и я обманываю себя воображением несуществующего чувства... Там — только дружеская теплота, а для сближения нужна любовь настоящая, беззаветная, которой нет в моем сердце!

9.II.

Вчера и сегодня я поглощен мыслями о темах своих докладов. Роюсь в специальной экономической прессе, подбираю статьи, еще и еще раз просматриваю §§ законов, составляя таблицы «объема страхования». В голове — проекты картографии, отрывки плана, тезисов... Боюсь, что не успею использовать весь необходимый материал: ни в той, ни в другой библиотеке нет необходимых источников — то взяты, то не имеют.

Сегодня был у секретаря Музея сод[ействия] труду Алекс. Максим. Никулина; мы исправляли с ним мои тезисы и намечали поправки в докладе; он просмотрел его, подчеркнул необходимость выдвинуть социальный момент (у меня сразу зародились в голове схемы) и высказал мнение, что в случае поправок доклад, напечатанный в форме статьи, сможет быть очень ценным. Я ушел от него возбужденным: это — мое первое выступление с научным докладом (повестки предполагается выслать университетским деят[елям], фабричным инспекторам и пр.), и я, как в лихорадке. Но если прочту успешно, передо мной дорога вперед!

Эти дни я чувствую себя совсем «ученым», и постепенно передо мной вырисовываются и абрис кандидатского сочинения («Охрана здоровья и жизни рабочих русским законодательством»), и возможные формы его разработки.

11.II.

Умерла Комиссаржевская... Так неожиданно оборвалась прекрасная, но скорбная жизнь. И так странно поразила всех печальная весть. Там, в далеком азиатском захолустьи, одинокая и страдающая, угасла великая артистка, очищавшая и потрясавшая душу. Я читал статьи Эфроса, Яблоновского и плакал неудержимыми горячими слезами; так остро и живо вспоминался ее голос, глаза, трепетные ноты скорби, гордые порывы духа... Нора, Гильда, Франческа, Бронна — я видел ее в четырех ролях. «Нора» сыграла роль в моей жизни; я не забуду того облагораживающего подъема, который внесла в мою смятенную, расстроенную душу Нора — Комиссаржевская 6 лет назад. Я любил Комиссаржевскую: для меня ее талант артистки сливался с прекрасным образом женщины — человека, стоящего на высокой и чистой вершине; оттуда сверху — снопы лучей... Виппер — в науке, Комиссаржевская — в искусстве.

Сестра потрясена; для нее это настоящее горе: «теперь, для меня обрывается все, связанное с сценой». А Художественный театр?..

Ужас смерти — бессмысленный, страшный и беспощадный...

«Французские гости» разъезжают по Москве на русских тройках, посещают национальные рестораны, собирают вокруг себя народные толпы, произносят речи и запивают шампанским. Сегодня сижу в Университетской библиотеке, слышу — ревет: «Ура!» Эта встреча «парламентариев» — своего рода политическая отдуштина; «мы» пользуемся случаем и демонстрируем; даже под звуки марсельезы; все это выходит «по-русски» — шумно, безалаберно, дико и внешне. «Парламентаризм», демонстрируемый на фоне забитой, задавленной, нищей России; на авансцене — завтраки и рауты сытого буржуа, а там (за кулисы не заглядывают почтенные сенаторы), там — мертвое глухое страдание...

14.II.

Вчера я читал в семинарии свой реферат об «Объеме страхования». Готовился лихорадочно-торопливо, составлял тезисы, конспект, сидел накануне до 4 часов ночи, и утром поднялся рано. Реферат вышел неудачным, я делал его устно и старался близко держаться конспекта, подробно составленного; это стесняло, связывало язык; я читал одностонно, местами сбивался, путался, реферат вышел

растянутым (полтора часа) и слишком насыщенным фактическим материалом. Аудитория осталась недовольна, и это выразалось очень ясно. «Вы нас страшно утомили», — сказал Чистяков. Я чувствовал себя гадко.

Я сделал ошибку: надо было дать сжатое вводное вступление в прения и выдвинуть центральные пункты, а я повторил то, что делали все предыдущие референты: увлеченный открывшимся материалом, потонул в нем, и вышло тяжело и скучно. А как неулловимо передается душевное состояние читающего! Оно — главный фактор создающейся психической атмосферы в аудитории. Другая причина моей неудачи — недостаточно глубокое и широкое знакомство с вопросом. Мне кажется, что на моей работе был отпечаток «внешности», «поверхности».

У меня болезненно-нервное самолюбие, которое проявляется во вне, — это плохо; это не раз сказывалось в моих отношениях к людям, особенно к университетским преподавателям, я вспоминаю мое странное подчас поведение — в семинарии Шапошникова, Гольдштейна и др. Неудачи всегда вызывают во мне «самоедение». Вчера пришел домой, утомленный работой и бессонною ночью, раздумался о своей жизни: жизнь отдельных порывов, много начатого и брошенного, отсутствие цельности; сам себе кажешься маленьким, сереньким — скверное чувство!

Вообще я страшно изнервничался, измотался, стал чувствителен до сентиментальности, болезненно-чутко воспринимаю каждое недоброе движение другого. Как хорошо — отдохнуть, успокоиться и начать бодрую неторопливую здоровую работу — по силам, по желанию!

Сегодня я получил пригласительные повестки на заседание Музея с чтением моего доклада. Странно видеть напечатанной свою фамилию и немного страшновато — не оскандалиться бы! Тезисы напечатаны с опечатками; первый и последний тезис формулированы неуклюже.

Тоска, тоска... Хочется забыться — в созерцании искусства, в театре. Тянет к живому красочному воплощению жизни — к истории, к литературе, к музыке... Где-то наверху читают молитву девы, — точь-в-точь, как в «Трех сестрах»... И на сердце так же щемит и ноет...

16.II.

Non multa, sed multum ⁷ — вот лозунг жизни!

21.II.

Прошла неделя — и я не вписал в свой дневник ни одного впечатления. Все время был занят одною мыслью, одною заботою: подготовиться к публичному выступлению. Все свободные часы проводил за специальной литературой, четверг и пятницу употребил на переработку реферата. Постарался оживить изложение, выкинул все специальные юридические рассуждения, придал докладу форму «обращения к публике». Приходил в отчаяние, так как вопрос об юридической квалификации закона 66 г. и указа Сената 907 г. оставались для самого не вполне ясными. Нужно было пройти весь курс государственного и административного права и специально ознакомиться с некоторыми вопросами, тогда я ощутил бы под собою твердую почву. Странно трусил и малодушно сожалел, что дал согласие; был убежден в позорном провале, предвидел его печальные последствия. Но все обошлось благополучно: доклад был прослушан с живым интересом, меня похвалили; только во второй половине посадили в лужу — в некоторых вопросах; я волновался, но не терял апломба; все же во мне чувствовалось что-то мальчишеское. Когда выступали убежденные седины практики, я чувствовал себя ребенком перед ними. В общем все оказалось менее плохо, чем я думал. А на другой день даже «пропечатали» в уличных газетах.

Чистяков поддерживал меня, сестра, Ник. Вас. и товарищи — подбадривали. Канель предлагал по телефону прочесть доклад в О[бщест]ве фабричных врачей.

За переработкой реферата я не попал на встречу гроба Комиссаржевской. По рассказам сестры и Коли Ашинова, было тяжело и веяло одиночеством и заброшенностью несмотря на толпы народа.

Пильщиков — он председательствует теперь в Рабочем клубе — убеждает меня прочесть лекцию. Но времени нет, экзамены. А хорошо было бы подвести итоги своим занятиям по страхованию рабочих.

На днях встретил Сем. Дав., мы обрадовались друг другу, он несколько постарел. Много рассказывал мне о своей медицинской практике в качестве заместителя земского врача, о деревенских впечатлениях, о крестьянстве.

Встретил вчера Нат. Мих.— и на меня повеяло мягкой лаской женского прикосновения. Приглашала меня к себе на вечер, на маскарад к Сытовым. Сейчас же — воспоминания о Шуре. Последнее время я чувствую себя страшно одиноким, отрезанным от живого мира — так хочется сердечного, нежного тепла!.. Все это сентименты! Пойти бы в театр, послушать музыку, очистить себя от грязных ступей жизни! Вчера пытался — нигде не нашел билетов. Пришлось вернуться домой и читать Шекспира. А с завтрашнего дня — подготовка к экзамену.

22.II.

Вчера вечером был на Тангейзере. Но впечатления, которого я ожидал, потрясающего, захватывающего, не было. В театр попал неожиданно, немного нездоровым, без подготовки, не знал хорошо либретто, а итти на Вагнера без знания либретто бессмысленно; многое поэтому пропало для меня. Общая постановка, исполнители убоги для Вагнера; Тангейзер, Венера, Елизавета — какие голоса, какие артисты должны быть, чтобы раскрылась вся глубина и сила вагнеровского замысла! После симфонических концертов оперная постановка раздваивала мое впечатление; артисты, декорации отвлекали от музыки. И все-таки оставила глубокое впечатление: мятущаяся порывами душа Тангейзера, стоящего на распутье двух мировоззрений, двух строев мысли, чувств, стремлений; религиозная экзальтация чистой и нежной Елизаветы; языческая страсть Венеры... Над миром средневековья, углубленного в религиозное подвижничество, повеяло струей бурной и страстной жизнерадостности, но сила прошлого велика: душа окована мистическими образами и настроениями; она вырывается, ищет нового пути и вновь возвращается в страдании исканий, неутоленных стремлений. Таков Тангейзер.

Опять я возвращаюсь к предэкзаменационной подготовке, повторяю Власова. Вчера начал Озерова.

24.II.

Снова мои мысли — около Шуры; весенний воздух будит воспоминания о первых встречах, о светлом взоре ее чистых глаз, об ее сдержанной и гордой замкнутости. Я засыпаю и просыпаюсь с мыслями о ней, хочется увидеть ее, пожать ей руки, полюбоваться ее лицом, услышать ее голос. Это — не любовное томление, а все та же симпатия, возбужденная неудовлетворенным влечением.

Пришел домой, на столе — ее записка, короткая и сухая, и только в конце: «жаль, что не застала Вас дома». Несколько строк взволновали меня, пропал весь вечер, как зимой, мысли разбегаются от книги и непременно возвращаются к ее образу...

В субботу я должен итти к ней — на маскарад, меня и 3-х мужей одевают ангелами, будет порядочно нелепо. Но мне хочется посмотреть Шуру. Жаль, начинается кашель, сжимается горло — простудился; может быть, пойти и не придется...

Занятия подвигаются туго. Эту неделю я отдыхаю от лихорадочной спешки двух предыдущих: масленица! Сегодня заходила Анастасия Васильевна и приглашала за город, на прогулку, нельзя — уроки!

28.II.

Вчера я был на костюмированном вечере у Сытовых: масса гостей, пестрые красивые костюмы, молодежь, свежесть и красота. Почти весь женский состав нашего бывшего кружка. К сожалению, я, как всегда, чувствовал себя никчемно и нелепо: я не танцую, вести оживленные пустые разговоры не умею, изобретать и организовывать общие развлечения — тоже. А замкнуться в таких случаях «умными беседами» — совсем не идет. Я не умею веселиться непосредственно: так редко отдаешься стихийной струе «свободного» общения. Под звуки форсированно-веселой музыки, при виде всеобщего «желания стать веселыми» и создать веселость мне становится грустно; весь этот калейдоскоп вертящихся, бесцельно прыгающих фигур напоминает «мировую шарманку» из «Анатемы»; впечатления жизни всегда незаметно давят и точат, подрывая непосредственный порыв. Когда он выливается свободно и естественно, он захватывает, когда его «делают», он сразу отталкивает свою фальшь.

С Шурой мы мало говорили, я догадываюсь, что «корреспонденция» была от нее. Я чувствовал к ней симпатию, но сердце мое не дрожало, не волновалось, не горело при виде ее фигуры, ее быстрых порывистых движений. Она мимоходом созналась, что она в маете: что творилось в ее душе? Она осторожно, невзначай,

искала со мной разговора. Мне не хотелось оставаться с ней наедине, под градом общих настроенных взглядов... Между нами — немые разговоры. Я читаю теперь по интонации ее голоса, как по нотам. После вечера я опять мучился: мое чувство надуманное, не вылившееся из сердца... Весь остаток ночи, до позднего утра, я размышлял об этом, жил образами вечера.

В моем чувстве к ней нет элементов любовной страсти, есть одухотворенное скрытое влечение, выросшее из преклонения перед ее внутренней красотой, из восхищения ее внешнею привлекательностью. Она мне бесконечно мила и дорога, мне хочется быть около нее, жить с нею общими стремлениями и впечатлениями, ласкать ее и ощущать на себе ее грациозную и нежную ласку. Желание физического сближения не сплетено органически с духовною любовью к ней; оно — какой-то внешний приходящий нарост. Что это — дефект моей духовной организации, следствие рефлексии или отсутствие «настоящего чувства»?

Сегодня был у Ант. Ник. Кист. в Петр[овском] парке, она рассказывала мне о последних трагических минутах Комиссаржевской со слов Над. Дмитр.

7.III.

Неделя уединенных занятий. Сажу за университетскими учебниками, готовлюсь к экзаменам. Теория вероятностей совершенно не интересует меня, я занимаюсь ею с усилием и двигаюсь вперед медленно. Маркс подвигается лучше, но и здесь нет подъема, одушевления, вяло отчитываю страницу за страницей — нет глубокой сосредоточенности и внутреннего прикосновения. Регулярно штудирую Озеровский «Подох[одный] налог в Англии», быстро укладываются в голове факты. Но все это — разрозненно, не слито с запросами моего «я»; экономические науки сами по себе меня не интересуют, меня тянет к истории, к литературе, к вопросам эстетики и социальной морали. Книга Овсяннико-Куликовского «История русской интеллигенции» волнует и заставляет меня думать, вырисовываются героические образы, окутанные ореолом страдания; трагедия одиночества придает им поэзию и силу, и так прекрасно-чисты кажутся стремления и чаяния нашей интеллигенции. Хочется — книга за книгой — познать ее исторический лик, приобщиться к ее исканиям, борьбе и выстраданным традициям.

И снова во мне оживает искра социального альтруизма; статьи о современности в социал[истическом] демократическом журнале («Наша заря» и «Возрождение») шевелят старые чувства, опять сжимается сердце, когда, читая приговор Брешко-Брешковской, вспоминаешь героическую страду минувшего века.

Впечатления жизни? Они — гнетущи. Непрерывная цепь самоубийств учащейся молодежи. «Нет смысла в жизни»... Когда я проглядываю скорбные страницы «Студенческого мира», меня душат слезы...

А в Думе — демонстративное наглое издевательство над достоинством русского студенчества и учащейся женщины. Устами Пуришкевича, при поощряющей терпимости думского большинства. Всего отвратительнее — личные оскорбления по адресу девушки. Но общие обвинения... Они гнусны и грязны, обобщение частных фактов — гадко, но все ли целомудренно чисто в лагере молодежи? Нет! С открытым правдивым лицом студенчество не в состоянии отпарировать удар, в нем — много грязи. Ученье процент «козлиц» невозможно, но годы реакции с их культом «свободной» любви, с их разложением и внутренним распадом вписали в нашу жизнь немало темных страниц. Конечно, причина — не в автономии, причина — в развале нашей общественно-политической жизни, в уродливых условиях воспитания, в коверкающем влиянии гимназии, в заражающем примере «общества». С тоскою приходится признать существующий факт и реагировать на него. Чем? Демократическое сего не гарантирует нравственной чистоты; нужна упорная работа над собственными переживаниями, нужна борьба, самосовершенствование. Набатные призывы «Вех» были естественной реакцией против политической односторонности; они подвели итог впечатлениям «Азевовщины» и внутреннего разложения революционных кружков. Не стоять на месте, а двигаться вперед, углубляя и уточняя самокритикой свое отношение к миру, требует от нас настоящий момент. Эпохи реакции велики процессом внутреннего брожения, сильной переоценки ценностей, в которой — великий источник развития; думать, думать и думать; самоанализ, самосознание, внутреннее творчество — задачи настоящего.

Реакция сгущается... Все тяжелее гнет правительственного давления, все наглее и влиятельнее привилегированное мракобесие, все трусливее и серее запросы общес-

тва; полная прострация, общее уныние и только там, в подземных слоях, — живые ключи горячей и бодрой воды, готовность поддержать огонь и неустанная внутренняя работа. Во всем этом — великое воспитательное значение; все это волнует, мучит и будит самые умы; мысль загорается, пылает ярче — придет час ее претворения в дело.

16.III.

Пестрая неделя. 3 раза был в театре: на новой постановке Худ[ожественного] т[еатра] («На всякого мудреца...»), в Большом (Вагнеровские Валькирии), у Зимина («Золотой петушок») — разнообразные несходные впечатления. Худ[ожественный] т[еатр] мало прибавил к истолкованию Островского сравнительно с Малым: яркие фигуры, как всегда, подчеркнута социально-историческое содержание пьесы (перелом в психике у части дворянской интеллигенции: от обломовщины к грюндерству после реформ), но в общем — та же «типичность быта». Валькирии — грандиозная, могучая музыка, глубокая идея; к сожалению, и здесь мешало незнание с полным либретто.

11.IV.

Ранняя весна. Никогда я не переживал ее так чутко, как нынешний год: теплые ветры и таянье снега, солнечные блики и аромат земли, покрывающейся подснежниками, — я чувствую их; меня восхищает утренняя свежесть и ясность; до слез трогают розовые лучи взошедшего солнца, играющие на кирпичной стене отдаленного дома; а птичьи голоса по утрам — целое откровенье, они наполняют меня настроением «вишневого сада». Нервная напряженность, воспитанная последними годами непрестанного труда, забот и страданий, развили во мне болезненную чуткость, вызывавшую слезы на представлении «Бранда», открывшую путь к пониманию музыки, отзываящуюся на красоту в природе и жизни.

Я вспоминаю шестнадцатую весну своей жизни — там гамма душевных настроений была тоньше, слияние с природой непосредственнее, чувства — свежее, наивнее, чище. И там — тоска беспредметная и сладкая. Теперь нет прежней стихийной непосредственности, больше рассудочности, больше осознанного, пережитого; и самая тоска осложнилась чисто земным содержанием.

В этой тоске есть боль одиночества, неутоленная жажда женской любви и ласки. С приходом весны я чувствую ее особенно сильно, нежное влечение к женщине пробуждают во мне знакомые девушки, но ответить порывом позыву любящей — нет хватает чувства. Одною силой меня тянет к людям, другой отталкивает.

Есть сознание и предчувствие личной неудачливости, серого будущего и неосуществленных стремлений. Есть прирожденное чувство таинственной скорби, которое пробуждается созерцанием природы.

2.VII.

Лето в Москве. Зной, духота, тучи пыли. Человеческие крики, топот копыт, грохот ломовиков, гудение поездов, громыхание трамваев, назойливые звуки граммофонов, жалобный писк котят под окошком... Нет ничего ужаснее непрерывного, раздражающего, нервного шума. День и ночь он давит мозг, не дает ни минуты покоя. Вокруг — суeta людей, сумрачные лица, вечные заботы, жалобы, слезы и просьбы. Мысль разбегается, встревоженная пестротой мелких отрывающих впечатлений; нет силы сосредоточиться, нет возможности уйти от шума, от суеты, от людей к спокойному примиряющему умственному труду. Кошмар нависает над стесненной измученной душой, силы слабеют, а впереди — та же серая борьба из-за куска хлеба, заглушающая порывы и способности. Нет места в душе чувствам любви и дружбы; они атрофируются, и постоянная мелкая помощь другим кажется бессмысленным размениванием энергии на мелкие «копеечки Давида Лейзера».

15.VII.

Опять оборвалась нить моего дневника. Со времени моей последней записи прошло целых три месяца... Чем жил я это время?

Весь апрель ушел на подготовку к университетским экзаменам (8-го я сдал коллоквиум по Марксу, 31-го — экзамен по спец[иальному] курсу финан[сового] права). Весна была прекрасная, ранняя, теплая; Пасха — в зелени и в цветах, стояла ясная солнечная погода, душа рвалась на воздух, на простор широких полей. Мысли, мечты бежали от книг и тетрадей, и стоило большого усилия воли удерживать себя за учебниками. Особенно на Страстной, когда весенние настроения сливались с трепетом религиозного чувства, с музыкой церковных колоколов,

с сладостью детских воспоминаний. Необходимость сидеть неподвижно за книгой давила и угнетала. Работа медленно плелась, в ней не было веселой торопливой спешки. Я дорожил каждой минутой, уроки стесняли меня мало — занятия с Тиной прекратились перед Страстной (Степановы уехали на все лето к Влад. Яковл., в Польшу), с Григ. Вас. — перед Пасхой, с мальчиками уроки шли регулярно, без напряжения. В начале месяца несколько расстроил мою работу приезд Нат. Ив.; полуслепая, больная и одинокая, она приехала в Москву лечиться, нашла меня, просила помочь ей, я приложил все усилия, чтобы оказать ей поддержку и скрасить ее одиночество: возил ее к врачу, в театр, в магазины; читал ей газеты, рассказы, проводил ее на вокзал. В общении с ней еще раз пережил впечатление от людей ее века, народников-интеллигентов 70-х годов, с их верой в силу просвещения, с односторонней социальной моралью и политическим ригоризмом; от ее воспоминаний и взглядов на меня повеяло чем-то старым-старым, но дорогим, окутанным дымкой отвлеченного идеализма. Мое внимание растрогало ее, и мы простились тепло и любовно. Она прислала мне несколько писем с выражением сердечной благодарности и расположения, с просьбой приезжать к ней в Саратов и [к] ее Ляле.

Весною я пережил несколько ярких красивых моментов. Первый раз был на «Бранде» в Художественном театре, каждая сцена потрясала меня, вызывала слезы. Впечатление — громадное, очищающее. И тут, после игры Качалова, я понял, как односторонне-узко я судил Бранда, как мало я ценил его высокое подвижничество, его великий дух святого идеализма. Ясною полосой прошли концерты Никиша. «Венгерская рапсодия» Листа, «Франческа» Чайковского, «Смерть и просветление» Штрауса взволновали меня особенно сильно. Еще сильнее — впечатление от 2-ой симфонии Рахманинова, в его собственном исполнении; симфония русской тоски и горя.

Иные чувства и настроения я пережил на вечере у Сытовых, 23 апреля; в этот день были именины Шуры. Их кружок затеял импровизированный сборный «спектакль»: поставили отрывки (приглашали меня). Шура в греч[еском] костюме произнесла монолог из «Атигоны», Нат. Мих. — заключительную сцену из «Саломеи» Уайльда. Я не забуду этого вечера цветущей молодой весны, возбужденных сияющих лиц, веселого радостного настроения. Что-то светлое, прекрасное, чистое веяло от толпы собравшейся молодежи, от белых костюмов девушек, от цветов, от звуков музыки и песен. Особенно хороши были минуты рассвета, когда нежной дымкой порозовело голубое небо, в неподвижном воздухе повеяло мягким дуновением, и Шура, счастливая, возбужденная всеобщей ласкою, подняла бокал за «восходящее солнце». И только тяжелый разговор Нат. Мих., в уединении отдаленной комнаты, омрачил мою радость.

Я пришел домой с первыми лучами солнца, с остатками увядшей розы, которую «в знак дружбы» мне поднесла Ал. Козьм., полный особенного настроения; сладкая тоска по любви, которой нет в моем сердце, по которой так страстно жаждет все существо; печаль о ней, прекрасной и полной любви, напрасной, неразделенной. Я люблю ее как человека, как дорогого друга; но нет во мне поэтической влюбленности, ответного отзвука на ее чувства... Я не мог спать, оделся и уехал за город; в Сокольниках, на берегу пруда, среди ликующих птичьих голосов, в ясное и чистое весеннее утро я полон был поэзией вечера и нарастающей тоски... Она не покидала меня за страницами финансового права; свежая зелень и аромат черемухи только усиливали чувство одиночества. За городом я был несколько раз — не мог удержаться!

В конце апреля я проводил мальчиков в Тверь, на экзамены. Их настроение было тяжелое, почти подавленное. Полная неуверенность в успехе. Мы простились горячо, братски — с поцелуями, с пожеланиями. Плохие ожидания сбылись на первом же экзамене: несомненно еле-еле прошел один Эрнст. Мальчики решили держать за 7 классов. Я приехал в Тверь в тяжелую минуту, когда Коля Изензе, разбитый, подавленный неудачей, без веры в себя, поставил крест на дальнейшей работе. Уговоры, убеждения, споры не помогали. Он уехал и сдался только в Москве, при свидании с Сол. Мих. Обстановка «тверских занятий» была тяжелая, особенно в мой второй приезд, при подготовке к истории. Я говорил с утра до вечера, рисовал таблицы, давал сжатые устные конспекты, спрашивал и со стыдом убеждался, что и я не всегда на высоте положения в смысле знания. Моя помощь не пропала. Особенно для Эрнста. Мы провели с ним тяжелую ночь; утомленные,

почти не спавшие, почти уверенные в неуспехе. Я рад, что мне удалось поддержать его бодрость, довести его до экзамена. Все выдержали по истории (Коля Изензе — молодец, получил 4), и с грехом пополам дотянули до желанного конца. Теперь Эрнст — студент-филолог, и оба Коли хлопочут о поступлении в VIII класс гимназии.

Тверь пахнула на меня спокойствием провинциальной жизни; тишиной улиц, стариной своих соборов, монастыря и многочисленных церквей; берега заснувшей Волги — Тверцы, своеобразная простота пригородных улиц, что-то родное, русское — на всем облике чистого симпатичного города.

В усиленной подготовке к экзамену по теории вероятностей (он дался мне труднее всех; получил «весьма») и в поездках пролетел май. В июне я начал сезон летних занятий: чтение книг для сочинения по рабочему и аграрному вопросу.

С усилием, с напряжением читал диссертацию Миллюкова, с увлечением, с интересом — историко-литературные очерки. Неожиданно занятия оборвались — я получил письмо [...]

15.VII.

Утром — чтение Лаппо-Данилевского; начинаю «втягиваться» в чтение специальной историко-финансовой литературы. Но все же мысли сосредоточиваются недостаточно, разбегаются; женские образы вытесняют финансовые понятия. Моя тема начинает интересовать меня, и я сам начинаю загораться внутренним оживлением. Потом — урок с Лялей по арифметике, к которой она мало способна. После обеда — поездка в Сокольники, к Еф. Яковл.; его самого не застал. Много гулял. Воздух — сосновый, чудесный, публики мало; обошел знакомые, дорогие места: пруды, Ольенью рощу. На кругу — аромат роз. В душе — бодрость и ясность.

В вагоне перечел Андреевское «В тумане» и жуткое — «В толпе» Сологуба (попытка воссоздать психическое состояние переживших Ходынку); конец неудачен, краски сгущены, чувствуется перо безнадежного пессимиста. Приехал оживленный, засел за дневник.

16.VII.

День планомерных занятий: Лаппо-Данилевский (читаю сосредоточеннее, интересуюсь больше, оживает влечение к русской старине, к научной деятельности историка: мелькают неясные перспективы «будущей ученой работы»), Геркнер; взял «Дебри» Синклера и не мог оторваться — сильное впечатление искренности и беспощадной правды. И снова колебания: на суровую дорогу социальной борьбы или в тихую пристань научной, педагогической деятельности? Самоотречение во имя любви или широкая полнота жизни, если не внешней, то внутренней?

Как всегда, мысли о ней.

Лину поздравил по телефону, притти, ехать в Сокольники отказался. Вероятно, ей было больно; но я поступил искренно и заслужил негодование Лизы. Мх. Мх. участливо спрашивал по телефону о моих делах, предлагал денег. От А. И. из Вены получил весть об ее благополучном переезде за границу. Была Вал. Арт., бледная, больная; говорили о Шуре. Ал. Вас. делился своими впечатлениями; типичный обыватель в роли фабричного инспектора; нет образования, нет широкого социального взгляда на вещи!

Под влиянием Синклера во мне проснулся интерес к непосредственным впечатлениям рабочей жизни и с прежней силой пробудились привычные чувства.

17.VII.

Сегодня днем я возобновил занятия в Рум[янцевском] музее чтением «Поземельной общины» (статья в Словаре). Заказал ряд книг. Мне кажется, что я понял тему для сочинения; всего больше меня интересует вопрос о роли финансового момента в образовании крестьянской общины. Вопрос глубокий и, кажется, неразработанный; это — одна из сторон той проблемы, которая была поставлена Гакстгаузеном, вызвала горячие споры между Чичериным и Беляевым, связалась с доктриной славянофилов и вдохновила Чернышевского на его прогноз социалистического будущего России. Проблема социологии, политичес[кой] экономии и экономической политики, государственного, гражданского и административного права. Проблема, которая выдвинута вновь современностью, политикой Столыпина, законом 9 ноября и разрушением «мира». С ней связано все прошлое нашей страны, в ней отразились исторические судьбы нашего крестьянства.

Мне рисуется возможный абрис сочинения; за основание я думаю положить

печатные сборники архивных материалов, постараться просмотреть их все, извлечь все, относящееся к финансовой организации общины (ограничиваясь XVII в., — моментом окончательного оформления административного и государственного строя на Москве, но дополняя их экскурсами в прошлое, поскольку это выясняет эволюцию сложившихся форм), систематизировать и описать на общем фоне экономического, государственного и финансового состояния Моск[овского] государства накануне реформ. Не знаю, удастся ли мне ответить на основной вопрос; для этого необходимо выделить экономическую природу общины от госуд[арственной], правовой, проследить процесс развития той и другой, не замыкаясь в рамки XVII в.; но это слишком усложняет работу.

Таковы мои планы. Осуществляются ли они?.. Момент внутреннего оживления совпал с новой переменной в условиях моей жизни, сегодня, почти случайно, я получил работу, которая может помешать моему научному труду, страшно утомить меня и вновь сдвинуть с намеченной колеи. На улице я встретил Фольбаума, и он, прощаясь, предложил мне сходить в контору «Утра России»: там нужен «подчирик»; я схватился с радостью и в 9 часов, в грозу и ливень, утопая в потоках воды, бушующих на мостовых и тротуарах, спешил на деловое свидание с главным корректором. Он быстро согласился, но пугал трудностью дела и дешевой жалованья: через день нужно сидеть ночные часы (от 7 ч. до 4 ч. утра) в конторе за 30 р. в месяц. Начинать с понедельника. Я страшно обрадовался; кончается безработица, мое положение определяется, и я — на постоянном месте! Самая трудность его меня прельщает; прельщает новизна обстановки, новые люди, новые встречи... Ведь это — жизнь! А с осени, может быть, перейду на должность корректора. Но я боюсь, что эта первая ночная работа, с неправильным расположением часов сна и бодрствования, будет слишком утомлять и возбуждать мои нервы. А для научной работы нужно спокойствие, равномерность в затрате энергии.

Что делать! Выбора нет! И я не хочу отвертываться от работы, особенно сейчас, когда мое положение так непрочно. Придется напрягать силы, экономить время, не позволять себе ничего лишнего. Я готов! Я чувствую прилив энергии. И несмотря на весь печальный опыт прошлого, потерянный год в Университете, разрушенные планы, недостижимость мечты о планомерной научной деятельности я говорю: «Мы еще повоюем!»

Сегодня отправил Н. И. 290 франков в Швейцарию, завтра пошлю письмо. Встретил Гехтмана — он такой же болезненно вдумчивый и кажется таким же одиноким, страдающим и тонко чувствующим, он всегда рад мне и ласков со мною; заговорил об истории, о роли случая и причинной обусловленности.

В Музее мельком видел постаревшего, поседевшего и, вероятно, еще более ожесточившегося Ермилова; с кривою улыбкою ответил на мой поклон (вижу, что он всегда вспоминает свой обман).

Завтра поеду в Пушкино, к З. М., — в последний раз; от урока с Г. О. тоже откажусь; урок с Николаем перенесу на воскресенье. От участия в органе тоже придется отказаться.

20. VII.

В воскресенье я ездил в Пушкино. Сначала зашел к Беле Зиновьевне, на ее дачу; она показывала мне свои книги, делилась впечатлениями научных занятий, расспрашивала о моих делах; мое поступление в корректоры не одобрила. После обеда (ее мать и брат очень милые, простые люди, я чувствовал себя непринужденно в их кругу) мы заговорили о Викт. Исак., его неудачах и перешли на еврейский вопрос. В лице Белы З. я встретил то отрицательное отношение к еврейству, которое меня впервые так поразило в Матвее Александровиче и в Викторне Исаковиче; ту же любовь к русскому — к русской литературе, истории и жизни. Но вопрос о перемене веры у Б. З., которая сама пережила его больно и остро (ее брат принял православие, по любви), встретил иное отношение, чем у меня; она считает этот переход допустимым с принципиальной точки зрения, но страшно трудным в силу традиции, и сознание униженной уступки насилью может преодолеть только большая внутренняя сила.

У Черемухиных — та же тяжелая подавленная атмосфера, грубый деспотизм отца, доходящий до тупого оскорбительного отношения к окружающим; придирчивого, резкого, не считающегося с личностью другого человека, с его мыслями, чувствами, настроениями; я чувствую себя тяжело в его присутствии, меня оскорб-

ляют его замечания, я болею душой за бедную Зинаиду Михайловну, за маленького Мишу, душа которого уже болезненно поражена влиянием «семейного очага». И я чувствую, что сам отец страдает и в иные минуты стремится к людям, переламамывает себя — сознает свою отчужденность, хочет быть искренним, подойти к людям, чтобы через мгновение стать снова «самим собой». Это закоренелая заложенная наследственностью, развитая воспитанием (вероятно, суровым, самодурным, безмятежным) и укрепленная мягкой податливостью окружающих, страшная сила эгоизма. Этот человек — живое отрицание любви, по любви тоскующий и нигде никогда ее не находящий. Он многих заставлял страдать и сам страдал. Он разлагает окружающих, забывая в них здоровое бодрое сознание личности, подавляя их. С такими людьми нельзя и не надо быть мягкими. И лучший совет З. М. — уйти из семьи; но способна ли она жить, оставшись одна? Она больше всех измотана воспитанием; она «нецельна», в ней нет единства запросов и стремлений; особенно сейчас, когда она так не уверена в своих силах после четырехлетних неудачных занятий и так тревожно и остро чувствует неудовлетворенность своего женского инстинкта. Семья привязывает ее к жизни, призрак работы и душевной поддержки братьям — ее якорь.

19.II.

Мой переезд в квартиру Ашиновых после приезда Пузановых. Неприятное состояние после пушкинских «впечатлений». Первая ночь в редакции «Утра России». Напряженность работы, головная усталость, утомление и поверхностность моих новых коллег.

20.VII.

Умственная вялость. Непродуктивность занятий. Жара. Непедагогический урок по арифметике с Лялей — моя раздражительность. Нет Николая. Заботы обо мне Генрики Ивановны и разговор с нею о путях и задачах «реформы жизни».

21.VI.

Разговор с Эмилией Францевной о Польше и национальном вопросе (полька — против клерикализма и автономии). Начало чтения книги Кочаровского «Русская община» (глубокая проникновенность и социальный идеализм автора). Голова — в тумане. У Георгия Осиповича: его бессилие, разговор с ним о борьбе за существование, о будущем, о личной ответственности. У Пузановых: мягкая живая ласка Над. Яковл., рассказы о Крыме, образ эгоистки — Серафимы Иосифовны. Дружеское, любовное, ласковое письмо из Давоса от Н. И. Редакция, мое приспособление к работе, впечатления от окружающего. Головная боль. Социальные мотивы в «Пепле» А. Белого (своеобразие, стильность стиха о мужичьей жизни). Возвращение домой: прелестное утро, розовеющие облака, тихая нежная чистота, уличные встречи.

22.VII.

В новой квартире Ашиновых: отпечаток «старой Москвы», мирной, дворянской. Урок с Лялей, ее неуспехи, моя раздражительность и неудачное объяснение «математического учета» (не подготовился!). Печальное положение сестры, ее легкомысленные планы поездки в Эссентуки. Моя утомленность, головная боль, мысли о смерти. Чтение Лаппо-Данилевского (голова проясняется!). Стремление отгородиться от мира, независимо и одиноко «нести свой крест». Мысли о наивности и отсутствии социального чутья у Ш. Руженцовой и ее подруг.

23.VII.

Укрепляющий сон. Занятия в Рум[янцевской] читальне: статья Чичерина (мысли об его индивидуализме, о слепой односторонности новатора, о важности единого и цельного метода) и Беляева. Голова — лучше; интерес к теме — сильнее. Встреча с Ермиловым (его филологические изыскания по поводу «солнцев»; спор Минского и Философова — буря в стакане воды; «потерянность» одаренного, забитого нуждой). Редакция; поверхностность Бронисл. Конрад. Письма Мише и Н. Ил. Рассказ Вилье Адана. Утро — небесные переливы тонов.

24.VII.

Бодрость — после крепкого сна. Подготовка к уроку арифметики, урок с Лялей (моя неподготовленность, Лялина неспособность). Газета — чума, холера, жертвы авиации, беспощадный деспотизм американских трестов, английские тюрьмы — нужда, горе, смерть!.. Чтение Лаппо-Данилевского и Геркнера (рассеянность). Спор с Эм. Фр. о русской природе, о русском художественном творчестве. Темные мысли о человеческой грубости и неискренности.

25.VII.

Повестка из Гор[одской] управы (зачислили меня в счетчики). Толпа «чающих» — студенты и др. Речь Михайловского, мои колебания и решение — взять работу и совместить ее с редакционной (перспективы новых работ в Гор[одской] управе]. Условия: смены, 8-часовой рабочий день, работать на воздухе. Прощание с Линой. Чтение фельетона о поэме М. Конопницкой, беседа с А. Ф. и Г. И. о Польше, религиозности польского крестьянина, борьбе за национальное освобождение.

26.VII.

Работа по переписи ломового движения. Жизнь Протопоповского переулка, его общий колорит, его типы и сцены. Редакция. 17-часовой трудовой день; от 5 ч. утра до 4 ч. утра — на ногах.

27.VII.

Работа по переписи: Покровка. Отказ заниматься с Лялей. Моя бодрость.

28.VII—1.VIII.

Перепись, редакция, урок с Лялей. Все время — в лихорадке работы; сон — короткий, неравномерный. Настроение бодрое, но «отреченное». До 6.VIII — в квартире Лины; без чтения (если не считать Уайльда — в редакции), занятия прерваны. 6.VIII.

Сегодня, после 3-месячного кочевания, я прочно осел на месте, в собств[енной] комнате. Комната прельстила меня своей дешевизной: 12 р. в месяц, и при теперешних ценах! Правда, комната — пролетарская, маленькая, ободранная, почти без мебели, со специфическим запахом бедноты. После просторных, светлых комнат эта кажется мне убогой. Но есть одно преимущество — тишина: три старухи, девушка-портниха, юноша-наборщик, трудовая богобоязненная атмосфера. В первый момент, когда я приехал со своими вещами и огляделся кругом, обстановка (особенно воздух) произвела на меня удручающее впечатление. Чувство «отреченности», сознание социального неравенства, которое за последние недели напряженной и отнимающей много времени работы неизменно точит меня, пробуждалось с новою силою. И с той же силой пришла волна бодрости, желания бороться, идти вперед, преодолевать жизнь... Через несколько часов «обтерпелся», проживу!.. Надо все пережить, испытать, перечувствовать. Только бы не даром!

Прошелся по бульвару. Теснится толпа, чинно прогуливаются принаряженные пары, с веселым визгом играют дети, слушают музыку. Звуки льются, вызывая на моих глазах слезы, сжимая сердце. Пришел домой, составил план работы на ближайшие дни, открыл Евангелие от Матфея, и глава за главой полились предомной простые, глубокие речи Иисуса.

8.VIII.

Вчера возобновил свои научные занятия: снова принялся за Лаппо-Данилевского, перечитываю страницы, имеющие отношение к теме, составляю конспекты, выписываю вопросы, замечания, библиографические данные. Двухнедельный перерыв дает себя чувствовать; сосредоточенной работе мешают знакомые образы — мечты наплывают, захватывают; с тоской я вспоминаю ее, в мечтах обнимаю, целую ее; страстное влечение, желание видеть и говорить с нею наполняют душу. В такие минуты мне кажется, что я действительно искренно и глубоко люблю ее, и мои сладострастные мечты — не одна чувственность. Невольно вспыхивает мысль о будущем, и чувство любви кажется опасным, ненужным: она грозит оборвать натянутую нить жизни, сдвинуть с намеченного пути (исторического образования во имя будущей общественно-педагогической деятельности) на проторенную тропу лихорадочной заботы о семейном угле... Мне вспоминаются обрывки сегодняшнего разговора с Эмилией Францевной: общественный деятель, служитель идеи, не должен иметь семьи; он должен быть одиноким... Мое будущее рисуется мне таким одиночеством, наполненным тоской и неразделенной любовью.

Я начинаю симпатизировать своей маленькой комнате. Демократическая обстановка, окружающая меня, кажется привлекательною, будит воспоминания и светлые альтруистические чувства. Бесхитростною простотою веет от моих соседей: от хлопотливой доброй хозяйки, от богомольной старушки-староверки, от бледной хозяйской дочери-портнихи, от поседевшей худой матери наборщика. В квартире царит тишина, прерываемая деловою болтовней женщин и наивным лепетом 6-летней девочки. Эта тишина успокаивает, примиряет меня. Кто-то под окошком

мурлыкает унылую песенку (я вспоминаю осенние вечера в саратовской тюрьме), звуки гармоники доносятся со двора, веселые детские голоса наперебой раздаются около дома... Во всем чувствуется простая жизнь той безличной, трудовой, серой массы, которою движется жизнь, к которой любовно тянется мое сердце, которая так глубока и разнообразна сравнительно с тупою, сытою, самодовольною quasi-интеллигенцией...

Все окружающее — и осень, с ее особенными «сочным» воздухом, желтеющими листьями, сереющими небесами, и заметные следы учебного оживления, и разрозненные впечатления трудовой жизни — удивительно ярко напоминают мне осень 904 г., мое поступление в Университет, предреволюционное брожение и первые искренние порывы социального альтруизма... И осень 1905 г. — тихую провинциальную осень в Саратове, в тюремной камере, задумчивые летние вечера, отдаленные звуки музыки, отрывистое перекрикивание уголовных и наше дружеское товарищеское общение... Впечатления и воспоминания будят во мне желание жизни, общественной работы; крепнут бодрость, сила, любовь...

Я рад, что Михайловский записал меня на новую статистическую работу, и мне верится, что несмотря на все препятствия я успею написать если не сочинение, то реферат по истории финансов.

Читаю Евангелие.

12.VIII.

Нежные мягкие звуки арфы льются в вечернем воздухе; она поет сдержанными робкими аккордами.

Я сижу в своей комнатке, обложенный книгами. Занятия наладились; готовлюсь к сочинению, готовлюсь к экзаменам. Чувствую тягу к истории, мечтаю и верю в свое поступление на филологический факультет.

Настроение бодрое.

14.IX.

Вчерашний день был днем подъема и радости: я чувствовал необыкновенную бодрость, моя душа тянулась к людям, и светлые надежды окрыляли меня.

Кажется, это — единственный день за последние 9 месяцев. И в сущности, какая ничтожная причина была источником моего возбуждения: удачный ответ на экзамене по рабочему вопросу. Экзамен по «легкому» предмету, длившийся 3 минуты... после 2-месячной подготовки по знакомому учебнику! Как скромны стали мои требования к самому себе! Каждый шаг вперед, который я в состоянии сделать, радует и ободряет меня. Так беспросветно-серо мое теперешнее существование, с его необеспеченностью, смертельною усталостью и ворохом разочарований, прежде всего в собственных силах. Несомненно, причина моего медленного движения — не только тяжелые материальные условия, здесь сказывается и моя собственная слабость.

Сколько вдохновения я внес вчера в занятия с Тиной! Сегодня — реакция. Мечты, иллюзии исчезли. Я трезво оглядываю прошлое и будущее; раздумываю над программой предстоящего года. Выводы — неутешительны. Прежде всего приходится сознаться в неудаче своей работы над «сочинением». Сочинения не вышло: я не успел изучить первоисточники (самое главное!) и прочесть все пособия. То, что прочитано, — не сложилось в ясную и стройную систему. Бродят отрывки схваченного, вырисовываются отдельные вопросы — необдуманные, неразрешенные. А 1 октября, даже раньше, срок сдачи предварительного реферата. Что делать? Итти к Гензелю с жалкой компиляцией 2—3 книг, сшитой наспех из плохо прилаженных кусочков? Мне противно и стыдно это; особенно перед Гензелем. Записаться вновь на семинарий и в течение года заново шире проработать материал? Тогда мне не кончить! Я не успею подготовиться к государственному экзамену, да, по правде говоря, я не верю в успех данного сочинения, данной темы. Слишком сложна она; требует продолжительной работы над первоисточниками, знакомства с приемами специального исторического исследования... Мне ли, с моею медленностью в работе, при моем теперешнем утомлении, справиться с такой задачей?

Я долго думал, составлял «планы занятий», высчитывал, соображал... И пришел к твердому выводу. Не надо тешить себя иллюзиями. И если поставлена цель — кончить Университет настоящей весной, надо «съежиться». Надо уйти от жизни, отогнать ее влекущие возбуждающие впечатления, замкнуться еще больше, еще теснее... Ни театров, ни концертов, ни знакомых, ни интересных книг... Целый день,

после уроков — вне дома, в библиотеках; и только поздним вечером, после 9 ч. — за своим столом, в сосредоточенном штудировании учебников.

До 1-го подать Гензелью реферат об общине... Кончить Чичерина, еще раз просмотреть все прочитанные пособия и в неделю, во что бы то ни стало, постараться написать зачетный реферат.

Октябрь и ноябрь, до зимних экзаменов — экономическая политика (постараться расширить круг чтения по рабочему вопросу), 1-е чтение гражданского права и 2-й том Маркса (непреренно!). После 15 декабря занятия «государственными» предметами, III-й том Маркса и, исподволь, собрание материалов для сочинения (по рабочему вопросу). Самое сочинение придется разрабатывать и писать летом. Опять — необеспеченное существование в Москве или под Москвой. А дальше?.. В мечтах — филологический факультет, занятия историей, работа в «Рабочей Академии»; а в действительности — большие старики, искалеченная болезнью и жизнью сестра, невозможность жизненного применения полученных экономических познаний.

Нужно быть скромным!.. Пусть те, счастливые, способные и свободные, идут вперед, завоевывают вершины знания, отдаются потоку красивой и полной жизни... «Будем работать, работать!», как говорила милая Соня разбитому одинокому «дяде Ване». Зачем считают меня способным, выдающимся, даже талантливым! Это — ложь! Я — средний человек со средними способностями... умный, более других энергичный — и ничего больше. Какие у меня знания? Какие научные способности?.. Смешно подумать! Четыре года в Университете, конечно, не пропали даром, но разве это была настоящая систематическая научная работа?..

Я доволен, что встреча с Ал. Козьм. вышла холодной, что в моих взглядах, вопросах, ответах — не было ничего, напоминающего интимную симпатию. Зачем лгать?.. Я не люблю ее, хотя мечты о ней почти всегда тревожат мое воображение. Моя душа пуста, холодна, одинока. Рядом с ее бодрою жизнерадостностью я чувствую себя — смешно сказать — стариком. Ее молодой эгоизм отталкивает меня; ее вызывающая уверенность резко подчеркивает мое утомление. Ее нечуткость, неумение (или нежелание?) поддержать, подбодрить заглушает мое влечение.

Да и зачем любовь? Разве она принесет мне радость, счастье, восторг?.. Нет, она способна еще больше запутать мое положение, сдвинуть с намеченного пути, превратить жизнь в одностороннюю погоню за хлебом. Ни дружбы, ни любви!.. Одинокая скромная работа во имя идеи, во имя будущего, для счастья людей.

Из редакции я ушел. У меня — 3 урока с малышами, живой интересный труд. Вхожу в нормальную колею, но результаты ночной работы все еще сказываются.

3.X.
Несколько дней назад я кончил реферат. Работал 1 1/2 недели — он подвигался медленно... Но в процессе изложения многое выяснилось и оформилось. Были минуты сомнения, неуверенности в успехе; но я старался подавить их и, вторично проглядывая все относящиеся места в пособиях, писал и писал... строка за строкой, страница за страницей. Боялся опоздать, боялся, что Гензель реферата не примет, — тогда пропали мои планы!.. Все кончилось к лучшему: 27-го я начал переписку, 28-го сидел над ней с 5 час. дня до половины седьмого утра. Лег на два часа, а в половине десятого был на квартире у Гензеля. Он принял меня любезно. «Последним сроком я назначил 23, но я знаю, что Вы работаете, занимаетесь... Я поставлю Вам зачет, а подробную беседу отложим до следующего четверга».

Подробная беседа... Значит неделю надо вновь прочитывать — пересматривать пособия. Я убежден, что Гензель не объявит реферат слабым, но заставит почувствовать его слабость путем пояснительных вопросов. Он слишком близок к книге, неразвит; некоторые мнения не обоснованы. Вообще — наскоро скроенная компиляция, написанная литературным языком. Могу ли я быть довольным ею?.. А между тем я рад, бесконечно рад... Еще шаг вперед! Еще победа над собой!

Окончание работы — и подъем духа! Я чувствую себя живым, обновленным. Особенно сегодня, когда после выборов в Кредитном о[бществе] я поехал в Петровский парк, вдохнул в себя запах опавших листьев, увидел белые березы с поникшими желтыми ветками, увидел солнце, заходившее над широким Ходынским полем и сине-розоватые отливы на потухающих небесах. Стоял на поляне, около солдатской цепи, и первый раз в жизни смотрел на полет аэроплана. После чтения о воздушных экскурсиях Блерио, Латаша, Шавазы это движение жужжащего ап-

парата на расстоянии нескольких сажен от земли не производит сильного впечатления. И только на мгновение коснулось души захватывающее чувство, которое пробуждает великое завоевание воздуха, полное героического одушевления, уже обвевное трагизмом жергтв...

Был у Кистеневых, Изензе. Так хорошо, тепло и радостно они встретили меня...

Бодрящей жизнью веет с газетных страниц. Фантастически-стройная революция в Португалии — новая республика «свободы и прогресса»; железнодорожная забастовка во Франции — социальная борьба, горящая пламенем революционного энтузиазма; волна рабочего движения в Германии; все движется, все живет.

5.IX.

Умер Муромцев. Догорела прекрасная благородная жизнь — такая высокая, разносторонняя и одухотворенная. Знание, энергия, социальное чувство — все в нем было так полно и глубоко развито. И так гармонично-спокойна была его личность, вечно борющаяся, неустанно трудившаяся. Личным примером он доказал, какую великую силу имеют нравственные ценности, насколько они выше политических и социальных убеждений. Муромцев и Азеф — два полюса нравственного развития.

21.X.

Сегодня я был у Гензеля — беседовал с ним о своем реферате. Вот резюме его мнения: «Ваша работа — в высшей степени добросовестная, тщательно исполненная; вы много прочли, исчерпали все общие сочинения. Но в Вашей работе — ничего самостоятельного: Вы из всего взяли понемногу: оттуда, отсюда. Впрочем, это было неизбежно в условиях данной темы, источников и неумения их использовать. Я — не специалист по русской истории и не могу Вам помочь руководством. Если бы вы хотели формального приема этого реферата за кандидатское сочинение, я мог бы это сделать». Все это было сказано очаровательно-любезно, мягко, «симпатично». Попутно он делился своими мнениями о состоянии русских первоисточников, о значении языковедения, об отсутствии тем из области русских финансов. По моей просьбе порекомендовал и примерно развил одну из возможных тем (о земстве, о податных источниках земства), предложил дать письмо Веселовскому, но, узнав, что я имею большую склонность к занятию фаб[ричным] законодательством, согласился со мной.

Словом, он сказал то, что я знал, что ожидал от него услышать. Впрочем, я ждал гораздо худшего, и его комплименты были для меня несколько неожиданны. Чувство неудовлетворенности смешивается у меня с чувством победы: я не отступил, я использовал все, что имел, добился того маленького, чего при данных условиях хотел и мог добиться: получил зачет за добросовестную работу. Какие скромные у меня желания!

Я начал новый цикл занятий: II том Маркса, подготовку к экзаменам по экономич[еской] политике. За редкими исключениями, работаю бодро, уверенно. Но слишком много времени уделяю на духовные удовольствия: увлекаюсь красивой и глубокой повестью Мережковского о Леонардо да Винчи, бываю в театре (видел андреевское *Gaudeamus* — как слабо! ...восхищался Собиновым в Ленском), смотрел Ефимовский полет (в неудачный день), краешком знакомлюсь с современной беллетристикой (прочел своеобразную мрачную повесть Ремизова).

Настроение бодрое, хотя вести из Курска — нерадостные (о, мой филологический факультет!), здоровье и положение Лины — хуже худшего, виды на будущее неясные.

Кажется, уроки с моими малышами идут нормально. Атмосфера любви и участливого внимания прибавляет мне силы. Хочется глубже заняться педагогикой.

Из всех впечатлений проходящего месяца самое сильное — похороны Муромцева, десятки тысяч — за его гробом, надгробное пение и обрывающиеся речи на его могиле. Они резко подчеркнули могильный холод нашей жизни, мертвящее тупое спокойствие наших застывших душ.

Опять началась тягучая сессия приговоренной Думы; опять — свистопляска, опять — Пуришкевич, хамство и рев торжествующей свиньи. Поганое время!

13.XI.

Две недели глубоких впечатлений, так не похожих на темные сумерки последних четырех лет.

Все мысли — о Толстом, об его последнем освободительном подвиге,

необыкновенной смерти и необычной картине гражданских похорон. На душе — и тоскливо, и жутко, и радостно. Мы отвыкли от «событий», замерли в покое нашей личной жизни, в пассивном созерцании усиливающейся реакции. «Уход» великого борца за нравственную идею, картина его страданий и мученического конца пробудила нас, соединила в общих чувствах преклонения, восторга и скорби, воскресила старые ощущения, создала атмосферу общечеловечности. Обыватели вновь превратились в граждан, напуганное стадо — в сомкнувшееся общество.

Толстой исчез... Толстой уехал из Ясной Поляны... Первое известие мелькнуло, не оставив во мне никакого следа. Через день стало известно, что это — не случайный отъезд, а сознательный и мучительный разрыв с семьей, с родными местами, полными дорогих воспоминаний детства, юности и счастливой любви, а главное, разрыв с обстановкой комфортабельной барской жизни, завершение долгой внутренней борьбы. То, что случилось, открыло мне Толстого с новой неведомой стороны; я преклонялся перед его художественным именем, его исканиями правды и глубокою убежденностью пострадавшего им мировоззрения. Полнота его жизни, глубина, искренность, сила его духовных переживаний привлекала и восхищала.

Толстой — вечное искание, вечная борьба, — к такому выводу я пришел после чтения его биографии. Не принимая нравственного учения Толстого и практических выводов из него, я глубоко интересовался его мыслями, и многие из них стали моими, кровными, продуманными и пережитыми. Я не говорю уже об его понимании духа Христова учения, которое я всегда начиная с раннего детства воспринимал бессознательно в том же, толстовском, толковании; не говорю о его бурном протесте против лжи нашей жизни, против обрядности и лицемерия в государстве и церкви (я никогда не забуду чтения нелегального «Воскресения»). Но и многое другое за последние годы стучалось и проникало в мое сердце. Думы о Боге, о силе самостоятельного религиозного чувства, христианской любви и смирении в личных отношениях. Это вопросы, волновавшие меня всего больше, но еще не решенные.

Толстой сыграл в моем развитии огромную роль как мыслитель. Но был один пункт, который в моих глазах колебал его авторитет, превращал великого борца в слабого человека, не способного понять противоречие собственной жизни, увидеть, как далека эта жизнь от подвига прощения, им же самим завещанного... Мне казалось, что двойственность Толстого лежит в его натуре старого аристократа, «граф» сросся с застарелыми привычками, которые сделали его слепцом; он велик — в мыслях и в слове, но он бессилен в действиях. Я прощал ему это, понимая почти неизбежность подобной двойственности, и вся важность для больного старика спокойного уюта, необходимого условия литературной работы. Но что я мог ответить тем, кто обвинял великого моралиста во внутреннем противоречии, кто требовал последовательности, бросал суровый укор о несоответствии слова и дела. Я спорил, отрицая лицемерие и позу, но что я мог ответить на справедливые требования строгой морали?

Но все оказалось иначе. Толстой страдал, боролся долгие годы; любовь к семье, к привычной покойной обстановке боролась с незамиравшим стремлением завершить начатое дело, подвиг самоотречения. Дух победил, частные факты — семейные несогласия, надоедливость приезжавших поклонников — были внешним толчком, который ускорил последние решения. Последняя победа была завершением долгой борьбы, в этом ее значение; это превращает Толстого в героя, а нас, маленьких сереньких людей, наполняет радостью и надеждами в могучую силу живого человеческого духа.

Я не верил, чтобы это было «покаяние» — бегство под сень православной церкви, как надеялись наши иерархи. Но я боялся, что усилия близких людей вновь склонят того, кто отрекся от мира, вернуться на старое пепелище. Но за трагическим уходом последовал трагический конец. Вновь повторилась величайшая трагедия — Бранда, его последняя жертва, восхождение на горы.

Утром в воскресенье, на улице, я прочел телеграмму о смерти Толстого... Меня охватила тяжелая скорбь, все кругом затуманилось — хотелось молчать и плакать. Я сел на бульварную скамейку, бессильный сдержать лившиеся слезы. Кругом — подавленное настроение. Когда я зашел к Алекс. Дмитриевичу и начал с ним говорить о волнующей новости, он не мог сдержаться и расплакался. Когда я оставался один и брался за газетный лист со свежими телеграммами, меня вновь

охватывала глубокая скорбь. Было досадно, что не можешь остаться один, совсем один, отдавшись потоку мыслей, воспоминаний о «нем», ставшим вдруг таким родным и любимым. Ко мне приехал из Курска двоюродный брат, Миша, и я старался «развлечься», прогнать тоску, занять его — из братского чувства.

В тот же день я решил поехать на погребение в Ясную Поляну. Предвидя возможность административных «помех», мы — я и А. Д. — решили заранее запастись билетами на городской станции. В 8 ч. вечера следующего дня мы уже мчались по направлению к Туле. Поезд полон «паломниками». Мы сгруппировались в небольшую дружную кучку из 7 человек. Возбужденное состояние, бодрое благодаря живому общению. Некоторые слегка вздремнули.

В середине ночи мы сошли на Засеке. И тут начинается та волнующая гнетущая жуть, которая не покидала меня в течение всего дня. Ночную мглу прорезывали черные волнующиеся толпы. Станционные помещения, лестница, перрон полны съехавшихся студентов, курсисток, людей различных возрастов и положений. Белые свитки яснополянских крестьян — все они, мужики, бабы и дети, сошлись сюда постановлением сельского схода; в их спокойных, серьезнососредоточенных лицах — печаль и скорбное чувство. Суетятся «распорядители», намечается порядок расстановки цепи, делегаций и провожающих при «просвещенном» руководстве жандармского генерала.

Затем — длинная морозная ночь, дежурство замкнувшейся цепи у пылающего костра, специальные поезда с делегациями, беглые разговоры с крестьянами и взгляды, прикованные к белой полоске яснополянской дороги, которая вьющейся лентой убегает в леса, все выше и выше.

Светает. Товарная платформа полна делегатами. Несут венки, появляются постылые «серые шинели». На дорогу выдвигаются сомкнувшиеся ряды приехавших с котомками за плечами; ниже — с мешками, с сумками, со свертками. Толпа паломников, охваченная одним чувством.

Запрещают нести венки. Наскоро ищут подводы, подъезжают крестьянские телеги, крытые соломой, и на них, в безмолвии, на глазах возмущенной и сдерживающейся толпы, с усилием сдерживая испуганных лошадей, кладут дорогие венки... Веет духом гонения и отреченности, который кладет отпечаток на всю картину похорон. На глазах у всех цензуруют надписи на лентах — подходят, осматривают, «разрешают»... Грязные полицейские руки теребят любовную дань тому, кто был живым проповедником против насилия.

Вдали — отрывистые тревожные свистки, вьется дымок и медленно показывается голова траурного поезда. Опять — волнующая жуть, замирает сердце, нервная дрожь пробегает по телу. Великая минута молчания с обнаженными головами, со взором, прикованным к поезду. Мелькает паровоз с фигурами инженеров и ярко врезывается в памяти вагон, наполненный жандармами; еще вагон, и еще — с надписью «багаж». Поезд останавливается, он скрыт от нас стеной делегации. Мы не видим выноса гроба, слышим только тихое пение «вечной памяти» и с усилием удерживаем двигающуюся цепь. Гроб несут крестьяне «по-русски», на полотенцах. Толпа волнуется, стремится вперед, цепь разорвана. Мы — сзади, видим ленту спускающегося народа, видим, как мужчины и женщины бегом стараются обогнать голову процессии — это вносит оттенок недостойной пошлости в благоговейно-подавленный фон картины, той пошлости, которая отталкивала от себя в фигурах фотографов, в любопытных, которые влезали на деревья, и в «смельчаках», которые воровски пролезали в усадьбу через кустарниковую загородку.

Медленно двигались мы по яснополянской дороге. Молчание или тихие разговоры. Направо и налево — красивые «среднерусские леса и рощи; впереди — широкий простор холмистых полей с мягкими нежными очертаниями. В толпе — нет оживления, ничего подобного похоронам Муромцева, которые оскорбляла недостойная «веселость» собравшейся молодежи. Впереди возвышается одинокий гроб — без ладана, без священнических риз, без креста и духовного пения; гроб отлученного отщепенца, который вновь возвращается на старые родимые места обрести желанное одиночество в уединенной могиле. Сзади вырастает «милая кавалькада» — из вооруженных стражников, пеших и конных. Винтовки за плечами... В толпе оборачиваются и смотрят на них... Всех охватывает знакомое привычное чувство. Узнаем о задержанных в Москве поездах.

Подходим к Ясной Поляне, выстраиваемся двойною цепью, чтобы пропустить

семью, и только. Час перерыва, после — поклонение праху. С трудом сдерживаем напор бегущих. Мелькает ужасное лицо Софьи Андреевны, лицо полупомешанной — страдание и ужас. Толпа рассыпается, идем в деревню. Угрюмый серый осенний пейзаж. Бедная деревня — с соломенными крышами, с маленькими избушками, она была живым укором Льву Николаевичу. Грязная дорога с застывшими колеями. Тоскливо кругом.

Возвращаемся к усадьбе — вход открыт. С волнением вошел я в ворота — знакомые белые башенные ворота; затем — длинная аллея к барскому дому; налево — пруд, в который бросалась Софья Андреевна. Подходим к дому, вступаем в парк, наполненный людьми; сегодня хозяева усадьбы — съехавшаяся русская интеллигенция. Огромная очередь кольцом обвивает аллею старинного парка. Простой скромный дом, с балконом, с террасой, с маленьким двориком. От парка и его старых лип веет стариной, и здесь воочию видишь, как мучительно трудно было 83-л[етнему] Толстому разорвать с этой землей, с этими деревьями, цветами и камнями — сколько живых воспоминаний таилось за каждым поворотом аллеи!.. Старая древняя нянюшка, опершись о руку, неподвижно смотрит на движущуюся цепь делегатов; долго и молча она сидит у окна, вся — воспоминание, вся — живой остаток старины. Вышел повар, весь в белом — тоже живой укор Льву Николаевичу. Подходим к заднему крыльцу, входим в покои. Небольшие низенькие комнаты. Шкафы, в них — книги в старинных переплетах, наверху — два бюста; кто это?.. Налево деревянная лестница — вверх. Оттуда доносится веселый стук ножей и тарелок, и таким ненужным диссонансом прозвучал он в эту минуту, около гроба с великим прахом. Дальше — комната, где лежит Толстой, историческая комната, где он творил, откуда он «ушел». Войдя в нее, я позабыл все, я видел только его лицо, желтое, мертвое... Мгновенное впечатление, напомнившее мне недавнее впечатление в Курске, у изг[оловья] д. В. И. Я видел смерть, прах, труп — и только. Было тяжело. Мы вышли с тоской в душе и сейчас же направились к могиле.

Она вырыта на опушке леса, на краю обрыва, в естественной липовой беседке, на месте, обвеянном поэзией легенды, детских воспоминаний и чистых душевных стремлений. Здесь толпа, ожидающая опускания гроба. У самой могилы — крестьяне, студенты с лопатами, и — «серые шинели»; сзади — опять винтовки.

Через полчаса слышатся звуки погребального пения, несут замкнутый навеки гроб, вновь обнажаются головы, и тысячная толпа опускается на колени в липкую темную грязь, окружающую дорогу. С трудом снимают и начинают опускать останки, падают с шумом первые комья земли, рыдают у могилы, тоскующим аккордом звучат напевы «вечной памяти». Самыми сильными были минуты молчания, и декламация незнакомого старика об «осуществлении идеалов» казалась ненужной. Долго закапывали — целый час виднелись наклонившиеся фигуры крестьян; три раза падали на колени.

Мы молча отошли от могилы, измученные и усталые. Хотелось пройтись, отдохнуть. Дорога шла к реке — его любимая дорога! Она чуть была покрыта налетом легкого снежка. Перед нами развертывалась родная картина тихой и нежной среднерусской природы, которая так ясно сквозит в ранних художественных произведениях Толстого: широкая холмистая поляна, извивающаяся лента Воронки, прямая полоса леса на том берегу — неподвижная, точно замороженная в вечернем сумраке печального осеннего дня.

Возвращаемся обратно к могиле. Совсем темно. Последнее поклонение на вершине кургана, уложенной венками. Темно и тихо. Молча проходим, склоняя головы, и движемся в обратный путь по колеям дороги, в полузабытьи, измученные голодом, непрерывным движением и впечатлениями дня. Дорогой ломаем еловые веточки — дорогие реликвии, воспоминание о дне 9 ноября.

Через два часа добавочный поезд мчит нас к Москве.

14. XI.

Сегодня была неудачная демонстрация — против смертной казни. Демонстрация была решена студенчеством в порыве, возбужденном смертью Толстого. На мертвом фоне современной русской жизни голос студенчества прозвучал свободным сильным протестом.

Вчера, узнав о решении сходки, я думал: «Итти или нет?» Если бы эта манифестация имела целью ознаменование смерти Толстого, она была бы неуместна, бестактна; у гроба того, кто проповедовал непротивление злу, кто восставал против

насилия, нельзя провоцировать кровопролития. Но здесь выдвигался определенный конкретный лозунг, ставилась ясная и всем понятная цель; демонстрация была политическим протестом, результатом создавшегося подъема. Я взвесил все «за» и «против» и, подавив в себе личное опасение, решил идти. Реакции она не усилит, а моральное значение будет иметь большое, конечно, если удастся. Но в вопросе о том, удастся ли она, приходится рисковать; до петербургских известий я относился к возможной и удачной манифестации скептически и думал, что разыграется жалкая комедия. Известия из Петербурга раскрыли светлые перспективы.

Но, очевидно, настроение упало, организующей группы не явилось, и ничего не вышло. Были толпы, ходившие по панелям, бежавшие от преследования казаков, были крики, аресты и жалкие попытки пения.

На Тверской я встретил Галю Дилевскую и пошел к ним. Завязался спор о демонстрации, о Толстом, о школе. Повяло стариной. Наташа все так же радикальна и одностороння, хотя, по-видимому, изменилась; прелестное впечатление производит Галя.

Вновь, с прежней силой, пробудились во мне вопросы морали...⁸

8.XII.

Наплыв эротических образов и страшная мучительная тоска! Не хочется работать, все — немилу; и все то, что всегда утешает и бодрит, — любовь окружающих, — кажется напускной, бесплодной.

10.II—11

Душа дрожит и тает любовью к прекрасной женщине, женщине-матери. Привычное чувство симпатии внезапно преобразилось, загорелось — она мне стала так дорога и мила, так ярко выступили прекрасные стороны ее души. И вся она как будто бы помолодела, похорошела несмотря на свои неюные годы. Я знаю ее недостатки — застарелый продукт окружающих обстоятельств; но она сияет сквозь эту случайную шелуху; я не знаю другой, к которой больше подошел бы эпитет «вечно женственного». Моя любовь чиста, благородна; и от ее симпатии веет свежим и чистым дыханьем⁹.

Примечания

1. КУЛЕМАН В. Очерк профессиональной организации рабочих и предпринимателей во всех странах. Спб. 1901.
2. Степановы.
3. Сын покойного директора гимназии.
4. Александра Козьминична Сытова и Шура — одно и то же лицо.
5. Равнодушие к жизни (*лат.*).
6. Зинаида Михайловна — вторая сестра Н. М. Дружинина (моложе Алевтины).
7. Немногое, но многим (*лат.*).
8. Что имел в виду Дружинин, легко понять из его личных писем. Прочитируем одно из них, носящих мемуарный характер: «...Я вырос в консервативной семье с очень твердыми моральными устоями; уважение к женщине и обет добрачного целомудрия были внушены и прочно усвоены мною с детства». (Из письма к Е. И. Дружининой от 22/VI 1948 г. — Личный архив Дружининых).
9. После этой записи, датированной 1911 г., сделанной в той же тетради, дневник прерывается до 1 июня 1911 года.

Заметки о современной американской историографии

С. И. Жук

Лучший из известных мне социокультурный очерк развития современной историографии США написан историком из Чикагского университета П. Новиком¹. Этот автор признает наличие кризиса исторической науки в США и пессимистически оценивает будущее американской историографии. Причинами кризиса следует считать, прежде всего, перепроизводство кадров историков и структурные изменения в системе образования, ведущие к сокращению вакансий для вузовских преподавателей-историков. Перспектива для молодых ученых США найти работу еще больше сократилась в 80-е годы, когда законодательство повысило обязательный предел для ухода на пенсию с 65 до 70 лет, а затем вообще убрало какие-либо возрастные ограничения для занимаемой должности в вузах. В 80-е годы из-за инфляции средняя зарплата вузовских преподавателей резко упала по сравнению с 60-ми годами.

Понижаются уровень автономии и социальный статус профессоров истории, возрастает роль университетской администрации и бюрократических структур в сфере науки. В период республиканской администрации Рейгана — Буша депрессия больше всего ударила по тем специальностям, которые не предлагали иной работы, кроме вузовской (это касается в первую очередь исторических факультетов). Сейчас в США ежегодно количество студентов-историков уменьшается катастрофическими темпами. Только за последнее десятилетие оно сократилось на треть. Падает престиж истории и в средней школе. Если в 60-е годы все старшеклассники учили в течение одного года всемирную историю, а затем еще год историю США, то теперь они изучают неполный год отечественную историю (в большинстве случаев история включается лишь как незначительный элемент в состав программы такого школьного предмета, как «обществоведение»).

Не способствуют росту популярности истории узкая специализация, фрагментация историографии и «наукообразность» специфического жаргона, вошедших в моду среди историков США после «эпистемологической революции» 60-х — 70-х годов. Достаточно сказать, что сегодня уже невозможно представить ведение серьезных дискуссий среди историков США за пределами их узко специализированных групп (количество членов Американской исторической ассоциации (АИА) за последние 20 лет уменьшилось на треть и примерно на столь же выросло членство в новых специализированных организациях историков; только в АИА насчитывается более 75 подобных организаций). На исторических факультетах студентам практически невозможно сориентироваться в многообразии предлагаемых лекционных курсов: их количество за последние 40 лет выросло более, чем в 3 раза.

Парадокс ситуации заключается в том, что наиболее влиятельными и уважаемыми работами среди историков являются уже не исследования их коллег, а работы социологов (Т. Скокпол и Ч. Тилли); политологов (В. Д. Бернхем и Б. Мур), наконец, антропологов

Жук Сергей Иванович — кандидат исторических наук, доцент Днепрпетровского университета (Украина).

(С. Минц и К. Гиртц). Сейчас, по мнению Новика, уже нужно говорить о «кризисе профессиональной идентичности» историка².

Новик считает, что мало кто может ответить на вопрос, кто же он, современный американский историк? А нынешние непредсказуемые по своим катастрофическим последствиям события в мире (распад СССР, крах мирового коммунизма и т. п.) вообще поставили под сомнение необходимость существования истории как науки³. Наступила эпоха без истории: на смену модернизму с универсальными, все объясняющими теориями общественного развития пришла «постмодернистская эра», которая, сама являясь «следствием» истории, растворила историческое время в необозримом многообразии текстов и мнений⁴.

Лучшие американские историки выступили в защиту историзма. Даже в 1994—1995 гг. на сессиях АИА и Организации американских историков (ОАИ) большинство историков отстаивало приоритет историзма и исторической истины, как таковой. Вместе с тем преподаватели истории жаловались на отсутствие интереса у студентов к работе с источниками, так как исследовательская работа в архивах уже не приносит больше достойного заработка ученому. Талантливые молодые историки предпочитают теперь продолжать свою карьеру либо в политике, либо в юриспруденции, либо в какой-нибудь школе бизнеса. Историк из Пенсильванского университета М. Зукерман в беседе со мной подчеркивал парадокс современной историографической моды: увлечение всевозможными теориями толкает молодых ученых к абстрактному теоретизированию, а не на путь конкретного изучения прошлого. По его словам, «легче заучить несколько модных необычных идей, а затем бравировать знанием этих теорий перед своими коллегами и студентами, гораздо тяжелее и неблагодарнее самому исследовать оригинальные документы для выяснения исторической истины». В своем отстаивании необходимости существования исторической науки американские историки обратились и к зарубежному опыту. В октябре 1986 г. в Сиракузском университете США была проведена международная конференция «Леопольд фон Ранке и формирование исторической науки». В 1990 г. материалы этой конференции были опубликованы, и с тех пор активно используются в полемике с «противниками истории» как доказательство закономерности и необходимости принципа историзма даже в нашу «постструктуралистскую» эпоху⁵. В 1992 г. в США были опубликованы переводы статей Ж. Ле Гоффа, написанных им еще в 1977—1982 годы. Целью этих публикаций было стремление доказать современному читателю «актуальность и современность знания о прошлом»⁶.

В спор с постмодернистскими (постструктуралистскими) критиками истории вступили американские философы. В 1993 г. Дж. Марголис, опираясь на философские обоснования исторического знания, показал абсурдность попыток современных «деструкционистов» «отказаться от истории»⁷. В том же году К. Ллойд, в новой книге о структурах исторического знания выступил против субъективизма и релятивизма модных среди американской гуманитарной интеллигенции авторов, таких как Р. Рорти, М. Фуко и Ж. Деррида⁸. В противовес произвольно конструируемому ими текстуальному миру, в котором размывается прошлое, он выдвигает концепцию «социально-исторического реализма», т. е. доказывает реальность существования и возможность познания этого прошлого.

Высоко оценивая теоретический вклад в познание истории К. Маркса, М. Вебера и основателей школы «Анналов», Ллойд подчеркивает, что всех этих «реалистов» роднит видение прошлого как эволюции и взаимодействия определенных, наполненных специфическим социальным смыслом, структур. В качестве примера для историков он рассматривает таких различающихся между собою современных практиков «социально-исторического реализма», как К. Гиртц, Э. Геллнер, Э. Ла Руа Ладюри и М. Манн. Вместо устаревшей дихотомии «бытие — сознание» (материальное — ментальное) он предлагает историкам изучать взаимодействие в истории «структур» и «деяний».

Книга австралийца Ллойда сейчас достаточно популярна среди американских социальных историков, близких к неомарксизму. Леворадикальные историки, отстаивая историческую истину, доказывали, что для реформирования американского общества и ликвидации социальной несправедливости необходимо знание реального прошлого, а не произвольно «моделированной текстуальности». В качестве образца «практического реалиста» американские «левые» предлагают творчество умершего в 1993 г. британского неомарксиста Э. П. Томпсона⁹. (Кстати, «левые» составляли в 1994—1995 гг. большинство членов ОАИ: начиная с ее президентов — бывшего Э. Фонера и нынешнего Г. Нэша, — и, заканчивая ее рядовыми членами, такими, как Г. Кэй, А. Берлин, М. Зукерман и М. Редикер). Но несмотря на эти публикации, в американской историографии и после выхода в свет книги Новика, долгое время существовала теоретическая неопределенность, дезориентировавшая историков-профессионалов. Только в 1994 г. постмодернистские скептики получили достойный отпор.

Три самых известных в американской «новой исторической науке» женщины — профессора таких престижных университетов, как Калифорнийский в Лос-Анджелесе, или Пенсильванский в Филадельфии — Дж. Эпплби, Л. Хант, и М. Джекоб из Новой школы социальных исследований в Нью-Йорке, — опубликовали книгу, привлекающую внимание не только профессионалов, но и широкой читательской аудитории США¹⁰. (Достаточно сказать, что эта книга сразу же стала предметом специального обсуждения и острых споров на заседаниях АИА и ОАИ в 1995 г.).

Названная книга — «Рассказывая правду об истории» — написана не совсем типичными для американской исторической науки авторами. Даже то обстоятельство, что Эпплби, автор известных исследований по истории англо-американской экономической мысли XVII в. и американского либерализма XVIII—XIX вв., была несколько лет тому назад президентом ОАИ, не меняет ситуации: в современной американской историографии женщины по-прежнему составляют меньшинство. Не типичны и темы исследований, избранные соавторами Эпплби. Хант и Джекоб занимаются историей науки, порнографии и феминистских движений в англо-американском мире. Все они начинали свою карьеру в период «эпистемологической революции» 60—70-х годов как «левые», симпатизировавшие А. Грамши и Томпсону. Теперь они, обеспокоенные незавидным положением истории в американском обществе, выступили в защиту исторической науки и исторической истины.

Развитие американской историографии они рассматривают в контексте эволюции западной и, прежде всего, англо-американской науки. В их представлении, начиная с эпохи Просвещения (в Англии с конца XVII в.) вся наука в англо-американском мире развивалась в жестких рамках «интеллектуальных абсолютизмов». Первый подобного рода «абсолютизм» — это присущая эпохе Просвещения вера в «героическую модель науки», которая превращала историков в «нейтральных и объективных» исследователей прошлого, стремящихся к тому, чтобы «реконструировать это прошлое таким, каким оно существовало в реальности». Научная объективность, гарантировавшая истинность знания, связывалась с идеями Ньютона, Бэкона и Декарта. А наука рассматривалась как гарант общественного прогресса и государственной власти в условиях капиталистической экспансии.

По мнению этих трех авторов, в «героической» модели науки «акцентирование Бэконом внимания на сборе данных и на кропотливом, требующем большого труда опыте, как ключе к знанию, фактически привнесло протестантскую рабочую этику в эмпирическое изучение природы... Благодаря пуританизму в мысли нового времени связь между словом Бога и делом его трансформировалась в связь между изучением Библии и исследованиями в области естествознания. Эта традиция привела к появлению важного, чисто англо-американского варианта героической модели науки: ученый не должен был обязательно идейно противостоять священнику», т. е. религиозное призвание и ученость могли мирно уживаться в одной этической модели и в повседневной жизни американской науки.

Второй интеллектуальный «абсолютизм» — это «идея прогресса и наличие обязательных объективных законов человеческого развития». Авторы рассматривают формирование этой идеи от иудеохристианской хронологии Библии через влияние французской революции XVIII в. и немецкого романтизма XIX в., идей Гердера, Ранке и философии Гегеля на становление понятий об объективной исторической истине. Представление о прогрессе, эволюции и революции в истории было связано с деятельностью таких мыслителей XIX в., как О. Конт, Ч. Дарвин и К. Маркс. Для последующего развития современной западной историографии наиболее существенную роль сыграли тот же Маркс, а также Э. Дюркгейм и Вебер, которые «вдохновили три основные школы в западной интерпретации истории XX в.: марксизм, французскую школу «Анналов» и американскую теорию модернизации».

И, наконец, третий интеллектуальный «абсолютизм», с которого собственно и началась национальная историография США — это «абсолютизация национальных чувств», национализм. По мнению авторов, только «история создает нацию». В этой интерпретации они следуют за концепцией Б. Андерсона, считающего нации «воображаемыми сообществами людей», возникающими на базе этнического и культурного родства в период формирования капиталистических отношений. В этом процессе без «исторического воображения» и этнического мифотворчества не обойтись¹¹.

Как заметила М. Дуглас, «нации сохраняют свои конфигурации, формируя у своих граждан понимание прошлого, заставляя своих членов забыть те события, которые не соответствуют «правильному» образу, в то же время сохраняя в памяти те воспоминания, которые этому образу соответствуют»¹². Роль национализма в формировании морально-культурной традиции интеллектуальных элитных групп общества подчеркивал и Л. Гринфельд: «Национальная идентичность — это, главным образом, вопрос человеческого до-

стоинства... Принадлежность к определенной национальной группе дает основания гордиться этой принадлежностью... Появление национализма всегда было связано с озабоченностью людей по поводу их социального статуса. Так английская аристократия («ню Джентри» в XVI в.) стремилась оправдать свой статус; французское и русское дворянство (в XVIII в.) — защитить его; немецкая интеллигенция (в XIX в.) — достичь его. Даже для материалистически настроенных американцев (XVIII в.) налогообложение без представительства было скорее оскорблением их достоинства и гордости, нежели ущербом их экономическим интересам. Они сражались — и стали нацией — из-за требования уважения их человеческого достоинства и статуса»¹³. Осознание своего «территориального» отличия от других политико-социальных групп закрепляет это ощущение «особости» группового статуса. В сфере идеологии этот процесс сопровождается созданием мифа об «особом происхождении» своего народа.

По мнению Эппли и ее коллег, такое национальное историческое самосознание в историографии США возникает собственно с формирования концепции Ф. Дж. Тернера о «подвижной границе», которая подчеркивала отличие американской истории от традиционной европейской. И, несмотря на сменявшиеся историографические школы: от «прогрессивистской» до «консенсусной» — вся историческая наука США базировалась на «уникальности» американского исторического опыта, его «исключительности».

Формирование «новой, научной истории» в США в 60—70-е годы, привнесение междисциплинарных методов и подходов, распространение идей Т. Куна об относительности исторического знания, а также идей М. Фуко о субъективно конструируемых эпистемах и дискурсах, на которые распадается это знание — все это способствовало тому кризису исторической науки, который усугубился еще и в связи с изменениями как в США (эволюция американского общества и профессии историка), так и на международной арене (крах коммунизма).

Реакцией на этот кризис и является постмодернизм. В интерпретации авторов он связан с кризисом «современности» («modernity»), современного, индустриального, урбанистического образа жизни. «Модернизм» же — это такое течение в искусстве и литературе, которое нацелено на то, чтобы отобразить сущность этого нового образа жизни (абстракционизм в живописи или небоскребы в архитектуре, например); а постструктурализм (как главное течение в постмодернистской мысли выступает в роли теоретической критики основных положений «современности», содержащихся в философии, искусстве и литературе, начиная с периода формирования новой истории в XVII—XVIII веках.

«Модернити, — объясняют Эппли и ее соавторы, — предстает как сугубо западный набор понятий, возникших еще в XVIII в.; он (этот набор — С. Ж.) предусматривал новую периодизацию истории (древняя, средневековая и новая история), в которой последняя («modern») предполагает период, где разум и наука одерживают победу над Писанием, традицией и обычаем. В основе «современности» лежит понятие о свободно действующей, свободно познающей личности, которая, экспериментируя, может проникать в тайны природы и деятельность которой вместе с другими личностями может создать новый и более современный мир».

Но суть понимания «современности» тесно связана с признанием объективности исторической истины, ее «материальности». «Главная же цель «постмодернистов» — это подвергнуть сомнению убеждения историков и их представления об исторической истине. Авторы прослеживают истоки постмодернизма в философской мысли Германии: Ф. Ницше (подчеркивая опасную связь ряда ницшеанских идей с антисемитизмом) и М. Хайдеггер (акцентируя внимание на неслучайном членстве его в нацистской партии во времена Гитлера); в гуманитарной мысли Франции: Р. Барта (литературная критика), Ж. Лакана (психоанализ), Ж.-Ф. Лиотара (философия).

Наконец, авторы демонстрируют, как субъективизм и релятивизм в истории усугубились в связи с популярностью «культурной истории» (прежде всего, с распространением таких идей, как «культурная гегемония» Грамши, «моральная экономика» Томпсона, понятия «менталитет» в интерпретации «Анналов»): «...вызов материалистическому редукционизму (объяснению событий истории экономическими и социальными факторами или причинами) превратился в вызов самому каузальному объяснению этих событий. Когда оперируешь понятиями культуры, то нельзя выделить ни причины, ни следствия событий (есть только «некая» культурная матрица в описании их — С. Ж.). В результате подобного подхода «культурная история» и философские аргументы релятивизма и скептицизма пересекаются и усиливают, поддерживают друг друга».

По мнению Эппли и ее коллег, «главная причина нынешнего кризиса знания — это

крушение на всех фронтах различных интеллектуальных и политических абсолютизмов... Марксизм, либерализм и даже постмодернизм, который вначале, казалось бы предлагал некий третий путь, — все они стали скорее оружием контроля над мыслью, чем инструментами интеллектуального анализа, потому что «холодная война» политизировала всю общественную жизнь».

Авторы предлагают свою концепцию объективности, которая противостоит как «консервативным традиционалистам», так и скептикам «постмодернистского типа». «Мы по-новому определяем, — пишут они, — историческую объективность как отношения взаимного диалога между исследующим субъектом и исследуемым «внешним» объектом». Вслед за Фуко и Деррида, постструктуралисты в истории придают словам и текстам самостоятельную роль, когда действительность произвольно структурируется в зависимости от «слов» и текстуальных «значений», произвольно выбираемыми исследователями. «Консервативные традиционалисты», не признающие никаких нововведений, отвергают всякую структурирующую роль текстов в историческом познании. ««Историки-традиционалисты» призывают к свободе в исследовании, выступая против постмодернистской академической моды, но фактически проповедуют новейшую форму абсолютизма, в котором научная нейтральность и объективность выходят за пределы человеческого действия и приобретают форму религиозной веры».

Эпплби, Хант и Джекоб отвергают «консервативный традиционализм» и признают определенную структурирующую роль текстов и слов. В отличие от консерваторов и ультра-революционеров постструктуралистского толка они называют себя «практическими реалистами»: «В отличие от постструктуралистов, практические реалисты делают упор на функции слов артикулировать разнообразные формы контактов познающего субъекта с объектами исторического исследования». Не отвергая роль нового в «текстуальном» анализе истории, Эпплби со своими коллегами защищают правомерность и реальность познания прошлого в нашу непредсказуемую эпоху, отстаивая идею «поликультурного плюралистического» разноцветья мнений в историографии, без чего невозможно формирование исторического образа времени, осознание места личности и социума в истории.

Одна из заключительных фраз книги трех авторов напоминает всем, в том числе и нашим отечественным «критикам историографии», великое предназначение историков: «Антиквары хранят, хронисты описывают, а специалисты по генеалогии составляют родословные людей... Труд же историков нацелен на нечто большее. Конечно, прошлое человеческого общества — это главный предмет их исследования; но историки также пытаются выяснить значимость, объяснение и смысл истории — этого триумвирата исторической истины, которая пробивается на свет благодаря работе историков, даже несмотря на скептицизм, присущий современной эпохе»¹⁴.

Примечания

1. NOVIK P. That Noble Dream: The «Objectivity Question» and the American Historical Profession. N. Y. 1988.
2. NOVIC P. Op. cit., p. 574—584, 586.
3. См. BRZEZINSKI Z. Out of Control: Global Turmoil on the Eve of Twenty-First Century. N. Y. 1993, p. XIV.
4. Наиболее известные среди американских историков интерпретации постмодернизма и постструктурализма — это: SORRI M., HILL G. A Post-Modern Epistemology: Language, Truth, and Body. Lewiston (N. Y.). 1989; ERMARTH E. Sequel to History: Postmodernism and the Crisis of Representational Time. Princeton. 1992; ROSENAY P. Post-Modernism and the Social Sciences: Insights, Inroads, and Intrusions. Princeton. 1992.
5. Leopold von Ranke and the Shaping of the Historical Discipline. Syracuse University Press. 1990.
6. LE GOFF J. History and Memory. N. Y. 1990.
7. MARGOLIS J. The Flux of History and the Flux of Science. Berkeley. 1993.
8. LLOYD Ch. The Structures of History. Oxford. 1993.
9. KAYE H. The Education of Desire: Marxists and the Writing of History. N. Y. 1992; The American Radical. N. Y. 1994.
10. APPLEBY J., HUNT L., JACOB M. Telling the Truth about History. N. Y. 1994.
11. Ibid., p. 56—72, 78, 91, 241; ANDERSON B. Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. N. Y. 1983; GREENFELD L. Nationalism: Five Roads to Modernity. Cambridge (Mass.). 1992.
12. DOUGLAS M. How Institutions Think. Syracuse. 1986, p. 112.
13. GREENFELD L. Op. cit. P. 487—488.
14. APPLEBY J., HUNT L., JACOD M. Op. cit., p. 201, 221, 248, 257, 261, 275, 276.

**Готовил ли Сталин наступательную войну против Гитлера?
Незапланированная дискуссия. Сборник материалов. М. АИРО-ХХ.
(Ассоциация исследователей российского общества XX века). 1995. 185 с.**

Изданная при финансовой поддержке фонда имени Н. И. Бухарина книга содержит как опубликованные ранее, так и написанные специально для этого издания статьи о подготовке СССР к войне с гитлеровской Германией. Первая часть сборника посвящена полемике вокруг нашумевшей книги В. Суворова (Резуна) «Ледокол». Оценки последней весьма различны. Одни пишут о Резуне как об изменнике, несущем «не только антисталинский, антикоммунистический, но и антироссийский, антирусский заряд» (с. 42—43), другие считают, что «основной вывод В. Суворова о проработке и практической подготовке по указанию Сталина упреждающего удара против Германии верен» (с. 83).

Во вторую часть сборника вошли статьи сторонников взглядов автора «Ледокола», которые обращают основное внимание на планы советского Генерального штаба о развертывании Красной Армии, разрабатывавшиеся накануне войны. Из статей сборника можно узнать, что опубликовано пока 40% текста различных вариантов плана войны с Германией, разработанных Генеральным штабом Красной Армии. Воспроизведена в книге и стенограмма заседания редколлегии журнала «Отечественная история» с обсуждением статьи наиболее активного последователя «ледокольной» концепции М. И. Мельтюхова.

Составители объективно подошли к своей задаче и постарались отразить различные взгляды на проблему подготовки к войне. К числу лучших в сборнике относится статья Б. Н. Петрова. Автор знакомит читателя с основами советского военного планирования. Раскрыв наступательный характер плана войны, он оценивает его, используя слова К. К. Рокоссовского: план «явно не соответствовал сложившейся к началу войны обстановке, что и повлекло за собой тяжелые поражения наших войск в начальный период войны» (с. 74). Статья впервые была опубликована в «Военно-историческом журнале» (1991, № 12). К сожалению, важная ее часть, отрывок из «Соображений» Генштаба по плану стратегического развертывания сил Советского Союза на случай войны с Германией и ее союзниками по непонятным причинам опущен в рецензируемой книге (с. 75).

В. Д. Данилов в своей статье дает положительный и весьма аргументированный ответ на вопрос, готовил ли Генеральный штаб Красной Армии упреждающий удар по Германии? Смущает только стандартная оценка действий Сталина, как запоздалых (с. 90). Ведь сам автор убежден в том, что войска западных военных округов готовились к упреждающему удару, причем эту подготовку он справедливо оценил так: «Красная Армия не была готова ни к нападению, ни к обороне» (с. 90). Но, если все было направлено на бросок вперед, то

речь очевидно должна идти не о запоздании приказа, а о его ошибочности.

Можно обнаружить в статьях и другие огрехи. Так С. П. Исайкин, возражая против тезиса о подготовке СССР к превентивной войне с Германией, ссылаясь на «Соображения по плану стратегического развертывания Вооруженных Сил Советского Союза на случай войны с Германией» (май 1941 г.), указывает, что этот план не предусматривал нанесения упреждающего удара именно в 1941 г. (с. 62). Но здесь надо иметь в виду, что, говоря о силе Красной Армии, Сталин переоценивал ее способность и готовность к наступательным боям. Это видно из опубликованных отрывков его предвоенных выступлений. О переоценке Сталиным сил и возможностей Красной Армии вести наступательные бои неоднократно говорили такие военные авторитеты, как Г. К. Жуков, К. К. Рокоссовский, Л. М. Сандалов и другие.

Необходимо рассмотрение всего комплекса планов Генерального штаба и притом в совокупности с фактическими действиями и оценками Сталина. Если он бросил неподготовленную Красную Армию в наступление 22 июня 1941 г., что помешало бы ему сделать это несколько позже? Известно, что высказывание Сталина о предстоящей войне СССР с Германией слушал в декабре 1940 г. на совещании командующих ВВС военных округов командующий корпуса авиации дальнего радиуса действия будущий маршал авиации Н. С. Скрипко. Выпускник военной академии им. М. В. Фрунзе, будущий генерал армии Н. Г. Лященко, слушал речь Сталина 5 мая 1941 г. на приеме в честь выпускников военных академий. Скрипко и Лященко вспоминали в своих книгах и устных выступлениях, что Сталин говорил им о близкой войне с фашистской Германией. Адмирал флота Советского Союза, народный комиссар ВМФ Н. Г. Кузнецов, присутствовавший на многих секретных совещаниях у Сталина, в посмертно изданных записках заявил: «Начало войны не было «громом с ясного неба» (с. 172).

Намеревался ли Сталин сам напасть или спровоцировал нападение Гитлера? Этот вопрос остается открытым, хотя в сборнике Мельтюхов повторил со ссылкой на свою статью в журнале «Отечественная история» вывод, что директивные документы ЦК ВКП(б) наряду с данными о непосредственных военных приготовлениях будто бы «недвусмысленно свидетельствуют о намерении советского руководства совершить летом 1941 г. нападение на Германию» (с. 142). В сборнике напечатаны две статьи Мельтюхова: в сокращенном виде — упомянутая выше журнальная публикация, под псевдонимом «М. Никитин» — новая. Обе они содержат большой и интересный материал, раскрывающий подготовку к наступательной войне. И тем не менее

тезис о намерениях Сталина вступить в войну с гитлеровской Германией летом 1941 г. еще нуждается в подкреплении.

Мельтюхов использует высказывания политических деятелей СССР и Коминтерна «о наступлении Красной Армии в подходящий момент на оккупированную Германией Европу под лозунгами национального и социального освобождения», сопровождает их цитатами из источников, хранящихся в военных архивах, о подготовке наступательной войны. Но всё это еще не доказывает, как и не опровергает возможности вступления СССР в войну в 1941 году. Однобокая подборка высказываний М. Н. Тухачевского о развертывании наступательных операций в приграничных сражениях преследует цель создать впечатление, будто эти высказывания можно использовать для понимания ситуации, сложившейся в 1941 году. Однако, если брать все высказывания Тухачевского в совокупности, то в них содержатся и весьма конструктивные предположения об организации обороны. Эту сторону вопроса Мельтюхов опускает. Тухачевский выступал за наступательную стратегию, если страна и армия к ней будут готовы. В противном случае он был против так наз. активной обороны посредством контрударов, как половинчатого решения, и предлагал сосредоточиться на обороне, не растрачивая сил на контрудары.

Нельзя согласиться с Мельтюховым и тогда, когда он пишет, что «вряд ли стоит всерьез отстаивать тезис, что Красная Армия могла успешно обороняться на неподготовленной местности, да еще при внезапном нападении противника». Опыт приграничных сражений Рокоссовского говорит об обратном. О том же свидетельствуют и другие оборонительные сражения на различных участках советско-германского фронта в 1941—45 годах. Мель-

тюхов же продолжает говорить о том, что «советским войскам пришлось вести оборонительные бои, к которым они не были подготовлены» (с. 283). К сожалению, во многих случаях на различных участках советско-германского фронта в 1941—1945 гг. имели место как раз не оборонительные сражения, а наступательные бои, в которых неподготовленные к ним войска терпели поражения.

В статье М. Никитина цитируются документы Главного управления политической пропаганды Красной Армии (ГУПП). Автор не критикует их, ограничиваясь подчеркиванием тех мест, которые соответствуют его концепции. Например, в цитате: «Опыт военных действий показал, что оборонительная стратегия против превосходящих моторизованных частей никакого успеха не давала и оканчивалась поражением. Следовательно, против Германии нужно применить ту же наступательную стратегию, подкрепленную мощной техникой» подчеркнута вторая фраза (с. 141—142). Но на какой, собственно, «опыт» ссылаются здесь авторы доклада ГУПП? Большая танковая армада, конечно, могла смять небольшой оборонительный заслон. Но наступательная стратегия, не подкрепленная мощной техникой и обеспечением боеприпасами, горючим, четкой организацией боевых порядков, ведет к более чудовищным поражениям. Из цитированных высказываний ГУПП видно, что главные пропагандисты Красной Армии вслед за Сталиным переоценивали ее силы и возможности в предвоенный период.

При всей своей противоречивости рецензируемый сборник способствует накоплению фактов и переосмыслению истории Великой Отечественной войны.

В. В. ФАРСОБИН

В. Е. ВЛАДЫКИН. *Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов.* Ижевск. Удмуртия. 1994. 384 с.

Профессор Удмуртского университета, доктор исторических наук В. Е. Владыкин прошел в свое время научную школу С. А. Токарева на историческом факультете Московского университета, а ныне является автором многих исследований по истории удмуртов и ряда других работ в областях всеобщей истории и угроведения. Он использовал в своей книге источники из фондов Российского госархива древних актов, Госархива Кировской области, Центрального государственного архива Удмуртской республики, музеев Москвы, Петербурга, Ижевска, Сарапула и Тарту, Казанского и Удмуртского научных центров РАН, полевые материалы археологических, этнографических, фольклорных, лингвистических и художественных экспедиций в Удмуртии, Татарстане, Башкортостане, Краснояр-

ском крае и Томской обл. (места расселения удмуртов), обширную периодику, практически все опубликованное по исследуемой тематике на русском языке, а также зарубежную литературу о финно-угорских народах на английском, голландском, немецком, французском, мадьярском и финском языках.

На сегодняшний день его книга — наиболее полное и разностороннее исследование религиозно-мифологических воззрений удмуртов в тесной связи с историческим развитием их общества с конца I тыс. н. э. по начало XX века. Автор поставил своей целью дать реконструкцию «традиционного мировоззрения удмуртов», «сформировавшихся как этнос в условиях Великого Леса» (с. 3, 8), для чего исследует социально-экономическую, полити-

ческую и духовную базу этого мировоззрения, его становление, развитие и взаимодействие с общественными взглядами, бытовыми традициями и государственными установлениями на протяжении десяти столетий, вплоть до насильственного выкорчевывания в СССР традиционных верований после 1917 года.

Владыкин показывает, что религиозно-мифологические системы народов Волго-Уральского региона представляют собой результат их длительного этнокультурного взаимодействия. Они близки друг другу и имеют многочисленные параллели по внутреннему содержанию. Разным «ярусам» этих систем присущи неразрывное единство и взаимопроникновение в сфере мифов. Специфика же удмуртского язычества состояла в сильной архаичности духовного уклада, локальных обрядах в честь 40 божеств природы, особом статусе женщины и наличии уникального института воршуда (семейно-родовое членение с 70 святынями-покровителями, каждая из которых тоже считалась воршудом).

Важно, что автор не регистрирует совокупность верований в однажды застывшем виде, а показывает их в эволюции от столетия к столетию. Удмуртские верования напрямую зависели от социальной организации и постепенно сгруппировались вокруг двух основ: культ воршуда и аграрные культы. Особенность первого заключалась в том, что каждая личность не выделялась и была полностью как бы растворена в общине. Особенность вторых — использование магических приемов в синкретической форме для обеспечения успеха земледельческого труда. Эти культы действовали в течение всего годового цикла местного календаря, который обладал неимоверным количеством всевозможных обязательных обрядов и праздников.

Удмурты делились на северных (вотяки) и южных (аре), а помимо того состояли из этнических, перекрещивающихся с ними, групп ватка и калмез,

затем бесермяне и более мелкие со многими языковыми диалектами, восходящими к родовой эпохе. Главной ячейкой их крестьянского мира, пишет автор, была бускель — соседская поземельная община, регламентировавшая все стороны жизни. В нее входили долго сохранявшиеся четырехпоколенные большие семьи с общим хозяйством и бытом численностью до 30—60 человек. Женщины играли решающую роль в хозяйственных распоряжениях и жреческих обрядах. Сословие жрецов функционировало на демократических началах. Родственные общины сливались в эль — гнездо из нескольких десятков деревьев с совместными святыщами и единым приходом, привязанным к определенному воршуду с его куа (ритуальные сооружения). Религиозные взгляды членов общин имели «приземленный характер» и являлись бытовыми утопиями, отраженными в молитвенных просьбах о повседневном благоденствии и пожеланиях лучшей жизни.

В этой интересной книге нам представляются лишними нередко мелькающие на ее страницах модернистские наборы словосочетаний типа: «структурообразующие компоненты параметров функционирования» и т. п. Зато автор мог бы, вероятно, извлечь взамен некоторые дополнительные данные из отдельных работ, оставшихся вне поля его зрения¹.

Е. С. ЯКОВЦЕВ

Примечания

1. Таких, как: HOOSON D. The Soviet Union — People and Regions. Belmont. 1966; HUMPHREY C. H. Peoples of the Earth. Verona. 1973; LEWIS R. A., ROWLAND R. H., CLEM R. S. Nationality and Population Change in Russia and the USSR. N. Y. 1976.

Ю. И. СЕМЕНОВ. *Экономическая этнология. Первобытное и раннее предклассовое общество. Части I—III*. М. Институт этнологии и антропологии РАН. 1993. 710 с.

Прошло, к сожалению, малозамеченным крупное событие в жизни исторической и этнологической наук — выход в свет фундаментального исследования по первобытной экономике одного из крупнейших специалистов по истории первобытного общества Ю. И. Семенова.

Исследования такого масштаба в мировой науке насчитываются единицами. В какой-то мере труд Семенова сопоставим с работой М. Дж. Херсковица «Экономическая жизнь примитивных народов» (1940 г., с 1952 г. она выходила под названием «Экономическая антропология»), с трудом

М. Салинза «Экономика каменного века» (1972). Отдавая должное обеим отмеченным книгам, следует все же сказать, что исследование Семенова и по теоретической глубине, и по глобальности охвата темы (использован материал более чем по 400 народам), безусловно, представляет собой новую ступень в изучении первобытной экономики. Следует также отметить, что книга Семенова — единственное в российской этнологической науке подробное исследование социально-экономических отношений в первобытном обществе, которые к тому же показаны в своем развитии.

Одна из крупных заслуг автора рецензируемой книги — решение сложной проблемы престижной экономики, суть которой вплоть до самого последнего времени не могла быть вразумительно объяснена. Автор предлагает собственную концепцию развития первобытности, солидно аргументируя все ее основные положения.

Прежде, чем перейти к краткому рассмотрению книги Семенова, хочется сказать несколько слов о самом авторе. Начав свою научную деятельность в Красноярске и Рязани, он быстро обратил на себя внимание глубиной своих научных исследований, широтой кругозора, неординарностью мышления. Придерживаясь в целом позиций исторического материализма, Семенов тем не менее уже в 1960—1970-х годах не побоялся выступить с аргументированной критикой ряда положений «классиков». Он не старался втиснуть свою концепцию в прокрустово ложе всецело господствовавшего в те годы мировоззрения. Будучи по образованию философом Ю. И. Семенов блестяще защитил в Институте этнографии диссертацию на соискание ученой степени доктора исторических наук, которая была посвящена одной из важнейших научных проблем — возникновению человеческого общества (он стал тогда самым молодым в стране доктором исторических наук).

О масштабности исследований Семенова говорят сами названия его трудов «Возникновение человеческого общества» (Красноярск. 1962); «Как возникло человечество» (М. 1966); «Происхождение брака и семьи» (М. 1974); «На заре человеческой истории» (М. 1989).

Книга состоит из 16 глав, объединенных в три части, вышедших отдельными выпусками. В первой части автор рассматривает методологические и историографические вопросы экономики раннего первобытного общества. Он подробно останавливается на категориальном аппарате, подчеркивает объективность экономических отношений в человеческом обществе (т. е. существование их независимо от сознания и воли людей), показывает их историзм. Большое внимание уделяется проблеме социально-экономических отношений в первобытности, определению понятия «собственность» специфике общественно-экономических укладов.

Семенов делит всю историю человечества на два основных периода: эпоху становления человеческого общества (история праобщества) и эпоху развития сформировавшегося человеческого общества (история собственного общества) (с. 2). Выделение Семеновым начальной эпохи первобытности и противопоставление ее всей остальной человеческой истории представляются вполне логичными, поскольку в первом случае речь идет о еще формирующемся («неготовом») человеке, а во втором — об уже сформировавшемся. Вместе с тем я не могу разделить точку зрения автора что история человечества начинается с питекантропов

(с. 2), а не с *Homo habilis*. Труд *Homo habilis* носил не рефлекторный характер, как иногда утверждается, а был осознанным, поскольку создание даже самого примитивного орудия требовало определенного абстрагирования.

Вряд ли оправданы в этой, в целом очень хорошо аргументированной, работе ссылки на труды В. И. Ленина (с. 6—7), который, как известно, не был ни экономистом, ни историком. Думаю, что не следовало бы также говорить о «классовой ограниченности» великих английских экономистов, которые оказались во многом прозорливее К. Маркса (с. 8).

В книге содержится исчерпывающий аналитический обзор истории и современного состояния исследования экономики доклассового общества. Автор достаточно объективно характеризует работы своих предшественников. В частности, он подробно анализирует написанную в 80-х годах прошлого века книгу видного русского экономиста Н. И. Зибера, посвященную первобытной экономике, труд одного из крупнейших социальных антропологов Б. Малиновского, детально изучившего меланезийскую экономику, работу Р. Ферса по экономике полинезийцев, уже упомянутую книгу М. Херсковица и т. д. Им также рассматривается научный спор двух школ по экономической антропологии — формалистов, пытавшихся интерпретировать явления первобытной экономики с позиций формальной экономической теории, и субстантивистов, считавших, что первобытная экономика коренным образом отличается от экономики развитого общества. Отметив, что экономическая антропология оказалась на рубеже 60-х годов в состоянии глубокого теоретического кризиса, автор считает, что это кризисное состояние не было преодолено и с появлением солидного труда Салинза, о котором уже говорилось.

Автор не согласен с точкой зрения американского ученого Дж. Далтона, считающего, что «...Маркс неправ, распространив экономическое детерминирование социальной организации на ранние и примитивные общества» (с. 4). Думается однако что, по-видимому, Маркс действительно несколько переоценивал влияние в первобытном обществе экономики на социальную организацию и культуру.

Рассматривая специфику социально-экономических отношений в первобытном обществе, автор подробно исследует вопрос о различии между отношениями производственными и отношениями имущественными, о первобытных имущественных отношениях и первобытной морали, о корнях первобытного коллективизма, о жизнеобеспечивающем и избыточном продукте, о корреляции в первобытном обществе между экономикой и родством и т. п. Весьма интересна мысль автора о нерасчетливости воли в первобытном коллективе, которая обладала чертами и морали, и этикета, и точных правовых норм (с. 77).

В то же время, вряд ли плодотворна сделанная в книге попытка снять противоречие в рассуждениях Маркса, содержащихся в его «Набросках ответа на письмо В. И. Засулич», где он вначале говорит об отсутствии в первобытном обществе обобществления средств производства, а затем отмечает наличие в этом обществе общей собственности (с. 80—81).

Автор последовательно рассматривает разборно-коммуналистические отношения, возникновение дележно-коммуналистических отношений, их эволюцию и сущность. Выявление этих особых форм отношений в первобытных коллективах и их детальный анализ — несомненная заслуга автора. Семенов определяет разборно-коммуналистические отношения как такой порядок в первобытном коллективе, когда вся пища находилась не только в полной собственности, но и в безраздельном распоряжении коллектива. Каждый член коллектива имел право на долю продукта но она не поступала ни в его собственность, ни в распоряжение, а только в пользование (с. 110). Разборно-коммуналистические отношения, являясь первой формой коммуналистических отношений, сменились со временем дележно-коммуналистическими отношениями. Если при разборе определенная доля общественного продукта переходила исключительно в пользование члена коллектива, то при дележе индивиду выделялась доля общественного продукта, которой он мог свободно распоряжаться. Часть своей доли он потреблял, часть использовал для разных социальных потребностей, в частности дарил (с. 132). Дележно-коммуналистические отношения эволюционировали, и автор прослеживает различные фазы их развития. Попутно с исследованием эволюции дележно-коммунальных отношений автор выявляет различие между социальной организацией раннепервобытных охотников и собирателей, с одной стороны, и организацией раннепервобытных земледельцев, с другой. Подробно исследуется также характер собственности на землю, существовавший при коммуналистических отношениях.

Можно высказать некоторые замечания по этому разделу книги. Одно из них — излишняя усложненность ряда терминов, предлагаемых автором: разделоделаж (с. 133), дачеделаж (с. 134), дачеразбор, дачеугощение (с. 135), дачевклад (с. 139), помогоделажные отношения (с. 146) и т. д., хотя, конечно, за каждым предлагаемым Семеновым термином стоит свое специфическое содержание. Вероятно, стоило бы осторожнее относиться к поискам следов материнского рода в отцовской родовой общине (с. 151). В прежние годы некоторые наши ученые, пытаясь доказать неизбежность положений энгельсовской работы «Происхождение семьи, частной собственности и государства» прибегали нередко к натяжкам, а порой и прямой фальсификации фактов. Не очень убедительным выглядит отнесение автором ряда низших земледе-

льцев Южной Америки (ваиваи, намбиквара, чороти) к фазе ранней первобытной общины (с. 197—201).

Затем Семенов переходит к исследованию экономики позднего первобытного общества, а также экономики на ранней стадии разложения первобытнообщинных отношений. В этой связи рассматривается переход к фазе поздней первобытной общины и возникновение престижной экономики. Отметив кризис коммуналистических отношений, автор останавливается на попытках преодоления противоречий возникших в первобытном обществе, и подробно описывает возникшие на данной стадии обычаи церемониального обмена (кула и др.), «горделивого саморазорения» (потлач) и т. п. Такие обычаи, несмотря на их весьма противоречивый характер, в конечном итоге способствовали созданию престижной экономики, социальной стратификации в первобытном обществе. Соглашаясь с высказываемой автором точкой зрения, можно выразить сомнение в правильности определения общества папуасов капауку как предклассового.

Характеризуя жизнеобеспечивающую и престижную экономику охотников рыболовов и собирателей, автор приводит в качестве примера хозяйство аляскинских эскимосов, алеутов, индейцев северо-западного побережья Северной Америки (тлинкит, хайда, цимшиан, квакиютль, нутка, белла-кула, селиш), оregonских и калифорнийских индейцев (толова, юрок, кауилла, винтун, нисенан, вину, луисеньо, йокутс, патвин), атапасков, алгонкинов, индейцев прерий (команчи, дакота, чероногие, кайова, омаха). Следы престижной экономики выявлены автором также у охотников, рыболовов, собирателей и оленеводов Дальнего Востока и Сибири (нивхи, орочи, ульчи, ороки, айны, нанайцы, звенки, ханты, манси, коряки, чукчи).

Было бы желательно на с. 379—380, где автор сообщает о коневодстве индейцев прерий, указать, что разведение лошадей являлось у них «вторичным» занятием, появившимся лишь после контактов с европейцами. До этого же, как известно, индейцы этого региона были пешими охотниками на крупных животных, прежде всего на бизонов. Некоторые сомнения вызывает тезис Семенова о том, что австралийское племя тиви уже вышло из стадии позднеродовой общины и относится, согласно используемой автором терминологии, к предклассовому обществу (с. 396). Чрезвычайная примитивность орудий тиви да и весь уклад их жизни вряд ли позволяет сделать такой вывод.

В книге описывается один из вариантов жизнеобеспечивающей и престижной экономики земледельцев (названный им вариантом с бигменами). Такого рода экономика, в которой большую роль играли разбогатевшие неформальные лидеры — бигмены, была характерна для папуасов Новой Гвинеи и острова Бугенвиль, меланезийцев Новой Гвинеи, архипелага Бисмарка, островов Тробриан,

Соломоновых островов, островов Санта-Крус, Новых Гебрид, Фиджи. Интересна попытка автора выделить среди папуасов гор Новой Гвинеи три социальных слоя: бигменов, приверженцев и приживал. Среди бигменов в зависимости от степени их возвышения над рядовыми общинниками Семенов различает ранних, поздних и позднейших. При характеристике социальной организации папуасов, вероятно, следовало бы подробнее сказать о существовавшем у них весьма своеобразном объединении нескольких родов, не обязательно образовавших фратрию (с. 415).

В период, отмеченный явными признаками разложения первобытнообщинных отношений, появляются формальные лидеры, значительно сильнее оторвавшиеся от рядовых общинников по сравнению с неформальными лидерами — бигменами. Если термин «бигмен» в основном определен в этнологической и антропологической литературе, то для обозначения формального лидера эпохи разложения первобытного общества единого термина не существует. Семенов предлагает для формальных лидеров этого периода термин «чифмен» («главный человек») и «преполитарх». Автор называет формального вождя преполитархом в тех случаях, когда тот является титульным частным собственником земли (как у индейцев северо-западного побережья Северной Америки), в остальных же случаях предлагается именовать формального лидера чифменом.

В соответствующих главах рассматриваются жизнеобеспечивающая и престижная экономика (в варианте с чифменами) в Меланезии, престижная экономика и ее следы у землевладельцев и живот-

новодов остального мира (в Полинезии и Микронезии Америке, Юго-Восточной и Средней Азии, на севере Европы, в России, Африке) жизнеобеспечивающая и престижная экономика землевладельцев и животноводов (в варианте с преполитархами). Следовало бы, выявляя следы престижной экономики у мискито (с. 509), отметить, что крупный рогатый скот появился у них лишь после контактов с европейцами. Некоторые сомнения вызывает правомерность выявления следов так называемых дароторжеств в Европейской России, поскольку довольно трудно доказать, что престольные праздники являются следами престижной экономики (с. 524—530).

Встречается ряд неточностей в транскрипции этносов. Так, следовало бы писать койсанские народы, а не хкойсанские (с. 216), хиваро (исп. Jibaro), а не джибаро (с. 508). Неточности имеются и в написании некоторых географических наименований, названий животных, терминов. Например, правильнее писать Гайана, а не Гайяна (с. 197), амазонское, а не амазонское (с. 280), маньчжурский, а не манчжурский (с. 380), игуана, а не игуан (с. 298). Некоторые сравнительно мало известные термины, например упоминаемый на с. 510 вампум (нити с нанизанными раковинами, использовавшиеся индейцами в качестве меновой единицы и как мнемоническое средство), желательнее было бы пояснить.

В целом же можно констатировать, что работа Ю. И. Семенова представляет собой чрезвычайно ценное, новаторское исследование.

П. И. ПУЧКОВ

W. Y. ZAWADZKI. *A Man of Honour. Adam Czartoryski as a Statesman of Russia and Poland. 1795—1831*. Clarendon Press. Oxford. 1993. 374 p.

В. Х. ЗАВАДСКИЙ. *Человек чести. Адам Чарторыйский как государственный деятель России и Польши 1795—1831 гг.*

В работе В. Х. Завадского представлена его точка зрения на личность и деятельность князя Адама Чарторыйского и на события конца XVIII — первой трети XIX века. Это время было для Польши особенно трагическим. Книга об этом, пожалуй, самом реалистическом политике среди польских компартиотов-романтиков, помогает лучше понять причины плачевного положения Польши в те годы.

Автор выстраивает схему, объясняющую путь Польши к расчленению. Выделяя две опасности, грозившие Польше и Литве и вызвавшие их объединение — западную и восточную, он забывает о юго-восточном — ордынско-турецком факторе. Единство Польши и Литвы, кроме опасности, исходившей от соседей по всему периметру границ Речи Посполитой, обеспечивалось также и общностью их инте-

ресов как обладателей части территориального наследия Киевской Руси (такого же рода единство было, кстати, и между участниками разделов Польши). Однако автор игнорирует это обстоятельство. Слишком традиционно звучит у него и тезис о благотворном влиянии католицизма на земли Речи Посполитой, в то время, как именно римская церковь, а вернее методы, которыми она пользовалась в эпоху Контрреформации при первых польских королях из династии Ваза сыграли самую плачевную роль в истории Польши. Отказ от политики веротерпимости при Сигизмунде III был далеко не последней причиной волнения на Украине и в Белоруссии, оказавшихся для Польско-Литовского государства не менее опасными, чем войны со Швецией, Россией и Турцией.

Умолчание автора об этих фактах имеет концептуальный характер. Мнение о наибольшей ответственности России за разделы Польши распространено среди значительной части польского общества. Кажется, его разделяет и автор (с. 2). Фактически он не признает ответственности польских государственных деятелей за несчастья своей Родины. Между тем одной из главных проблем Польши в XVIII столетии была неспособность ее политической элиты выстроить реальную систему внешних и внутренних политических приоритетов. Вызывает сомнение и необходимость авторских экскурсов в средневековье и в XX век.

Чем ярче и многограннее исследуемая историком личность, тем больше соблазн видеть исторические реалии ее глазами. Чарторыйский был, конечно, незаурядным человеком, но называть его одной из ключевых фигур России александровского времени (с. 2) вряд ли можно. Кроме того, историку, занимающемуся александровской эпохой и ее деятелями, необходимо учитывать сложный характер самого императора, «византийского грека», как называл его Наполеон.

Взгляды Чарторыйского совпадали со взглядами Александра I, но это была близость идеалистов, не имевшая отношения к практике государственного управления. У князя Адама было достаточно много качеств, общих с Александром I. Им обоим было присуще отсутствие связанности с реальной жизнью и системности в государственном мышлении. Они были друзьями. И в этом коренится причина длительного плодотворного их сотрудничества на государственном поприще. «Человек чести» по своей природе не годился в разряд исполнителей и не имел качеств необходимого императору сотрудника. Это противоречие, определившее характер отношений между Александром I и его единомышленниками первого периода царствования (не исключая и князя Адама), усложняет от Завадского.

Главным недостатком многочисленных проектов Чарторыйского было подчинение действительного желаемому. Завадский детально описывает «Парижский проект» молодого Чарторыйского, составленный им как контрпрограмма политике короля Станислава-Августа. Россия рассматривается в проекте как основной противник Польши, Пруссия — как «естественный противник». Речи Посполитой, стремившейся к тому же к возвращению Галиции с ее соляными копями в р-не Велички. Тем не менее, рекомендовалось создать антирусский союз с участием той же Пруссии, а также Голландии, Швеции и Дании. Оговаривалась возможность войны этой коалиции с Россией «для обеспечения торговых интересов Польши на Черном море» (с. 23).

Время доказало беспочвенность этого проекта, но в нем отразились самые трагические для польской политики тенденции. Польша не имела достаточно сил для успешной борьбы с окружа-

щими ее врагами. Предлагать противостояние и даже войну практически по всему периметру границ польского государства при весьма призрачной, по логике самого Чарторыйского, надежде на союз с «естественным противником» (т. е. Пруссией) — все это характеризует князя Адама как посредственного политика.

Его «Политическая система» более позднего времени была таковой только по названию. Это скорее перечисление целей, описание идеального, по представлению князя Адама, мирового порядка, основанного на мире, распространении просвещения и цивилизации, мировой системе свободной торговли, создании и существовании национальных государств с естественными границами. Завадский даже не оговаривается, что национальные и естественные границы не только не совпадают, а зачастую прямо противоречат друг другу. Мнение князя Адама по этому вопросу в книге отсутствует, как, впрочем, и оценка «Системы» самим Завадским. Последним условием «Системы» было учреждение во всех странах однотипных форм управления, «построенных на прочных и либеральных основаниях». «Прогресс цивилизации, — писал Чарторыйский в 1803 г., — зависит от способности человека подняться над собственной страстью, беспристрастнее прислушиваться к доводам, стремиться к добродетели (с. 66).

Чарторыйский честно предупреждал Александра I, что неизменно будет руководствоваться интересами восстановления Польши, и всегда придерживался этого принципа. Князь П. П. Долгорукий говорил ему: «Вы рассуждаете как польский князь, в то время как я рассуждаю как русский князь» (с. 87). Попытки ведения польской политики русскими руками кончались трагично и для Польши. Это особенно ярко продемонстрировали события 1804—1805 годов. Планы Чарторыйского о возможной войне за освобождение захваченных Пруссией польских земель русскими руками (с. 83, 131—132) конечно соответствовали настроениям польского населения Пруссии, но не были секретом для Берлина. Предложения Чарторыйского соответствовали логике его «Политической системы» 1803 г. (однако логичным в таком случае должно было бы быть и неучастие Пруссии в антифранцузской коалиции).

Стремясь восстановить Польшу как единый организм под властью Романовых, Чарторыйский предлагал Австрии осуществить обмен польских земель на германские (с. 132). Неудивительно, что Фридрих Вильгельм III заявлял о своей готовности противостоять любому из соседей, нарушившему границы Пруссии. В конце октября 1805 г. напряженность в русско-пруссских отношениях исчезла. Вместе с тем, исчезли и польские надежды. Однако конвенция 3 ноября 1805 г. между Петербургом и Берлином не была достижением русской дипломатии, а последствием действий французских войск. То, что между Россией и Пруссией не

наладилась тесные союзные отношения, означало политическое фиаско для князя Адама. Однако, по мнению Завадского, «Чарторьский предпринял значительные усилия, стараясь сконструировать широкую Европейскую коалицию против французского Цезаря» (с. 135). Представляется, что неудаче этой попытки, разъединившей Берлин, Вену и Петербург, «французский Цезарь» был во многом обязан тем, что он нашел в лице Александра I и Франца I коллективного Венцингеторикса.

Трагедия Чарторьского как политика-идеалиста заключалась и в несостоятельности его представлений о политическом компромиссе. Расчеты Чарторьского на антинаполеоновскую консолидацию Европы уступали по силе доводу Юзефа Понятовского, изложенного им на переговорах с австрийцами в 1809 г.: «Мы деремся за французов, потому что они позволяют нам умирать под польскими знаменами». На Венском конгрессе очередная попытка Чарторьского добиться максимально возможного воссоединения бывших земель Варшавского герцогства в Царстве (Королевстве) Польском привела к изоляции России.

Наиболее же ярко несостоятельность его политики проявилась во время Польского восстания 1830—1831 годов. Чарторьский часто говорил и писал о природе революции и принципе национальности, но теперь (в 1830 г.— О. А.) впервые в своей жизни он лично оказался в самой гуще революционной ситуации. И ни на одну минуту ему не доставило радости то, что он увидел. «По его мнению, повстанцы были «идиотами», их цели были чистой глупостью и опасным миражом, который мог только уничтожить результаты, достигнутые в 1815 г.» (с. 303). Но при этом князь участвовал

в политическом руководстве восстанием. «Наивными» (с. 304) были его надежды на то, что Николай I допустит распространение польской конституции 1815 г. на западные губернии своей империи (с. 305). Завадский явно упрощенно характеризует Николая I. По меньшей мере спорен тезис автора, что Николай I и его преемники «изолировали» себя от патриотических элементов Польши (с. 328).

Некоторые утверждения Завадского прямо ошибочны. На с. 77 говорится, что Россия в качестве протектора Восточной Грузии «ссорилась с турками и персами большую часть XVIII в.». Но серьезные «ссоры» с Персией у России начались несколько позже — в XIX веке. Не совсем ясно, почему автор называет политику Павла I в Закавказье экспансионистской (с. 77). Строгановы разбогатели в основном на торговле солью и эксплуатации района Белого моря в XVI—XVII вв. (ср. с. 53). По множественным свидетельствам современников, крепостное право в России было не более тяжелым, чем в Польше.

Немало внимания уделяет автор просвещенческой деятельности Чарторьского, сводившейся в основном к развитию в Западном и Юго-Западном крае польской культуры, закреплению господствующего положения польского и полонизированного дворянства этих территорий (там же). Складывается впечатление, что при анализе состава народонаселения губерний, вошедших по разделам Польши в состав Российской империи, Завадский исключает православных.

Работа историка должна не только отвечать на вопросы, но и вызывать их. Книга Завадского отвечает этим требованиям.

О. Р. АЙРАПЕТОВ

П. Ю. УВАРОВ. *Французы XVI века: взгляд из Латинского квартала*. М. Институт всеобщей истории. 1994. 249 + 38 с.

Вышедшая в свет уже вторым изданием книга кандидата исторических наук П. Ю. Уварова (Институт всеобщей истории РАН) представляет собой оригинальное исследование, для которого характерны и новый для нашей историографии эпистемологический подход, и неординарный ракурс исследования социальной истории. Уваров давно изучает университетскую историю в нетрадиционном аспекте — его интересуют прежде всего проблемы интеграции университета в социальную ткань, участие университета в социальных конфликтах, влияние университета на политическую жизнь¹.

Автор задался целью изучить социальный состав университетской среды, социальное происхождение студентов Парижского университета. Историк, поставивший перед собой такую задачу, сталкивается со значительными трудностями, по-

скольку источники по данной проблеме применительно к истории Франции практически отсутствуют; характерное для средневековых университетов Германии составление матрикул (списков студентов) во Франции было нерегулярным. Западные специалисты, занимающиеся этой проблематикой на архивных материалах², ограничиваются весьма общими формулировками. Уваров попытался исследовать эту проблему на материале весьма неординарного источника — сборника судебных регистров дарений, адресованных студентам³. На основании этого источника он попытался нарисовать картину всего французского общества XVI века.

Анализ конкретного источника автор увязывает с очень важными проблемами социальной истории. Его интересует, например, по каким критериям можно выделить во французском обществе

XVI в. отдельные социальные слои, какими могут быть вообще способы социальной стратификации и т. д. Автор делится с читателями сомнениями, не скрывает трудностей своего исследования.

Центральной для автора является проблема: как вообще структурировалось французское общество в XVI веке. Он делится своими размышлениями о подходах к социальной истории. Ведь поколения советских историков, как констатирует автор, были воспитаны на том, что общество разделено на большие группы — классы, обладающие реальным бытием. Эти четкие, но априорные схемы оказались безжизненными. Уваров остроумно сравнивает подобные догматические представления с известным средневековым схоластическим течением — реализмом.

Уваров приводит и другие, принятые, в частности, в западной историографии критерии социальной стратификации. Так, французский историк Р. Мунье построил свою модель французского общества на основе изучения брачных контрактов, а в качестве критерия разделения на группы в его классификации служили социальные функции и образ жизни⁴. Американский историк Дж. Хапперт в качестве критерия социальной стратификации избрал групповое самосознание⁵. Систем социальной стратификации может быть очень много, поскольку каждый источник отражает тот или иной срез действительности. Таким образом история из макроистории превращается в микроисторию, локальную историю. Франция распадается на множество локальных миров.

В основе исследования — регистры дарений за 1539—1559 гг., зафиксированные в документе сделки 1224 дарителей, составившие в общей сложности 1300 актов, адресованных 1092 студентам. В основу классификации автором положен достаточно формальный признак — то, как даритель обозначает себя в актах (дворянин, чиновник и т. д.). В результате автор выделил 10 категорий дарителей — «живущие благородно» (дворяне и сеньоры), «святые духовные чины» (священники); «люди звания» (чиновники и судейские); буржуа; купцы, ремесленники, крестьяне, «мелкий люд» (нижние слои); «незнакомцы» (дарители, чей статус не установлен).

Эта классификация максимально приближенная к источнику, абсолютно субъективна, так как основывается на высказывании дарителя о своем статусе. Но за этим подходом стоит определенная эпистемологическая позиция, принципиально направленная и против позитивистской, и против марксистской социологии, и ставящая под сомнение самую возможность возродить прошлое в его полноте и объективности. Претензии, которые можно предъявить к классификации автора, в сущности, относятся к его общему эпистемологическому подходу, явно преувеличивающему самую субъективность исторического знания.

Тем не менее, следует признать, что построенную Уваровым модель общества он довольно убедительно обосновывает путем перекрестного анализа имущественного положения, родственных связей, внутrigрупповых связей дарителей и студентов. Этот анализ достаточно убедительно показывает, что в предложенной автором социальной стратификации мы имеем дело с реальными общностями, члены которых были связаны между собой, обладали групповым самосознанием. Французское общество предстает в свете исследованных Уваровым регистров как весьма мобильное: границы исследуемых им общностей налагаются друг на друга, сословные грани оказываются достаточно размытыми, а это свидетельствует о том, что социальная мобильность в этом обществе очень велика.

Изучая университет как модель французского общества в целом, автор постоянно выявляет степень влияния значительных событий того времени на повседневную жизнь университетских кругов. Автор рассматривает, как характерные для этой эпохи культурные и социальные коллизии преломлялись в университетской среде. Это тем более важно, что исследуемая им эпоха — критический период в истории Франции: это реформационная Франция накануне религиозных войн. Интересно исследование влияния событий «большой истории» на судьбы и карьеры представителей университетских кругов (см., например, главу II).

Автор наметил некоторые штрихи к социально-психологическому портрету французов XVI века. В книге присутствуют психологические характеристики личностей дарителей. Присущая автору субъективность отражает его поиски подходов, которые так нужны современной российской исторической науке, освобождающейся от пут пресловутых «объективных закономерностей».

С. И. ЛУЧИЦКАЯ

Примечания

1. См. УВАРОВ П. Ю. Борьба тенденций в новейшей историографии Католической лиги конца XVI в. — Средние века. Вып. 51. М. 1988, и др.
2. BROCKLISS W. B. Patterns of Attendance at the University of Paris, 1400—1800. — Histoire sociale des populations étudiantes. Т. 2. P. 1989.
3. CAMPRADON E., TUETÉY A. Inventaire des registres des institutions du Chatelet de Paris. Regnes de François I et de Henri II. P. 1906.
4. MOUSNIER R. Problèmes de stratification sociale. — Deux cahiers de la noblesse pour États Generaux de 1649—1651. P. 1965.
5. HIPPERT G. Les bourgeois gentilshommes. Chicago. 1977.

Contents

The Political Archives of the XXth Century. Materials of the February — March 1937 Plenary Meeting of the CC CPSU (B). Articles: **E. B. Chernjak**. History and Logic (the Structure of Historical Categories). **N. Lemaitre** Catholics and Protestants: a Religious Split of the XVIth Century in a New Light. Historical Profiles: **A. I. Kozlov**. Anton Ivanovich Denikin. To the Help of History Teachers and Students: History and Culture of Peoples of Asia, Africa and Latin America (from the Ancient Times to Our Days). (Chapter XI by **A. A. Iskenderov**; Chapter XII by **V. P. Titov**). Historical Journalism: **V. I. Voronkov**. The Events of 1980—1981 in Poland. A View from an Old Square. Reminiscences: **V. K. Ikov**. The Fall of the Leaves. Historians on Time and Themselves: The Diary of Nikolaj Mikhajlovich Druzhinin. Historiography: **S. I. Zhuk**. The Notes about Modern American Historiography. **Reviews on Books**: Did Stalin really Prepare an Offensive War against Hitler? (an Impromptu Discussion). **V. E. Vladykin**. The Religious-Mythologic Picture of the Udmurt World. **Ju. I. Semenov**. The Economical Ethnology. The Primitive and Early Pre-Class Society. Parts I—III. **W. H. Zawadzki**. A Man of Honour. Adam Czartoryski as a Statesman of Russia and Poland. 1795—1831. (Oxford). **P. Ju. Uvarov**. Frenchmen of the XVIth Century: a View from the Latin Quarter.

**Учредители: Трудовой коллектив редакции журнала «Вопросы истории»
Российская Академия наук**

Главный редактор: А. А. ИСКЕНДЕРОВ

Редакционная коллегия:

Н. Н. Болховитинов, П. В. Волобуев, А. С. Гроссман, В. П. Данилов, В. А. Дьяков, И. Д. Ковальченко, В. И. Кузицин, Б. В. Левшин, Р. Г. Пихоя, О. А. Ржешевский, И. В. Созин (заместитель главного редактора), К. И. Седов, А. Я. Шевеленко, В. В. Шелохаев, В. Л. Янин

Перепечатка допускается по соглашению с редакцией, ссылка на «Вопросы истории» обязательна

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Редакция не имеет возможности вступать в переписку

«Вопросы истории» № 10, 1995

Адрес редакции: 103781, ГСП, Москва К-6, М. Путинковский пер. 1/2. Телефон: 209—96—21

Технический редактор **Е. П. Лебедева**

Сдано в набор 15.09.95. Подписано в печать 31.10.95. Формат 70x108/16. Бумага типографская. Гарнитура таймс. Печать офсетная. Усл. печ. л. 15,4. Уч.-изд. 18,38. Тираж 11000. Заказ № 1060. Индекс 70145.

ТОО «Редакция журнала «Вопросы истории»

Полиграфическая фирма «Красный пролетарий». 103473, Москва, Краснопролетарская, 16.

**ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ**